9027(3)
А 50

Б. М. АЛИМОВА

ТАБАСАРАНЦЫ

XIX-начало XX в

902.7(Д2Р)
А50

ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ им. Г. ЦАДАСЫ

Б. М. АЛИМОВА

ТАБАСАРАНЦЫ

XIX—НАЧАЛО XX В.

Историко-этнографическое исследование

Электронная библиотека Института истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

ДАГЕСТАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МАХАЧКАЛА 1992

ББК 635 (2)
А — 50

Ответственный редактор доктор исторических наук **М.-З. О. Османов**

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор **С. С. Агаширинова**, кандидат исторических наук **М. М. Магомедханов**, кандидат исторических наук **М.-Р. А. Ибрагимов**

Алимова Б. М.

А — 50 Табасаранцы (XIX — начало XX в.): Историко-этнографическое исследование. Дагестанский научн. центр РАН Ин-т истории, языка и литературы им. Г. Цадасы.—Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1992.—264 с.

В монографии исследуются социально-экономический строй, хозяйственная деятельность, классовая структура, материальная культура (поселения, жилище, одежда, пища), семейный и общественный быт, культура и просвещение.

Дан анализ социалистических преобразований культуры и быта, формирования новых общественных отношений, современных этнических процессов.

Книга написана на основе архивных документов, литературных и полевых материалов.

Монография рассчитана на этнографов, историков, читателей, интересующихся историей и культурой Табасарана.

ББК 635 (2)

Махачкала
научная библиотека
ДагФАН СССР
15647/8

А $\frac{0803010200 — 9}{М\ 123 — 92}$ 89 — 82

ISBN 5—297—00267—2

© Дагестанский научный центр РАН, Институт истории, языка и литературы
© Алимова Б. М., 1992

ОТ РЕДАКТОРА

Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена исследованию истории и этнографии одного из крупных и древних народов Дагестана — табасаранцев.

Стремление познать историю своего народа, его традиции и обычаи, особенности семейного и общественного быта, идеологические, в том числе религиозные представления, применительно не только к одному периоду, но и познать корни, происхождение и закономерности их развития является естественным для подавляющего большинства представителей любого народа. Такой интерес обостряется в годы национального подъема, экономического и культурного роста, возникновения определенных, мнимых или имеющих место национальных противоречий. Именно таким является настоящее время, когда несомненный рост жизненного и культурного уровня народов Дагестана сопровождается ростом их национального самосознания и национальной гордости, вызывающий в свою очередь обострение интереса к генезису и этнической истории народа, его историческому прошлому, особенностям развития его культуры и быта. Попыткой в определенной степени удовлетворить это естественное желание населения — знать собственную историю и этнографию — является предпринятая Институтом истории, языка и литературы акция по написанию и изданию серии историко-этнографических очерков по народам (особенно малоч.) и этническим группам Дагестана. Необходимость этой серии диктуется еще одним важным обстоятельством: на фоне растущего интереса к историко-этнографическим аспектам прошлого народов во всевозрастающей степени происходит вымывание, забвение элементов быта и культуры прошлого, что в условиях слабо развитых письменных традиций, особенно у малых народов, приводит к уменьшению фактического материала и соответственно ограничению возможностей научного описания и исследования истории и этнографии народов, соответствующего нынешнему методологическому уровню науки.

Надо сказать, что написание полных историко-этнографических исследований народов Дагестана является в настоящее время и закономерным этапом развития этнографических исследований. На первом этапе, в 50—60-е гг., дагестанская этнография как бы определила объекты исследований, наметила основные пути

изысканий созданием кратких очерков по отдельным народам. На втором этапе, в 60—70-е гг., большее развитие получила тематическая, отраслевая этнография, особенностью которой было исследование отдельных компонентов и проблем дагестанской этнографии, в частности материальной культуры, семьи, семейного и общественного быта, занятий населения, праздников, обрядов, религиозных верований и др. Эти два этапа подготовили этнографию к созданию уже на новой, богатой документальной и научной основе серии подробных, научно оснащенных и аргументированных очерков по отдельным народам Дагестана. Одним из первых в этой серии является очерк — исследование истории и этнографии Табасарана, т. е. историко-этнографическое исследование табасаранцев.

Отметим отдельные принципы, которыми в той или иной степени руководствовался автор при написании монографии.

Прежде всего следует сказать о том, что история и этнография табасаранцев рассматриваются как бы в двух ипостасях: с одной стороны, табасаранцы изучаются как самостоятельный народ, этнос, этнокультурное самостоятельное единое целое, с другой, — как один из дагестанских народов, входящих в дагестанскую историко-культурную и этнокультурную общность.

Другой принцип — максимальная по возможности информативность, стремление дать больше положительных знаний, познавательное богатство материала, представляющего все стороны исследования — гражданскую историю народа, включая социально-экономические и общественно-политические проблемы, и историю развития этноса и его культуры.

Важным методологическим принципом исследований при описании культуры и быта является требование их рассмотрения с двух основных точек зрения, или с учетом двух важных разнородных фактов: изучение стадиальных пространственно-региональных особенностей, с одной стороны, и этнической специфики — с другой. Это значит, что каждый предмет, явление, институт рассматриваются как с точки зрения эколого-хозяйственной природы, так и этногенетического, этнокультурного происхождения, т. е. конвергентные, вызванные сходством (или различием) эколого-хозяйственных условий (с условиями других этносов), с одной стороны, этнокультурным развитием, этническими взаимодействиями и взаимовлияниями — с другой.

Помимо указанного надо иметь в виду увлеченность темой и уважительное, любовное отношение к изучаемому народу, что в высшей мере свойственно автору данной работы.

Как следует из подзаголовка книги, она делится на две, не равные, правда, части: историческую и этнографическую, хотя следует сказать, что история без этнографии и особенно последняя без историзма, выглядели бы недостаточно полно и научно, поэтому, несмотря на формальное разделение, они взаимно проникаемы и дополняемы.

В исторической части автор прослеживает гражданскую историю табасаранского народа, учитывая при этом, что табасаранский этнос один из немногих в Дагестане, история которого прошла путь от раннего средневековья до наших дней, причем с сохранением первичного, зафиксированного средневековыми источниками этнонима «табасаран». Автору удалось показать историю табасаранцев именно в указанном выше аспекте — как отдельного самостоятельного народа, состоявшего в тесных взаимосвязях с другими народами Дагестана, особенно Южного, и составлявшего с ними единую дагестанскую этнокультурную и историко-культурную общность.

Этот аспект раскрыт и в главе «Хозяйство», составляющем органическое единство с материальной культурой. В ней получили освещение основные занятия табасаранцев, показана их экологическая и историческая обусловленность, зависимость, взаимосвязанность с зональной хозяйственной специализацией в рамках всего Дагестана. Автор показывает древние земледельческие традиции табасаранцев, высокий уровень земледельческой и скотоводческой культуры.

Материальная культура одна из наиболее актуальных, не допускающих промедления в изучении областей культуры народов Дагестана.

Если элементы духовной культуры, даже не функционирующие, в быту не сохранившиеся, могут существовать пассивно, в памяти народа, в изустной передаче, то предметы материальной культуры, потеряв свое функциональное значение, приходят в ветхость, физически исчезают и более уже по ненадобности не восстанавливаются. Такой процесс происходит повсеместно по всей стране под натиском городской культуры, научно-технической революции, и поэтому возможности изучения, знания национальной традиционной культуры все уменьшаются, что делает особенно полезными любые изыскания в области материальной культуры. В отношении поселений в работе показаны их социально-экономическая природа, экологическая привязанность, обусловленность и форма (архитектурно-ландшафтный облик). В жилище показаны типы жилищ, основные материалы, планировка, особенности кровли, хозяйственного комплекса и т. д. Прослежена связь истории жилища и поселения с эволюцией общественного и семейного быта.

В разделе об одежде читатель узнает много интересного о характере и особенностях табасаранской одежды, а также общедагестанских ее признаках, о специфике мужской и женской одежды, об этнических влияниях и взаимодействиях, отразившихся в одежде табасаранцев.

Раздел о пище содержит много познавательного материала о продуктах, перечне видов пищи и блюд, показано богатство и разнообразие пищи табасаранцев, ее обусловленность природой,

хозяйственными занятиями, этнокультурными взаимодействиями.

Семья, формы семьи и брака, большой цикл семейной обрядности, включающей такие обряды, как предсвадебные, свадебные, послесвадебные, связанные с рождением и воспитанием детей, похоронные и др. — один из самых интересных разделов книги. Наряду с табасаранской спецификой, довольно интересной и разнообразной, читатель найдет здесь и немало общедагестанского, иллюстрирующего общность исторических судеб дагестанских народов, связанность их этнической истории, взаимные этнокультурные влияния.

Один из важных разделов книги — раздел, посвященный общественному быту и жизни табасаранцев. Он характеризует их высокую общественно-политическую культуру, зрелый уровень общественной жизни, развитость общественных институтов и традиций, разнообразие и разработанность общественно-бытовой обрядности, место общины в регуляции разнообразных общественных институтов и обрядов, выступающей в роли и качестве гаранта общественного порядка и безопасности и личной защищенности членов общины.

Значительное место в разделе занимают вопросы о гостеприимстве, куначестве, кровной мести, рассматриваются проблемы их бытования у табасаранцев, их эволюции. Актуальность их рассмотрения обусловливается еще тем, что гостеприимство остается национальной чертой табасаранцев, оно сохранилось у них в традиционном виде едва ли не в самой большой степени среди всех дагестанцев. Относительно кровной мести автор справедливо отмечает, что это далеко не из самых лучших пережиточных институтов, регулировавших личные и общественные взаимоотношения в условиях патриархально-феодального общества. При этом сильная, дееспособная сельская община небезуспешно ставит кровную месть в довольно жесткие определенные рамки.

В работе много внимания уделено и освещению духовной культуры табасаранцев. Весь рассказ об этом очень важном аспекте культуры народа проникнут уважением и любовью к табасаранскому народу, характеризуется стремлением показать богатство, разнообразие, насыщенность и высокую степень духовности, человеколюбивый характер, художественную выразительность или профессиональный уровень и т. п. всех отраслей духовной культуры, будь то религиозные верования, различные обряды и фольклор, народная медицина или образование. При этом соблюдается объективная достоверность в оценках, с некоторой долей умеренности, без нигилистического отрицания определенных достижений и богатства, например, религиозного образования или народной медицины.

Естественным завершением книги является раздел о социалистических преобразованиях в быту и культуре табасаранцев. Автор показывает, что в этих областях произошли бесспорные

положительные сдвиги, повысился жизненный уровень, большие изменения к лучшему произошли в семейном и общественном быту, образовании, просвещении, народной культуре, медицине и пр. Несмотря на имевшие место отдельные срывы и осложнения в развитии экономики и культуры, в целом, как видно из книги, наблюдаются несомненные достижения и прогресс в этих областях.

Полагаю, что книга эта, написанная с научной добросовестностью и тщательностью, с любовью к объекту исследования, табасаранскому народу, получит добрый отклик и одобрение дагестанского, в первую очередь табасаранского читателя.

instituteofhistory.ru

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы заметно возрос интерес общественности к историческому прошлому и настоящему больших и малочисленных народов, этнических групп, к их многовековому культурному наследию. Основная задача данной монографии — это посильное изучение общего и особенного, закономерного и специфического в истории и этнографии табасаранцев.

Табасаранцы (самоназвание — «табасаран») — один из народов Дагестана. По переписи населения 1989 г., общая численность их в СССР достигла 98,5 тыс., в РД — 78,2 тыс. человек. Размещаются они компактно в юго-восточной части республики — в Табасаранском, частично в Хивском и Дербентском районах[1]. Небольшая часть их проживает и в городах республики. На севере их соседями являются даргинцы (кайтагцы), на юге — лезгины, на западе — агулы, на востоке — азербайджанцы. Наиболее крупные населенные пункты — Хив, Хучни, Тураг, Хурик, Межгюль, Кандик, Тинит, Сыртыч.

Табасаранцы говорят на табасаранском языке, относящемся к лезгинской группе нахско-дагестанской ветви иберийско-кавказской семьи. Как и другие дагестанские языки, он имеет несколько говоров, объединяемых в две группы: северную и южную. На основе южных говоров сложился литературный язык. Многие табасаранцы свободно говорят на азербайджанском, лезгинском и русском языках. По переписи 1989 г., русским языком владели 59,8% табасаранцев. Часть населения Табасаранского района — азербайджанцы. К ним относится население сел. Марага, Хели-Пенджи, Зиль, Екраг, Дарваг, Арак, Цанак. Другая часть двуязычна. Это — население сел. Хучни, Аркит, Хюряк.

На табасаранском языке издаются две районные газеты, литературно-художественный и общественно-политические журналы «Дагъустандин дишагьли» («Женщина Дагестана») и «Литературайин Табасаран» («Литературный Табасаран»), публикуются книги и брошюры в двух издательствах республики. На табасаранском и азербайджанском языках ведутся передачи по республиканскому радио, функционирует табасаранский народный театр в сел. Хив.

Территория Табасарана делится на две естественно-географические части: северная часть — бассейн верхнего течения реки Рубас (Табасаранский р-он), южная часть — левобережье средне-

го течения Чирах-чая и верховья Чарчаг-су. В целом — это предгорье, равнины, горы и долины.

По своим природно-климатическим условиям Табасаран является одним из наиболее благоприятных уголков Южного Дагестана. Климат здесь умеренный, сравнительно мягкая зима, жаркое лето (особенно в долинах), дождливая и влажная осень. В целом климат умеренно-теплый. Склоны гор, хребтов очень богаты растительностью и используются в качестве летних, а плоскогорья — и зимних пастбищ.

Почвы Табасарана горно-каштановые (каштановые и темно-каштановые), горно-лесные и луговые. Встречаются солончаки, в горных частях—горно-луговые почвы, а в средней полосе—горно-степные, каштановые, горно-лесные и горные черноземы. Изредка встречаются обнаженные скалы.

Разнообразен растительный мир Табасарана. Его предгорная часть представлена пышными и богатыми естественными лесосадами. В лесах растут бук, граб, вяз, сосна, дуб, береза, липа (с кустарниковым подлеском), кизил, шиповник, боярышник, барбарис. В долине реки Рубас в буково-грабовом лесу встречается дуб грузинский, дуб пушистый, рябина кавказская, клен остролистый, вяз эллиптический, смородина, черемуха. В лесах много дикорастущих плодовых деревьев (груша, яблоки, грецкий орех, фундук, айва и др.) и винограда. Часто встречается ежевика, малина, мушмула, а также кисличка, аканит восточный, недотрога, подлесник, ясменник душистый, волжанка. Горные и высокогорные луга покрыты сочной травой и служат прекрасными пастбищами для скота.

Столь же разнообразен и богат животный мир Табасарана. В лесах встречаются бурый медведь, волк, кабан, кавказский олень, заяц, лиса и др. Водятся в лесах разные виды птиц: куропатки, голуби. Из пресмыкающихся встречаются змеи.

Табасаран занимает одно из первых мест в республике по обеспеченности водоемами. Однако речная сеть на его территории распределяется неравномерно. В горной части реки многочисленны, на низменности их мало. Наиболее крупными реками Табасарана являются Рубас, Гюргенчай (Гюльгерычай), менее — Большой Дарбах, Зизикчай, Яргилчай, Хамейда. Рубас и Гюргенчай на протяжении всего года несут свои воды в Каспийское море. Все реки берут начало в горах. Через все крупные реки перекинуты мосты. Вдоль берегов рек проходят вьючные и пешеходные тропы.

Из полезных ископаемых в меловых отложениях встречаются месторождения фосфоритов и селитры (Марагинское месторождение селитры), угля (Архитское месторождение Хивского р-на), редкого минерала гагат (Табасаранский р-он)[2].

* * *

История и этнография табасаранцев не были достаточно изучены дореволюционными исследователями. Имеются лишь фрагменты, отдельные сведения и заметки, статьи, опубликованные в разных литературных источниках. При этом авторы ограничивались, как правило, лишь констатацией отдельных сторон или явлений в жизни табасаранцев без каких-либо попыток их осмысления или объяснения. Почти все данные о прошлом Табасарана касаются преимущественно его истории, значительно реже — этнографии. Тем не менее все эти данные заслуживают пристального внимания и анализа.

Одно из первых упоминаний о Табасаране и табасаранцах мы находим у армянского автора Фавстоса Бузанда (IV — V вв. н. э.), который сообщает о самостоятельном войске «таваспаров» в «связи с событиями II — III вв. н. э. в Закавказье и на Ближнем Востоке»[3]. В сочинениях древнеармянского автора Егише (V в. н. э.), Моисея Хоренского и других также содержатся упоминания о земле «Табасарана», «Войске Табасарана». Перечисляя народы и племена, которые были завербованы армянским правителем Васаком, Егише в их числе называет и «все войска Таваспарана горного и равнинного и всю крепостную «неприступную страну гор»[4]. Некоторые сведения о Табасаране встречаются и в армянской географии VII в. В частности, наряду со многими народностями Кавказа в ней упомянуты и таваспары[5].

Особое место среди источников по истории Табасарана занимают арабоязычные сочинения. В связи с событиями середины VII в. арабские источники называют ряд политических образований («царств») на территории Дагестана. Среди других (Лакз, Зирихгеран, Хайдак, Гумик, Серир и Джидан) упоминается и Табасаран[6]. Ал-Истахрий в числе других «государств» упоминает «страну Табасаран»[7]. Масуди (X в.) сообщает об «укреплении по имени Табасаран» и о царе «Табасарана, который в настоящее время мусульманин»[8]. У Ибн-ал Факиха (нач. X в.) находим сведения «О 110 замках во владении мусульман до земель Табасаран»[9]. Более подробные сведения о Табасаране, как об одном из самостоятельных политических образований, возникших в доарабскую эпоху, о борьбе табасаранцев с сасанидами, арабами, о размерах и характере дани, взимавшейся Мерваном с местного населения, содержатся в сочинении Баладзори[10]. Автор XIII века Йакут ал-Хамави (со ссылкой на сведения X в.) сообщает о Табасаране следующее: «Между ними (Лакз) и баб-ал-Абвабом (Дербент. — **А. Б.**) — страна Табасараншах, и они (жители Табасарана), так же (как и жители Лакза) могущественны, сильны, многочисленны»[11]. Заслуживают упоминания сообщения Ал-Гарнати (XII в.)[12] о Табасаране. Данные о торговых путях, о городах, о занятиях населения, в частности о ремесленном производстве, о предметах ввоза и вывоза горцев Дагестана, в том числе табасаранцев, приводят и другие арабоязычные авторы[13].

Немаловажные сведения о Табасаране содержатся в «Дербенд-наме»[14], в «Истории Ширвана и Дербенда»[15]. В «Завещании Андуника-Нуцала Булач-Нуцалу»[16] приводятся сведения о военных силах Табасарана (60 тыс.). Ценным материалом для освещения социально-экономической и политической истории Табасарана середины XVII в. являются сведения из «Путешествия»[17] известного турецкого путешественника XVII в. Эвлия Челеби. Определенный интерес для исследователя истории Табасарана представляет труд азербайджанского историка (потомка табасаранских правителей) Аббас Кули-ага Бакиханова (1794 — 1846)[18], а также сочинение дагестанского ученого Хасан-Эфенди ал-Алкадари «Асари Дагестан»[19].

Ряд интересных данных о событиях в Табасаране, его населении мы находим в хрониках, рукописях, составленных местными авторами. Среди них рукопись хронографа Рамазана ал-Куштили[20], которая охватывает события, начиная с XIV — XVII вв. до начала XIX в. Другие рукописи табасаранских хронистов собраны профессором М. Р. Гасановым, кандидатом филологических наук М. Г. Юсуфовым и кандидатом исторических наук доцентом ДГУ им. В. И. Ленина Г. М. Садыки. (Оригиналы рукописей хранятся у М. Р. Гасанова, Г. М. Садыки и М. Г. Юсуфова.)

Большое значение для исследования истории, исторической этнографии табасаранцев представляют эпиграфические памятники-надписи, иногда единственные в своем роде сведения по истории народа. Огромная заслуга в изучении эпиграфических памятников Табасарана принадлежит Л. И. Лаврову[21] и А. Р. Шихсаидову[22].

Не менее интересны и сведения, содержащиеся в русских источниках. В частности, в записках И. Г. Гербера[23], участника похода Петра I в прикаспийские области, дается четкая характеристика территории Табасарана, его природы, занятий населения.

Много ценных данных по социально-экономической и политической истории Табасарана приводит Ф. Ф. Симонович[24]. В частности, он характеризует естественно-географические условия Табасарана, его границы, центры владений, занятия населения, пути сообщения, указывает на политическую раздробленность. В «Описании» Табасарана, составленном в 1831 г. П. Ф. Колоколовым[25], также имеются сведения о границах Табасарана, дается физико-географическая характеристика края, описание занятий населения, политического устройства и социально-экономических отношений. Несомненный интерес представляет записка Д. Тихонова, Ф. Симоновича, А. Сереброва, относящаяся к 1796 г. В этой записке содержатся данные о годовых доходах кадия и майсума табасаранского, о местах их резиденций, о числе населенных пунктов, входящих в кадийство и майсумство и т. д.[26]

Значительный интерес для истории Табасарана имеют архивные материалы, использованные в работах русских дореволюционных историков. Это были первые научные сведения по этнографии и истории Табасарана. Среди них следует отметить материалы академика П. Г. Буткова, служившего на Кавказе с 1791 по 1803 г.

и оставившего интересные сведения по истории Табасарана[27]. Не менее значимы и материалы по политической истории Табасарана Н. Ф. Дубровина[28], В. А. Потто[29] и др.

Некоторые данные о Табасаране содержатся и в трудах С. М. Броневского[30], А. Берже[31], И. Березина[32] и др. Несмотря на их тенденциозный характер (в частности, И. Н. Березин писал, что «у Табасаран нет истории» и «какая может быть история у кучки разбойников, для которых единственный и самый лучший закон—своя воля, а единственное право — право сильного»[33]) они позволяют уточнить ряд сторон жизни табасаранского народа.

Материалы по истории Табасарана имеются и в «Актах, собранных Кавказской археографической комиссией» (АКАК), а также в «Сборниках материалов для описания местностей и племен Кавказа» (СМОМПК) — вып. 35 (1905 г.); 46 (1926 г.); в «Сборниках сведений о кавказских горцах» (ССКГ, Тифлис, вып. 3. 1870; вып. 8. 1875 г.); в «Кавказских сборниках», в «Кавказских календарях» и других периодических изданиях.

Данные о Табасаране содержатся в сборниках «Материалы по истории Дагестана и Чечни»[34], «Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20 — 50-х г. XIX в.»[35], в которых опубликованы документы из ЦГА ДССР, ЦГВИА, Центрального Государственного исторического архива Грузинской ССР (ЦГИ Груз. ССР) и т. д. Определенный интерес представляют и некоторые публикации, содержащиеся в таких журналах и газетах, как «Военный сборник», «Библиотека для чтения», «Кавказская старина», газета «Кавказ». В них мы находим материал, отражающий различные стороны истории Табасарана и дополняющий данные других публикаций.

Несомненный интерес представляет для нас основной труд М. М. Ковалевского — «Закон и обычай на Кавказе»[36].

Из других работ, имеющих определенное значение для нашей темы, можно назвать работы А. Дирра[37], Г. Ф. Чурсина[38], П. К. Услара[39].

Несколько лучше представлена наша тема в публикациях советского периода, в специальных работах, посвященных истории народов Дагестана. Так, в статьях С. В. Юшкова[40], А. Тамая[41] анализируется проблема развития феодальных отношений в Дагестане, дается характеристика важнейшего этапа истории его народов. Некоторая работа по изучению истории Табасарана проделана дагестанскими учеными[42]. В частности, значительное место истории Табасарана отведено в фундаментальном труде дагестанских историков — в четырехтомной «Истории Дагестана» и в «Истории народов Северного Кавказа».

Необходимо особо отметить исследования профессора М. Р. Гасанова[43], специально посвященные истории Табасарана. Эти исследования написаны на богатом фактическом материале (архивные данные, исторические источники, данные многолетних полевых исследований) и для нас представляют большую ценность.

Следует упомянуть и труды этнографа М. М. Ихило-

ва[44], профессора Х. Х. Рамазанова и доктора исторических наук А. Р. Шихсаидова[45], профессора Б. Ханмагомедова[46], Б. Б. Талибова[47], А. А. Магометова[48], М. Е. Алексеева[49], Е. А. Бокарева[50], Л. И. Жиркова[51] и исследования Г. Н. Любимовой, С. О. Хан-Магомедова[52].

В советское время появляется ряд специальных археологических работ, результаты которых дали дополнительный материал для данной монографической работы. Значительные, до последнего времени не введенные в научный оборот сведения о социально-экономической истории Табасарана содержатся в рукописном фонде ИИЯЛ ДНЦ РАН[53], в местных и центральных архивах. Так, в ЦГА ДССР хранятся материалы, собранные сословно-поземельной комиссией в XIX веке. Для освещения отдельных сторон жизни табасаранцев наибольшую ценность представляют материалы фонда комиссии для разбора сословно-поземельных прав туземного населения Южного Дагестана[54]. Данные из других фондов[55] дополняют эти материалы и помогают глубже исследовать вопросы развития социально-экономических отношений в Табасаране в XVIII — XIX вв.

Подготовленные в советское время сотрудниками ИИЯЛ работы, посвященные материальной культуре табасаранцев (А. Г. Булатовой — «Женская одежда табасаранцев», А. Алиевой — «Мужская одежда табасаранцев», Г. А. Гаджиевым — «Поселения и жилища табасаранцев»), хранящиеся в Рукописном фонде ИИЯЛ ДНЦ РАН также были нами учтены при написании данной работы.

Большое значение для изучения социально-экономических отношений Табасарана имеет анализ обычного права народа. Такой анализ позволяет проследить изменения социально-экономической жизни табасаранцев, так как нормами обычного права регулировались многие стороны социальных, хозяйственных, бытовых, семейных отношений[56].

Наконец, отдельным сторонам, различным аспектам исследуемой темы посвящен ряд статей, книг историков и этнографов, фольклористов[57], так же максимально учтенных при написании настоящей монографии. По материалам поездок в Табасаран в 1981 — 1985 гг. автором настоящей работы были опубликованы статьи и тезисы[58], которые составной частью вошли в эту книгу.

Как видно из приведенного выше обзора, источники в основном освещают социально-экономическую и политическую историю Табасарана. Материалов историко-этнографического характера крайне мало. В силу этого книгу в основном составляют полевые материалы автора, собранные во время экспедиционных работ в 1981 — 1985 гг., и обобщенные работы дагестанских историков[59].

Для сбора историко-этнографических данных нами были предприняты полевые этнографические исследования не только на основной территории расселения табасаранцев, но и в азербайджанских, лезгинских, агульских, рутульских, цахурских селах. Материал, собранный в этих селах, послужил целям сравнительного анализа.

Сбор полевых данных проводился в процессе этнографического опроса (интервью), а также методом непосредственного наблюдения. Материал интервью проверялся перекрестным опросом разных информаторов, в различных районах и в нескольких населенных пунктах. Это делалось, во-первых, для того, чтобы зафиксировать районную специфику, если таковая имелась, во-вторых, для того, чтобы выявить наиболее существенные и устойчивые черты, которые присущи этому народу в целом, и, наконец, для проверки и контроля достоверности информации. Обследованием было охвачено около 70 сельских населенных пунктов в Хивском и Табасаранском районах республики (три — в Дербентском районе).

При сборе полевого этнографического материала в качестве информаторов отбирались старожилы исследуемых сел. (Список информаторов см.: в конце книги.)

Пользуясь случаем, считаю своим приятным долгом выразить чувство глубокой признательности всем, кто прямо или косвенно содействовал созданию этой работы. Первое место здесь по праву принадлежит многочисленным информаторам и переводчикам. В ряде экспедиционных выездов автору оказали помощь научно-технические сотрудники и аспиранты ИИЯЛ Дагестанского научного центра РАН, в особенности М. Мусаева — ныне м. н. с., М. Ш. Ризаханова — канд. ист. наук; художник Н. П. Демидова, фотограф С. Подрезов.

Большую помощь оказали товарищи, занимавшие партийные и государственные должности — С. Шахсинова, З. Габибов, Н. Джафаров, П. Гасанов (Хивский р-н), Р. Исаев, Г. Гагаева, Х. Кулиева (Табасаранский р-н).

Выражаю свою глубокую благодарность интеллигенции (знатокам культуры, истории) Табасарана за ценные советы и пожелания, сделанные после знакомства с рукописью монографии. Это Гасанбек Айдемиров, Абдуриза Асланович Алиев, Камиль Гюлович Гаджиев, Габибула Ханмагомедович Гюльмагомедов, Максим Ибадович Балабеков, Мирзахан Мукаилович Магомедов (Табасаранский р-он), Гирамудин Эскерович Абдулазизов, Серкер Юсуфович Саидов, Али Вазирович Магомедов, Алимурад Рамазанович Рамазанов, Кадимали Юзбекович Юзбеков, Шемия Нюдуровна Шахсинова, Гаджимагомед Пирмагомедович Пирмагомедов (Хивский р-он). Автор глубоко признателен доктору исторических наук, профессору С. Ш. Гаджиевой (рук. темы «Малые народы»), научному редактору данной монографии доктору исторических наук М.-З. О. Османову, доктору исторических наук, профессору М. Р. Гасанову, доктору исторических наук А. Р. Шихсаидову, профессору Б. Г. Ханмагомедову, лингвисту К. Т. Шалбузову, доктору филологических наук А. М. Аджиеву, кандидату филологических наук М. Г. Юсуфову и всему коллективу отдела этнографии за полезные советы и консультации. Выражаю глубокую благодарность депутату Верховного Совета Республики Дагестан М. Т. Юнусову и председателям Табасаранского и Хивского районных Советов народных депутатов Г. С. Гасраталиеву и К. А. Мустафаеву.

ГЛАВА 1. КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ ТАБАСАРАНЦЕВ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Табасаранцы называют себя «табасаран», «цахуры называют их «тавассаранна», рутулы — «табасарандашура», «агулы — «табасараншуй»[1], лезгины — «табасаранар», кайтагские кумыки — «табарасанлар» (мн. ч.), а сам край — «Табарасан», лакцы называют «табасаран», аварцы — «табасаранал» и т. д.

Говоря об этническом составе субрегиона, следует отметить, что наряду с табасаранцами в состав табасаранских владений в разные исторические периоды входили лезгины, азербайджанцы, таты, агулы.

Исторические границы Табасарана можно определить лишь приблизительно. Так, в XVII в. Табасаран «включал в себя весь нынешний Табасаранский район, а также часть Касумкентского и Хивского районов. На севере он граничил с Кайтагом, на юго-востоке — с владениями Дербента, на юго-западе — с Хивом и на юге — с Кюринским владением. Границы с Хивом, Кюрой проходили отчасти по реке Гюлгерычай (местное название — СтIалвацI)»[2].

В первой четверти XVIII в. территория Табасарана начиналась от города Дербента и простиралась до владения Кайтагского уцмия, от которого она отделялась рекой Дарбах. На западе территория Табасарана граничила с владением Сурхай-хана, от которого отделялась рекой Агун, на востоке — с лезгинскими землями, отделенными высокими горами[3].

В начале XIX в. территория Табасарана значительно расширилась. Согласно данным Ф. Ф. Симоновича (конец XVIII в.), территория Табасарана от уцмийства до реки Чирах равнялась 70 верстам, а от Дербента до владения Казикумухского 50 верстам. по данным же П. Ф. Колоколова (1 треть XIX в.), Табасаран простирался от востока к западу на 90, а от севера к югу на 50 верст и заключал в себе до 4500 квадратных верст[4].

Существуют сведения[5], свидетельствующие о том, что «племя таваспоров» занимало и часть территории современного Дербентского района. С образованием майсумства Табасаранского аулы Рукель, Бильгади, Задиан, Кемах, Митаги, Мугатырь, Хошмензиль, а также сел. Мухаммадийа (Гимейди) вошли в состав майсумства, В XIX в. эти же селения вошли в состав табасаранского политического образования — кадийства.

Вопрос о происхождении (этногенезе) табасаранцев неразрывно связан с проблемой происхождения других дагестанских народов[6]. М. М. Ихилов, подводя итоги сводке разных гипотез, делает вывод о том, что «табасаранцы сформировались как народность, на данной, занимаемой ими сейчас территории и, как и другие народы Дагестана, составляют коренное, первоначальное население страны»[7]. Все современные исследователи согласны с этим выводом.

Известно, что приморская часть Дагестана подвергалась неоднократным нашествиям скифов, алано-сарматских племен, гуннов, персов, хазар, арабов, сельджуков, татаро-монгол, иранских и турецких завоевателей. Нашествия этих завоевателей, как правило, вызывали значительные перемещения местного населения. В результате, часть табасаранцев, вероятно, была оттеснена со своей прежней территории в горы, а другая ассимилировалась с пришлым населением.

Благодаря трудам целого ряда исследователей, мы знаем, что еще в VI — VII вв. имела место колонизация ряда табасаранских аулов персами[8]. В эпоху арабских завоеваний в этно-генетических процессах, происходящих в Дагестане, начинают участвовать и арабы. В Дербент, а также в ближайшую, по словам Масуди, к нему область Табасаран арабы прибывали в течение VIII в. В частности, сюда были посланы рабочие для строительства опорных пунктов. Прибывшие обосновались не в самом Дербенте, а близ него в построенных ими пунктах — Камах, Ал-Мухаммедийа, Баб-Вак[9]. В конце XVIII в. остатки названных укреплений, закрывавших горный проход на пути из Ширвана и Южного Дагестана в его северные районы, еще сохранились около сел. Камах, Гамейди и Дарваг[10]. Согласно местным историческим хроникам, арабы назначили правителем Табасарана Магомеда Масума. Население завоеванных областей было обложено налогами и поборами[11]. Правитель Табасарана обязан ежегодно сдавать в зернохранилище Дербента 10 тысяч мер зерна[12]. С упрочением положения арабов в Табасаране собирать дань с местного населения стал арабский ставленник. Эти и другие акции сыграли немалую роль в процессе феодализации Табасарана.

Ал-Масуди также упоминает об арабских переселенцах между Хайдаком и Ал-Бабом. «Это мусульмане арабы, которые не говорят ни на каком языке, кроме арабского», — пишет он[13].

А. Н. Генко отмечает, что в Дарваге, в горном селе к западу от Дербента, исчезающее поколение еще в XIX в. говорило на арабском языке[14]. Его жители владели арабским языком даже еще в начале XIX в.[15] По свидетельству А. -К. А. Бакиханова, некоторые старики знали его еще в 1840 годах[16].

Отметим, что до сих пор единая точка зрения на этногенез населения Нижнего Табасарана еще не сложилась. «Связь дагестанских арабов с Дербендом, где в XI — XII вв. арабское влияние сменилось тюркским, привела к тому, что арабское население многих близлежащих сел (Зиль, Ерси, Мугатырь и др.) перешло

на азербайджанский язык»[17], — пишет Н. Г. Волкова. Этот вывод заставляет нас внимательно подойти к этому вопросу в свете имеющихся фактов. В настоящее время, например, жители сел. Ерси называют себя азербайджанцами и тоже подчеркивают свое арабское происхождение. Для решения этой проблемы необходима основательная фактологическая база.

По поводу табасаранских азербайджанцев А. Дирр писал: «На востоке табасаранцы граничат с азербайджанскими татарами. Весьма возможно, что часть этих последних не что иное как отатарившиеся табасаранцы, во всяком случае сами табасаранцы говорят, что их язык распространялся раньше далее к востоку»[18].

Согласно данным сравнительно-исторического языкознания, первоначально в сел. Ерси, Арак и в некоторых других селах был табасаранский, а не азербайджанский язык. Так, например, топонимика сел. Ерси сохранила много названий на табасаранском языке. Вот некоторые из них: «Маччиник хяр» (луг или же другое место, где собирается отара), «мисан дагар» (озеро), «беген хяр» (бекский сенокосный участок), «татлин жехрар» (сорт груши — петушиная груша), «меъли жяхяр» (сладкая груша), «урнигъ» (местность) и др. Ряд сельскохозяйственных орудий называется также на табасаранском языке.

Свидетельством того, что в прошлом жители сел. Ерси говорили на табасаранском языке, могут служить многие коренные табасаранские слова, сохранившиеся в речи жителей. К таким словам можно отнести, например, «жилгъа» — тропинка, «хамсар» — ежевика, «хандаг» — фундамент, «хамхар» — несущая балка, «гаван» — пастух, «гьирбияр» — хурджины, «пирпияр» — седло, «чвуккри» — миска, «билих» — мешочек и т. д.

Аналогичные данные можно привести по сел. Арак. В Араке, например, сохранились такие табасаранские топонимы, как «къарзарикк яргъар», «ширин хярар», «къюрдун пир», «асккан царар», «яркур», «ушвак» и др.

На основании анализа собранных данных по материальной, духовной культуре (традиционная одежда, пища, обычаи, обряды и т. д.) можно сделать также вывод, что различные типы одежды жителей Ерси, Арак и др. довольно точно воспроизводят традиционную одежду табасаранцев. И те, и другие имели сходные традиции ведения хозяйства, общие черты материальной и духовной культуры, семейных и общественных обычаев и обрядов, в которых закреплялся исторический опыт народа, переходящий от поколения к поколению.

По языку (диалекту) и этнической психологии современные азербайджанцы Табасарана значительно отличаются от азербайджанцев. С другой стороны, соседство с богатым и политически активным Дербентом, тесные экономические и культурные связи табасаранцев с азербайджанцами сказывались на всех сторонах жизни табасаранцев и способствовали, в частности, распространению среди них азербайджанского языка.

Что же касается сел. Ерси, то оно становится центром одного

Механизированная библиотека

из бекств, затем центром Союза обществ и, наконец, центром Северо-Табасаранского участка Кайтаго-Табасаранского округа. Во многих табасаранских аулах правители-беки хорошо знали азербайджанский язык или были азербайджанцами по происхождению. Именно поэтому население также старалось усвоить язык своих правителей. Как известно, в результате длительного соприкосновения двух этнических общностей нередко происходит утрата родного языка одной из них. У табасаранцев, владевших к началу XIX в. азербайджанским языком[19], в 60-х годах прошлого столетия влияние последнего усиливается. При этом, если среди нижних табасаранцев происходит процесс вытеснения табасаранского языка азербайджанским, то у верхних табасаранцев, территориально более удаленных от азербайджанцев, азербайджанский язык знало лишь мужское население[20]. Кроме того, «как правило, жители высокогорных районов владели языком низлежащих областей»[21].

Разумеется, приведенные факты не могут служить неоспоримым доказательством принадлежности жителей сел. Ерси, Арак к табасаранцам. Однако основанием для выдвижения гипотезы они могут быть.

* * *

История табасаранского народа уходит в глубокую древность. Под названием «таваспоров» они входили в состав Кавказской Албании, которая существовала с IV в. до н. э. по IV в. н. э. После распада последней многие народы создали самостоятельные политические образования. В источниках того периода Табасаран также фигурирует как самостоятельное объединение[22]. Начиная с VII в.[23] вплоть до конца XII в.[24], Табасаран именуется как самостоятельное «царство» во главе с «царем»[25]. «Между Лакз и городом Дербент находилось «царство» Табасаран»[26], — читаем мы в источниках. Исследователи допускают возможность того, что ряд дагестанских «царств», в том числе и табасаранское, существовал и ранее VII в.[27]

Таким образом, уже в раннем средневековье табасаранцы (таваспоры) были известны как самостоятельный народ, на территории расселения которого существовало небольшое государственное образование.

Начиная с IV в., на территорию Табасарана вторгались кочевые племена гуннов и хазаров. В V—VII вв. Табасаран подвергся набегам со стороны сасанидской Персии. В раннем средневековье усиливается борьба табасаранцев, как и других дагестанских народов, против персов. В район Дербента, а также в восточный Табасаран, были переселены тысячи семейств из различных районов Ирана.

С середины VII в. начинаются походы арабов на Дагестан. Восточные авторы отмечают, что в начале VII в., перед арабским нашествием, «царство» Табасаран « представляло собой богатую, густонаселенную страну». Они же фиксируют наличие в Табаса-

ране многочисленных населенных пунктов, сосредоточенных к западу и юго-западу от Дербента»[28].

Первые крупные нашествия арабов на Дагестан связаны с именем Джарраха. По преданиям[29], основание сел. Джаррах приписывается также Джаррахуу[30]. Как сообщает автор X века Ал-Табари, арабский военачальник Джаррах вошел в оставленный хазарами Дербент. Горцы, жившие близ Дербента, особенно табасараны и кайтаки, оказали арабам сопротивление. «За оказанное сопротивление Джаррах решил наказать жителей Табасарана и Кайтага. В Кайтаг был направлен трехтысячный, а в Табасаран двухтысячный карательные отряды. Они захватили большую добычу: 10 000 голов коров и овец и 3000 рабов»[31]. В других источниках отмечается, что «за оказанное сопротивление были разрушены такие селения, как Ерси, Дювек, Зиль, Дарваг и др. Карательный отряд учинил в Кайтаге и Табасаране погром и разорил эти районы. В частности, из Табасарана арабы увели 2000 пленных, 4000 голов лошадей, рогатого скота и овец, массу оружия и разного имущества. Бой продолжался три дня и решился в пользу мусульман»[32].

Следующие походы арабов (727 — 732 гг.) в Южный Дагестан и Табасаран были связаны с именем полководца Маслама[33]. Наиболее крупные нашествия арабов (739 г.) осуществлялись под предводительством Мервана, который в 739 г. заключает выгодные договоры с правителями Серира, Тумана, Зирихгерана, Кайтага, Лакза, Филана и Табасарана. Известно, что в середине X века правителем Табасарана был сын Ширваншаха Хайсам[34]. По мнению профессора Р. М. Магомедова, появление племенных князей у табасаранцев, как и у кайтагцев, относится еще к первым векам нашей эры[35].

Период XI — XII вв. был периодом дальнейшего углубления феодальных отношений в Табасаране. Развитие производительных сил и производственных отношений вызвали распад некогда единого политического образования на ряд самостоятельных территориальных единиц. Видимо, этот период истории Табасарана отобразил в своем сочинении средневековый автор ал-Гарнати (XII в.), который сообщает, что «В странах Дербента Баб-Мин ал-Абваб (имеется) народ, называют его Табарсалан. В нем 24 волости. В каждой волости (есть) главный начальник, подобный эмиру»[36]. Это свидетельство говорит о наличии в этот период в Табасаране «не отдельных селений, а групп селений (рустаков), объединенных под властью одного правителя»[37].

С 30-х годов XIII в. Табасаран подпадает под влияние татаро-монгольских орд, которые принесли большие бедствия народам Дагестана. Пребывание монгольских войск в ряде мест Табасарана отражено в местных рукописях. Так, в хронике, написанной табасаранским хронографом из сел. Куштиль (ныне Хивский район), сообщается о разрушении монголами сел. Дурча[38].

В конце XIV в. в Дагестан совершил грабительский поход Тимур. Известно, что «путь монгольских войск из Дербента в Кумух

лежал через Табасаран — Касумкент — Хив (или Курах) — Ричу — Чираг — Кумух»[39]. К этому времени, видимо, Табасаран представлял собой единое политическое образование. Объединению, несомненно, способствовали беспрерывные нашествия иноземных завоевателей.

С начала XIII до середины XV в. сведений о Табасаране в источниках нет. Исследователи полагают, что в XIII — XV вв. Табасаран не выступал на политической арене в качестве самостоятельной силы и что начало его политическому упадку было положено монгольскими завоевателями. «Тимур свел на нет остатки самостоятельности Табасарана. Вероятно, с этого времени, т. е. примерно с XIV в., Табасаран попал в зависимость от все более усиливающегося с XIV в. Кайтага, во главе с кайтагскими уцмиями»[40]. К началу XIV в. уцмий Чубан, сын Султан-Алибека, выдал свою дочь за табасаранского эмира Масум-бека, а сам женился на его дочери[41], чем был закреплен уход Табасарана с политической арены.

В XV в. табасаранцам пришлось столкнуться с государством сефевидов. Жители Самурской долины и Табасарана первые приняли удар шахских войск. Накануне агрессии последних майсумство Табасаранское стало одним из крупных феодальных владений Дагестана. Это подтверждается завещанием аварского нуцала Гандуника, сына Ибрагима, в пользу своего наследника Булач-Нуцала от 1485 г. В завещании отмечается, что из 260 тыс. дагестанских войск 60 тыс. составляли войско майсумства Табасаранского[42]. Имеются сведения о битве табасаранцев с сефевидами. «Битва состоялась на территории Табасарана в 1488 году. Враждебные войска... начали такой бой, от пламени которого жизнь многих друзей и врагов сгорела». Сефевиды потерпели поражение, шейх Хейдар был убит и похоронен в Табасаране»[43]. В источниках сообщается «о героическом сопротивлении жителей Табасарана персидским завоевателям (начало XVI и начало XVII вв.)»[44]. В XVIII в. табасаранцы так же, как и многие народы Дагестана, боролись против ирано-турецких завоевателей.

У табасаранцев сохранилось много легенд, сказаний, повествующих о борьбе против войск Надир-шаха. По преданиям, многие табасаранские аулы были разрушены в период неоднократных походов персидских завоевателей. Шахские войска поголовно истребляли местное население, а женщин с грудными детьми собирали на ток для молотьбы и устраивали по ним скачки. Топонимика почти каждого села сохранила следы пребывания войск Надир-шаха. Вблизи сел. Кувиг, например, расположена гора «Къаркьул дагъ», площадка которой называется «эреллер». По преданию, на этой площадке иранское войско молотило жителей всех близлежащих аулов и от крови погибших образовалось озеро «йифдин дагар» (кровавое болото). Подобным образом поступали с жителями многих других населенных пунктов (местности Сен-гирик и Къайкъуйдигь). По преданию, потомки Кара Майсума, правителя Дирического союза, организовали отряды из местных жителей

против войск Надир-шаха и разгромили отряд в местности «Ирахъ хярариъ» (сенокос в местности Ирахъ).

В XVI в. майсумство Табасаранское было сравнительно крупным феодальным владением. По своему могуществу Табасаран не уступает таким крупным владениям, как уцмийство Кайтагское и Тарковское шамхальство. По свидетельству Алаги, проводника Хворостинина в его походе на шамхальскую землю в 1593 г., «табасаранский князь Кадит Зихраров сын» имеет в своем распоряжении «500 человек конных», т. е. столько же, сколько имел к этому времени «усмий князь (у него 500 человек конных и 700 человек пеших)»[45]. Автор «Джахан-намэ» сообщает, что Табасаран это «укрепленный замок, в районе которого живет 40 000 семейств»[46].

В середине XVII в. произошел распад Табасарана на два феодальные владения — майсумство и владение кадия. Сами феодальные правители, соответственно, носили титулы «майсум», «кадий». В северной части Табасарана с центром Хучни образуется кадийство, в южной с центром Джаррах—майсумство.

Из показаний юнкера Мустафа-бека Карчагского (1870 г.) сословно-поземельной комиссии следует, что «Между беками из майсумского рода разгорелась междоусобная война, в которой принял участие и народ, во время войны майсумы вынуждены были оставить Хучни и переселиться в Джрах, но междоусобия между беками продолжались до того, когда все почти беки были перебиты и остался один малолетний потомок майсума. Этими смутами воспользовались кадии табасаранские и подчинили своему влиянию Северный Табасаран. По надписям на могилах в Джерахе видно, что они перешли туда около 300 лет тому назад»[47].

По данным Ф. Ф. Симоновича, земля табасаранцев разделяется между двумя главными владельцами майсумом Захрабом и кадием Рустемом[48].

Кроме феодальных владений в Табасаране существовали союзы сельских обществ (магалы), известные в литературе под названием Девек-Елеми. Последние испытывали на себе сильное влияние феодальных владетелей.

Майсумство и кадийство делились на более мелкие политические единицы — бекства, а Девек-Елеми распадался на ряд союзов сельских обществ. Каждое бекство имело свой центр. Так, сел. Карчаг было центром владения Мустафа-Бека[49]; селение Ерси становится центром другого бекства; сел. Марага — центром пребывания Мурзабега, Гемейди — резиденцией Махмут-бека[50].

Майор Серебров писал, что к концу XVII в. феодальное владение майсума насчитывало 7 тыс. человек, кадия 10 тыс. человек[51]. Автор «Джахан-наме» (XVI в.) сообщает, что в Табасаране проживало 40 000 семейств[52]. По данным 1796 г., в майсумстве находилось до 70 деревень, число жителей мужского пола составляло 21000 человек[53]. В майсумство, наряду с раятскими аулами, вхо-

дили и аулы союзов сельских обществ. Кадийство Табасаранское включало в свой состав несколько десятков аулов. Согласно материалам А. Берже и архивным данным, их число достигало 30[54]. По другим источникам, в кадийстве было 20 деревень, в Девек-Елеми, составляющем горный Табасаран, — 15 деревень, а число жителей мужского пола достигало 5000 человек. «По обыкновенному же народному исчислению,— пишет, например, Ф. Ф. Симонович, — состоит Херх мин Табасаран, то есть 40 000 табасаранцев»[55]. О числе населения Табасарана Ф. Ф. Симонович далее сообщает следующее: «Всего во всем Табасаране мужска пола до 32 000 душ»[56]. Согласно данным, приводимым Е. И. Козубским, число жителей Северо-Табасаранского кадийства достигало 23358, из них 13385 табасаранцев, 5379 азербайджанцев, 4594 татов[57], а число населения Южно-Табасаранского кадийства составляло 17992: из них 14690 табасаранцы, 3383 — лезгины[58]. К началу XX в. общее число табасаранцев в Северном и Южном Табасаране равнялось 27994 человекам.

С середины XVIII в. постепенно усиливается начавшаяся в XVI в. ориентация народов Дагестана на Россию. В 1597 г. в связи с укреплением русских на Тереке и Сулаке тарковский шамхал в своей грамоте на имя царя Федора Ивановича писал: «Искони с дедом и прадедом, и с отцом нашим дружба и братство бывало, а вы на пустом месте на Койсе поставили Юрт, и нам дай бог, с горскою ратью, да русской ратью, да хиновской ратью, да табасаранской ратью, да империнскою ратью, да исминскую ратью, да казикумыцкою ратью, да дешскую ратью и с своими детьми и с князи и с шамхальскими с одною и с малыми нагаи, и с Саттем Мурзою, у бога милости прося, и с крымскою ратью с единово недружбу учнет доводити, а с божим милосердием великий государь и великою государства к нам человека прислал бы, а приказал с Теркою одиначитись не велел»[59]. Шамхал, как видно из текста, говорит о табасаранцах, как о своих союзниках.

С середины 30-х гг. XVIII в. в связи с походами в Дагестан Надир-шаха русско-дагестанские отношения временно были ослаблены. Однако в ходе борьбы с иранскими завоевателями отдельные дагестанские союзы сельских обществ обращались к России с просьбой принять их в Российское подданство[60]. 21 июля 1806 г. уцмий, кадий, майсум и другие феодалы были приняты в подданство России. В октябре 1813 г. Табасаран был окончательно присоединен к России.

В связи с административными реформами 60-х гг. XIX в. в составе Дагестанской области были образованы округа. Округа делились на наибства, а последние распадались на сельские управления. Северный Табасаран вошел в состав Кайтаго-Табасаранского округа, а южный — в Кюринский.

После образования Дагестанской области правитель Северного Табасарана Эльдар-Кади-Айди-бек (потомок табасаранских кадиев) и владетель Южного Табасарана Султан-Ахмед-бек-Караханбек-Оглы (из рода майсумов) были отстранены от власти

(1866 г.). Им было пожаловано по 500 десятин земли и по «400 рублей в год пенсии каждому»[61].

* * *

В Табасаране, как и в любом другом феодальном владении, были представлены два противоположных класса — феодалов и крестьян. В составе господствующего класса феодалов различались майсумы, кадии, беки, джанка-беки, представители духовенства, аульская верхушка узденей. Зависимые сословия в Табасаране подразделялись на две группы: узденей (частично) и раятов. Согласно обзору политического состояния Кавказа 1840 г., в Табасаране (нижнем и верхнем) число покорных составляет 4055, полупокорных — 6224 и всего — 10279[62]. К зависимому сословию относились и кулы, известные в Табасаране под названием — «лукlар» (рабы).

Обратимся к характеристике представителей этих противоположных социальных групп.

Майсум, кадий. Майсум был правителем в Южном Табасаране, кадий в Северном. Центром майсумства первоначально было сел. Хучни[63], с распадом которого майсумы перенесли свой центр в сел. Джаррах[64]. «Главное селение южного Табасарана — Джарраг, в котором жил майсум, было расположено в местности, защищенной со стороны гор поперечной стеной и двумя башнями, а с других сторон — утесом горы Карасырта»[65]. Кадий жил в специальном укреплении в сел. Хучни. Другие табасаранские феодальные владетели также имели специальные укрепления. Так, сел. Карчаг, где жил Мустафа-бек, было расположено около реки Зындак, впадающей в Рубас, и защищалось со стороны гор длинной стеной и двумя башнями, а со стороны реки каменистым утесом и горами[66]. О таком центре упоминает Э. Челеби, называя его столицей. В другом месте Э. Челеби пишет: «(Из Хайдака) мы отправились на север. Двигались горами, лесами, лугами; через два дня прибыли в городок Табасаран. ... (Он) находится к востоку от персидского Демир-Капу на расстоянии одного перехода. Городок утопает в садах и цветниках»[67].

В своих центрах майсум и кадий вершили суд, наказывали виновных, издавали законы, регулировали взаимоотношения джамаатов, отдельных лиц, решали земельные и другие споры, накладывали штрафы, заключали мир и объявляли войну. В период иноземной опасности майсум и кадий собирали войска и становились во главе войск. Они же регулировали отношения союзов сельских обществ с дагестанскими владетелями. В целом они выполняли функции государственного управления. «Майсумы, — отмечается в архивном документе, — были представителями ими управляемых народов по внешним сношениям, водили на войну обязанных являться по их зову беков с нукерами и подвластными им раятами и узденей»[68].

Власть майсума, кадия была наследственной. Формально майсумы, кадии утверждались на собраниях представителей сельской общинной знати. Так, при избрании кадия представители узденских и раятских селений собирались на сход около сел. Хучни на участок Херба-Куран и там старший из известного тухума селения Хорюк надевал на избранного кадия старую папаху, а папаху кадия брал себе[69].

Майсум и кадий, как и остальные дагестанские правители, являлись крупными собственниками. Они владели зимними и летними пастбищами, ятагами[70]. Им принадлежали стада крупного и мелкого рогатого скота. В личном владении майсума и кадия находились, кроме того, крупные земельные и лесные угодья, сады, виноградники, населенные имения. Так, «Во второй половине XVIII века владение майсума включало в себя 70 селений с числом жителей мужского пола до 21 тысячи, а под властью кадия находилось 20 селений»[71]. Значительную доходную статью кадия табасаранского составляли подати и повинности с подвластного населения (до тридцати видов), пошлины с провозимых через владения кадия и майсума товаров, штрафы, налагаемые на население. «Штрафы взыскивались за убийство, поджог дома, увоз девушек и женщин; за воровство взыскивалось от 5 до 10 руб., за выстрел из-за засады штраф от одной до двух голов рогатого скота»[72].

Майсум и кадий получали доходы и с жителей узденских сел, не входивших в кадийство и майсумство. По архивным данным, с каждого дыма узденских селений кадий получал от одной са (3—4 кг) до одной сабы (1 пуд) пшеницы, по ложке масла (200—300 г.). Жители Северо-Табасаранского магала Харак платили кадию дополнительно по 2 киле (3—4 кг) пшеницы, а жители магала Кахурик — 3 киле пшеницы с дыма. Уздени магалов Дирче, Сувак ежегодно платили майсуму по одному киле пшеницы и по одной ложке масла, а уздени Нитригского магала платили по одной сабе пшеницы с дыма. Кроме того, правители феодальных владений Табасарана регулярно получали от жителей узденских селений дорогостоящие «подарки» в виде ковров, баранов, денег (от 10 до 15 руб.)[73]. Эти подати существовали до упразднения должности кадия русским правительством. «Доходы, которые получают майсум и кадий, — пишет И. Гербер, — состоят в хлебе и другой пище, кроме штрафных денег, что случается от ссор»[74]. «Кадий табасаранский пользуется, — отмечает Ф. Ф. Симонович, — доходами таковыми же, как и майсум, да получает жалованных дербентским Фет-Али-Ханом деревень на 5000 руб. ханскими деньгами»[75]. Майсум получал довольно большие доходы от пастбищ, которые арендовали подвластные жители, население союзов сельских обществ[76]. Кроме того, он получал натуральные приношения пшеницей, ячменем, медом, маслом, фруктами, скотом, птицей и деньгами»[77].

Ежегодные доходы майсума и кадия, по данным И. Т. Дренякина, относящихся к концу XVIII в., составляли более 60 тыс. руб.[78]

Майсум и кадий имели и незафиксированные нигде «подати». Так, например, во время периодических объездов майсумом и кадием узденских селений кадий получал в виде подарков от них деньги, ковры, баранов, мед, а майсума одаривали одним бараном[79].

Кадий, майсум и беки наступали на права узденских джамаатов. На этой почве между узденскими общинами и феодальными владетелями происходили частые столкновения, конфликты.

Таким образом, майсум и кадий были самыми богатыми людьми Табасарана. Они дарили земельные участки бекам и представителям сельской верхушки. Они же регулировали разногласия, возникшие между беками[80]. В военное время и во внешнеполитических сношениях майсум и кадий выступали и как представители узденских обществ.

Беки. По своему общественно-экономическому положению они стояли ниже майсума и кадия и находились в вассальной зависимости от них. Фактически эта зависимость была условной. «Большинство беков находилось в родственных отношениях с феодальными правителями[81]. «В Северном и Южном Табасаране майсум по отношению к бекам скорее был старшим в роде и посредником, чем власть имеющим над ними»[82], — читаем мы в архивном документе.

Административно-политическое устройство в бекствах повторяло устройство в кадийстве и майсумстве. Беки вели свои дела совершенно произвольно и чинили насилия над подвластным населением. В своих владениях они имели неограниченную власть. Они получали с зависимого населения подати и повинности, осуществляли суд над ними, решали земельно-правовые и внешнеполитические вопросы, «управляли раятами, водили на войну, чинили суды расправ между ними по адату, а иногда по своему убеждению»[83]. Они регулировали отношения между подвластными тухумами, джамаатами, а также с соседними владениями. Недовольные решением бека обращались к майсуму или кадию, которые принимали окончательное решение. Дербентский комендант полковник Розенфельд писал, что к началу XIX в., кроме майсума, «всякий другой южнотабасаранский бек был в своем имении полным властителем — карал даже смертью и прощал всякого рода преступления»[84]. Они руководили военными действиями, выставляли войско по зову кадия[85]. Табасаранские беки в управлении «деревнями были так же неограниченны, как уцмий, майсум и кадий над целым народом»[86].

Земельные участки, ятаги бекам переходили по наследству. Так, владения беков Северного Табасарана составляли 25 селений, 18 ятагов. В циркуляре в центральный статистический комитет, посланном 28 мая 1905 г., указывается, что в Северо-Табасаранском участке количество владельческих хозяйств равно 20[87].

Кроме наследственных земель беки имели земли, приобретенные у раят или захваченные у узденей союзов сельских обществ. В духовном завещании Ибрагим-бека говорится, что все недви-

жимое имение, доставшееся ему по наследству от предков, частью самим им приобретенное, заключающееся в деревнях, кутанах, землях и проч., находящееся в его владении.., предоставляется после его смерти в потомственное владение племянника его, прапорщика Мустафа-бека Карчагского[88].

Важным источником доходов беков также являлась отдача пастбищных земель в аренду за большую плату жителям узденских обществ. Так, жители магала Кухруг пасли зимою стада овец и баранов на бекских ятагах по найму[89]. Беки получали доходы и от пошлины с провозимых через подвластные им аулы товаров. «Табасаранские беки, — отмечается в сохранившемся в архиве документе, — пользуются различными доходами с раятских селений и ненаселенных земель, перешедших к ним по наследству от своих предков»[90]. Значительный доход бекам приносили штрафы. За убийство и увоз женщин, например, беку полагалось 40 руб., за поранение 5 руб., за воровство от 5 до 10 руб. За ослушание взимали 3 руб.[91] Бек имел право прогнать раята из своего селения за неповиновение или за какое-либо преступление[92]. Слово бека было законом для подвластных. «Если кому именем бека объявлена какая служба, а он против того окажется ослушным, то таковой наказывался от бека смертью, т. е. либо велит убить из ружья или срубить саблей голову, палками забить, повесить, глаза выколоть, или, если богат, то отобрать все его имение под видом штрафа в пользу бека...»[93]

Беки собирали с раят «доходы произведениями земли и заставляли отбывать повинности личною работою для покрытия потребностей и нужд своего привилегированного положения»[94].

Табасаранские беки различались по своему имущественному состоянию. Так, например, Мустафа-беку Карчагскому принадлежали 9 населенных пунктов и 11 ятагов. Во владении же наследников Султан-Ахмед-бека находились лишь два селения (Сыртыч и Мехти-Кент) и один ятаг (Бабаларик Ятаг)[95].

В Южном Табасаране наряду с беками возникла социальная группа джанка-беки (беки, рожденные от простой женщины). Они не пользовались теми правами в наследовании имения отца, которыми пользовались беки чистокровные[96]. В Северном Табасаране, напротив, беки женились на женщинах низших сословий, но дети от этих браков пользовались одинаковыми правами с так называемыми чистокровными беками[97]. Со временем и в Южном Табасаране джанка-беки получили одинаковые права с беками чистокровными. Именно поэтому, как отмечается в архивных материалах, «... разделение беков по происхождению по матери, в настоящее время, в обоих Табасаранах не существует и все беки равноправны и составляют высшее и привилегированное сословие»[98].

В рассматриваемое нами время правители располагали значительной военной силой. Известны специальные ополчения, служившие майсуму, кадию, бекам (нукеры, а также узденские ополчения). Кроме того, в период военной обстановки по приказанию кадия и майсума беки выставляли определенное число воинов, с

которыми являлись на службу старшего феодала. Военное ополчение по приказанию майсума, кадия выставляли и узденские общества.

По подсчетам И. Т. Дренякина, в конце XVIII века майсум и кадий могли выставить 8333 вооруженных людей, значительную часть которых составляли жители узденских селений[99].

«Табасаранцы, как и все здешние народы, — пишет Ф. Ф. Симонович, — бывают всегда вооружены по беспрерывному почти несогласию владельцев. Силы их разделены на столько частей, на сколько землевладений, при общем же соединении народа можно положить к походу способных до 10 000 человек. Они важны как по занимаемому ими местоположению, так и в разсуждении вольного сообщения Северного Дагестана с Южным и с Ширваном»[100].

По данным С. Броневского, военные силы табасаранцев также состояли из 10 тыс. вооруженных людей, из которых 3 тыс. кадия Табасаранского, а 7 тыс. майсума[101].

В магалах, не входивших в феодальные владения, по данным П. Ф. Колоколова, можно было собрать войско до 3 тыс. человек, в том числе конных — 300»[102]. Вообще же «Табасаранцы никогда не собираются партиями для хищничества и не делают нападение на соседние народы, но храбро защищаются против неприятелей и в сем отношении почитаются храбрейшими от соседних народов. Они собираются по сигналу, который подается ружейным выстрелом, с криком «харай»...[103]

Табасаранские майсумы, кадии, беки постоянно при себе имели вооруженных нукеров, которых выбирали сами беки из числа близких людей, из верхушки, а также из раят, особо отличившихся смелостью и преданностью. Так, например нукерами у Бийбола-бека Аркитского были три его молочных брата и четвертый по имени Магомед из зажиточной семьи. Обычно все более или менее состоятельные люди аула являлись нукерами бека. Среди нукеров обязательно бывал «баш-нукери» (главный нукер). У Бийбола-бека баш-нукером, например, считался его молочный брат Абдулали. Во время военной обстановки нукеры составляли ядро войска. В функции нукеров входило и исполнение приговоров и решений феодальных владетелей — кадия, майсума, беков. «Для приведения во исполнение приговора своего над неповинующимся правители имели достаточное число нукеров»[104], — читаем мы в архивном документе. Нукеры выполняли разнообразные поручения и при осуществлении хозяйственно-административных и судебных дел. Они помогали кадию, майсуму, бекам собирать подати. Они же сопровождали майсума, кадия, беков в поездках. За службу они освобождались от хлебной и других повинностей[105].

Основная часть нукеров содержалась за счет майсума, кадия, беков. Каждый нукер получал от них лошадь, одежду, оружие и питание. Их обеспечение ложилось тяжелым бременем на раят[106]. Но были нукеры, которые обеспечивали себя сами[107].

Духовенство. Самой многочисленной категорией духовенства

были муллы. Их число зависело от численности жителей аула. В крупных селениях было 5—6 мулл, в небольших 1—2 .Так, например, в сел. Марага, Аркит, Арак их было по 5, в Татиле, Цанаке, Вичрике — по 3, в Цухдиге — 4, в Джаррахе — 5, в Тините — 3, в Сыртыче—3 и т. д. По данным источников, в 20—30 гг. XIX в. общее число шейхов, мулл в Табасаране достигало 90 человек[108]. Кадии и эфендии имелись в наиболее крупных населенных пунктах. Так, например, эфендии были в южно-табасаранских селениях Ханаг, Гуми, Зардаг[109].

О духовных лицах Табасарана И. Березин писал: «Духовенство в Табасаране избирается по народному согласию из грамотеев»[110].

Духовенство не отбывало повинностей бекам, майсуму, кадию. «По преданиям ислама, шейхи или сеиды должны быть свободны от повинностей и обеспечиваемы обществом, среди которого живут. Поэтому шейхи не отбывали никогда и здесь никаких повинностей беку, в селении которого живут»[111].

Источниками дохода духовных лиц была плата за обучение детей корану, а также вознаграждение за исполнение религиозных обрядов[112]. Эти доходы обычно не контролировались. В мечеть поступала от граждан и 1/10 часть урожая в виде заката[113]. В зависимости от общего количества скота в пользу мечетей выделялся также крупный и мелкий рогатый скот. Эти доходы использовались в благотворительных целях и строго контролировались старейшинами аула. Мечети имели мечетские земли (1/3 часть всей земли). Эти земли отдавались для обрабатывания нуждающимся общинникам на условиях половины урожая.

Сельские муллы, эфендии производили, кроме того, суд по шариату, другие юридические сделки. Недовольные решением сельского муллы обращались к эфендиям[114]. За это они также получали вознаграждение.

Класс крестьян. Основная масса населения Табасарана состояла из узденей, раят. Самую многочисленную группу составляли уздени. Если всего в Северо-Табасаранском и в Южно-Табасаранском наибствах насчитывалось 143 селения, то 55 из них были раятскими, остальные узденские. В Северном Табасаране в 54 селениях насчитывался 1061 узденский двор (2349 мужчин и 2554 женщины)[115].

В «Записке о сословно-поземельном строе в Северном и Южном Табасаране» говорится, что «Уздени в Табасаране, как и везде, были свободные люди, ни от кого не зависимые, никому не отбывавшие прямых податей»[116]. В этом же документе отмечается, что они свободно располагали своей движимостью и собой[117]. По словам Гербера, «табасаранских обывателей больше вольными людьми почесть можно, ибо они майсуму и кадию не вовсе подданы»[118].

Наши материалы[119] свидетельствуют, что на самом деле нельзя рассматривать узденство Табасарана как однородную массу свободных, ни от кого не зависимых людей. К исследуемому времени процесс феодализации в Табасаране не был завершен. В результате,

значительное количество узденских селений не входило в феодальные владения, а часть узденских селений входила в состав владений майсума и кадия. И те, и другие уздени имели в своей личной собственности пахотные и покосные земли, «их права охраняли адаты и джамааты»[120]. Не будучи феодально-зависимым сословием, уздени все же находились в некоторой зависимости от феодалов, которая проявлялась в разнообразных формах[121]. В частности, по первому же призыву кадия и майсума уздени Табасарана принимали участие в их военных походах. Уздени, входившие в феодальные владения, платили владетелям подати и несли трудовые повинности. Так, жители узденских селений Лика, Цудух, Чувек, Хвередж, Хив, Кондик, Арчук, магала Лирче (Дюрек), магала Сувак ежегодно платили майсуму по одному киле пшеницы и по одной ложке масла, а уздени Нитрихского магала платили по одной сабе пшеницы с дыма. Жители других узденских сел платили кадию от одной са до одной сабы пшеницы, по ложке масла с каждого двора. Кроме того, жители северотабасаранского магала Харак ежегодно платили кадию по 2 киле пшеницы, а жители магала Кахурик — 3 киле пшеницы с дыма[122].

Следует отметить, что само узденство также не было однородной массой. В каждом союзе сельских общин и в узденских селениях, входящих во владения майсума и кадия, по своей экономической мощи резко выделялась сельская узденская верхушка, которая состояла из представителей сильных и зажиточных тухумов, сельских старшин.

Раяты. В Северном и Южном Табасаране подвластных бекам дворов было 2165. В них проживало 10913 душ населения[123]. Число раят пополнялось и в процессе постепенного закабаления «свободных» общинников[124].

Раяты по своему положению мало чем отличались от крепостных крестьян. А. А. Неверовский писал о Дагестане, что «относительно зависимости, простой народ во владениях сходствует с нашим крепостным состоянием. Он должен вносить деньгами или хлебом определенную владельцам подать и вообще исполнять беспрекословно все его приказания. Разница между крепостным и этим классом людей состоит в том, что владельцы не имеют права их продавать»[125].

Табасаранские беки также не имели права продавать раят[126]. Табасаранские раяты фактически были прикреплены к земле, хотя формально юридического факта прикрепления раят к земле не было. Они не могли переходить из одного селения в другое без разрешения владельцев—кадия, беков и «обязаны при подобном переселении оставить в пользу последнего все свое недвижимое имущество»[127]. Феодал мог отпустить раята, но в таком случае его недвижимое имущество (усадьба, дом) поступало беку. Если кто-либо уходил тайно, то брал с собой только то, что успевал[128]. Сословно-поземельная комиссия констатирует, «что свободного переселения в Табасаране не было, а были случаи бегства»[129].

Раяты несли в пользу своих феодалов многочисленные подати

и повинности. Эти подати и повинности были настолько многочисленны и разнообразны, что трудно их даже перечислить. «... Во всем Дагестане, — пишет Р. М. Магомедов, — в самом тяжелом положении находились раяты Кайтага и Табасарана»[130].

Все феодальные повинности в Табасаране разделялись на три категории[131]. Первая категория — рента предполагала приложение рабочей силы. Вторая категория — натуральная повинность, согласно которой в пользу феодалов вносилось определенное количество произведений земли и сельского хозяйства (пшеницы, ячменя, яиц, винограда, сыра, масла и т. д.). Третья категория — денежные повинности[132]. Кроме этого, беки требовали от раятов множество других налогов[133]. Так, они брали налог с женщин за вступление в брак (от 3 до 40 руб.)[134].

С каждого дыма табасаранские беки взимали от одного до шести сабу пшеницы, с владельцев баранов — двух баранов в год. Раяты, у которых были ореховые деревья, платили от одного до трех сабу орехов, у кого был сад — от одного до восьми сабу фруктов и т. д. В общей сложности табасаранские раяты выплачивали и отбывали до 40 видов различных податей и повинностей. В архивном документе они перечислены в следующем порядке: с каждого дыма, имеющего пару быков,—1 капан пшеницы; раяты рубили хворост для барской марены, набивали марену в харалы и возили в гор. Дербент; кто имел сенокосное место, обязан был давать беку одну арбу сена; раяты обязаны были поставлять для бека марену в продолжение рабочего дня; по требованию бека обязаны были провести канаву; раятские жены обязаны были смазывать крышу бекского дома и молотить пшеницу, везти бекскую пшеницу на мельницу для помола, доставлять беку в нужном количестве дрова и хворост, возить дрова и уголь в город Дербент в дом бекского кунака, у которого бек останавливался, возить бекские семена к пахотным полям и засевать их вовремя, жать бекский хлеб, возить на харманы снопы, а зерно с харманов — в бекский дом, косить бекское сено, убирать его в стога и вовремя поливать бекское сенокосное место; кто имел овец, тот должен был давать ежегодно беку двух баранов; каждый раят обязан был один раз в год отдавать однодневное молоко беку; кто сеял рис, должен был дать беку один капан чалтыка; кто не сеял, а приобретал его на стороне, тот должен был отдавать беку сабу чалтыка; кто сеял рис на бекской земле, должен был один день засевать бекское поле; с виноградного сада бек получал одну корзину винограда. По окончании сбора всего винограда бек получал большую корзину зрелого и такую же карзину незрелого винограда для давления из него сока, а также горшок нарбека; раяты, имевшие фруктовые сады или деревья, обязаны были отдавать беку плоды с одного дерева, раяты должны были доставлять беку в нужном количестве яйца и кур; отдавать беку для верховой езды свою лошадь; при постройке беком жилища раяты обязаны были приготовить строительный материал и привезти к месту стройки; возводить для бекской скотины казму или чалу своими средствами;

привезти камыш и покрыть бекский саманник; по случаю свадьбы бека или его сына раяты и нукеры обязаны были делать беку подарки деньгами; при вступлении раята в брак, он обязан был дать беку один ковер, 1/2 барана, 2 са крупы и 1 гирванка (400 г) масла; при выдаче замуж дочери раята в другое село, жених должен был дать беку 10 руб., а за вдову 5 руб., бекскому конюху 50 коп. и одну маленькую переметную сумку; если раят дочь свою выдавал за жителя мюшкурского магала или в гор. Дербент, размер денежной уплаты определялся самим беком; за преступление, совершаемое раятом, с виновного в пользу бека взыскивался один буйвол; за ослушание и уклонение от бекской или казенной службы с виновного взыскивался в пользу бека штраф — 5 руб. серебром; за каждый проданный раятом пуд марены бек получал 25 коп. серебром; раяты должны были нести караульную службу во дворе бекского дома; раят, занимавшийся пчеловодством, обязан был дать пол-сабы меду[135].

Кроме того, «беки взыскивали с раят за преступления и проступки штрафы в свою пользу, изгоняли из селения»[136].

Разнообразие и число податей зависело от различных факторов, в частности: 1. От состоятельности раятов. 2. От количества раятских дворов, подвластных беку (чем меньше дворов, тем больше личных повинностей и податей). 3. От количества членов семьи бека. 4. От силы и влияния бека[137].

В сел. Рукель, Кемах, Мугатырь, Митаги, Гимейди, Бильгади, Задиан, Зиль, Татиль, Екраг и Рушуль подать с марены беки брали деньгами, обычно по 40 коп. с пуда сухой марены. В сел. Аркит, Фиргиль, Мурад-Али-Кент и Ушниг — по 30 коп., Дарваг — по 50 коп., в Марага — по 25 коп. с того же веса сухой марены. В остальных аулах марену не выращивали, и по этой причине здесь эта повинность отсутствовала[137].

С жителей некоторых сел беки взимали подать орехами. Так, дарвагцы выделяли для бека по 3 сабы орехов с дыма; сел. Гимейди и Бильгади — по 1 сабе; Аркит Фергиль, Мурад-Али-Кент и Ушнюг — по 1 капану; Цуртил, Вичрик и Рушуль — по 2 сабы. Они же выделяли бекам виноградники и по одному плодовому дереву. Жители сел. Марага, Гимейди, Цуртил, Вичрик должны были возить беку сено, а жители сел. Фергиль, Мурад-Али-Кент, Зиль, Татиль и Екраг готовили для нужд бека саман. Повинность в виде соли бек взимал с жителей сел. Рукел. Годовой доход бека в соли составлял 180 капанов[139].

Раяты отбывали и многочисленные повинности, выполняя самую разнообразную работу. Следует отметить, что все полевые и хозяйственные работы раяты выполняли на своем продовольствии[140]. Кроме того, беки брали пошлину с торговцев, имели право брать в прислуги сирот и пользовались бесплатно услугами пастухов, надсмотрщиков полей. Они же совершенно бесплатно пользовались услугами женщин при очистке зерна, обмазке дома, стирке шерсти и т. д. Жители аула должны были прислуживать беку и его семье во время свадеб, похорон, других событий. Когда же-

нился нукер, например, раят должен был сделать ему подарок[141].

Раяты евреи, которые проживали в Табасаране, находились в такой же зависимости от беков, как и раяты мусульмане. Но евреи пользовались некоторым покровительством беков. Они занимались преимущественно торговлей, табаководством, выделкой кож, а позже мареноводством. «Кроме податей со своих промыслов и земных произведений, евреи исполняли для бека и различные работы, из которых некоторые составляли исключительно еврейскую повинность»[142].

Хотя взимание повинностей регламентировалось обычаем, размер повинностей зависел от желания бека. Крестьянские поверенные заявляли: «Бек мог требовать от раят все, что желал, и они исполняли эти требования потому, что беки были сильнее нас и могли заставлять исполнять всякое свое требование»[143]. В другом документе отмечается, что «В Табасаране беки все доходы получали от трудов раятов, старались прикрепить последних к земле и обставить выселение их такими тяжкими условиями, что свободное выселение становилось невозможным, и одно бегство избавляло раятов от притеснений беков»[144]. Что касается барщины, раяты обязаны были работать столько, сколько потребуют от них владельцы, и на это число дней не определялось[145].

В рассматриваемое время в Табасаране была немногочисленная прослойка рабов — «лукlар». Основной источник рабства в Табасаране — пленные «ясыры». М. М. Ковалевский отмечал, что «военнопленные и несостоятельные должники — эти два источника рабства были известны издревле и дагестанским горцам»[146]. Правда, были известны и другие источники. Так, в рабов превращались раяты, которые убежали от своих правителей. Иногда, если семье или определенному лицу угрожал голод, нищета, глава тухума во избежание голодной смерти целого семейства продавал или менял на хлеб члена тухума[147]. В результате этого в рабство попадали и целые родственные группы людей.

Рабы обычно составляли домашнюю прислугу при дворах владельцев и обязаны были выполнять все их требования «без всякого ограничения»[148]. Их использовал джамаат в качестве пастухов, чабанов. Согласно адатам, рабы не имели никаких прав (политических, гражданских). Рабы «суть дворовые люди, невольники, по народным обычаям, находящиеся в полном и ничем не ограниченном распоряжении своих владельцев»[419]. Они не могли быть допущены к разбирательству дел в качестве свидетелей, к участию в сходах джамаата. Феодал мог его убить, купить, продать. Беки находили им жен по своему усмотрению, и рабы не имели права отказываться[150].

Тяжелое социально-экономическое положение заставляло раятов бороться против беков, аульской верхушки. Жители узденских сел также выступали против майсума, кадия и зажиточной верхушки. Антифеодальная борьба принимала самые разнообразные формы. Крестьяне в знак протеста поджигали, ломали хозяйствен-

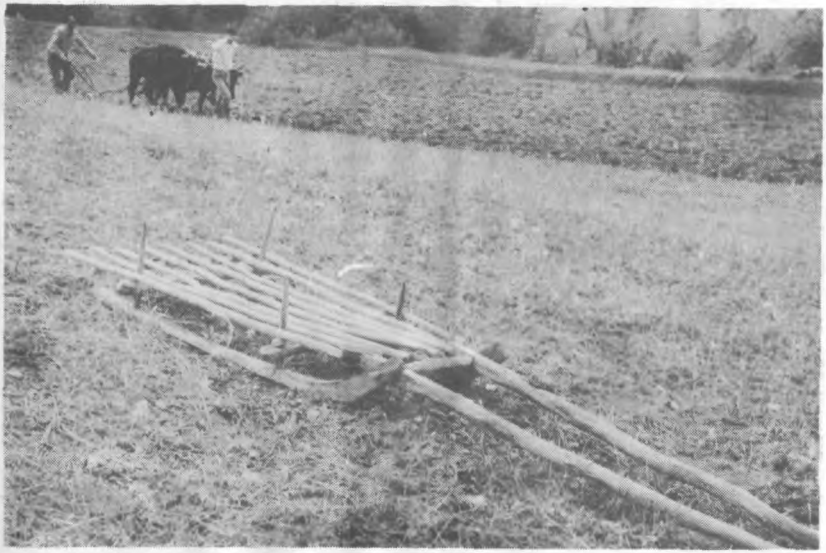
Деревянная лопата для веяния зерна.

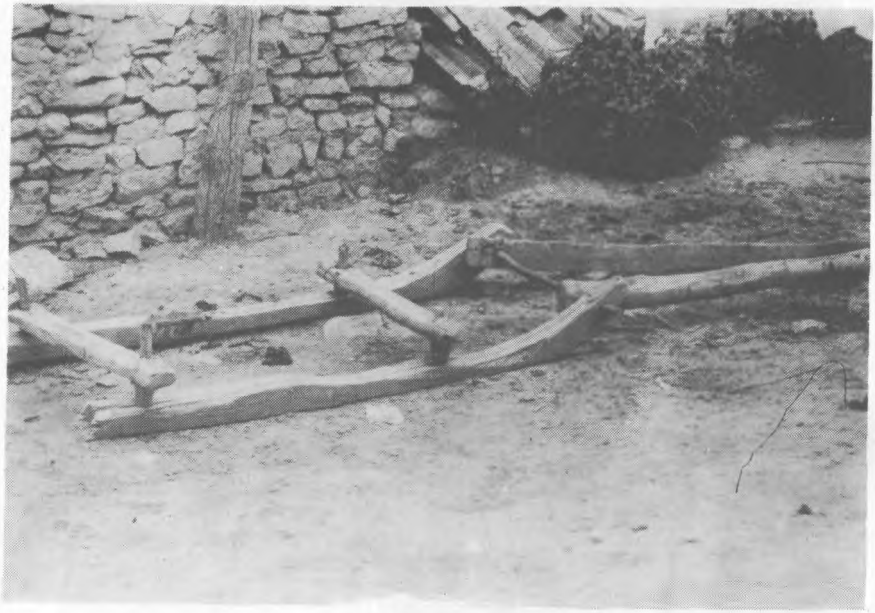
Инвентарь мастера по дереву, сел. Хурик.

Вспашка земли волами, сел. Хурик.

Деревянные грабли.

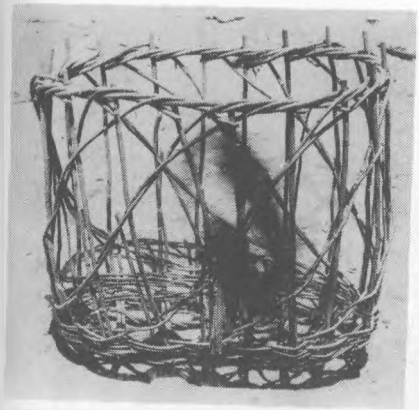
Сани.





Сани.

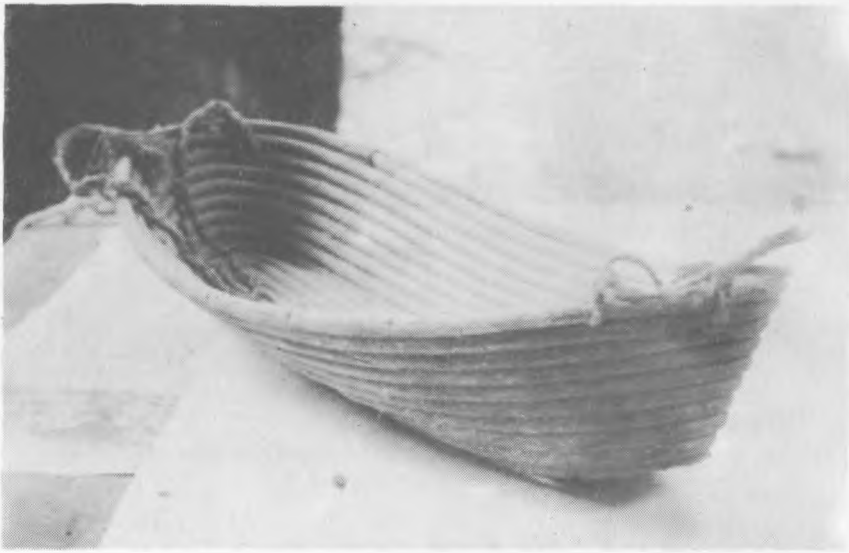
Арба.



Плетеная корзина для сена.

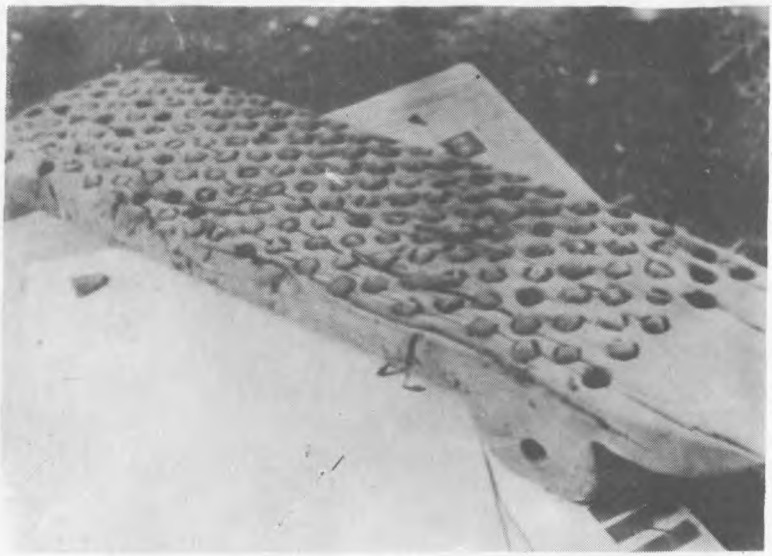
Плетеная корзина для орехов.

Плетеная корзина для навоза и мусора.

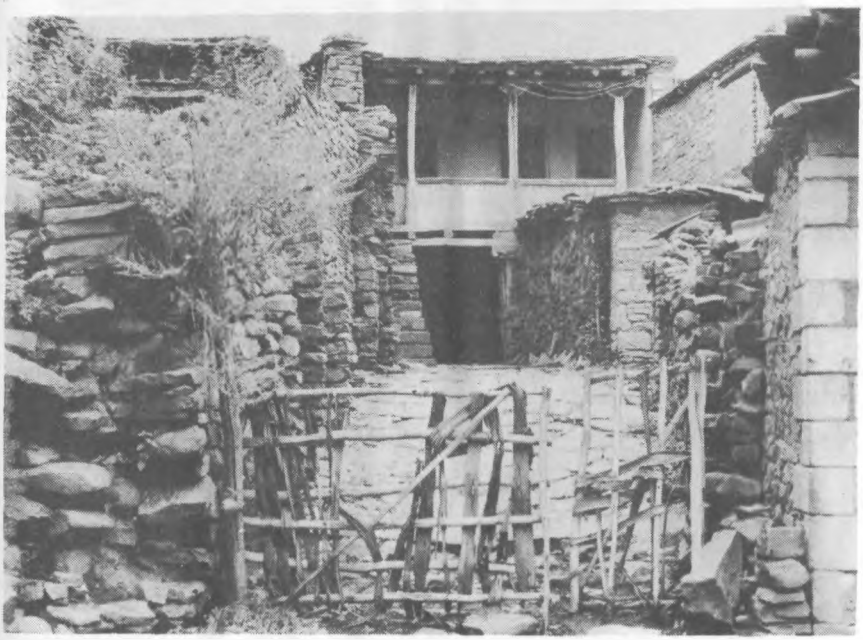


Корзина для яблок

Жернова.



Молотильная доска.



Старинный двухэтажный дом, сел. Хорсдж

Фрагмент старинного двухэтажного дома, сел. Кондик.

Старинный двухэтажный дом, сел. Кондик.

Старинный двухэтажный дом с балконом, сел. Хурик.

Фрагмент двухэтажного дома, сел. Цудук.

Фрагмент старинного двухэтажного дома, сел. Чере.

Сельская улица, сел. Хорсдж.

Старая часть села, сел. Хурик

Вид села, сел. Хоредж.

Башня, сел. Хив.

Современный двухэтажный дом, сел. Хурик.

Современный двухэтажный дом, сел. Кондик.

Современный одноэтажный дом, сел. Кулиф.

У родника, сел. Хоредж.

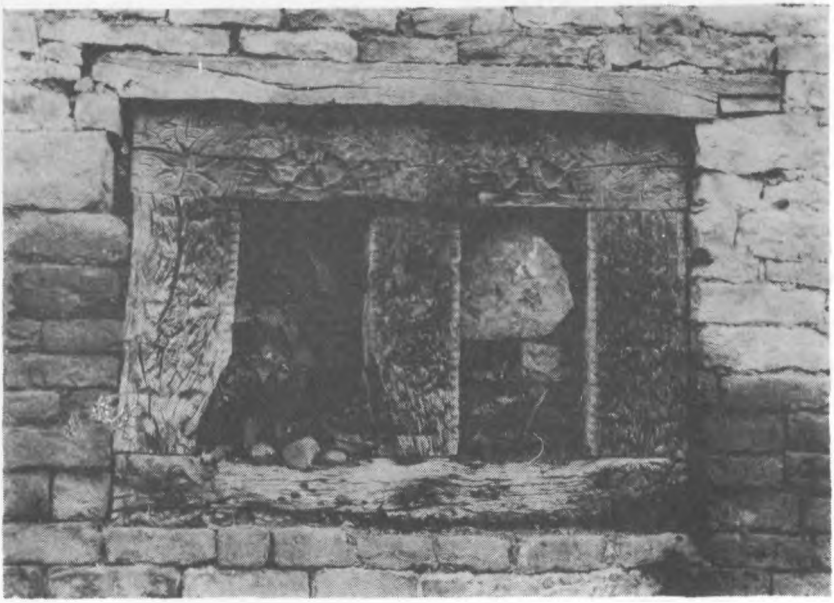
Загон для овец, сел. Кут.

Каменный забор, сел. Хоредж.

Фрагмент ворот, сел. Яргиль.

Ворота, сел. Хоредж.

Ворота, сел. Цудук.

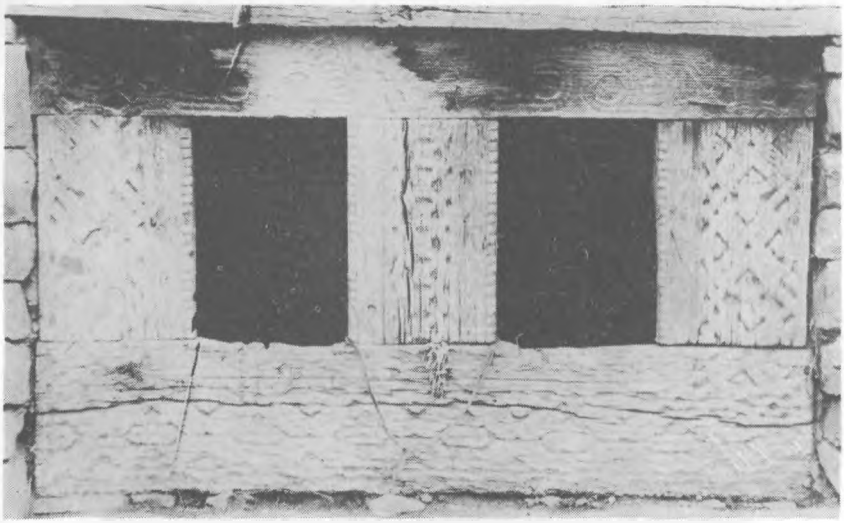


Окно, сел. Цулук.

Фрагмент арки ворот, сел. Ярчиль

Ворота, сел. Ергулиг.

Двери, сел. Джульжаг.



Окно, сел. Кондик.

Женщина в современной одежде, сел. Хоредж.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

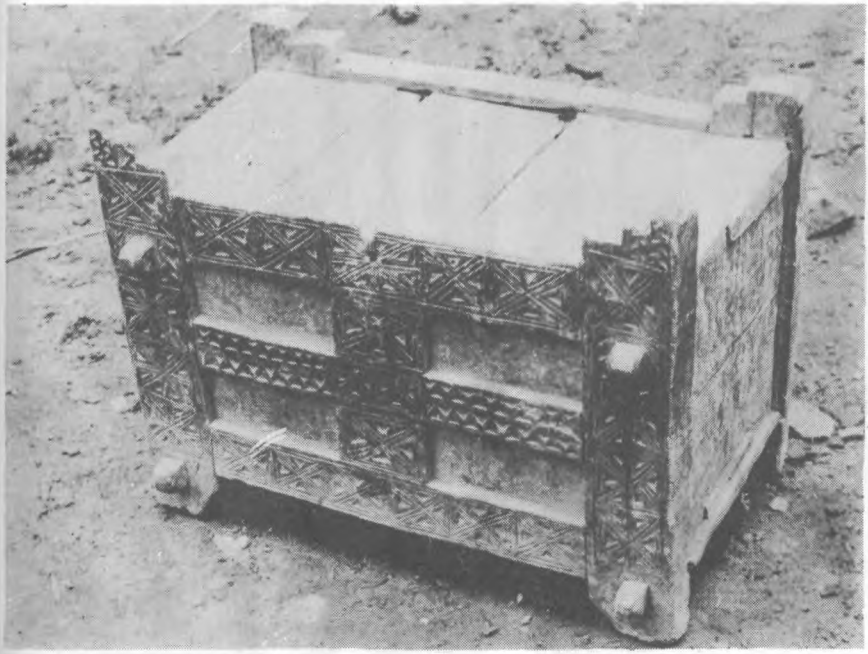
Окно, сел. Кондик.

Мужчина в современной одежде, сел. Кондик.

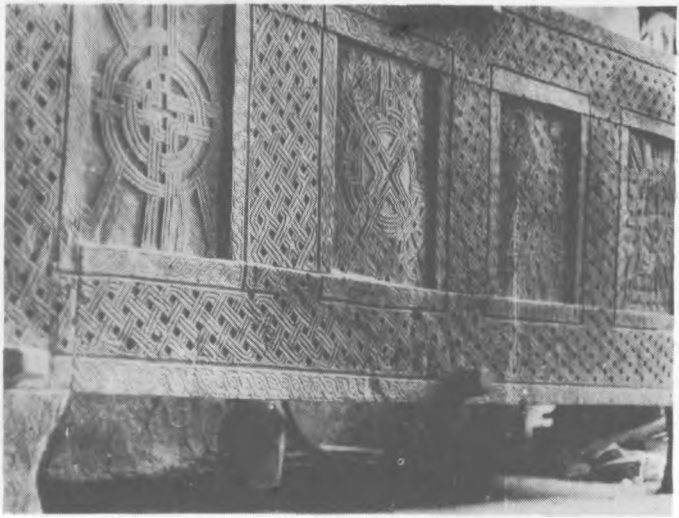
Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

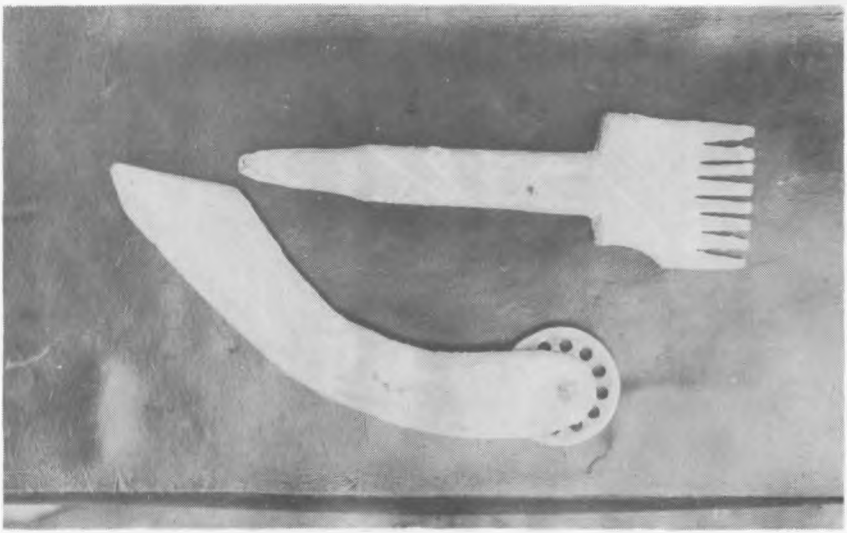
Окно, сел. Яргиль.



Резной деревянный ларь для зерна, сел. Хоредж.



Резной деревянный ларь для хранения зерна, муки, сел. Джульжаг.



Деревянные инструменты для нанесения узора при выпечке хлеба, сел. Ергулиг.

instituteofhistory.ru

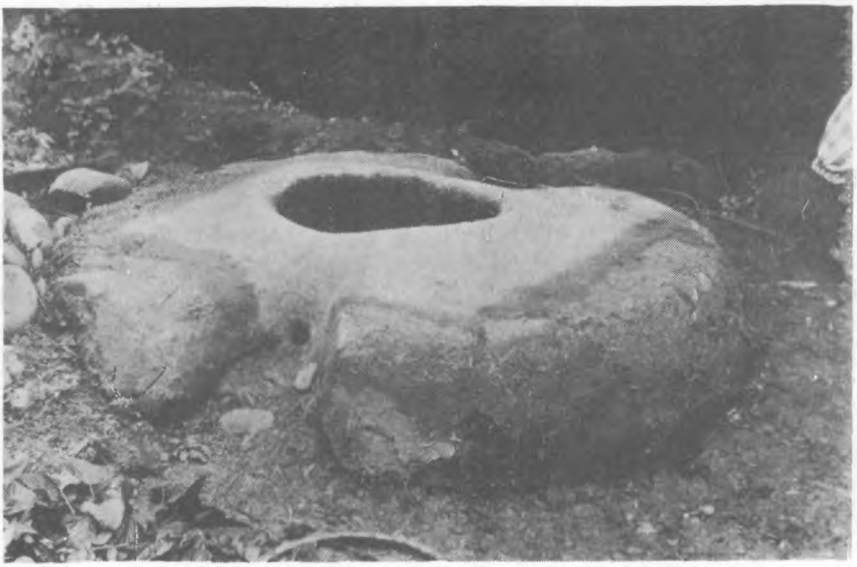
Деревянный поднос, сел. Ергулиг.

Печь для выпечки чуду, сел. Ергулиг.

Надворные печи для выпечки хлеба, сел. Хучни.

сел. Аркит.

instituteofhistory.ru



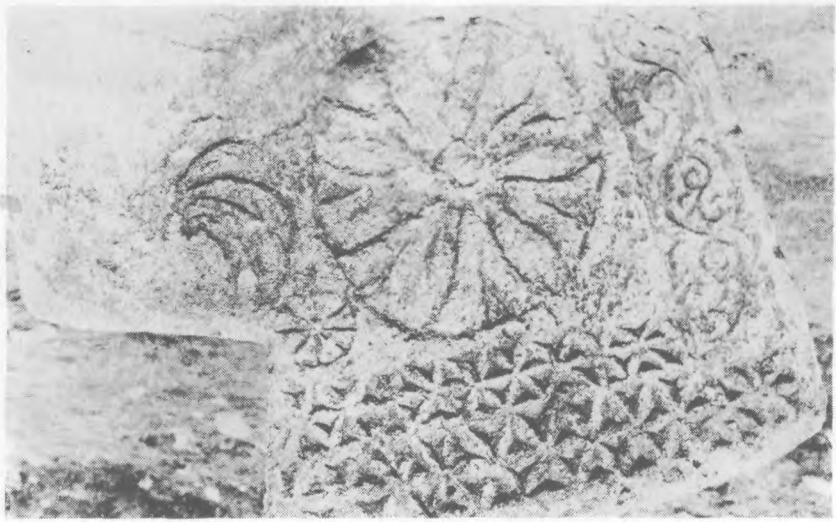
сел. Хучни.

сел. Хуруг.

Деревянный ковш для воды, сел. Хучни /музей/.

Деревянная шумовка, сел. Хустиль.

Деревянные ложки, сел. Хурик.



Резьба по камню.

Половник и дуршлаг, сел. Джульжаг.

Керамический сосуд для молока,

Керамические сосуды для воды,

сел. Джули.

Резьба по камню.

Керамическая миска, сел. Джули.

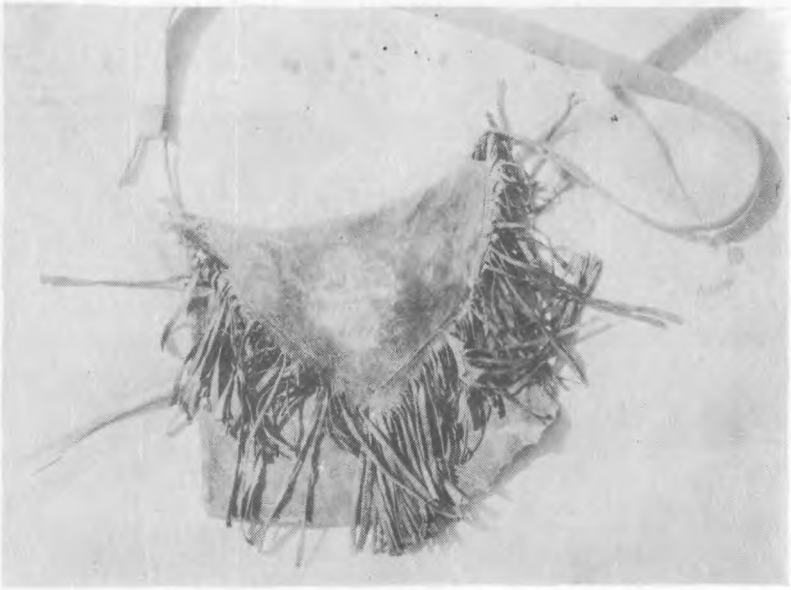
Муртазаев Али за работой, сел. Джули.

Габласаранка за приготовлением пельменей, сел. Лака.

Керамический чайник, сел. Джули

Миска для очистки риса (музей).

Подставка для светильника, сел. Хучни /музей/.



Сумка из козьей шкуры, сел. Хустиль.

Ковровщица, сел. Хоредж /ткацкий станок/.

ные застройки майсума, кадия, беков, открыто сражались против них[151], писали жалобы на беков[152].

В 1869 году была учреждена комиссия для разбора сословных и поземельных прав раятов Кайтаго-Табасаранского, Кюринского и Самурского округов[153].

Сословно-поземельная комиссия писала, что крестьянское движение в Дагестане «прежде всего имеет экономический характер». «Отбывавшиеся бекам Дагестана повинности являлись обременительными для поселян, так как последние кроме них должны были уплачивать в обычных нормах земские сборы и подымную подать, и после 1900 г. — государственный поземельный налог или оброчную подать. Естественно, что поселяне тяготятся таким двойным обложением, принимающим довольно чувствительные меры»[54].

Крестьяне испытывали на себе всю тяжесть колониального и феодального угнетения. Только 7 июля 1913 г. был издан проект «Закона о прекращении зависимых отношений поселян Дагестанской области и Закатальского округа к бекам и кешкелевладельцам и об учреждении в сих местностях установлений по крестьянским делам». Законом от 7 июля 1913 г. были установлены «Правила о прекращении зависимых отношений поселян Дагестанской области и Закатальского округа к бекам». Согласно этим правилам, крестьяне с 1 января 1913 г. освобождались от всех повинностей[155].

В специальном «Расписании причитающегося бекам вознаграждения за отменяемые повинности» была определена выкупная сумма, следуемая бекам с крестьян по каждому селению в отдельности. При этом выкупная сумма выдавалась бекам единовременно из царской казны. На крестьян же возлагалась обязанность погасить выкупную сумму путем ежегодных равных взносов в течение 20 лет, начиная с 1 января 1913 г.[156] Всего крестьяне Кайтаго-Табасаранского округа должны были выплатить 186 121 руб. В среднем каждый бек получал за освобождение крестьян от повинностей 526 руб.[157] В результате этой реформы в Кайтаго-Табасаранском округе было освобождено 40 селений (3362 дыма)[158].

Хотя положение крестьян и после реформы 1913 г. оставалось исключительно тяжелым, тем не менее она имела и свои положительные стороны. Ликвидация крепостнических отношений и в связи с этим освобождение крестьян от феодальных повинностей способствовали развитию капиталистических отношений в Дагестане.

В годы империалистической войны 1914 г. жизнь населения Дагестана ухудшилась, как и во всей стране. В силу неблагоприятных условий, вызванных войной, в Кайтаго-Табасаранском округе на 22% сократилось овцепоголовье[159]. Сократилось число лошадей. Все это значительно ухудшило положение крестьян, особенно в 1916 г. Увеличилось число безземельных и малоземельных крестьян. Еще больше сократилось поголовье скота, усилился продовольственный кризис. В Дагестане, как и во всей России, этот год был годом резкого обострения классовых противоречий.

* * *

Изучение архивных материалов, специальной литературы и наш полевой материал свидетельствуют, что в XVIII веке у табасаранцев существовало четыре формы земельной собственности: частнокрестьянская, общинная, вакуфная и феодальная[160]. После присоединения Дагестана к России появляется еще одна форма земельной собственности, называемая «казенной» или государственной.

Частнокрестьянская форма. Процесс сосредоточения пахотных земель в индивидуальном пользовании отдельных семей завершился у табасаранцев задолго до XIX в.[161] В результате отсутствовали периодические переделы пахотных участков[162]. Все пахотные и сенокосные участки, которые составляли собственность отдельных семей, назывались мюльками. Кроме пахотных и покосных земель в мюльк входили скот, все недвижимое имущество — дом, другие постройки и т. д. Каждая индивидуальная семья пользовалась правом передачи, продажи, завещания своего мюлька. Кроме того, уздень мог отдать свой мюльк в качестве платы по кровомщению, сдать в аренду и отдать в пользу мечети[163]. Однако документы свидетельствуют, что продажа мюлька разрешалась только членам сельского общества. При этом предпочтительным правом на приобретение мюлька пользовались родственники[164].

Количество пахотной земли, которая находилась «в собственном пользовании жителей, зависимых от беков, в Северном Табасаране не превышает пропорции 4,6 десятин на один двор, а в Южном Табасаране 5 десятин»[165].

В каждом селении для охраны хлебов и покосов общество назначало караульщика, который следил за тем, чтобы скот не травил оберегаемые им поля. «За пойманную скотину на поле в первый раз он получал от хозяина оной один чурек, во второй раз и далее — по одной киле пшеницы или другого хлеба»[166].

В адатах Северного Табасарана зафиксированы штрафы, налагаемые за убытки, причиненные покосным и пахотным полям[167]. Так, «если у кого на поле сделана потрава чьим-либо скотом, то общество посылает двух лиц определить стоимость потравы: потом обиженный взыскивает с хозяев скота удовлетворение»[168]. «Кто завладеет чужим садом, тогда у того отбирался сад, доход, с него полученный, и возвращался хозяину, сверх того он наказывался палками и взыскивался штраф в пользу бека, смотря по важности дела. Кто сожнет и увезет с поля чужой хлеб, тогда у того отбиралось увезенное, если бедный — наказывался умеренно палками, а если богатый, то взыскивался с него штраф в пользу бека. Кто присвоит себе чужое пастбище, у того отбиралось присвоенное и отдавалось хозяину, и наказывался»[169].

Каждый джамаат строго определял границы земель, принадлежавших тем или иным обществам. Нередко из-за пастбищ, пахотных и покосных земель возникали споры между аулами, между сельскими общинами, иногда и между соседними народами.

Следующая форма земельной собственности — общинная (джамаатская), которая встречалась как в союзах сельских обществ, так и в феодальных владениях. К общинным землям относились зимние и летние пастбища, леса. Ими могли пользоваться все члены сельского общества. Некоторые пастбища находились в совместном пользовании нескольких общин. В «Записке о сословно-поземельном строе в Северном и Южном Табасаране» мы читаем, что «леса искони были достоянием целых обществ и в беспрепятственном пользовании их членов, и их имеют почти все селения. Жители всегда имели право в своем лесу пользоваться безвозмездно лесами, материалами для своих потребностей и свободно расчищать его и обращать из-под него почву в пахотные и сенокосные места. Леса по частям одни состоят или в совместном пользовании общества нескольких селений или каждого отдельно и естественные границы таких лесных участков везде известны и часто находятся в споре»[170]. По решению сельского схода общинные земли могли быть сданы в аренду.

У табасаранцев, как и у других народов лезгинской группы, имела место и своеобразная форма землепользования, которая заключалась в том, что после сенокоса и уборки хлебов весной и осенью по обычному праву овцеводы могли беспрепятственно пасти свой скот на этих землях[171].

Вакуфные (мечетские) земли состояли из земель, добровольно переданных верующими в пользу мечети навечно. Такая земля не могла быть продана кому бы то ни было, она не могла быть взята обратно. Мечетские земли отдавались в аренду преимущественно безземельным или малоземельным членам сельских обществ из расчета половины урожая[172]. Доход с мечетских земель поступал в пользу служителей мечети и на благотворительные цели. Имелись целые заповедные рощи, леса, из которых материал использовали на постройку мечетей и т. д.[173] В мечетскую собственность обращали не только пахотные, покосные земли, но и скот, предметы домашнего обихода.

Феодальная форма земельной собственности являлась в Табасаране господствующей. В руках кадия, майсума, беков были сосредоточены основные пахотные, покосные и пастбищные земли. Так, один только марагинский бек имел около 600 десятин земли[174], помимо пастбищ.

Земля табасаранских беков складывалась из земель, наследованных от предков, приобретенных от раятов, из оставшихся от выселившихся в другие места, из выморочных (земля умершего, у которого нет наследников. — А. Б.) и удержанных беками. «... И в Табасаране мюльки, оставшиеся от выселившихся или бежавших и изгнанных с семейством, хотя бы у них оставались ближайшие родственники, имеющие право на наследование их имуществами, а также от умерших без наследников, мужского или женского пола, всегда поступали в пользу бека»[175].

Феодальная земельная собственность расширялась за счет присвоения общинных и частно-крестьянских земель, за счет прямого

захвата земель у крестьян. Так, в конце 70-х гг. XIX в. Бей-Болабек Гамийдинский захватил у раятов сел. Зидиан несколько участков пахотной и пастбищной земли в местности «конасувар», часть которой сдал в аренду[176]. Часть своей пахотной земли табасаранские правители отдавали за определенную долю урожая в пользование раятов, другую часть они оставляли в личном пользовании.

Майсум, кадий, беки по своему усмотрению дарили земли навечно с правом передачи их по наследству или на временное пользование служилым людям-нукерам, дружинникам[177]. «В случае смерти нукера, отхода от службы или по другим причинам земля или доходы, пожалованные в условное держание, переходили к собственникам, т. е. в распоряжение того бека, который пожаловал их»[178].

Реформа 1913 г. совершенно не коснулась земельного вопроса. Беки, царская казна и мечети продолжали сохранять в своих руках основной фонд земли. В Кайтаго-Табасаранском округе Мамед-Риза-бек Табасаранский владел 11049 десятинами земли, Джалал-бек Табасаранский — 107 десятинами, Амир-Аслан-бек — 823, Ибах-бек — 703 десятинами[179]. «По данным окружного управления за 1906 г, у трех рукельских беков было 1940 десятин, аркитский Эльдар-Кади-Бек имел 697 десятин. В 1900 г. у Мамед-Ризи-бека Табасаранского было более 11 тыс. десятин, Муртазали-бек Табасаранский владел 978 десятинами земли, из них 800 десятин пастбищных»[180].

Таким образом, в результате сохранения феодального землевладения положение крестьян и после реформы 1913 г. оставалось исключительно тяжелым. «Малоземелье и безземелье, приводившее к закабалению крестьян феодалами, тяжесть выкупных платежей, многочисленные прямые и косвенные налоги и натуральные повинности государству, отсутствие каких-либо политических прав вели к деградации крестьянского хозяйства»[181].

Одним из главных источников образования казенных (государственных) земель были конфискованные имения отдельных владетелей, а также земли, принадлежавшие сельским обществам. Администрация сдавала пастбищные земли в аренду, получая огромные прибыли. «Царское правительство широко и щедро раздавало земли русским чиновникам, офицерам и представителям местной феодальной знати. Примерно с 50 — по 80 гг. XIX в. было роздано в Кайтаго-Табасаранском округе 7226 десятин»[182].

Хотя бекская власть в Табасаране вскоре была ликвидирована, лучшие земельные участки царское правительство дарило табасаранским правителям, награждая их пенсиями и чинами. Так, табасаранский правитель Эльдар получил 497 десятин земли и 700 руб. пенсии, Султан-Ахмед-бек — 500 десятин земли и 400 руб. пенсии[183]. «Из фонда казенных земель отводились большие участки под строительство крепостей, гарнизонов. Только один Дагестанский конный полк имел в 18 селениях Кюринского, Кайтаго-Табасаранского и Темир-Хан-Шуринского округов более 426 деся-

тин земли»[184]. В то же время крестьяне испытывали земельный голод.

ГЛАВА II. ХОЗЯЙСТВО

Территория, населенная табасаранцами, делится на две природно-географические зоны. Это в основном — предгорье (верхнепредгорная зона, горы) и нижнепредгорная зона, частично равнина. В той или иной степени с древнейших времен здесь развивались все отрасли хозяйства — земледелие, скотоводство, домашние промыслы. Ведущими отраслями хозяйства издревле являлись земледелие и скотоводство. Подтверждением этому могут служить археологические материалы[1], письменные источники, фольклор, а также сохранившиеся вплоть до начала XX в. пережитки аграрных культов, земледельческих обычаев и праздников — обряд вызова дождя и солнца, праздник пахоты и др. Непосредственно с земледельческим культом связан древний домусульманский обычай, связанный с паломничеством к мечу Маслама. По этому обычаю табасаранцы в период жатвы приносят в «пещеру всякого добра и подаяния, пилигримствуют к этому мечу и делают новые ножны. Когда несут ножны в пещеру, берут с собою около пудовки пшеницы и, идя, бросают ее по земле, пока вложат в новые ножны меч, и тогда возвращаются домой»[2].

В пользу данного тезиса говорит и хорошо разработанный локальный сельскохозяйственный календарь табасаранцев. Об этом же свидетельствуют: лингвистический материал, преобладание земледельческих и животноводческих продуктов в повседневном рационе. В быту табасаранцев мы также встречаем достаточно примеров, свидетельствующих о древности у этого народа земледелия и скотоводства.

В своеобразном перечне, подтверждающем древность земледелия и скотоводства в Табасаране, обращает на себя внимание тот факт, что арабами из Табасарана было угнано «... 40000 голов лошадей, рогатого скота и овец»[3], а Мерван наложил «... на подданных табасараншаха дань в десять тысяч мер, которые они обязаны были доставлять в зернохранилище Баба»[4]. Приводимые сведения говорят о хорошо развитых уже в раннефеодальном хозяйстве табасаранцев земледелии и скотоводстве. Об этом же свидетельствуют и сообщения арабских географов IX — X вв. о том, что Дербент являлся складочным пунктом для товаров Хазарии, Серира, Кайтага, Табасарана и других областей. В перечне товаров, поставляемых на дербентский рынок этими народами, значатся продукты животноводства и земледелия[5].

Без указания конкретного района Табасарана Ф. Ф. Симонович пишет, что «... Главный их промысел есть хлебопашество, состоящее в сарачинском пшене, пшенице и ячмене. Они напоеванием полей посредством проведенных из речек и ручьев (канав весьма

в хлебопашестве успевают. Разведены также у них и плодовитыя деревья разных родов»[6].

Интересные в этом плане сведения содержатся в «Описании Дагестана», составленном М. К. Ковалевским и И. Ф. Бларамбергом. Они пишут: «Земля их гористая и изобилует хорошим лесом. Они упражняются в хлебопашестве, сеют пшено, пшеницу и ячмень. Разводят также в садах плодовитыя деревья разных родов»[7].

Число примеров, доказывающих древность и развитость скотоводства и земледелия, можно умножить. Так, например, об этом же свидетельствует тот факт, что в Табасаране за особо тяжкие преступления (убийство, прелюбодеяния, грабеж и большое воровство виновник штрафовался скотом, «за убийство — 6 штуками рогатого скота, а за прелюбодеяние, грабежи и воровство меньше, до 1 штуки»[8]. Во многих табасаранских селах в качестве приданого отец девушки давал ей землю, скот. Скот и землю давали и в качестве калыма.

Древность и развитость земледелия и скотоводства у табасаранцев подтверждается и многими другими факторами, в том числе обилием животноводческих и земледельческих терминов.

Разнообразие естественно-географических и климатических условий наложило определенный отпечаток на весь хозяйственный строй и быт табасаранцев. Названные отрасли хозяйства (земледелие, скотоводство, домашние промыслы) не в одинаковой мере были развиты у разных групп (северных, южных, верхних) табасаранцев. Верхнее предгорье, охватывавшее значительную часть территории (верхний Табасаран и часть территории нынешнего Хивского района, населенное табасаранцами), где находились прекрасные пастбища для скота, стало зоной преимущественно скотоводства с преобладанием крупного рогатого скота. Здесь же табасаранцы дополнительно возделывали землю на склонах гор, там, где позволяла почва. Нижнее предгорье — Нижний Табасаран — являлся житницей не только для своего населения, но также снабжал зерном агулов, рутульцев. Здесь с сильно развитым земледелием сочеталось менее развитое скотоводство с преобладанием крупного рогатого скота (коровы, быки, буйволы).

В «Описании Табасарана», составленном П. Ф. Колоколовым, сказано, что «В Верхней Табасарани почва земли не весьма плодоносна, слой оной, состоящий из илу, неглубокий, и хлебопашество не весьма удобно, но сенокосы очень хорошие. Посев в оной преимущественно: пшеница и ячмень, в небольшом количестве просо, конопля и кукуруза. Из плодоносных дерев большею частью ореховые, кои растут по долинам. В некоторых магалах есть в небольшом количестве фруктовые и виноградные сады. В Нижней Табасарани почва плодоноснее, и хлебопашество удобнее, и сенокосы удобнее. Кроме посева пшеницы, ячменя и конопли, сеют хлопчатую бумагу, а в некоторых местах табак и мариону. Из плодоносных дерев ореховые в изобилии, равно как фруктовые и виноградные сады, а в некоторых селениях занимаются и шелководством»[9].

Согласно сведениям этого же автора «...Жители Табасарани имеют довольное количество рогатого скота, преимущественно же баранов и коз, кои пасутся летом по хребтам Верхней Табасарани, а зимою по долинам Нижней»[10].

По свидетельству Гербера, табасаранцы «питаются пашнями и скотиною»[11].

Таким образом, в Нижнем Табасаране в хозяйстве ведущее место занимало земледелие, и семьи в основном занимались земледелием, в Верхнем Табасаране, несмотря на максимальное использование всех земельных участков, ввиду малоземелья и суровых климатических условий, обеспечение населения зерном оставалось далеко не достаточным. Зато здесь были все условия для преимущественного развития животноводства. Преобладание животноводства над земледелием в селах Верхнего Табасарана значительно увеличило размеры отходничества и способствовало интенсивному расширению сфер торговли сельскохозяйственными продуктами.

Однако следует отметить, что в условиях Табасарана земледелие и скотоводство развивались в симбиозной форме, и отдельное существование указанных хозяйственных отраслей было невозможно. Поэтому вне зависимости от природно-климатических условий отдельных частей Табасарана земля служила как интересам развития собственно земледелия, так и играла значительную роль в развитии животноводства.

Земледелие

Из хлебных злаков табасаранцам с давних пор известны пшеница — «дяхин», ячмень — «мух» (Верх. Табасаран), «ир» (Ниж. Табасаран), рожь — «сурсул», просо — «дукI», овес — «гаргар», полба — «нюрх», горох — «харар», кукуруза — «гьяжибугъда».

Состав культурных злаков, которые возделывались в разных частях Табасарана, варьируется довольно заметно. Пшеница, ячмень, просо, овес, кукуруза возделывались почти на всей территории Табасарана. Наибольшее распространение эти культуры получили в Нижнем Табасаране. Рожь преимущественно сеяли в Верхнем Табасаране. Так, в 1912 г. в Северо-Табасаранском участке было собрано 5870 пудов ржи и 149750 пудов пшеницы[12].

Основными богарными культурами для всего Табасарана считались пшеница и ячмень. В нижней части Табасарана и в предгорье преобладали посевы озимых, а в верхней (горной) части — яровых.

Занятие земледелием требовало большого трудолюбия. В земледельческих работах принимала участие вся семья: мужчины и женщины, старики и дети. Пахота, сев, полив были делом мужчины. В уборке урожая, в молотьбе, перевозке снопов принимали участие как мужчины, так и женщины, дети. Прополку делали обычно женщины.

Благодаря различным способам почвозащиты и террасирования склонов, табасаранцы интенсивно использовали каждый клочок земли. Культура земледелия здесь, как и повсюду в горах, была довольно высокой. Здесь издавна применялись различные способы удобрения и искусственного орошения полей[13].

Сельскохозяйственный год для жителей Нижнего Табасарана начинался в конце февраля. В верхней части Табасарана все сельскохозяйственные работы начинались месяцем позже.

Обработка земли была очень тяжелым и трудоемким процессом и требовала немалых усилий. Одним из необходимых условий успешного возделывания зерновых, как и других культур, была своевременная и тщательная подготовка почвы для посевов. Прежде чем начать пахоту, поле очищали от камней, ремонтировали оросительные канавы. Очистка пахотных участков всегда требовала огромного труда, поэтому эту работу производили всей семьей. Вслед за этим поле тщательно удобряли, если для этого была возможность. Существовало несколько способов удобрения полей. Чаще всего на пахотные участки вывозили навоз, золу. Для этой цели в специально отведенных местах всю зиму собирали навоз, золу, а ранней весной вывозили его на поля и разбрасывали равномерным слоем по всему полю. Для удобрения использовали как коровий навоз, так и навоз мелкого рогатого скота. В некоторых селениях удобрения продавали. Информаторы из различных сел (сс. Куштиль, Сертил и др.) рассказывают, что жители часто крали друг у друга удобрения, из-за чего возникали ссоры.

Как и у других народов Дагестана, иногда для удобрений полей на пахотный участок специально пускали на ночь скот. Те, кто нуждался в удобрении своих полей, но не имел собственных овец в стаде, просили за всевозможные услуги загнать на ночь на свое поле отару. Из-за отсутствия удобрений удобряли не все участки, хотя земля и требовала ежегодного удобрения. Обычно удобряли участки, которые находились недалеко от села. Дальние участки не удобрялись совсем. Удобрения вывозили на специальных санях-волокушах с бортами — «гъул». Но если участки находились недалеко от дома, удобрения перетаскивали женщины на спине в специальных плетеных корзинах «муг». Только после удобрения землю вспахивали.

В связи с неодинаковыми климатическими условиями пахота и сев в Верхнем Табасаране начинались гораздо позже, чем в Нижнем. Так, если пахота в Нижнем Табасаране проводилась с конца марта и начала апреля, то в Верхнем Табасаране она приурочивалась к концу апреля. Там, где была возможность, поле вспахивали 2 — 3 раза. При этом направление вспашки менялось. В результате, земля оказывалась вспаханной вдоль и поперек.

Орудием пахоты служил горский легкий плуг «дуруц». Табасаранский дуруц в целом был такой же, как и лезгинский[14]. Только у табасаранского дуруц не было задней части пяты. Тягловой силой при пахоте служили быки, а в Нижнем Табасаране использо-

вались и буйволы. Дуруц, применявшийся на участках Нижнего Табасарана, был более тяжелый. В такой плуг иногда запрягали по 2 пары быков или буйволов.

В предгорных и равнинных селах Табасарана, где выращивались главные хлебные культуры, земледельческие орудия труда постепенно менялись и совершенствовались. Так, с начала XX в. кое-где стали применяться металлические заводские плуги. Правда, такие плуги проникали в небольшом количестве, и покупать их могли только зажиточные хозяева. Так, например, в 1910 г. всего в Дагестане имелось 104838 единиц орудий. Из них усовершенствованных было 48391, или же 46,3% от общего числа всех сельскохозяйственных орудий, среди них сеялки, веялки, молотилки, вплоть до паровых, сенокосилки, жатвенные машины и др. Неусовершенствованных — 56447, или 53,7%[15]. Значительная часть усовершенствованных орудий приходилась на равнинные и предгорные районы. В большинстве же горных селений продолжали использовать табасаранский дуруц. Те участки, которые по ландшафтным условиям не могли вспахать плугом, разрыхляли мотыгой или киркой.

Очень часто из-за отсутствия тягловой силы для вспашки, уборки, прополки несколько хозяйств объединялись в супрягу.

Во всех населенных пунктах такие сельскохозяйственные орудия, как плуги, лемеха, серпы, мотыги, кирки, изготовлялись местными мастерами.

Табасаранцы сеяли прямо по вспаханному полю. Сеял обычно мужчина. Но в исключительных случаях разрешалось сеять и женщине, но для этого она должна была привязать красную ниточку на мизинец (сел. Куштиль). Говорили, что тогда она приравнивается к мужчине. На наш взгляд, в данном случае естественно предположить, что красный цвет — цвет солнца, а солнце, как известно, «было включено в пантеон в качестве главного божества»[16]. «Вместе с тем интересны намеки на всеочищающую способность солнца»[17]. В данном случае, на наш взгляд, красной нити табасаранцы приписывали и охранительное значение (красная нить — оберег). День пахоты отмечался специальным праздником.

Сев озимых в Нижнем Табасаране производили в конце сентября до середины октября, в Верхнем Табасаране — в конце августа до середины сентября. В Верхнем Табасаране боронования не было. Обычно после сева семена запахивали. Бороновали только коноплю и просо. Особенно тщательно бороновали просо. Для этой цели использовали деревянную борону. Чтобы к семенам подошла влага, землю сильно уплотняли. С начала XX века некоторые зажиточные хозяйства на плоскости (в Нижнем Табасаране) стали покупать и металлические бороны. В целом же по всему Нижнему Табасарану боронование выполняли очень простым приспособлением — по земле волокли связки колючек.

Яровые культуры в Нижнем Табасаране сеяли в конце марта — начале апреля, а в Верхнем — в конце апреля.

Севообороты у табасаранцев были двухпольными, редко трех-

польными. В большинстве селений горной части Табасарана из-за недостатка пахотной земли применялся однопольный севооборот.

Посев считался очень ответственным делом. Выход в поле для посева совершали совместно все жители села. Яровые сеяли обычно перед наступлением дождей, а озимые старались посеять в сырую почву. Сев начинали рано утром, пока почва еще хранила влагу. Начинать сев доверяли наиболее опытному и благополучному человеку, чье присутствие якобы могло способствовать получению обильного урожая. Обычно он только начинал сев, а продолжал и завершал его сам хозяин.

Семена для посева заготавливали заранее. Если у кого не было семян, одалживали. Во время работы семена для сева ссыпали в специальную сумку, которая висела через левое плечо. Сеяли одной рукой. Старались семена разбрасывать по полю равномерно, чтобы посев не был густым и наоборот. В народе говорили, что под каждым копытом быка должны лежать по пять зернышек, а под копытом буйвола — 7 зернышек. Такой посев считался идеальным. Посев производили по бороздам («ибич»). Первым сеяли ячмень, который не боится заморозков, затем пшеницу, кукурузу и другие культуры.

Особое внимание табасаранцы уделяли орошению.

С. Броневский писал: «Табасаранцы упражняются в хлебопашестве: сеют сарачинское пшено, пшеницу и ячмень, каковые хлеба изрядно родятся посредством напаивания полей водопроводами»[18].

Искусственное орошение широко применялось и в горных аулах. Система орошения, основанная на использовании горно-ручьевых источников, является типичным примером ирригации Кавказа. Создание ирригационных систем требовало большого труда. Для этой цели, кроме других приспособлений (устройство тоннелей, рытье канавок, деревянных и каменных желобов), широко использовали гончарные трубы. На Северо-Табасаранском участке на 15 апреля 1910 г. длина оросительных канав в верстах была 24[19]. В некоторых табасаранских селах заметны и теперь следы сети искусственного орошения. Это говорит о том, что орошение здесь «такое же древнее, как и само земледелие»[20].

Уход за зерновыми культурами в основном падал на долю женщин. Они следили за чистотой посевов, дважды, иногда трижды, производили прополку, которая начиналась в мае. Прополка была наиболее тяжелая и кропотливая работа из всех других работ, связанных с выращиванием зерна. Она требовала участия большого количества людей, обычно женщин. Прополка шла вручную с помощью маленькой лопаточки — «астам». Выполотый сорняк женщины использовали на корм скоту. Верхнетабасаранцы сорняк чаще выдергивали руками.

Если участки были поливные, их несколько раз поливали, в зависимости от качества почвы. Полив всегда был делом мужчин.

К уборке урожая в разных селах Табасарана приступали разновременно. Обычно это зависело от сроков созревания урожая.

На плоскости уборку начинали раньше (июль), в горных селах позже (август). Готовились к ней тщательно: приводили в порядок инвентарь, договаривались (если это было необходимо) с родственниками о «помочах» — («мил»). Женщины заранее готовили угощение. Уборка производилась железными серпами — «дагьур». Дагьуры изготовлялись местными мастерами. Правда, некоторые пользовались и привозными серпами. Позднее, когда стали проникать фабричные серпы, самодельные местные серпы так же, как и другой сельскохозяйственный инвентарь, были почти вытеснены заводскими.

Жатва производилась в основном женщинами. Мужчины и дети непосредственно в жатве не принимали участие. Они обычно связывали снопы, собирали их в кучки, отвозили, грузили, выгружали и т. д. Сжатый хлеб связывали в снопы «шил». Из 5 — 10 шилар складывали «дажи»[21]. Из всех дажи через 3 — 4 дня складывали 1 «маркв» (эпел) круглой формы. Сначала маркв ставили тут же в поле, после — возле дома. Для перевозки снопов использовали волокуши, арбы. Если же участок располагался близко от села, женщины перетаскивали снопы на себе.

Зерно молотили сразу же по возможности. Молотьбу производили молотильными досками — «гажир» (гадар). Подготовка к молотьбе начиналась с устройства тока — «рацц». Для этого недалеко от дома выбирали участок, вычищали его, смазывали навозом.

Молотьбой занимались все — мужчины, женщины, дети. В молотильную доску впрягали обычно пару лошадей (если не было лошадей, быков), которых подгонял мальчик, стоящий на досках. Делались молотильные доски, как и у других народов, из твердых пород дерева. С нижней стороны полоза вкладывались твердые кремневые камушки.

Для молотьбы снопы предварительно расстилали на току так, чтобы они образовали круг. При этом колосья время от времени ворошили деревянной вилой с 2 или 3 зубьями «кIвакIлин квюрш». Обмолоченное зерно провеивали по ветру, подбрасывая деревянными лопатами «йирф». При этом мякина отделялась от зерна. Веяние зерна требовало много сил, и поэтому эту работу обычно выполняли мужчины, но принимали участие и женщины. Одна женщина все время сметала мякину от зерна веником «мургул». Затем мякину в плетеных корзинах уносили в дом и использовали в качестве корма для крупного рогатого скота. Провеянное лопатами и вилами зерно женщины провеивали еще раз, сначала через крупное, потом через мелкое решето (сито) — «сиф».

В день обмолота зерна на току играла музыка. Сразу же после молотьбы лучшее зерно откладывали на семена. Высушенное зерно хранили в деревянных ларях — «танх», в плетеных корзинах — «канду», с обеих сторон обмазанных коровьим навозом, в земляных ямах и в специальных глиняных сосудах — «язал». В деревянных ларях и глиняных сосудах хранили и муку.

Сельскохозяйственные работы жителей Табасарана заверша-

лись уборкой кукурузы. В уборке кукурузы существовали некоторые различия. В Верхнем Табасаране, где проблема кормов всегда была острой, кукурузу скашивали с самого низа, а потом уже дома ломали початки. В Нижнем Табасаране початки срывали со стеблем прямо на кукурузном поле, а стебли оставляли на поле в качестве корма скоту. Остатки стеблей сжигались весной при вспашке.

Кукурузу также перевозили на арбе и на санях-волокушах. Следует отметить, что у табасаранцев сани-волокуши были трех видов — сани-волокуши с бортами,—«гъул», с высокими бортами—«жал» (они могли быть и приставными плетенками) и без бортов—«мярхяр». Мярхяр использовали для перевозки сена, дров, соломы, снопов; жал — для перевозки навоза, земли, камней, зерна и т. д. Кукурузу — зерно хранили в деревянных ларях, а початки кукурузы в плетеных корзинах.

Во время уборки хлебов табасаранцы очень часто пользовались издавна сложившимся обычаем взаимопомощи — «мил».

Мололи зерно табасаранцы на водяных мельницах. Мельницы были частные. За помол на мельницах хозяину полагалось определенное вознаграждение в виде зерна. Обычно за помол 1 ребе (20 кг) зерна хозяину мельницы полагалось 1 «сеъ» (2,5 кг) зерна. Число мельниц в одном ауле доходило до пяти — шести, в зависимости от количества населения. Для помола крупы почти каждая семья имела и ручные мельницы. Пшеницу и ячмень мололи полностью, потому что ячменная и пшеничная мука не портилась, а кукурузная мука быстро прокисала. Поэтому кукурузу хранили в зерне, а мололи по мере надобности понемногу.

После присоединения Дагестана к России основными занятиями табасаранцев продолжали оставаться земледелие и скотоводство. В первой половине XIX в. широкое распространение в Нижнем Табасаране получили технические культуры — конопля, хлопок, табак, марена[22]. В 1850 г. впервые семена гаванского табака были посеяны в Северном и Южном Табасаране. Наибольшее распространение табак получил в селениях Джули, Арак. Во второй половине XIX в. резко возросли плантации под марену. В 60-х г. XIX в. в Кайтаго-Табасаранском округе под мареной было занято 3500 десятин земли[23]. Во многих населенных пунктах марена вытеснила многие зерновые культуры. Объяснялось это тем, что марена давала больше дохода, чем зерно. Так было не только в Табасаране. Так, например, в отчете дербентского губернатора за 1850 г. говорится: «Из предметов местного производства замечательнее прочих марена, которая, доставляя значительный доход занимающимся ею, вытеснила собою большую часть других родов земледелия...»[24]

Однако после появления химических красок спрос на марену резко падает, и уже в 70-х г. XIX в. мареноводство приходит в упадок. В пореформенный период большее развитие получили технические культуры — конопля, табак, лен.

В заключении раздела следует сказать, что хотя земледелие в Верхнем и Нижнем Табасаране имеет древнее происхождение и традиции, развитость земледелия в них разная. Если в Нижнем Табасаране земледелие является ведущей отраслью хозяйства, в Верхнем — его роль меньше, уступает первенство животноводству. Но даже в Нижнем Табасаране, где земледелие являлось важнейшим хозяйственным направлением, его интенсивное развитие сдерживалось низкой технической оснащенностью, слабой культурой посевов.

Садоводство и виноградарство

В хозяйственной деятельности табасаранцев определенное место занимали садоводство и виноградарство. Благоприятные почвенно-климатические условия позволяли выращивать здесь разные виды садовых и огородных культур. В наибольшей степени эти отрасли хозяйства в прошлом были развиты в предгорье (речные долины) и на равнине. Автор XII века Абу Хамид Андалуси ал-Гарнати в своем сочинении сообщает о плодах, произрастаемых в Табасаране[25]. В Южном Табасаране в изобилии ореховые деревья, а также фруктовые и в небольшом количестве виноградные сады[26].

В другом месте мы читаем: они (табасаранцы. — **А. Б.**) выращивали «плодовые деревья разных сортов и получали много плодов, в особенности яблок, груш и орехов»[27]. В кавказском календаре на 1893 г. отмечается, что Табасаран известен обилием садов[28]. Особенно было развито садоводство в селениях Митаги, Дювек. Ерси, Гапиль Татиль, Арак, Лиджа, Рушуль, Аркит и др.[29]

По свидетельству Ф. Ф. Симоновича, Табасаран «изобилует разными плодами древесными и огородными, особливо же славится яблоками, грушами и орехами»[30]. В источниках мы находим упоминание «о садах, где разводили плодовитые деревья разных родов»[31]. «В Табасаране, — писал А. Неверовский, — росли ореховые рощи. Отсюда ежегодно вывозилось в Астрахань до 6 тыс. пудов ореха»[32]. «Продукты садоводства и виноградарства для большинства селений плоскостного и горного Дагестана служили не только для личного потребления, но и для продажи. Один Кайтаго-Табасаранский округ в 1900 г. имел 2826 садов и 473 виноградника: урожай фруктов составил 350000 пудов»[33].

О наличии в прошлом садов у табасаранцев свидетельствует и наш полевой материал. Об этом же говорят большой опыт, полезные навыки в садоводстве и обилие местных сортов, а также наличие в пище большого количества блюд, связанных с употреблением фруктов, фруктовых напитков.

В Табасаране культивировались различные сорта яблонь, груш, слив, вишни, персиков, абрикосов, черешни, а также грецкий орех, который служил важной статьей дохода.

Селекционная деятельность крестьян дала возможность вывести десятки местных сортов фруктов. Одних только сортов груши

было около 20. Особенно широко были распространены такие сорта груши как «кьюракки», «лизагъан», «бутта», «бердей», «зазани», «урзугъарин жихир», «галган», «тазани», «уьрюхъ жзи», «ухъури жюхяр», «гъугъум армуд», «нар армуд» и др. Была черешня белая и черная.

Табасаранцы охотно приобретали саженцы у своих соседей и сами прививали к дикорастущим.

В лесах было много дикорастущих плодов — яблоня, айва, дикий виноград, грецкий орех, рябина, абрикосы, тутовник и т. д.

Употреблялись садовые и дикорастущие фрукты не только в свежем виде, но и в консервированном. Жители почти всех селений сушили и мочили их на зиму. Часть фруктов поступала на рынок.

Значительное развитие в Табасаране получило и виноградарство. Если в целом в области площадь виноградных садов в XIX в. достигала 3487 десятин, то на Кайтаго-Табасаранский округ приходилось 427 десятин[34]. В 1901 г. в Кайтаго-Табасаранском округе было получено 69140 ведер вина[35].

Виноградарство в основном было развито в плоскогорных частях Северо-Табасаранского участка. Виноградарство, как и садоводство, служило как побочная доходная отрасль. Отдельно виноградных садов почти не было. Виноград сажали вместе с фруктовыми деревьями. Таким образом, штамбом для винограда служило фруктовое дерево. Только в одном населенном пункте (с. Дюбек) были сплошные виноградники.

Из винограда местные жители варили «дюшаб» (виноградную патоку) и в этом сиропе варили варенья из айвы, яблок и других фруктов. Разводились и бескосточковые сорта винограда для кишмиша.

В основном и сады и виноградники располагались вокруг села, по окраинам пахотных участков и террас. Жители до сих пор помнят названия участков (по принадлежности). Например, Къадирдин бахча, Рустамдин бахча, Гьаджиалидин бахча, Сеиддин бахча, Мукаилдин бахча, Агъасидин бахча, Къазимагьаммаддин бахча (с. Тинит).

Из садовых культур больше было семечковых, значительно меньше — косточковых.

Сады и виноградники строго охранялись. Нарушивший этот порядок подвергался немедленному штрафу. Штраф брали зерном или деньгами. Сторожей выбирали на 1 год. Их бывало 12 человек. В некоторых селениях (сс. Арак, Дюбек, Тинит) сторожей содержали за счет штрафов. Если кто-либо сорвет яблоко или кисть винограда без разрешения сторожей, об этом тут же извещалось выстрелом. За первое «преступление» вора наказывали двумя мерками (по 20 кг каждая) зерна, во второй — с него взимали четыре мерки зерна, в третий раз — уже 6 мерок. Выплатить штраф должны были немедленно. Споров по этому поводу не бывало. Если же вор был заядлый, его заставляли зарезать бычка или барана.

Информаторы рассказывают (с. Дюбек), что был случай, когда дюбекские сторожа оштрафовали аркитского бега (Бейбола-бега). Бейбола-бег проезжал мимо дюбекских виноградников и решил посмотреть, какой же у них в этом году урожай, и сорвал несколько гроздьев винограда. Раздался выстрел, и Бейбола-бег вынужден был заплатить штраф.

Сбор фруктов осуществлялся одновременно в один день всеми хозяевами. По установившемуся обычаю в садоводческих селениях ни один садовладелец не имел права приступить к сбору фруктов раньше дня, определенного указанными сторожами. За нарушение правила также взимался штраф.

У табасаранцев выработались определенные навыки по уходу за садами и виноградниками. Если появлялись какие-нибудь насекомые, их тут же убирали руками. Следили, чтобы у основания виноградного куста не накопилось листьев. Все листья ниже гроздьев убирали. Считалось, что от этого вызревание лозы происходит быстрее и виноград становится намного слаще.

К концу XIX в. в садоводстве и виноградарстве намечаются изменения. Присоединение Дагестана к России, включение его во Всероссийский капиталистический рынок, строительство дорог и открытие в конце XIX в. Владикавказской Петровской железнодорожной ветки, значительное сокращение плантаций марены в связи с падением на нее спроса послужили сильным толчком для дальнейшего развития там садоводства и виноградарства. Фрукты из Табасарана стали вывозиться за пределы Дагестана.

Оживление обменных связей с центральной Россией привело и к проникновению более передовых методов ведения хозяйства.

Огородничество

Появление огородничества у табасаранцев можно отнести к середине XIX в., хотя некоторые виды огородных культур, такие, как лук, чеснок, фасоль, морковь, редька, бахчевые — арбуз, дыня, тыква выращивались и раньше указанного времени.

Расширение связей с русским переселенческим населением обогатило табасаранцев огородными культурами и, в первую очередь, картофелем. Картофель хорошо произрастал на больших высотах и поэтому очень быстро распространился во всех горных селениях. В этот период жители Нижнего Табасарана стали выращивать помидоры, огурцы, капусту.

Огородные культуры наиболее требовательны к почве и влаге. Поэтому участки под огородные культуры требовали много труда.

Все огородные работы выполнялись женщинами. Мужчины не принимали в них участие. Огородники всегда стремились запасаться семенами из собственного огорода, хотя охотно приобретали семена лучших сортов друг у друга и в Дербенте. Семена собирали, высушивали в тени и держали в мешочках, подвешенных к потолку.

Специальных помещений для хранения овощей не было, но способы хранения имелись. Лук и чеснок чаще хранили со стеблями. Для этого их сплетали в «косу» и подвешивали к потолку (в теплое время на веранде, зимой в сарае). Арбузы хранили в сарае в сене, картофель — в земляных ямах или в песке, стручковый перец нанизывали на ниточки и также подвешивали к потолку, тыкву хранили в холодном помещении на полу. В исследуемое время табасаранцы не знали способов соления и маринования.

Скотоводство

Исконным занятием табасаранцев наряду с земледелием было скотоводство. Оно обеспечивало население Табасарана основными продуктами питания (мясо, молоко), тягловой силой, давало сырье для одежды и обуви. Скотом уплачивали налоги, выплачивали калым, аренду пастбищных угодий, штрафы, приданое и т. д. Продукты скотоводческого хозяйства находили широкий сбыт на внешнем рынке, давая этим средства для покупки зерна и других предметов, необходимых в хозяйстве.

Жители аулов Табасарана разводили крупный и мелкий рогатый скот. Ф. Симонович заметил, что вместе с полеводством Кюра и Табасаран «достачествует скотоводством»[36]. Из отраслей скотоводства в Нижнем предгорье ведущее место занимал крупный рогатый скот местной породы, который для этого субрегиона наряду с земледелием являлся основным источником существования. Вместе с дойными коровами, буйволицами, в домашнем хозяйстве широко был представлен и тягловый скот (быки, буйволы), разведение которого имеет на юго-востоке Табасарана древнюю традицию.

У жителей горной зоны было больше развито овцеводство. В ряде аулов (Хурсатиль, Атрик, Юхари-Ярак и др.) скотоводство являлось главной отраслью хозяйства[37].

Таким образом, в Нижнем предгорье скотоводство и земледелие развивались параллельно, являясь основными отраслями хозяйства жителей. В горных же селах, и в особенности в высокогорных (сс. Хурсатиль, Атрик), скотоводство являлось главной отраслью хозяйства.

Во всех зонах Табасарана разводили лошадей. В Нижнем предгорье лошади служили исключительно для верховой езды, а в Верхнем предгорье их использовали как вьючных животных. Как вьючные животные использовались ослы, мулы.

Скот находился в частной собственности каждой семьи. Правда, далеко не все крестьяне могли иметь достаточное количество скота как крупного, так и мелкого. По данным посемейных списков 1886 г., из 2969 хозяйств Южного Табасарана 507 хозяйств, или 17%, не имели рогатого скота, 860 хозяйств (29%) сосредоточили у себя 60% всего рогатого скота; 2243 хозяйства (75,7%) не имели лошадей, зато 22 хозяйства (0,8% всех хозяйств) имели 319 лошадей, или 22,9% всех лошадей; 2163 хозяйства (73%) не имели овец и коз, зато 32 хозяйства имели у себя 6122 головы или

15,5% всех овец и коз; не имеющих земель было 288 хозяйств, или 9,7%. Житель сел. Кандик Гаджи-Хан-Мамед-Кутай-Оглы имел 80 лошадей, 2500 овец и 40 десятин пахотной земли[38]. У него было 16 чабанов. Житель сел. Ашага-Ярак Риза Раджабов имел около 1000 овец, более 100 голов КРС, столько же лошадей[39]. У него были зимние и летние пастбища. Зимние пастбища находились в Табасаране, летние — на границе с нынешними Хивским и Агульским районами в местности «цIимцIундагъ».

По данным 1906 г., в Кайтаго-Табасаранском округе было 4456 лошадей, 35134 — крупного рогатого скота, 9471 буйвол, 950 ослов, овец грубошерстных — 69971, коз — 9997, гусей — 560, уток — 340, кур — 58975[40]. В одном только сел. Хурик было 620 голов рогатого скота, лошадей и ослов. 30 дворов таковых не имело, 35 дворов имело 2200 баранов[41]. Основная масса крестьян владела только небольшим количеством скота, или не имела его совсем. Главной причиной этого было отсутствие пастбищ и высокая арендная плата на землю для пастьбы.

Острым земельным голодом, нехваткой пахотных участков, пастбищ и сенокосов определялись система ведения скотоводства, формы ухода и содержания скота.

У табасаранцев были развиты следующие основные формы скотоводства — стационарная (преобладала выгонно-стойловая) и отгонная (яйлажная) и кышлажная (осенний отгон). Отгонная система скотоводства выработалась в связи с тем, что горные табасаранские села, где в основном было развито овцеводство, имели летние пастбища, но почти не имели (за редким исключением) зимних пастбищ. Поэтому осенью (в сентябре — октябре) скот перегонялся на плоскость, а весной (в мае) — обратно в горы. «Жители Табасарана имеют довольное количество рогатого скота, преимущественно же баранов и коз, кои пасутся летом по хребтам Верхней Табасарани, а зимою по долинам Нижней»[42], — пишет П. Ф. Колоколов.

Население Табасарана зимние пастбища в основном арендовало в местности нынешнего Дербентского, С.-Стальского, Магарамкентского районов, около населенных пунктов Рубас и Белиджи.

Очень часто из-за отсутствия разносезонных пастбищ, необходимых для овцеводства, практиковался обмен между жителями плоскостных районов и горных табасаранских сел пастбищами. Такой обмен часто происходил между жителями сел. Кужник и Рубас, Ерси и Рубас, Чувек и Рубас и т. д. Не было однако не только зимних пастбищ, но не хватало и летних. Поэтому большинство населенных пунктов арендовали не только зимние пастбища, но и летние. Так, например, аркитцы пасли летом свой скот в местности «кьалухъдагъ» и «къужник» (Кайтаг), жители селения Куштиль пригоняли летом свой скот на пастбища сель ФитIе Агульского района, жители сел. Юхари-Ярак арендовали летние пастбища у агульцев в местности «цIимцIундагъ», «ЧIилихъ» и т.д.

Летние пастбища большинства сел были расположены высоко в горах по хребту Рапак, Калугдаг[43] Имелись еще и приаульные

пастбища и луга. Летом в самое жаркое время весь оставшийся в селе мелкий рогатый скот и большинство крупного рогатого скота (за исключением рабочего и некоторого количества молочного скота) содержали на яйлагах «сивиз».

В аулах отгонно-пастбищного скотоводства для пастьбы овец крупные скотовладельцы арендовали пастбища и нанимали чабанов. Эти пастбища являлись собственностью феодалов и цены за аренду были высокими. Те хозяйства, у которых было по 40 — 50 овец, не могли самостоятельно нести расходы, связанные с арендой зимних пастбищ, и поэтому они обычно объединялись (10 — 20 хозяйств) и составляли так называемый «кош» (товарищества по содержанию мелкого рогатого скота). Те же хозяйства, у которых было по 5 — 6 овец, отдавали их для выпаса своим родственникам, соседям или же оставляли их в селе. Были своеобразные товарищества по содержанию молочного мелкого рогатого скота.

Такие крупные скотовладельцы, как Гаджикъуттай из Кандика, Махмурза Бек из сел. Марага, Ханмагомед из Ружник, Кавха-Магомед из Арака, Риза Раджабов из Ашага-Ярак, постоянно арендовали пастбища для своих овец. Они нанимали по 10 — 16 чабанов во главе со старшим чабаном «серкер» и заблаговременно строили на зимних и летних пастбищах кошары на случай суровой зимы. В тех аулах, где скот в течение целого года находился в селении, джамааты нанимали общественных пастухов.

Уход за мелким рогатым скотом целиком и полностью осуществлялся мужчинами. Мужчины пасли овец, принимали ягнят, приготовляли сыр, если была необходимость, и лечили животных. Интересно отметить, что во всем Кайтаго-Табасаранском округе имелись две ветеринарные амбулатории. При них были две аптеки. Ветеринарно-амбулаторная помощь ими была оказана 33 лошадям и 8 головам КРС[44]. При таком ветеринарном обслуживании чабанам приходилось не только лечить животных, но уметь заранее выявлять те или иные инфекционные болезни, чтобы предотвратить падеж.

Овец пасли, разбив на отары. Каждая отара состояла из 300—400 овец. Обслуживалась такая отара двумя чабанами. В отаре держали несколько собак.

Богатые овцеводы пользовались наемным трудом. Оплата назначалась в виде одежды, пищи и определенного количества приплода. Так, например, крупный скотовладелец Риза Раджабов (с. Ашага-Ярак) платил старшему чабану от 20 до 24 овец, одежду на сезон и питание. Рядовые чабаны получали от 10 до 15 голов овец. Чабаны сами себе по очереди готовили еду, стирали, несли ночную охрану. В их обязанности входила стрижка овец в год два раза — весной и осенью и приготовление сыра.

В сел. Чувек старший чабан получал за свою работу 12 голов молодняка. Ни чабан, ни хозяин специально не отбирали этих ягнят. Для этого обычно сгоняли несколько десятков ягнят в одну кучу, и сам чабан или же хозяин чабанской палкой отделял несколько овец и говорил: — «Это тебе». Там могло быть

больше или меньше 12. Недостающих или лишних быстро возвращали. На своих ягнят чабан сразу же ставил клеймо. Если этот же чабан оставался чабанить еще на второй год, он получал за работу уже 15 голов молодняка, третий год — 20 голов. Кроме того, хозяин обеспечивал его едой, одеждой. В целом же по всему Табасарану оплата чабана была низкой. Обычно серкер получал от 10 до 15 овец, рядовые чабаны — от 10 до 12.

Мелкие скотовладельцы из-за отсутствия возможности нести большие расходы редко нанимали наемных чабанов, своих овец они пасли сами по очереди или же нанимали чабанов только на время дойки овец. В данном случае с чабанами владельцы овец рассчитывались молоком. Серкер получал за 1,5 месяца работы 12 «луху» молока (1 луху — 15 литров). У серкера были еще два помощника — «чиларбан». Один чиларбан пас ягнят, второй — овец. За свою работу они получали по 5 луху молока и 3 головы ягнят. В обязанности серкера входило доение овец и приготовление сыра, лечение.

На зимних пастбищах обычно происходил окот. Лучшим временем окота считалась весна. Старались, чтобы ягнята успели окрепнуть ко времени перегона на летние пастбища. Поэтому серкер строго высчитывал наиболее удобные сроки подпуска баранов к овцам. Для этого обычно с августа по ноябрь делили отары, и овец пасли отдельно от баранов. К окоту тщательно готовились. Строились дополнительные помещения для ягнят. В этот период на помощь чабанам приезжали хозяева овец и члены их семей. «В период окота, стрижки и дойки, — писал Х. -М. О./Хашаев, — надо было иметь на зимовке большое число людей»[45]. До осени ягнят держали около маток. По возможности на ночь старались обеспечить молодняк теплым помещением. Дважды в день ягнят прикармливали. Для слабых овец и ягнят обычно отводили лучшую часть пастбищ. Взрослых овец обычно держали под открытым небом. Поили овец в день два раза.

Весной после появления зеленой травы овцы набирали в весе и после завершения окотной кампании, обычно в начале мая, с зимних пастбищ овец перегоняли на летние пастбища. Отгонная система скотоводства была связана с большими трудностями и неудобствами.

Трудности были связаны и с падежом скота во время перегонов, которые проводились в тяжелых условиях. Особенно трудны были весенние перегоны, которые осложнялись разливом рек. Тем не менее, скотоводы старались выбрать наиболее удобные скотоперегонные дороги. Они проходили по местам, где больше было корма, где были родники с чистой водой и удобные места для ночлега. Перегон осуществлялся только днем, а ночью отара останавливалась на пастьбу и отдых.

Перегон овец сопровождается несколькими верховыми и вьючными животными (лошади, ослы). Во главе отары всегда шел козел. На отару полагалось по 3 — 4 козы. Около села отары останавливались, и старший чабан выстрелом из ружья оповещал

о благополучном завершении зимовки скота. Все жители села выходили к ним навстречу с различными кушаньями, с музыкой. А чабаны в свою очередь угощали детвору молодым сыром.

Через 5 — 10 дней овец перегоняли в горы на летние пастбища, и эти дни превращались в праздники. Жители угощали чабанов разнообразными кушаньями, чабаны же раздавали им молочные продукты. На летних пастбищах скот обычно набирался сил.

Наряду с овцами табасаранцы разводили коз. Они отличались малой продуктивностью. Поэтому число коз во всех табасаранских селах было ограниченным.

У табасаранцев практиковалась и стационарная (преимущественно выгонно-стойловая) форма ведения овцеводства. Мелкие скотовладельцы и малоимущие крестьяне не имели возможности отгонного содержания овец. Такой скот обычно пасли в специально отведенных сельским обществом приаульных пастбищах.

После уборки урожая и завершения всех видов земледельческих работ разрешался выгон овец на эти участки.

В заключение нужно сказать, что в хозяйственной деятельности табасаранцев мелкий рогатый скот занимал большой удельный вес. Продукция овцеводства приносила большие доходы владельцам крупных овечьих отар. В то же время там, где овцы находились на стационарном содержании, большую трудность представляла заготовка кормов на зиму.

В хозяйственной жизни табасаранцев важную роль играл и крупный рогатый скот. Скот давал молоко, мясо, шерсть, одежду, служил тягловой силой, имел товарное значение.

Зоной преимущественного развития КРС являлось нижнее предгорье, где имелись довольно хорошие летние пастбища и богатые сенокосные участки, которые давали возможность содержать большое количество видов крупного рогатого скота. Сравнительно умеренные климатические условия этой зоны способствовали сокращению стационарного содержания скота.

Следует отметить, что в данной зоне преобладал рабочий скот (быки, буйволы). Это объясняется тем, что основным занятием населения этой зоны было земледелие, а для бурно развивающегося земледелия была необходима тягловая сила. А в верхнепредгорной зоне ведущее место в стаде крупного рогатого скота занимал молочный скот — коровы. Здесь, где сравнительно слабо было развито земледелие, меньше было потребности на тягловую силу.

В Табасаране разводили коров, быков, буйволов, лошадей, ослов. В основном табасаранцы круглый год свой крупный рогатый скот содержали в самих населенных пунктах. Эта была наиболее распространенная форма. Но существовала и другая форма, когда из-за отсутствия достаточного корма в селе скот перегоняли на все лето на высокогорные пастбища — «яйлахи» — и держали там до начала осени. На яйлах перегоняли не весь молочный скот. Часть молочного скота, необходимого для удовлетворения своих нужд молочной пищей, оставляли дома. Основная масса населения

также оставалась в своих селах, занимаясь земледелием. Часть своего молочного скота жители отдавали тем, кто отправлялся на яйлахи, получая на договорных началах определенное количество масла (25 привенкIа). Жили в сезонных жилищах, а скот содержали под открытым небом.

Практиковался обычай передачи молочного скота на летнее содержание в другие села, которые имели достаточное количество корма для содержания взятого скота. Так, жители сел. Куштиль отдавали своих коров на лето в сел. ФитIе Агульского района, в сел. Лака, Хоредж (нынеш. Хивский р-он). За содержание коров наниматели расплачивались маслом. Очень часто куштильцы отдавали своих коров и на зимнее содержание.

У каждого аула существовали свои яйлахи. Некоторые крупные аулы имели по нескольку яйлахов. Так, например, сел. Хоредж имело 7 яйлахов — «гъюлашшана хътаушв», «цалак», «хъунхъ», «гиши вун хвачахъ», «чIуругъдиъ», «лягъаушв», «дагрихъ», «чIакъдин гъазмийир». Некоторые села имели и зимние строения «гъазмияр» для скота, которые строились недалеко от села на солнечной стороне.

Если уход за мелким рогатым скотом целиком и полностью был обязанностью мужчин, то уход за крупным рогатым скотом и переработка молочных продуктов являлись исключительно делом женщины. На яйлахах все хозяйственные работы также осуществлялись женщинами. Они ухаживали за скотом, перерабатывали молочные продукты.

На протяжении нескольких месяцев в году весь крупный рогатый скот находился на стойловом содержании. С наступлением весны крупный рогатый скот находился под присмотром общественных пастухов. Их нанимали для каждого стада отдельно накануне праздника весны — эбелцан. Здесь же договаривались об условиях пастьбы скота и оплате. Оплата состояла из 2,5 «сеъ» зерна (1 сеъ — 2,5 кг) с каждой головы скота. Кроме того, соблюдая очередность, владельцы скота выносили пастуху по 2 чурека с сыром или с другой закуской. Эта же семья кормила пастуха и ужином.

Все информаторы утверждают, что почти всегда пастуха нанимали из другого села. Свои редко шли. Если пастух был из другого села, его обязательно ознакамливали с местом пастьбы, месторасположением водопоя и т. д. В некоторых населенных пунктах (Хоредж, Лака и др.) пастуха вовсе не нанимали. Пасти скот ходили сами хозяева, соблюдая очередность. В тех случаях, если в семье нет мужчины, пасти скот шла женщина.

Стад обычно бывало три. Первое стадо состояло из рабочих быков и волов. Это стадо с весны до поздней осени находилось на пастбищных угодьях и почти не возвращалось на ночь в аул. Стадо пас опытный наемный пастух. Для рабочего скота отводились лучшие пастбищные участки. Во время сельскохозяйственных работ рабочий скот пасли ночью с тем, чтобы рано утром приступить к работе. В некоторых населенных пунктах после завершения сель-

скохозяйственных работ рабочий скот перегоняли на летние пастбища, расположенные недалеко от селения.

Крупные скотовладельцы часть тягловых и верховых животных перегоняли и на зимние пастбища вместе с овцами.

Второе стадо составлялось из молочного скота. Молочный скот каждое утро после дойки пастух выгонял на присельские пастбища, а вечером пригонял обратно в село. Третье стадо составлялось из телят и ослов (там, где они были). Для этого стада отдельного пастуха не нанимали. Обычно каждое хозяйство соответственно числу имевшихся телят по очереди выделяло подростков, которые отгоняли стада на ближние присельские пастбища.

Отел коров старались приурочить к концу февраля, чтобы телята успели окрепнуть до весны. Для стельных коров отводили отдельное помещение. Их подкармливали сеном. Корову начинали доить с первого же дня после отела. Молозиво, которое корова давала первые дни после отела, раздавали родственникам. Доили коров два раза в сутки — утром и вечером. Дойных коров также подкармливали сеном.

В нижних табасаранских селах разводили и буйволов. Буйволиц на равнине держали специально для молока, но иногда наряду с буйволами их использовали и как тягловую силу. Молоко буйволиц ценилось за высокую жирность и отличные вкусовые качества.

Значительное место в хозяйстве табасаранцев занимали лошади. В целом по Табасарану лошадей имели только более состоятельные семьи. В некоторых селах лошади были у всех (сел. Тинит, Юхари-Ярак, Чувек, Хурик). Наименьшее количество лошадей было в высокогорных селах, где зима была продолжительна. Лошадей использовали в основном для верховой езды, перевозки вьючных грузов (изредка). Их обычно пасли индивидуально (за исключением богатых скотоводов, которые имели по нескольку десятков голов).

Лошадь в хозяйстве всегда окружалась особой заботой. Все заботы о лошадях брали на себя мужчины и молодые юноши. Они их ежедневно чистили, мыли, кормили и водили на водопой. Несколько раз в месяц лошадям давали соль. Паслись лошади круглосуточно. Поэтому тем, у кого было несколько лошадей, нужен был не только дневной, но и ночной табунщик.

Определенную роль в хозяйстве табасаранцев играли ослы и мулы. Этих животных в основном использовали в качестве вьючных. Ослы были выносливые и неприхотливые животные. Они с грузом могли пройти по самым труднодоступным горным тропам. Но несмотря на это, в некоторых табасаранских селах ослов не держали.

Почти во всех хозяйствах табасаранских аулов разводили птицу. Многие хозяйства продавали птицу. Птичий помет считался хорошим удобрением, а перья шли на изготовление подушек, других постельных принадлежностей.

В некоторых аулах занимались и пчеловодством[46]. По сведениям

информаторов, в одном только сел. Хоредж около 30 хозяйств имели пчел. Из ведомости о пчеловодстве за 1916 г. видно, что в Северо-Табасаранском участке в 1916 г. общее число ульев равнялось 1320, добыто меду 80 пудов, воску 32 пуда[47].

Хотя в лесах Табасарана всегда было большое количество разнообразной дичи (горная коза, лиса, медведь, заяц, олень, дикий кабан, куропатки) и охота являлась излюбленным занятием мужчин, но охота среди табасаранцев никогда не была источником семейного дохода. Шкуры некоторых диких животных шли на изготовление ремней, обуви, сумок и других изделий домашнего хозяйства. Охотники сами изготовляли порох. Широко применялись ловушки, засады и капканы. Существовали различные виды капканов, которые ставили в зависимости от того, какое животное хотели поймать. Охотились, как правило, в свободное от сельскохозяйственных работ время.

Одним из важнейших видов сельскохозяйственных работ считалась заготовка сена. Обычно сено косили мужчины, а убирали женщины. Травы поспевали не везде в одно время. В Нижнем Табасаране сенокос начинался раньше, чем в Верхнем. В связи с этим массовый сенокос длился с конца июля до середины сентября. Сено косили самодельными косами — «дергес». В малодоступных гористых местах косили сено серпами — «дагьур» обычно женщины. Скошенное сено оставляли на поле для сушки 2—3 дня, а потом собирали при помощи деревянных грабель «кьюрш» и вилами «квюш» в копны. Осенью после завершения основных хозяйственных работ сено перевозили в село и ставили конусообразные, круглые (если сена было немного) или прямоугольные (если сена было много) стога «эпел». В одних селах стог ставили на крышах домов или во дворе. В других для сена строили специальные сооружения, вынесенные на улицу недалеко от дома. Почти в каждом селении Табасарана можно видеть десятки таких сараев у домов или длинными рядами расположенных на краю села, которые «с выразительным силуэтом придают своеобразный колорит табасаранским селениям»[48].

Занятия, связанные со скотоводством. Одной из трудоемких работ в овцеводстве считалась стрижка овец. Ее производили дважды в год — весной и осенью, т. е. после перегона с зимних пастбищ на летние и перед перегоном на зимние пастбища с летних. Обычно в период стрижки в течение 10 — 15 дней овец пасли на присельских пастбищах. Стрижка овец производилась сообща. Помогать чабанам приходили не только хозяева овец, но и те, у кого не было овец вообще. Стрижка овец проходила как праздник. Для стригалей специально готовилось хорошее угощение. Богатые барановоды и здесь пользовались наемным трудом. Чаще же они устраивали «мил». Такой вид взаимопомощи широко применялся в Табасаране и во всех других работах, где требовался труд многих людей. Стригли овец длинными самодельными ножницами, которые почти в каждом селе изготавливались местными кузнецами. Очень часто снятую шерсть тут же продавали приезжим скупщикам. Зна-

чительная же часть шерсти шла на удовлетворение потребностей хозяйства — изготовление сукна, войлока, ковров и т. д. Стрижка овец всегда была делом мужчин.

Другим, не менее важным занятием, связанным со скотоводством, было приготовление овечьего сыра. Технология приготовления сыра у табасаранцев почти такая же, как и у других народов Дагестана. Прежде всего для доения овец на пастбищах строились специальные загоны. Доили овец полусидя сзади. Надоенное молоко еще в теплом виде процеживали. В процеженное молоко клали сразу молозиво «мая», приготовленное из высушенного телячьего, ягнячьего или козлиного желудка. Иногда добавляли кислицу дикой сливы. Сразу же молоко мешали специальной палкой. Через 1 — 2 часа молоко свертывалось, и сыворотка поднималась вверх, а сыр ложился на дно сосуда. Потом из этого сосуда руками отжимали сыр и клали в другой деревянный сосуд с маленькими отверстиями на дне. Закрыв сосуд крышкой, сразу его клали в яму. Так оставляли до следующего дня. На следующий день, не вынимая из сосуда, сыр разрезали на куски, равномерно солили и клали в бурдюк. В бурдюке можно было хранить сыр в течение нескольких лет. Он был удобен не только для хранения сыра, но и для перевозки его.

Подводя итог всему вышеизложенному, мы можем сказать, что скотоводство наряду с земледелием на протяжении всего исторического пути развития табасаранцев составляло основу их хозяйства. В Табасаране не было ни чисто земледельческих, ни чисто скотоводческих сел. Каждое крестьянское хозяйство по возможности всегда сочетало земледелие и скотоводство, особенно разведение крупного рогатого скота.

Характер содержания скота в Верхнем и Нижнем Табасаране несколько отличался. Так, если в Нижнем Табасаране выпас крупного рогатого скота не прекращался почти круглый год, то в Верхнем Табасаране, наоборот, около 6 — 7 месяцев в году скот находился на стойловом содержании. В соответствии с этим определялась и разница в заготовке кормов (в Верх. Табасаране больше, в Нижн. — меньше), в сроке найма пастухов и т. д. Хотя, в целом способы разведения скота были примитивны, встречались люди с богатым опытом народных ветеринарных и зоотехнических навыков. Они умели лечить и определять многие болезни. Им были известны и некоторые способы улучшения породности скота и т. д.

Домашние промыслы и отходничество

Важное место в хозяйстве табасаранцев наряду с земледелием и скотоводством занимали домашние промыслы.

Согласно данным информаторов в XIX — начале XX в., домашними промыслами и ремеслами было занято большое количество населения. Для некоторых крестьянских хозяйств промыслы являлись основным источником существования.

Кустарные промыслы были особенно развиты в сел. Дарваг, Хучни, Куркак, Цнал, Куштиль, Кайсун[49]. Издавна славились своими изделиями такие крупные селения, как Хурик, Хив, Джули, Атрик, Дюбек, Тинит, Хоредж, Кондик и др. села.

Несмотря на то, что разного рода промыслы были распространены на территории Табасарана повсеместно, некоторые селения стали специализироваться на отдельных видах домашней промышленности. Так, например, центрами изготовления различных шерстяных изделий (носки, паласы, ковры, хурджины и т. д.) являлись сел. Хив, Хучни, Аркит, Кондик. Гончарные изделия производились в сел. Джули, Хоредж. Производством сукон занимались жители сел. Атрик, Хурсатиль, Куштиль, Чувек, Хоредж, Ханаг, Гурик, Кужник, Ляхля и др. Известными центрами ковроткачества были сел. Хучни, Аркит, Межгюль, Кондик и др. Высокоразвитое ремесленное производство, связанное с обработкой дерева, получило развитие в Верхнем Табасаране, в частности в сел. Хурик, Ханаг, Джули. Одним из центров металлообработки Табасарана было сел. Цанак. В сел. Марага, Карчаг и Ничрас добывались селитра и сера.

Домашними промыслами занимались и мужчины и женщины. Женщины обрабатывали шерсть, валяли войлоки, пряли, ткали, выделывали ковры, паласы, мешки, веревки, переметные сумки, вязали носки, шили одежду, обрабатывали овечьи шкуры. Мужчины занимались кузнечным и деревообрабатывающим промыслом, обрабатывали кожи крупного рогатого скота, делали ремни, канаты, шили рабочую обувь. Они же занимались и гончарным производством.

Довольно значительное распространение в Табасаране получила обработка шерсти, из которой изготовлялась одежда, обувь, паласы[50], мешки, сумки[51]. Особое место в домашней обработке шерсти занимало изготовление сукна — «ир». Сукно в Табасаране изготовляли как для собственного потребления, так и для продажи. Из сукна в основном изготавливали мужскую одежду. Хотя тканием сукна занимались многие, каждое село имело общепризнанных мастериц, к которым с заказами обращались все жители. Так, в сел. Хурсатиль было пять таких женщин. Они принимали заказы не только в своем селе, но и из соседних сел. Иногда, если заказов из других сел было много, мастерицы на определенное время со своим станком переходили в другое село.

Техника изготовления сукна, орудия труда были самыми примитивными и во многом сходны с производством сукна у других народов Дагестана и Кавказа[52].

Изготовление сукна начиналось с выбора и подготовки шерсти. Прежде всего шерсть сортировали. На изготовление пряжи для сукна использовалась шерсть осеннего настрига. Она ценилась гораздо выше. Шерсть весеннего настрига преимущественно использовалась для набивки матрацов и для приготовления войлочных изделий. После сортировки шерсть очищали и мыли, просушивали, а затем расчесывали и пряли. Перед мытьем шерсть обычно на 1 — 2 дня замачивали в теплой воде. Мыли шерсть в чистой воде

без моющих средств до тех пор, пока с шерсти не начинала стекать чистая вода. Вымытую и высохшую шерсть расчесывали. Для этого существовал специальный гребень — «хьайир жвурхру рягъ». Второй этап подготовки шерсти для тканья сукна состоял в прядении шерсти, которая проводилась инструментом «чухра». Следующий этап — это процесс тканья.

В суконном производстве использовали горизонтальный станок, который у табасаранцев назывался «аргагь». На этом же станке женщины ткали конопляное полотно и полотно из хлопчатобумажных и льняных ниток. В данном случае меняли только расчески. В некоторых населенных пунктах на квартал устанавливали один станок (с. Чувек). Сукно некоторых мастериц находило широкий сбыт во многих частях Дагестана.

После тканья готовое сукно, снятое со станка, на 5—10 мин. опускали в кипящую воду. Затем сукно вынимали и приступали к уваливанию (мяли ногами, руками и снова мочили). От этого сукно становилось мягче и плотнее. После уваливания сукно распрямляли и в мокром виде наматывали на специальную каталку и в таком виде сушили.

В производстве изделий из шерсти важное место занимало изготовление ковров, паласов и ковровых изделий. Для изготовления ковра шерсть, так же как и для сукна, подвергали предварительной обработке, красили. От правильного подбора красок, от их оттенков и разновидности, их прочности во многом зависело качество и внешний вид ковров. Женщины сами изготовляли растительные краски. В качестве красящего материала ковровщицы использовали натуральные красители — кору ореха, дуба, корки барбариса, листья клевера, черный тутовник. Широко использовали для крашения пряжи марену, которая успешно выращивалась в сел. Ерси, Дарваг, Зиль. Известно, что в Тифлис для Лондонской всемирной выставки была отправлена марена из Южного Табасарана, за что Комитет выставки наградил медалью Ибрагимбека — управляющего Южным Табасараном[53].

Процесс тканья ковра начинался с установки станка — «дуркьар», который изготовлялся из крепких пород дерева местными мастерами. Станок этот по своей конструкции очень прост. Основу станка составляют две толстые деревянные стойки вместе с двумя поперечными. Для удобства работы станок устанавливался в наклонном положении у стены. В процессе тканья использовались различные инструменты — гребень, нож, ножницы и т. д. Ковры делались различных размеров — от 70 — 120 см до 1,80 — 4 м. Существовало множество различных типов ковров: «Табасаран», «Сафар-Чечне», «Тапанча», «Мягьрагъа», «Сульфи», «Туруф», «Рушвул», «Ерси», «Хив» и др. Каждый тип ковра имел свой рисунок. Типы табасаранских ворсовых ковров «Рушвул» распространены в сел. Рушвул, Аркит и в селениях Северного Табасарана — Хучни, Тураг, Халаг и др.[54]

Некоторые узоры ковров названы женскими именами — «Сафар-Чечне», «Сульфи». «Есть рисунки, названные именами сел —

«Хив», «Ерси», «Табасаран», «Магара» и т. д. Узоры ковров «Мекка» и «Кааба» были связаны с религиозным ритуалом; и действительно, большинство таких ковров использовались в старину в качестве молитвенных»[55].

В узорах всех табасаранских ковров преобладают голубой, темно-синий, желтый, оранжевый, зеленый, красный и темно-красный цвета. Узоры представляли собой изображения растений и животных, орудий труда, предметов быта. Наиболее распространенным орнаментом был геометрический. Как по рисунку, так и по качеству особенно славились следующие типы ковров: «Табасаран», «Сафар-Чечне», «Тапанча», «Рушвул», «Турар».

Изготовляли табасаранцы и ковровые изделия без ворса. В основном это были табасаранские двухсторонние паласы. Эти паласы в отличие от ковров ткутся не на вертикальном станке «дуркьар», а на горизонтальном — «аргагь», который используется в суконном производстве.

Из шерсти табасаранцы изготовляли также различные вязаные изделия — носки, чулки (узорное вязание), различные шнурки, которые пришивались к одежде, подушечки и т. д. Самую лучшую, мягкую и длинную шерсть использовали для изготовления сукна, ковров, паласов и других ковровых изделий, остальную шерсть тратили на изготовление войлока, бурочных накидок для пастухов и чабанов, обуви, шляп, подстилок для седла и т. д.

Табасаранцы производили войлок теми же способами, что и другие народы[56].

Важное место в крестьянских промыслах занимала обработка кожи и выделка изделий из нее. Овчина шла на изготовление верхней одежды (шубы, тулупы, папахи), женской обуви, бурдюков для хранения сыра. Овчинную кожу использовали и для домашней выделки сафьяна. Из кожи крупного рогатого скота изготовлялись различные виды мужской обуви, ремни, сумки, веревки, кожаные мешки, уздечки, кнуты и т. д.

Табасаранцами была детально отработана техника обработки шкур и кож. Шкуры предварительно просушивали несколько дней, затем обрабатывали. Обычно кожи крупного рогатого скота обрабатывали мужчины, мелкого рогатого — женщины. Изготовлением шуб из шкур занимались скорняки, которые имелись в каждом селе. В ряде аулов были мастера, изготовлявшие седла и принадлежности к ним.

Если указанными выше видами домашней промышленности занимались почти все крестьянские хозяйства, то обработка железа и дерева являлась специальностью отдельных людей. Широкое развитие у табасаранцев в XIX в. получило кузнечное дело, без которого не могло существовать ни одно хозяйство. Этнографический полевой материал показывает, что в Табасаране каждое село имело своих кузнецов. В таких селениях, как Цанак (Жанак—кузница—по таб.) —центр металлообработки Табасарана, Гимейди, Сикуг, Марага, Арак, Цуртиль, Хучни, Куркак, Дарваг, кузнечное дело получило значительное развитие. Некоторые кузнецы из по-

коления в поколение передавали свое мастерство. Такими потомственными кузнецами были братья Иса, Селим, Муса из сел. Хурсатиль, Махмудов Юсуф из сел. Джули, у которого кузнецами были его отец Махмуд и дед. Имена хороших кузнецов славились по всему Табасарану. Так, например, кузнец Махмуд из сел. Джули выполнял заказы не только джулинцев, но и жителей сел. Джалгъан, Зидиян, Марага, Митаги, Хелипенджи, Татил, Ягъдыг, Хапиль, Хучни. Те села, у которых не было своего кузнеца, приглашали его из другого села и содержали всем селом.

Кузнецы занимались производством и ремонтом сельскохозяйственных орудий и предметов домашнего обихода. Они изготавливали косы, серпы, топоры, мотыги, ножи, ножницы для стрижки овец и для дома, щипцы для углей, замки, дверные ручки, подковы для лошадей, крючки, лопаты, железные части пахотных орудий и т. д. Постепенно, в связи с проникновением в табасаранские селения фабрично-заводских изделий, кузнечное ремесло пришло в упадок.

У табасаранцев не получили развития оружейное дело и ювелирное производство. Особой славой табасаранцев пользовались ювелирные изделия кубачинцев и лакцев. Высоко ценилось оружие, привозимое из Кубачи и Харбука. Тем не менее, в некоторых селениях Табасарана (сел. Цанак) изготовляли холодное оружие. В аулах Марага, Карчаг, Ничрас добывали селитру[57], из которой изготовляли порох. Из соляных озер, колодцев, «принадлежащих табасаранским жителям...»[58], добывали соль. «В Табасаране, — пишет И. Березин, — находится соляное озеро, из которого жители добывают соль для своего продовольствия»[59].

Одним из развитых промыслов у табасаранцев был деревообрабатывающий. Развитию ремесел, связанных с использованием леса, способствовало то обстоятельство, что значительная площадь Табасарана была покрыта лесом[60]. «В Табасаране знатнейший лес простирается по Бентау и Карасирту»[61].

Более высокого развития этот промысел достиг в сел. Хурик и Ханаг. Хурикские и ханагские мастера накопили большой опыт в технике обработки дерева — в определении пород древесины, методов и сроков их заготовки, обработки.

Способы обработки дерева были многообразны, начиная от изготовления деревянной конструкции дома (деревянные прокладки в стенах, балки перекрытия, опорные столбы, несущие балки) и до производства деревянных ложек и вилок, подносов, мисок и т. д. Дерево применялось как во внешней, так и во внутренней отделке домов (окна, двери, лестницы, подпорные столбы). Из дерева делались меры для сыпучих продуктов, лари, люльки, корыта разных размеров, чесночные ступки, дуршлаги, станки для ковроткачества и суконного производства. Из дерева изготовлялся сельскохозяйственный инвентарь, делались музыкальные инструменты, а также посуда и утварь.

Одним из основных способов изготовления посуды было выдалбливание. Кое-где практиковалось и выжигание. Деревянные изде-

лия производились не только для внутреннего потребления, но и на продажу. Большим спросом у соседних народов пользовались ложки, ступки для чеснока, мерки для сыпучих тел, лари и др.

Значительного расцвета в Табасаране достигла резьба по дереву. Основные части некоторых деревянных изделий — рамы окон, двери, капители колонн интерьера и балконов, консоли карнизов, а также домашняя утварь украшались резьбой[62]. Процитируем несколько высказываний различных авторов. «Центром памятников резьбы по дереву на юге являются табасаранские аулы и в особенности аулы Хурик, Ханак, Ругуч... Этот район богат исполинскими орехами, и немудрено, что здесь развился этот вид искусства. Резьба покрывает двери с косяками, наличники и ставни окон, продольные брусья («лежни») в кладке каменных стен, столбы (колонны) и анты верхних открытых галерей (своеобразных тенистых лоджий) и другие деревянные части домов»,[63] — писал А. Башкиров.

Сохранились уникальные памятники культуры — мечети, окна старинных домов, балки, лари для зерна, свидетельствующие о широком развитии этого искусства у табасаранцев. «В Южном Дагестане, в особенности в Табасаране, в резьбе по дереву применялся плетенчатый орнамент и немного меньше, чем в резьбе по камню, растительный орнамент»[64].

«Для резного дерева табасаранцев и соседних лезгинских районов,—пишут Э. В. Кильчевская и А. С. Иванов,—характерен очень своеобразный орнамент в виде плетенки, с включением в него розеток с изображением солнца»[65].

Самые ранние памятники табасаранского искусства резьбы по дереву относятся к XII—XIII вв. Этим периодом датируются деревянные столбы, находящиеся в мечети сел. Рича Агульского района. По свидетельству жителей этого селения, они были изготовлены табасаранскими мастерами и подарены ими для ричинской мечети[66].

Художественную обработку дерева в табасаранской архитектуре Г. Н. Любимова и С. О. Хан-Магомедов условно делят на два вида работ: «первый — создание той или иной формы деревянной детали и второй — орнаментальная обработка плоскостей этой детали. В табасаранской народной архитектуре наибольшее развитие получила орнаментальная резьба, которая применялась в основном при художественной обработке окон и дверей»[67].

Широкое распространение в Табасаране получило и плетение. Из тонких прутьев мастера делали корзины, сосуды для хранения зерна, для выноса мусора, строили сараи для сена и т. д.

Высокого развития достигла в Табасаране и резьба по камню. «Однако основной сферой применения этого искусства были мечети и каменные надгробные памятники»[68]. Лишь только в кладке стен домов можно еще видеть резные камни. Но и те имеющиеся памятники свидетельствуют о высоком художественном вкусе мастеров камнерезного дела. «Хорошо сохранился мавзолей в сел. Хучни, отличающийся оригинальным покрытием. Стены мавзолея, за-

вершенные снаружи небольшим пояском из выступающего ряда камней, переходят непосредственно в сомкнутый свод (XVIII в.)»[69].

В течение XVII—XVIII столетий южно-табасаранские мастера вводят много мотивов в оформление надгробий и другие памятники. Первоначально—это кружочки, звезды, солярные знаки. Впоследствии орнамент усовершенствовался. В дальнейшем северо-табасаранские мастера-камнерезы создали надмогильный памятник единого типа с единой схемой декора[70].

Табасаранские мастера по обработке камня и дерева славились и как строители. Этнографические материалы свидетельствуют о том, что именно «табасаранские мастера в XVII—XVIII вв. строили мечети в соседних даргинских аулах»[71].

К промыслам можно отнести и строительство специальными мастерами водяных мельниц.

Одной из развитых отраслей промыслов в XIX—начале XX в. в Табасаране было гончарное производство. Об этом свидетельствуют и гончарные печи на территории Табасарана, относящиеся к началу 1 тысячелетия н. э.[72] Гончары из сел. Джули и Хоредж изготовляли самые разнообразные изделия — посуду, водопроводные трубы, игрушки и т. д. Аул Джули в XVIII—XIX вв. превращается в один из ведущих центров гончарного дела. Изготовляемая здесь глиняная посуда различных форм и размеров пользовалась широким спросом не только в табасаранских аулах, но и в аулах соседних дагестанских народов. Помимо расписной керамики, в сел. Джули высокого мастерства достигло узорное ткачество, резьба по камню и дереву. Гончарные изделия украшались геометрическим узором. Роспись, наносившаяся на гончарные изделия, выполнялась цветной глиной. Производством, росписью и сбытом гончарной посуды в основном занимались мужчины.

Итак, в XIX — начале XX в. из отраслей домашних промыслов наибольшее развитие у табасаранцев получили: изготовление сукна, войлока, ковров, обработка дерева и кожи, узорное вязание, кузнечное дело и гончарное производство. Изделия домашних кустарных промыслов, хотя в основном удовлетворяли нужды самих производителей, имели и некоторый товарный характер. Некоторые из них превратились в источники дохода. Табасаранские ковры и ковровые изделия шли на продажу не только в самом Дагестане, но и за его пределами.

После присоединения Дагестана к России установились оживленные торговые связи Дагестана с центральной Россией. С расширением торговых связей производство многих кустарных изделий, особенно ткацких, значительно сократилось, так как спрос на кустарные изделия из-за конкуренции фабричных и заводских изделий постепенно падает.

Хотя табасаранцы успешно занимались земледелием и скотоводством, кустарными промыслами, они все же не могли обеспечить себя продуктами питания, другими предметами первой необходимости. С одной стороны, эти обстоятельства, с другой — наличие свободных незанятых в хозяйстве рабочих рук, привели к воз-

никновению у них еще до XIX в. института отходничества. В 1913—1915 гг. число отходников в Кайтаго-Табасаранском округе составляло 3828 человек (4,1% населения), т. е. 63 человека на тысячу жителей [73].

До начала весенне-летних полевых работ и осенью после уборки хлебов группы безземельных и малоземельных крестьян-табасаранцев, а также кустари уходили на заработки. Важным пунктом для отхожего промысла табасаранцев внутри Дагестана был г. Дербент. В архивном документе говорится, что табасаранцы «ходили вниз на заработки, во время покоса и работали на маренных плантациях» [74]. Массовым был уход жителей горных табасаранских сел в плоскостные аулы Табасарана и Дербента, где «марена почти вытеснила другие роды посевов» [75]. Об этом же свидетельствуют многочисленные архивные документы. В частности, в упомянутом выше отчете дербентского губернатора за 1850 г. говорится, что «весенние работы на маренниках привлекают сюда из нагорных обществ до 25 тыс. человек» [76].

Отходники-табасаранцы в большом количестве работали на рыбных и нефтяных промыслах Дагестана. Жители многих аулов славились как хорошие мастера строители-каменщики, мастера дерева. Ежегодно они ходили из аула в аул, предлагая свои услуги. В поисках средств к существованию значительное число жителей ежегодно уходили за пределы Табасарана, в частности, в Кубинское ханство, Карадаглы, Татляр, Салик, Касумкент, Магарамкент, в агульские и даргинские аулы [77]. После сокращения маренных плантаций отходники стали уходить за пределы Дагестана — в различные города Закавказья, Северного Кавказа.

Формы отходничества были самые разнообразные. Небольшими группами табасаранцы уходили на выполнение сельскохозяйственных работ к крупным землевладельцам, богатым скотоводам, садоводам. Многие из них через 5—6 месяцев возвращались домой, некоторые оставались там на несколько лет, а часть отходников оставалась и на постоянное жительство.

Отходничество, существовавшее в прошлом и служившее дополнительным источником дохода, усилилось с присоединением Дагестана к России, в особенности с последней четверти XIX в. Быстрый процесс классового расслоения кретьянства, ускоренное развитие товарно-денежных отношений, а также проведение Прикаспийской железной дороги — все это способствовало усилению отхожих промыслов в Табасаране. Вливаясь в ряды кадровых рабочих, многие из табасаранских отходников остались на постоянное местожительство в городах Дагестана, Кавказа и др. промышленных центрах.

Транспорт и торговля

Важное место в жизни табасаранцев занимал вьючно-верховой транспорт. Способы верховой езды и перевозки грузов вьюком во многом зависели от естественно-географических и климатических условий края.

Основным транспортом для езды, как в Южном, так и в Северном Табасаране, как было сказано выше, служили лошади. Лошадь предназначалась и для перевозок вьюков на дальние расстояния. Из грузовых транспортных средств наиболее распространенными были сани-волокуши — «мярхяр» (преимущественно в горной части), а также арба (на плоскости). Для перевозки грузов использовались также ослы и мулы (в горной части), буйволы и волы в Южном Табасаране.

Для перевозки изделий, предметов обмена пользовались кожаными и матерчатыми сумками, хурджинами, сапетками из прутьев, хвороста, мешками, корзинами и т. п.

Колесные дороги существовали только в Нижнем Табасаране. Самым распространенным видом транспорта здесь была арба. В Горном Табасаране в основном были узкие горные тропы, по которым можно было пробираться верхом на лошади или пешком. Со многими населенными пунктами верховое сообщение прекращалось с наступлением зимы.

Табасаранцы имели издавна сложившиеся внутренние и внешние торговые связи. В связи с тем, что жители различных аулов специализировались по производству тех или иных изделий, продуктов питания, они нуждались в обмене своими изделиями, продуктами животноводства и земледелия. Так, например, предметами торговли для джулинцев были гончарные изделия, топоры, ножи, а также сукна. В свою очередь джулинцы получали у соседей сушеные фрукты, орехи. Для жителей Хурика предметами вывоза служили ковры, паласы, продукты животноводства, деревянные изделия и т. д. Одни аулы сбывали скот, другие шерсть, третьи зерно и фрукты.

Торговые операции совершались в установленные базарные дни в крупных населенных пунктах. Наиболее крупные базары на территории Табасарана были в сел. Хучни, Хив, Кондик, Тинит. В некоторых селениях (Тинит, Татиль, Рукель) осенью бывали оживленные животноводческие базары.

Табасаранцы поддерживали тесные торгово-экономические связи с дагестанскими народами. В городах и крупных торгово-ремесленных центрах Дагестана (Дербент, Касумкент, Маджалис, Кубачи, Акуша, Тпиг) регулярно устраивались базары, куда привозили товары (ковры, паласы, сукна, орудия труда, продукты питания) и табасаранцы. Так, к агульцам табасаранцы возили зерно, сельхозорудия, фрукты, джулинскую посуду, сукна, паласы, шерстяные изделия.

Наиболее тесные связи табасаранцы (Северный Табасаран) имели с соседями кайтагцами. Верхним кайтагцам табасаранцы поставляли ковры, сукна, фрукты. «Груши и орехи идут отсюда в продажу во множестве», — читаем мы в источниках[78]. Жителям Нижнего Кайтага табасаранцы продавали сельскохозяйственные орудия, веревки, ковры, сукна.

Жители Южного Табасарана были более тесно связаны с лезгинами. В лезгинском фольклоре часто упоминается табасаранская

парча — «табасаран дере»[79], что свидетельствует о вывозе сукна из Табасарана в лезгинские села. Изделия домашнего производства — сукна, паласы, джулинскую посуду — табасаранцы реализовывали и в лезгинских аулах—Касумкенте, Ахтах, а те в свою очередь у них покупали зерно, фрукты.

Табасаранцы вывозили свой товар к даргинцам, азербайджанцам. Из Табасарана в Шемаху вывозили ковры. А. Олеарий по этому поводу пишет: «В этом же карвансарае (в Шемахе. — А. Б.) находятся и евреи, доставляющие из Тессерана (Табасарана) прекраснейшие персидские ковры»[80]. «Горские народы,—по словам Мордвинцева,—по ту сторону Дагестана живущие, как-то табасаранцы, ахтынцы, рутульцы и другие свои произведения доставляют отчасти в Дербент, а частью сухопутно в Баку, где взамен получают нефть, соль и российские товары»[81].

В плоскостных табасаранских аулах жители ряда лакских аулов покупали зерно, взамен табасаранцы приобретали у них медную посуду, украшения, сундуки и т. д. У других дагестанских народов табасаранцы покупали оружие, предметы украшения, домашнюю утварь и т. д. «Из владения Каракайтаг,—пишет П. Ф. Колоколов о табасаранцах,—получают вещи, приобретенные хищничеством, из Кубачи — огнестрельное и холодное оружие»[82].

Жители части табасаранских сел приобретали оружие в старинном ремесленном центре Харбук.

Жители плоскостных прилегающих к Дербенту табасаранских аулов издавна поддерживали разносторонние отношения с азербайджанцами и теркеменцами.

В развитии торгово-экономических связей народов Дагестана, в том числе и табасаранцев с остальными народами, большую роль сыграл Дербент, который являлся крупным торгово-ремесленным центром и считался «коммерческим ключом» всего Дагестана. Находясь в непосредственном соседстве с Дербентом, Табасаран втягивается во внешнюю торговую жизнь. Этому способствовало и то, что многие торговые пути в Дербент проходили через Табасаран. Так, например, по описанию Ф. Ф. Симоновича «Главная дорога из Дагестана в Табасаран идет мимо сего места по долине Меньшаго Дарбаха, где оная дорога разделилась на дорогу в деревню Ерси и на другие три, ведущие через Табасаранский хребет к Ширвану, на следующие места: на Махметбекову деревню Митаги, вторая чрез кадиеву деревню Дарбах, а третья чрез кадиеву же деревню Зиль»[83]. Маршруты, ведшие из Дербента в Табасаран, описал также П. Ф. Колоколов[84].

Значение Дербента в торгово-экономических связях табасаранцев возросло с проведением железной дороги, связывающей Северный Кавказ с Баку через Порт-Петровск и Дербент. Дербент по-прежнему продолжал играть роль активного посредника во взаимоотношениях Табасарана с соседними дагестанскими народами.

Огромна была роль Дербента в связях табасаранцев с народами Закавказья, Ближнего Востока. Очень часто табасаранцы ездили в Кубу, Баку, Шемаху.

Табасаранцы горной части, как и другие народы Южного Дагестана, так же сбывали свои товары — сукно, ковры, шерстяные ткани, меха, кожу, шерсть, как в Дербенте, так и в Кубе, получая оттуда хлеб, сарачинское пшено, шелк, хлопчатую бумагу, соль, нефть и деньги [85].

О торговых связях Табасарана П. Ф. Колоколов писал, что «Табасаранцы ведут торговлю большею частью с Дербентом, с вольными народами Каракайтаг и Кубачи. Они сбывают паласы, ковры, также баранов, масло, сыр и мед. Из Дербента получают соль и бумажные ткани» [86].

После присоединения Дагестана к России устанавливаются, а кое-где усиливаются оживленные торговые, политические и другие связи Дагестана, в частности Табасарана, с центральной Россией и другими районами Кавказа, Дагестана. Получает большое развитие как внутренняя, так и внешняя торговля. Вся внешняя торговля в основном велась через Дербент. В этот период усиливается вывоз товаров из Дагестана в Центральную Россию. В обозрении российских владений за Кавказом мы читаем: «Важнейшая торговля Дербента производится с Астраханью и состоит в отправлении туда марены, кубинского и ширванского шелка, кубинских и табасаранских ковров и паласов, сарачинского пшена, грецких и миндальных орехов, кишмиша, кизила, мехов куньих, лисьих, волчьих и других» [87].

Как внешняя, так и внутренняя торговля развивались в рамках натурального хозяйства. Хотя торговля в основном была меновая, строго установленной меновой единицы не существовало. Редко, но употреблялись и деньги. «Торговля сия производится большею частью сменою. Собственных денег табасаранцы никогда не имели, между ними употреблялись, как прежде, так и ныне, так называемые ханские; они принимают также и российскую монету; в особенности между жителями Нижней Табасарани серебряные рубли предпочитают пред прочею монетою» [88].

В торговых связях табасаранцев с народами Дагестана и Закавказья большая роль принадлежала евреям. Интересно отметить, что из 760 человек, занимавшихся торговлей в Северном и Южном Табасаране, 210 были евреи [89].

Вместе с тем следует отметить, что общая отсталость экономики, низкий уровень производительных сил в значительной мере тормозили развитие торговли. Развитию торгово-экономических отношений табасаранцев с другими народами мешала феодальная раздробленность, междоусобные распри и многочисленные войны. Серьезной помехой служило и отсутствие благоустроенных дорог, транспорта и др. Несмотря на это, торгово-экономические связи табасаранцев с другими народами были постоянными.

На относительно развитые торговые связи табасаранцев указывают и прочно установившиеся меры весов жидких и сыпучих тел и меры длины. Для измерения жидких тел (масло, мед и др.) применялась «гирванка» — мера, составляющая 400 г жидкости. Самым малым разновесом являлась «гьацI гирванка» (0,5 гирван-

ка), далее — «кьюб гирванка»—800 г, «черек», состоящий из пяти гирванка, а «гьацI черек» — половина черека.

Для измерения сыпучих тел применялись «вагъя» (1 кг), «сеъ» — мера, составляющая 2,5 кг. Четыре сеъ составляли один «гьашв»—10 кг; 6 «сеъ»—1 «такъач» (такъа), а 8 «сеъ»—1 швтушв. Два такъач составляли один ребе, а 24 сеъ составляли 1 къапан (самая большая мера), т. е. 60 кг.

Мерами длины служили части тела человека: палец, локоть, ступня, шаг, плечо и др. Расстояние между указательным и большим пальцами руки принято было называть «черек», а расстояние между большим пальцем и мизинцем называлось «чIиб». Два чIиба составляли «саб къари» (0,5 м). Длина локтя (расстояние по прямой от локтевого сочленения до конца вытянутого среднего пальца мужчины среднего роста) считалась также равной 50 см. Существовала еще мера кулаком. Так, например, пять сжатых кулаков и два пальца составляли 0,5 м. Ширина четырех пальцев называлась «гагь».

Расстояние мерилось шагом «чIакIул». Длина чIакIул в среднем равнялась 60—70 см. Существовала еще одна мера «аршин» (1,5 м). Кроме того, расстояние мерилось и длиной пройденного в определенное время пути.

Пахотную землю измеряли количеством мерок засеваемого зерна или же временем, затраченным на посев, а мерами для сена служили охапки. Шесть охапок составляли сани.

Народный календарь и аграрные культы

В исследуемое время табасаранцы пользовались солнечным и лунным календарями: для определения времен года, дневного времени—солнечным, а для определения дней месяца—лунным. Лунный месяц табасаранцев состоял из 29—30 дней. Лунный год был равен 354 суткам и начинался в день весеннего равноденствия «эбелцен» (22 марта). Год так же, как у других народов, состоял из 12 месяцев и делился на четыре сезона[90] (зима—«кьюрд», весна—«хьадужар», лето—«хьад», осень—«чвул»). К сожалению, народных названий месяцев информаторы не помнят. В памяти людей остались только их мусульманские названия.

Сезоны года определялись по движению солнца относительно села, а также по звездам. «Наступление весны жители табасаранского аула Татиль определяли по тому, когда солнце становилось в одну параллель с крепостью в местности «Жухнаъ». В сел. Вичрик наступление весны определяли по восходу солнца в местности «Виччирихъ» и заходу у местности «ЦIийи йишвартIил». Наступление лета жители сел. НичIрас определяли по восходу солнца в местности «Гьялмюхъин гур» и заходу его в местности «Хиндин гур». В сел. НичIрас осенним периодом считалось время, когда солнце заходило в местности «Хамсин гур», а дни, когда солнце

заходило в местности «Хамсин гур», считались зимними. Жители сел. Вичрик признаками наступления лета считали восход солнца у местности «Цухдагъярин тавлик» и заход вблизи местности «хавдихъ». Наступление осени жители сел. Вичрик определяли по восходу солнца в местности «Виччрихъ», по заходу в местности «Аьхю гьарин тавлиъ». Наступление зимы жители сел. Татиль определяли по заходу солнца за вершину «Джухнаъ тав» вблизи сел. Ягдыг. Жители сел. Вичрик началом зимы считали восход солнца в местности «Мяхъярин кIул» и заход в местности «Даждин гъвалакк»[91].

День весеннего равноденствия табасаранцы также определяли по восходу солнца над определенной вершиной горы, холма. Для жителей разных сел ориентиры были различные.

Для более точного определения сезонов года, начала и окончания сельскохозяйственных работ (время пахоты, сева, уборки урожая и т. д.) табасаранцы создали свой особый локальный сельскохозяйственный календарь. Полевые этнографические материалы свидетельствуют, что вся трудовая деятельность народа регламентировалась именно этим календарем. По этому календарю год у табасаранцев делился не только на четыре сезона, но и на более мелкие периоды. Теперь этот календарь почти забыт, и информаторы многое в нем путают. Этим, вероятно, и объясняется наличие такого большого количества вариантов данного календаря, записанных нами в разных селах.

Собранный материал свидетельствует, что табасаранцев интересовал не весь год в целом, а определенная часть года (от подготовки к пахоте, севу и до созревания урожая). В свою очередь, эта часть года делилась на два периода: зимний период «кьюрдун цIиж» начинался в первую среду второго месяца зимы и был заполнен подготовкой к весне; летний или весенне-летний период «хьадан цIиж» начинался с 22 марта и был временем пахоты, сева и других полевых работ. В целом каждый из этих периодов имел определенное практическое назначение. Эта часть года делилась на мелкие периоды «ухин»[92]. Интересно заметить, что древнеславянский календарь охватывает 96 дней, от 2 мая до 7 августа, т. е. период от посева до созревания яровой пшеницы и ячменя[93].

Говоря о людях эпохи колоколовидных кубков, живших на Среднем Дунае, академик Б. А. Рыбаков пишет: «...Тогдашние люди делили год на активную и пассивную части. ...Активной частью календаря следует считать весну и лето — с марта по июль, пассивной — осень и зиму, с августа по февраль»[94].

При сборе полевого материала, касающегося вопроса о количестве периодов, нами обнаружено, что материал по южным и северным табасаранцам разнится. Так, в одних селах весь период состоит из 10 «ухнар» (мн. ч.), в других — из 11, а в третьих — из 12. Кроме того, нами замечено, что начало периода (первого ухина) в разных селах приходится на разные сроки в зависимости от того, где расположено село,—в южной или северной части Табасарана, так как и сроки сельскохозяйственных работ в них ус-

танавливались в разное время. Так, в Южном Табасаране первый ухин (12 дней) начинался с 22 января и назывался «цIиж», второй — «тарш», третий — «хпин», четвертый — «дакьракь», пятый — «мулух» (обычно с 22 марта); шестой ухин — «хлин», седьмой — «даркъан», восьмой — «иран», девятый — «думуркI», десятый—«гьяспиндар». В отличие от других периодов «гьяспиндар» длился 40 дней (приблизительно до 1 июля). Слово «гьяспиндар» означает «пустой» (пустые амбары). На самом деле, это был период ожидания созревания урожая. Обычно в этот период старый запас зерна иссякал, а новый урожай только-только созревал.

У нас имеется и другой вариант календаря, записанный нами в селениях Южного Табасарана. Здесь периодов 11. В данном варианте присутствует еще период «курш», который следует за «тарш». Далее все как в первом варианте — хпин, дакьракь, мулух, хлин, даркъан, иран, думуркI, гьяспиндар. Счет времени в данном варианте начинался не с 22 января, как в первом случае, а с 10 января. По сведениям информаторов, первый ухин начинался в первую среду после первого месяца зимы.

Записанный нами вариант сельскохозяйственного календаря северных табасаранцев выглядит так: цIиж, тарш, курш, хпин, дакьракь, ихав, мулух, хлин, даркъан, иран, думуркI, гьяспиндар, т. е. здесь периодов уже 12.

Имеются и другие варианты календаря. Так, в сел. Зильдик сельскохозяйственный год делился также на зимний и весенний периоды. В зимний период входят цIиж, тарш, курш, хпин, дакьракь. Весенний период составляет мулух, хлин, даркъан, иран, думуркIин, гьеспиндару йигъар. Гьеспиндару здесь составляет 24 дня.

По материалам М. Р. Гасанова [95], записанным им в сел. Хурик, сельскохозяйственный календарь состоял из следующих периодов. Весна (хьадукар) начиналась 22 марта: 1) 12 дней — мулухдин; 2) 12—хлин; 3) 12—даркъан; из них первые 6 дней даркъан, вторые 6 дней — ацIу даркъан; 4) 12—иран (эрен); 5) 12—думуркIен; 6) несчитаемые дни — 40 дней.

Лето (хьад) начиналось 22 июня: 1) с 17 июня по 29 июня чIижин йигъар; 2) 12 дней таршан; 3) 12 — курш; 4) 12—хпин; 5) 12—тIакъракь.

Осень (чвул) начиналась 22 сентября: 1) 12 дней — мулух; 2) 12—хлин; 3) 12—даркъан: из них первые 6 дней уркъу даркъар, вторые 6 дней ацIу даркъар; 4) 12—эрен (иран); 5) 12 — думуркIен.

Зима (кьюрд) начиналась 22 декабря: 1) с 22 декабря по 16 января гьисабдару йигъар; 2) с 17 января по 29 января— цIижан; 3) 12 дней—таршан; 4) 12—куршан; 5) 12—хпин; 6) 12 — тIакъракь; 7) 12 — мулух; из них первые 6 дней относят к зиме, вторые 6 дней—к весне.

В других населенных пунктах лето и осень не разбиваются на периоды. Подобная градация существовала и у других народов Дагестана. Так, у даргинцев на периоды в основном распадалась

весна. «Вообще лето (и осень) не разбиваются на такие дробные периоды, как весна. По этому поводу в сел. Карацан нам говорили, что весенняя периодизация переносится на другие времена года»,— пишет М. О. Османов [96].

«У лезгин каждые полмесяца весны составляли отдельный период, причем в ряде случаев градация была более мелкой (до 7 с половиной дней в каждом периоде» [97].

В каждый отрезок времени табасаранцы выполняли те или иные сельскохозяйственные работы. Так, в дни цIиж (кьюрдун цIиж — самые жгучие и свирепые морозы) люди в основном сидели дома и занимались домашними делами. Женщины расчесывали шерсть, ткали, вязали. Говорили, что в этот период небо и земля сливаются воедино. Именно на этот период приходится, по рассказам информаторов, самый большой падеж скота.

С наступлением тарш мужчины начинали ремонтировать транспортные средства для перевозки удобрений, ходили на охоту, особо заботились о рабочем скоте. В этот период дни заметно удлинялись.

В курш начинали вывозить на поля органические удобрения.

В период хпин вывоз удобрений и разбрасывание их на поля завершался. Кроме того, в этот период подготавливали к весне сельскохозяйственные орудия, очищали семена, готовились к пахоте и севу.

Дакьракь — самый капризный и ответственный период. Он был особенно ответственным для скотоводов. В это время года корма уже подходили к концу. В народе говорили: «если в дакьракь будет тепло, то семь новых родников откроются, если холодно, у 7 коз треснут рога»; в другом варианте: «если в дакьракь будет холодно, то козьи рога треснут, если тепло, буйволы будут купаться в лужах» (имелось в виду, что настолько будет жарко). В дакьракь очищали сенокосы от кустов, камней. В этот период начинался окот.

В части селений (Северный Табасаран) в период ихав начинали пахать участки, назначали пастухов для крупного рогатого скота, готовили семена для сева, производили ремонт оросительной сети, расчищали канавы, укрепляли ограды и террасы.

«Мулухдин йигъар» — первые весенние дни. Во всех селениях Южного Табасарана и в нижних селениях Северного Табасарана первый день мулуха совпадал с праздником весны (22 марта), который назывался «эбелцен». На этот период чаще всего падал день первой вспашки. В дни мулух сеяли ячмень и другие яровые культуры, перекапывали приствольные круги деревьев, делали обрезку винограда.

Период хлин (основной ухул) — главное время сева. Сеяли полбу, готовили сельскохозяйственные орудия к сезонным работам: точили косы, чинили серпы, мотыги, продолжали садовые работы и т. д. В этот период начинался массовый окот.

В даркъан завершали сев яровых и производили посадку картофеля, тыквы, бобовых. Продолжался окот.

В иран производили вспашку почвы для задержания влаги. В течение этих 12 дней заготавливали в лесу строительный лес. Говорили, что лес, заготовленный в эти дни, не будет болеть грибковыми болезнями. В иран можно было делать прививки. В этот же период можно было делать обрезание мальчикам.

В думуркI все были заняты уходом за посевами, и начинался перегон скота на летние пастбища. В этот период можно было сеять рожь, просо, косить сено, пахать под чистый пар.

Период гьяспиндар был периодом ожидания созревания урожая. В этот период жители несколько раз совершали обряд вызывания дождя (если засушливое лето) или солнца (если постоянно шли дожди). Женщины кое-где производили прополку. В основном ждали созревания урожая.

В целом 177-дневный период с делением в одних селах 10 раз на 12-дневки и один раз с 40-дневкой, в других — 11 раз на 12-дневки и один раз с 40-дневкой, в третьих — 11 раз на 12-дневки и один раз на 24 дня, в четвертых — 12 раз на 12-дневки и один раз с 40-дневкой давал возможность табасаранцам точно распределить все земледельческие работы.

В некоторых селениях (Чувек и др.) деление начиналось с части зимы, обычно с 21—22 декабря в день зимнего солнцестояния и заканчивалось 22 июня в день летнего солнцестояния.

Начало тех или иных земледельческих работ табасаранцами определялось еще и визуальными наблюдениями, многочисленными приметами, основанными на метеорологических наблюдениях народа и за движением солнца, созвездий. Так, с появлением созвездия Орион (3 звезды подряд) — «жерге хядар», «бегна баяр», «ваки хярар» — (сел. Сертиль) можно было начинать сев. Если Большая Медведица «Ражнан хядар» поворачивалась хвостом к югу, разрешалось начинать осенний сев (с. Ляхля).

Для определения сроков сельскохозяйственных работ в каждом селе были ориентиры по солнцу. Ими были деревья, скалы, горы, выступы и т. д. Так, в сел. Ляхля таким ориентиром служил общесельский «гим» (годекан). В сел. Ашага-Ярак приступали к севу тогда, когда солнце покидало гору на территории Агульского района. Случалось так, что по календарю уже наступила весна, но солнце еще не дошло до этой горы. В таком случае сев откладывали. Говорили, что весна запаздывает.

Существовало немало примет, ориентиров для определения погоды. В данном случае люди больше ориентировались на луну. Например, черинцы считали, что если концы серпа луны заострены, быть хорошей погоде, если они тупые и загнутые, быть плохой погоде. Все табасаранцы считали, что если луна рожками обращена кверху, будет дождь, если она как ковш, будет солнце. А дарвагцы считали наоборот: если оба конца серпика луны смотрят вверх, то дождя не будет, если вниз — будет. Если луна расширена, говорили, что будет хорошая погода (с. Гурик). Если ночью вокруг луны образовывался желтовато-оранжевый круг, говорили, что

погода непременно испортится (с. Чувек). Если луна была сильно развернута вширь, говорили, что в этом месяце будет больше солнечных дней. Если же луна суживалась, считали, что весь месяц будет ненастным. Если вокруг луны образовывалась тень, предвещали смерть великого человека. На следующий день каждая семья раздавала «садакьа».

Некоторые приметы были связаны с солнцем. Так, если в первый день весны в момент восхода солнце было темно-красноватого цвета, считали, что следующая зима будет холодная, затяжная, если светлого — наоборот.

Существовали и некоторые другие поверья и приметы, которые, по мнению информаторов, являлись определителями погоды. Так, если появлялись крылатые муравьи и они начинали кусаться, говорили, что это к дождю (с. Чувек). Если ласточки летали низко между стадами, считали, что будет дождь (с. Чувек). Если на пастбище над травой появлялась теплая вода, табасаранцы ждали дождя, если же холодная, ждали ясную погоду (с. Ляхля). Если утро прохладное, ждали жаркий день, если душное — дождь. Если с западной стороны села появились перистые облака, ляхлинцы на следующий день ждали дождь. Если облака появлялись с восточной стороны села (со стороны горы Кьаркьудагъ), уже ночью ожидали дождь.

Табасаранцы придавали большое значение первым трем дням весны. Народный опыт утверждал, что на основании этого можно предсказать погоду на все три сезона года. Так, если 22 марта погода выдавалась хорошая, ожидали хорошую весну, если плохая, считали, что весна будет капризная. Какая погода будет 23 марта, такая погода должна быть летом. Какая погода будет 24 марта, такая будет осень, считали табасаранцы. Поэтому в течение трех дней весны они вели наблюдения за погодой.

Несколько слов следует сказать о периоде «чилле». Табасаранцам известны малый чилле, который наступал с 20 декабря и длился по 20 января, и большой чилле, который длился до конца февраля.

В азербайджанских селениях Табасарана также различали «бойук чыллэ», который наступал с 22 декабря и длился 40 дней, и «кичик чыллэ», который наступал после бойук чыллэ и длился 20 дней. По народным поверьям, в первые 10 дней кичик чыллэ нельзя выполнять никакие сельскохозяйственные работы. По истечении 10 дней на плоскости можно было сажать лук, рассаду.

Все табасаранцы выделяли период «турши» («туршан»). В отличие от других горцев, которые считали, что турши — середина лета [100], табасаранцы, как и некоторые народы Южного Дагестана [101], утверждали, что турши — середина зимы. В этот период, говорили они, обычно вывозили в поле удобрения.

Табасаранцы, как и многие другие народы, обожествляли луну, солнце. Луной и солнцем клялись: «вазлиинди ху апIурза» («клянусь луной»), «ригъдиинди ху апIурза» («клянусь солнцем»). Повсеместно встречаются изображения солнца на камнях, вложенных

в стену дома. При строительстве нового дома внутри в стенку табасаранцы также вставляли специальную деревянную дощечку с изображением солярных знаков. Изображение солярных знаков встречается на одежде молодых девушек, вышитых самими девушками. Почитание солнца, например, нашло отражение в свадебных хлебцах «гузани» треугольной формы, выпекаемых в доме невесты в качестве подарков для родственников жениха. Во время праздников табасаранцы также пекли фигурные хлеба с изображением солярных знаков. Узор наносился специальным деревянным инструментом «кулча». В середину выпекаемых праздничных хлебцов часто запекали яйцо. Несомненно, в этих обычаях выражена идея бесконечности и вечности мира, тесно связанная с идеей плодородия [102].

У табасаранцев существовал ряд поверий, связанных с новолунием. Так, например, считалось, что увидеть молодую луну всегда к счастью. Увидевший новую луну должен был сказать: «ЦIигьси дири, вазси цIийи» — «Чтобы я стал(а) новый(ая), как луна, и проворный (ая), как козленок». По поверьям, до появления луны нельзя было рубить дрова. По народным понятиям, нарубленные в этот период дрова должны были гореть плохо. В этот же период нельзя было приступать к сбору груш, яблок (с. Межгюль). Здесь, на наш взгляд, обнаруживаются отзвуки веры в сакральное воздействие луны. В качестве аналогии можно указать на обычай в Северной Индии, где «в полнолуние кладут на крышу пищу, чтобы она впитала лунные лучи, и потом ее съедают, что дает удлинение жизни» [103].

У всех табасаранцев существует много разных легенд и преданий о луне и солнце. Так, жители одних сел считали, что луна и солнце — брат и сестра (луна — брат, солнце — сестра). Говорили, что как-то луна предложила солнцу ходить днем, поскольку она девушка, а ночью ей страшновато (с. Хив, Варта, Цудук), а сама выбрала себе ночь. По другой легенде луна и солнце возникли вместе. Луна — так же брат, а солнце — сестра. Но вначале и луна светилась, как солнце, и ходили они вместе. И был на земле все время день. Люди были в постоянном движении, суетились, они не знали покоя. Богу стало жалко людей, он решил дать людям покой и с этой целью превратил одно солнце в луну. И с тех пор стали чередоваться на земле день и ночь.

Легенды, возникавшие из таких представлений, имели много вариантов в различных селах, но большинство из них были распространены повсеместно.

Значительный интерес представляет для нас счет времени у табасаранцев. Им были известны следующие временные понятия: век — аьсир, год — йис, месяц — ваз, неделя — гьяфта, день — йигъ, ночь — йишв, время — вахт, сутки — сад йигъ или йигъна йшив (в первом случае — один день; во втором — день и ночь).

Счет дней велся по фазам луны и по неделям «гьяфта». Так, лунный месяц начинался с новолуния и до полнолуния назывался «цIийи ваз» (новый месяц), в некоторых селах — «йицIихьдар»;

вторая половина — «йирси ваз» (старая луна), или «ваз кьяляхъ хътабкну» (луна повернулась обратно), или «ваз илтIиб» (время ущерба).

Гораздо чаще, в повседневной жизни, табасаранцы вели счет по неделям от пятницы до пятницы. (Учитывая, что сутки кончались с наступления темноты, часть последнего дня недели табасаранцы относили к первой, часть — ко второй неделе.) Первая неделя месяца: пятница, суббота, воскресенье, понедельник, вторник, среда, четверг, пятница; вторая — пятница, суббота, воскресенье, понедельник, вторник, среда, четверг, пятница; третья — пятница, суббота, воскресенье, понедельник, вторник, среда, четверг, пятница; четвертая — пятница, суббота, воскресенье, понедельник, вторник, среда, четверг, пятница. Названия дней недели так же, как и месяцев, в основном арабские. В памяти людей старшего поколения сохранилось только название субботы «киш» (ср. араб. «сабт»).

Счет дней у табасаранцев велся на 7 дней вперед (гъи, закур, серит, саритI, гаритI, цIанитI, чIвянкьитI) и на 4 дня назад (накь, швуригъан, улихьна йигъан, гьаддин улихьна йигъан). У лезгин, например, «в последующем счете названия повторяются. После 7 дней счет обозначался выражением цуьцвекьра (гуьрцегьра, гъурцара) — недавно. Для точности к этому слову добавляли название дня недели. Например, цуьцвекьра жуьмядиз (недавно в пятницу)»[104].

В сутках табасаранцы различали девять основных частей: 1) время перед рассветом, когда поют петухи — «ахсрар» или «мучIу ахсрар», «ахсрар йивура», «гьир» («гьиринган»); 2) рассвет — «кIишаппа», «аку ахсрар» (с. Межгюль); 3) раннее утро — «гачIнин ухди» (с. Тинит); «гьир», «гьирин ухди»; 4) утро — «гвачIин», «гьир»; 5) полдень — «лисин»; 6) вечер (до захода солнца) — «ригъ кхивхъра», «аркбан», «аркван»; 7) вечер — «лавлан» (раблан); 8) поздний вечер — «гьябяхъ»; 9) полночь—«ив» («гьацIишвар»).

Время завтрака называли «гвачIиндин чIев», обеда — «лисундин ипIуб», ужина — «йишван хураг». В свою очередь, каждую из этих частей табасаранцы делили на еще более короткие периоды.

Новый день для табасаранцев начинался с наступления рассвета, с появлением утренней звезды. С появлением Венеры наступал вечер. С появлением Полярной звезды «кьутби» наступала ночь, которая длилась до раннего утра.

Табасаранцы умели довольно точно определять время днем по специальным естественным ориентирам на вершинах гор, холмов. Так, в сел. Межгюль ориентиром служила одна из стен мечети. Время в данном случае узнавали по движению солнца по ней. В этом же селении дневное время узнавали по тени на деревьях и на камнях, расположенных на вершине горы. Наблюдение в данном случае вели с годекана.

Дневное время табасаранцы измеряли мерами «чIил» (веревка,

которой привязывают сено, снопы, дрова к саням или арбе, длиной 12 м) и «юкI» (расстояние от локтя до указательного пальца). Например, говорили так: «До захода солнца остался одни чIил и два — три юкI».

Определяли время и по солнцу, в зависимости от его накала.

Табасаранцы различали в своем календаре «легкие» и «тяжелые», «счастливые» и «несчастливые» дни для выполнения тех или иных дел, полезных для дома, семьи. С определенными днями календаря были связаны различные суеверия. Так, 3,7 числа января, 2, 20 февраля, 4, 5 марта, 1, 2 апреля, 1, 5 мая, 1, 14 июня, 9, 11 июля, 1, 10 августа, 1, 3 сентября, 2, 4 октября, 1, 3 ноября, 2, 5 декабря считались тяжелыми днями. В эти дни старались не выходить в путь, не начинать никакие полезные для дома дела, не назначать свадьбы и т. д.

По представлениям народа, не все дни недели также являлись «благоприятными» для выполнения различных полезных дел. Были в неделе дни запретные и почитаемые. В своем большинстве они были разными в разных селениях. Например, запретными («несчастливыми») днями для жителей сел. Аркит были вторник и среда; сел. Хоредж — пятница. Жители сел. Хоредж в пятницу опасались ходить в лес. В этот же день жители всех табасаранских сел не начинали ткать ковер, не выходили в путь. Во всех селениях в пятницу до обеда нельзя было выполнять какие-либо работы. У нарушившего запрет якобы всю жизнь будут трястись руки, говорили табасаранцы. Жители селения ЧIере не рекомендовали в субботу и воскресенье начинать сватовство, закладывать фундамент нового дома. В субботу считались нежелательными интимные отношения между супругами. По поверьям, зачатый в субботу ребенок, должен был быть неполноценным.

Межгюльцы не рекомендовали в субботу отправляться в путь по каким-либо делам.

Тинитцы считали, что каждый человек должен знать сам, какой день для него больше подходит. Для одного, считали они, удачливым может быть понедельник, для другого — вторник и т. д.

Во всех селениях в среду не рекомендовали давать другому человеку какую-нибудь вещь из своего хозяйства как насовсем, так и взаймы. Считалось, что с отданной вещью дом может лишиться изобилия, благополучия. Особенно должны были опасаться давать в среду огонь. Дать огонь означало лишиться очага. По той же причине и в другие дни после наступления темноты не давали огня (во всех селениях).

Считалось нежелательным в среду и субботу стричь ногти (с. Дюбек).

Хотя в целом материал и разнится по селам, тем не менее наиболее неудачливыми, «тяжелыми» днями в большинстве сел считались пятница, суббота, среда, для некоторых сел и вторник.

Были дни благоприятные для выполнения полезных для дома, семьи дел. Так, во многих селах наиболее благоприятными днями считались четверг, воскресенье, понедельник. Например, межгюль-

цы за невестой посылали в четверг. Черинцы все полезные дела старались выполнять в четверг, в пятницу после обеда и в среду до обеда.

Но к среде и пятнице у народа существовало особое отношение. Говорили, что если в пятницу начнется дождь, то он будет идти целую неделю, а если в среду, — то до пятницы.

Подобные запреты магического характера, связанные с определенными днями, были широко распространены и у других народов [105].

У табасаранцев не было специального праздника первой борозды, как у некоторых других народов Дагестана [106]. Но тем не менее и здесь придавали большое значение личности пахаря, его хозяйственным и другим качествам. Пахоту производил один из уважаемых и благополучных людей села, которого обычно выбирали старейшины в строго установленные сельской общиной сроки, причем в каждом селении с учетом местных климатических условий.

Среди записей, сделанных нами в разных селениях, наиболее интересными представляются следующие. В сел. Хоредж (Южный Табасаран) за день до пахоты около «священной» могилы «шихдин накъ» раздавали садакъа (милостыня). Вечером перед пахотой пахарь совершал очистительные обряды — избегал интимных отношений с женой, не общался с домашними, с соседями, одевался во все чистое. Пахоту пахарь производил босиком. В этом же селе в первые три дня зерно для посева в поле мог носить только удачливый мужчина.

В других селениях Табасарана пахарь должен был испечь хлеб и раздать односельчанам в день пахоты.

В Северном Табасаране «...дней за семь до сева на «гюмэгь», т. е. на площади, где собрались мужчины, выбирали человека, который должен был выйти в поле первым пахать землю. Выбирали, как обычно, опытного землепашца в возрасте 45 лет. Ко дню пахоты он должен был побрить голову и бороду, словом выйти в поле чистым, чтобы и работа была хорошей. В течение трех дней (в день выхода в поле и еще два дня) его не должны были беспокоить, просить у него сельхозинвентарь, брать чего-либо в долг. К нему не ходили даже за огнем. В его доме в течение трех дней оставался зажженным огонь. В день пахоты готовили различную еду — пироги, варили яйца, которые вместе с зерном брали в поле» [107]. Смысл таких обрядов и обычаев заключался в «желании воздействовать на природу всевозможными иррациональными магическими приемами» [108].

У табасаранцев существовал и обряд первого сева. Сеяльщика-мужчину обычно сопровождала женщина-мать, старшая и самая трудолюбивая во всем тухуме женщина, которая шла впереди и раздавала по пути куски хлеба, чтобы посев был удачным, а урожай изобильным. Ей желали:« Бегьерлу йис ибшри!» («Пусть год будет плодоносным!»). Перед посевом и после него земледелец обходил весь участок, приговаривая: «Кьюлар, шарар терг иш-

ри, чIатху удрар кудучIври!» («Пусть черви и мыши передохнут, а зерна крупные прорастут!»), или «Саб кIулин мигар удрар ишри!» («Пусть на одном колосе вырастет целая горсть зерна») [109].

К числу устойчивых обычаев и обрядов табасаранцев следует отнести обряды, совершаемые с целью вызова дождя и солнца. В начале рассмотрим обряды вызывания дождя и те его различные формы, которые бытовали в исследуемое время в разных селах.

Одной из самых распространенных форм обряда вызывания дождя был обряд с ряженым — «гудул» (сел. Хоредж, Межгюль — «пешапа», в других селениях «кIишаппа», в сел. Дюбек обряд этот именовался «мархь апIус гудлияр апIурхьа» — обряд, вызывающий дождь). В обряде принимали участие молодые юноши. Обычно их бывало от 10 до 30 и более человек. Главным действующим лицом (ряженым) должен был быть молодой, здоровый и крепкий юноша. Обряд заключался в следующем. Если долгое время не было дождя, молодые юноши шли в лес, чтобы выбрать ветки для будущего обряда, а затем одного из участников гудула закутывали с головы до ног этими ветвями, которым, вероятно, приписывали магическую силу «как символу бессмертной, живительной силы природы» [110]. В этом наряде гудул должен был быть похож на сноп. По рассказам информаторов, в прошлом гудула раздевали догола, лишь потом закутывали в ветки. В исследуемое время делали это поверх одежды и старались, чтобы его никто не мог узнать. Обвязанного грубой веревкой гудула в сопровождении толпы водили по дворам. Сопровождающий гудула пел обрядовую песню, которую в конце подхватывали все участники процессии. Песни эти имели много вариантов в различных селениях Табасарана, но некоторые из них были распространены повсеместно. Так, в сел. Хоредж пели: «Я КIишаппа, КIишаппа (сол.). КIишаппайиз марф ккунда (сол.), Марфар, жифар минади (сол.), Ригъар, вазар тинади» (сол.). «Амин» (хор). В сел. Тинит, Хив.: «Гудил, гудил, ай гудил (хор), Гудлиз мархъан кондиа (сол.). Мархъар, амсар минади (сол.). Ригъар, вазар тинади (сол.). Мархьар аргъуз, амина» (хор). («КIишаппа, КIишаппа или гудил, гудил, ай гудил. Гудул просит дождя. Дожди туче ближе. Солнце, луна дальше. Пусть идут дожди, амин»). В сел. Аркит: «Гудил, гудил (сол.). Гудивлин пайи, версенуз (сол.). Аллагь версин ягишин» (сол.). («Гудул, гудул. Для гудула дайте его долю. Вам бог даст дождь»).

В сел. Тинит, Хив закутывали гудула в ореховые ветки, в сел. Дюбек, Сертиль — в освобожденный от зерна сноп. В сел. Чувек сверху веток на голову гудула клали еще лопух, чтобы он не промок, а в сел. Гурик с этой же целью использовали сноп.

В каждом дворе ряженого обливали чистой водой. По народным поверьям, обливание водой также должно было способствовать вызыванию дождя. Тут же хозяйка дома одаривала участников обряда продуктами питания. Ритуал завершался совместной трапезой или разделом собранных продуктов. Имея в виду именно такие жертвоприношения, Ш. Д. Инал-Ипа пишет, что они явля-

ются «пережитком человеческого жертвоприношения, совершавшегося ради спасения урожая от засухи»[111]. В этой связи интересна запись, сделанная нами в сел. Межгюль. Старики рассказывали нам, что они слышали от своих дедов и отцов о человеческих жертвоприношениях, совершавшихся во время сильной засухи. Для этого, рассказывали они, у населения собирали деньги и на плоскости покупали раба, которого специально топили в реке или море. Когда перестали приносить в жертву человека, рассказывают они, стали кидать в речку камешки (с. Хоредж).

Не менее распространены были общественные моления, жертвоприношения, устраиваемые с целью вызывания дождя. Их вариации у северных, южных табасаранцев многочисленны.

Жертвоприношения с целью вызвать дождь или солнце проводились в одних селениях обязательно у источников, в других — около «святых» могил, в некоторых — на вершине горы. С этой целью жители всего села собирались в установленном месте и устраивали «кровавые жертвоприношения». В жертву приносили барана или крупный рогатый скот, которых приобретали на общественные сборы. Так, например, при длительной засухе аркитцы собирались у «святого» родника «пир булагы»; жители сел. Дюбек у «аман пир», над которым росло «святое дерево». Здесь резали барана, быка. После угощения отламывали ветку от «святого дерева» и опускали ее в родник, а сверху придавливали камнем. Считалось, что дождь будет идти до тех пор, пока ветка находилась в воде. В этом же селе, после жертвоприношения, одного из участников обряда как бы нечаянно сталкивали в воду, чтобы он промок. «Утопленник» должен был сам выкарабкаться из воды. По народным поверьям, купание в воде также должно было способствовать вызыванию дождя. Все эти действия сопровождались чтением молитв. Жители сел. Хурик с этой целью со своим угощением собирались на святилище в местности Хина. Там они совершали обряд моления. После общественной трапезы они бегом спускались к реке и обливали друг друга водой.

В пределах Табасарана наибольшей известностью пользуется «священный» камень вблизи сел. Хоредж, похожий на человека. При засухе его жители собирали по ложке масла с каждого двора и с этим маслом 5—6 стариков поднимались к камню. Там они смазывали камень, а потом себя. Считалось, что после этого должен пойти дождь.

В сел. Межгюль, чтобы вызвать дождь, разрушали воронье гнездо. «Птица в обрядах — одна из форм проявления аграрного культа»[112].

Во всех селениях был обычай раскрывать могилы «святых» и останки опускать в воду на 2—3 часа. В данном обряде имеются элементы, указывающие на связь с культом предков[113].

В некоторых селениях совершались более оригинальные ритуальные действия, чтобы вызвать дождь. Так, например, во многих селениях с этой целью должны были обнажить головы зара-

женные паршой. В других селениях, чтобы пошел дождь, все шубы надевали наизнанку, сдвигали с места надгробный камень (с. Хоредж), обмывали водой «святые» камни, очищали родники от ила, обвязывали ветки «святого» дерева лоскутками, чаще всего красными. Красный цвет олицетворял обилие, богатство. Почти везде в Табасаране, чтобы вызвать дождь, палкой или хворостинкой «били» воду или землю, приговаривая: «убгъ мархъ, убгъ мархъ!» («лей дождь, лей дождь!»). Все обряды завершались чтением молитв и жертвоприношением. Подобные обычаи и обряды широко известны на всем Кавказе [114].

Обряды вызывания солнца имели в разных селах Табасарана также свои варианты, но в целом они сводились к следующему. В большинстве сел для вызова солнца также проводили обряд с ряженым — «А гуни». В отличие от обряда вызывания дождя, в обряде вызывания солнца участвуют только девушки. С этой целью наряжали чучело [115] и шли, распевая песни, по дворам. Песня называлась «А гуни».

«А гуни, гуни, гун герек.
Ич гунайиз ригъ ккунда!
Ригъар, вазар минади
Марфар, цфар, ригъдин жакул тинади, амин!»
«А гуни, гуни, солнце нужно
Гуни нужно солнце!
Солнце, луна — сюда,
Облака, тучи—туда, амин!»

После исполнения песни в каждом доме девушек одаривали продуктами питания. В конце обряда его участники также устраивали общественную трапезу, а чучело устанавливали на чьей-либо крыше и оставляли его до появления солнца.

С этой же целью в сел. Хоредж «на деревянные вилы надевали женскую одежду, и группа людей (5—10 чел.) отправлялась на местность, что напротив соседнего сел. Укуз. Повернувшись лицом в сторону этого селения, люди приговаривали: «къарди къилен корч алайди туш и къар Алидиз ва масадаз хъурай», т. е. высказывали пожелание перенести грязь в соседнее селение, а именно, в селение, где живет Али. «Перенос» грязи означал перенос дождя из одного селения в другое.

Жители же Укуза, если их (хореджцев. — А. Б.) замечали, шли к ним и старались отобрать вилы с одеждой и предотвратить тем самым бедствие. Дело доходило то того, что вместе с вилами отбирали одежду у жителей Хореджа. На этой почве возникали крупные ссоры между двумя селениями» [116].

Были обряды для прекращения града. С этой целью во всех селениях во двор бросали острый железный предмет (топор, нож, кинжал), или же треножник вверх ножками. Почти везде для прекращения дождя устраивались общественные моления, сопровождавшиеся жертвоприношениями.

Широко был распространен обычай выписывать на листе имена больных паршой и вывешивать этот листок на шесте в центре села, чаще всего у мечети. Так, в сел. Хучни, Хурик нужно было выписать имена 40 человек, больных паршой. Подобные обычаи известны и другим народам Дагестана, Кавказа [117].

Заключая все изложенное, можно сказать следующее. В XIX—начале XX в. среди табасаранцев стойко сохраняется ряд старинных навыков, обрядов, поверий и примет, связанных с народным календарем и календарной системой, основанных на систематических наблюдениях народа. Еще в начале XX в. табасаранцы широко пользовались, наряду с лунным, сельскохозяйственным календарем, имеющим солнечное исчисление. Сельскохозяйственный календарь табасаранцев разбивается на более мелкие периоды, каждый период которых имеет свое конкретное практическое назначение, название и протяженность. Им, как и многим другим народам, были известны различные системы исчисления времени (по тени солнца, измерение пути солнца веревкой, по восходу солнца над определенными предметами, по падению солнечных лучей на определенный участок и т. д.).

Материалы позволяют предполагать, что в далеком прошлом у табасаранцев, возможно, практиковалось исчисление времени по частям тела.

В заключении главы следует отметить, что хозяйственная деятельность табасаранцев в XIX — начале XX в. была весьма разнообразна. С древнейших времен здесь развивались все отрасли хозяйства — земледелие, скотоводство и домашние промыслы. И в земледелии, и в скотоводстве, других отраслях хозяйства у табасаранцев выработались устойчивые и прочные традиции.

ГЛАВА III. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Материальная культура табасаранцев, как и культура любого народа, имеет ряд специфических черт и является одним из проявлений состояния экономики, особенностей природно-географических условий (экологии), культуры и общественного сознания народа. На формирование материальной культуры оказывает влияние целый ряд факторов: естественно-географические условия, хозяйственная деятельность, этнические традиции, социальные преобразования, внешние факторы и т. д. В данной главе получат освещение такие компоненты материальной культуры как поселения, жилища, одежда, пища.

Поселения

Поселения табасаранцев складывались на протяжении многих веков под влиянием социально-экономических, политических и

природно-географических условий. При выборе места для поселения табасаранцы, как и другие народы [1], руководствовались несколькими принципами, главными из которых являлись: безопасность (труднодоступность); наличие вокруг поселения земли, годной для пастбищ, сенокосов и пахоты; наличие водного источника вблизи поселения.

В различные исторические периоды и в конкретных естественно-географических условиях, в зависимости от конкретной обстановки, вышеприведенные факторы не являлись постоянными, «наблюдаются колебания в силе их действия: периоды усиления и ослабления» [2]. Однако соображения обороны, а также стремление к экономии пахотной земли (лучшие земли оставляли под пашню, сенокос, пастбища) были главной причиной неудобного расположения поселений, особенно в Верхнем Табасаране [3]. Почти все поселения XIX века здесь расположены на труднодоступных, иногда безводных склонах гор, у речных обрывов, ущелий. Так, например, сел. Джули, Кужник, Межгюль, Верхний Ярак, Туриг, Ничрас, Сертиль, Вертиль, Халаг, Кондик, Цудик, Чере, Хурсатиль, Атрик и многие другие представляют собой естественные крепости. Главный расчет был на создание естественных преград и экономию, сохранение земли, пригодной для хозяйственного использования.

О неприступности табасаранских сел писали многие авторы. Так, П. Ф. Симонович пишет: «Верхняя возвышенность главного хребта, тамошними жителями Бентом называемого, покрыта дремучим лесом; с обеих же сторон в покатостях своих чрезвычайно крута и имеет множество каменистых утесистых стремнин, и сие то самое образует страшные дефилеи, прикрывающия проходы к верхним жилищам табасаранцев и закрывающие по положению Дербента сообщение Северного Дагистана с Южным и Ширваном». Далее: «Дороги сии (на Митаги, Дарбах, Зиль. —**А. Б.**) по вышеупомянутому местоположению Табасаранского хребта к проходу регулярных войск весьма трудны. Они все идут по крутизнам гор каменистых, стремнинам и тесным проходам, окруженным лесами и утесами» [4].

Труднодоступность табасаранских сел отмечали и другие исследователи и наблюдатели. «Кучни, Дарбах, Хеменда и Камах, значительные селения, почти все расположены на самых неприступных местах. Сел. Дювек, почитаемое оплотом Табасарани от владении Уцмия, расположено амфитеатром по скату высокой горы, вершину коей занимает деревня Хустыль, Дювек окружен ущельем, по коему в скалистых берегах течет речка Дарбах. Правый берег оной к селению состоит из всякого болота, а налево находится крутой овраг, по коему струится ручей, впадающий у Дювека в р. Дарбах, окружен лесом и состоит из 200 домов с небольшим, выстроенных из тесанного камня, в несколько ярусов» [5]. Несомненно, оборонное значение имели сооруженные в разных селах башни, крепости (сел. Хоредж, Хив, Корчаг, Камах, Бильгади, Гимейди, Дарваг, Зиль, Хучни) [6].

Стремление табасаранцев располагать свои поселения в неприступных местах, сделать их труднодоступными было вызвано целым рядом причин, как внутреннего, так и внешнего порядка. «Обстановка частых столкновений, феодальных войн, нерегулированность взаимоотношений феодалов диктовала необходимость защиты от нападений»[7]. Как и все народы Дагестана, табасаранцы испытали немало иноземных вторжений. Совершенно очевидно, что все это не могло не отразиться на характере поселений. Лишь после присоединения Дагестана к России, когда политическая обстановка сравнительно нормализовалась, оборонительный фактор отступил на задний план. На первый план выдвигается фактор хозяйственно-экономический[8].

Когда вопросы обороны перестали играть решающую роль в селостроительстве, многие населенные пункты, расположенные на наиболее неудобных местах, получили возможность спуститься ниже. Но большинство же селений (сел. Сертиль, Зертиль, Ханаг, Кра, Гюхра, Джули, Чере и др.) продолжали оставаться на неудобных для жизни местах. Это в основном характерно для западной части Табасарана, где особенно остро ощущалось малоземелье. Все чисто скотоводческие селения также продолжали оставаться на прежних местах из-за близости горных пастбищ (Атрик, Хурсатиль, Фурдаг, Вертиль и др.). Здесь возникает вопрос, что же больше повлияло на характер поселений и их неприступность, малоземелье или оборонный фактор. В данном конкретном случае мы поддерживаем мнение М. О. Османова о том, что «часто (особенно в позднее время) селение карабкалось в гору, на скалы, не столько из-за оборонительных потребностей, сколько из-за малоземелья»[9]. Даже те населенные пункты, которые получили возможность спуститься на более ровные участки, старались занять под поселение каменистый участок, который был непригоден для пахоты, сенокошения и пастьбы скота. Таким образом, оборонные соображения были не единственной причиной неудобного местоположения поселений в Верхнем Табасаране.

Другим важнейшим условием при выборе места для поселения, как во все времена (для древних и поздних), было наличие поблизости или около селения воды[10].

Немаловажное значение при выборе места для поселения играла и солнечная ориентация. Почти все табасаранские селения расположены на склонах, обращенных на юг, юго-восток и юго-запад. Это давало возможность значительно экономить топливо, использовать солнце в хозяйственной деятельности (сушка мяса, фруктов, шерсти, кожи, сена, кизяка и т. п.). Так же, как и у других народов Дагестана, солнечная ориентация у табасаранцев имела в свое время и определенное ритуальное значение[11]. Конечно, кроме указанных выше факторов (оборонительный, малоземелье, близость к воде, ориентация по солнцу), на формирование поселений определенное влияние оказывал и рельеф местности. Различные природно-географические условия в какой-то мере определяли и характер поселений.

В XIX веке основным и единственным типом поселения табасаранцев является «гъул» («селение») [12]. Это многоквартальное село, характеризующееся расселением родственными группами. Как в Южном, так и Северном Табасаране не было отселков.

Размеры табасаранских селений в XIX веке были небольшими, даже чрезвычайно малыми. Сравнение статистических данных дает основание считать, что поселения горного типа (Верхний Табасаран) более мелкие по сравнению с поселениями Нижнего Табасарана. Некоторые же поселения с небольшим числом дворов (сел. Хакъ — 1, Зартиль — 1, Сиврикъ — 1, Гарахъ — 3, Джагрикъ — 4, Кулюрд-жакъ — 4, Джудживарикъ — 4, Хархни — 5, Сулантиль — 5, Вартатиль — 5, Уджугъ — 6, Ергюнагъ — 7, Гуракъ — 7, Мехти-Кент — 7, Мурад-Али-Кент — 6, Чагдыхъ —8, Хурцатиль — 8, Ярагъ — 8, Хурсикъ — 8, Гуртиль — 8, Урсигъ —8, Фергиль — 8, Юргилигъ — 9, Гарикъ — 9, Вичрикъ — 9, Ахгка — 10, Бухнагъ—10, Ханакъ — 10, Афна — 10, Шиля — 10, Гули —10, Куркак —10, Гегнахъ — 10 и т. д. [13]

В целом поселения табасаранцев в XIX веке насчитывали в среднем 25 хозяйств. В первой четверти XX века — 46 хозяйств [14].

(Для сравнения: поселения агулов в среднем около 60 хозяйств) [15]. Но были и крупные поселения, где число хозяйств достигало 100—150 дворов. Так, сел. Куркент — 162, Нютюг — 131, Карчаг 126, Зизиг—101, Чара —109, Хоредж — 77, Сыртыч — 72 и т. д.

По нашим материалам (этнографическим, археологическим), наиболее древним типом поселения табасаранцев, как и в других субрегионах, является небольшое поселение, в котором жил один родственный коллектив (родовое поселение). На определенном этапе исторического развития происходит процесс распада тухумных поселений, на смену которым приходят крупные территориально-тухумные поселения. Этому способствовали сдвиги в экономической жизни народа.

Этот процесс на территории Табасарана происходил неравномерно. В одних случаях жители нескольких небольших родовых поселений, находившихся поблизости, подселялись к какому-нибудь бытующему селению и образовывали более крупное территориально-тухумное поселение. Во время подселения выходцы из одного тухумного поселения поселяются компактно, занимая отдельный квартал. В других случаях большие тухумные поселения образуются за счет естественного роста населения своего родового поселения. В таких поселениях проживают тухумы, которые произошли от одного предка.

С основанием каждого селения табасаранцы связывают различные предания. Возникновение одних из них приписывается определенным лицам, топонимика других связывается с этнической принадлежностью их жителей или с местами, откуда они прибыли. Народная память сохранила и сведения о перемещениях с места на место жителей ряда аулов, о неоднократных разрушениях, разорениях.

По преданиям, сел. Хучни семь раз разрушалось и семь раз восстанавливалось. В письме табасаранского владельца Рустема к Петру I говорится о разрушении его города [18]. Интересны предания, легенды, связанные с образованием территориально-тухумных и многотухумных поселений. Так, например, сел. Атрик, по преданию, образовалось из остатков населения шести сел, пострадавших в результате нападения на них «неверных». Развалины некоторых из этих средневековых поселений можно видеть и сейчас. Эти поселения назывались, согласно преданию, Хъучларин гъул, Шагьндар, Шажарин гъул, Хила, Пенджи, АьхичIил-хъар, Хиар.

Согласно преданиям, сел. Ляхля образовалось в результате слияния трех сел — Ляхля, Харжаг, Чиллар. Информаторы рассказывают, что во времена иранского нашествия эти села были полностью разрушены. Оставшиеся в живых жители подселились в сел. Ляхля.

Аналогичное предание имеется о сел. Хурик. По преданиям, в сел. Хурик подселились жители еще двух сел. — КютI и Тураг. Селение КютI было расположено в местности «Хина», а селение Тураг — в ущелье Учни. Эти аулы, как и многие другие табасаранские аулы, были разрушены иноземными завоевателями. Часть населения разрушенных сел перешла в сел. Хурик [19].

Сел. Джули образовалось из трех сел: Джули, ЧIила, Юргъали; сел. Сертиль — из четырех: Сертиль, Къяртигъ, Лагаъ, Гъюрдаригъ. Подобные легенды имеются и об основании всех остальных сел.

Часть селений Табасарана, как было сказано выше, в силу ряда исторических причин, продолжали существовать самостоятельной жизнью, не объединяясь с другими. К таким селениям информаторы относят сел. Чере, Верхний Ярак, Кулиф, Ергулиг, Джульжаг и др. Так, например, в сел. Чере было два тухума — «Дашар» и «КIарчIар».

Интересны предания, связанные с названиями сел. Так, сел. Цанак (Жаннак) означает кузница. По рассказам информаторов, в прошлом это селение славилось своим кузнечным делом. Название сел. Цухдиг (цухта—учащийся (перс.) связывают с тем, что в этом селе было много учащихся, которые обучались арабскому языку. Сел. Лидже (таб. Лижъа) от слова «лидж» — стадо. Говорят, что здесь обычно пасся крупный рогатый скот.

Название аула Марага происходит, считают информаторы, от имени основателя его —Мегьер-Ага. Кроме того, в преданиях упоминается о тех тухумах, которые переселились в табасаранские села из более отдаленных местностей (из Аварии, Лакии, Грузии, Азербайджана и т. д.). Так, например, в сел. Кужник пять «сихилов» (тухумов) — «МегьцIар», «ИсмикIар», «Бадьяр», «Малларажар», «КIертIлар». Народное предание связывает происхождение тухума «МегьцIар» с аварцами, а «ИсмикIар» с грузинами.

В сел. Кондик восемь тухумов: «ЧIинкIиндар», «БякIяр»,

«Гъамбриндар», «Жердрандар», «Мялягъиндар», «Аьлягъиндар», «Къилиндар», «Пириндар». Происхождение тухума «Мялягъиндар» старожилы связывают с лезгинами Курахского района (сел. Хъюшхъюр).

Аналогичная картина наблюдается и во многих других селах.

Разумеется, приводимые информаторами сведения нельзя считать целиком и полностью достоверными.

Со временем, когда вновь образованные населенные пункты разрастались, начинался обратный процесс — процесс расселения из села и образования новых сел. Так, например, по преданию, из сел. Ляхля переселился «дастар» — патронимический тухум «Аскунар» и образовал новое селение Ургил. Из селения Хурик переселились также патронимические тухумы «Щуккияр», «ТIуряр» и образовали селение Гулхун. Главная причина переселения состояла в том, что с разрастанием тухума не хватало земли в данном селе и тухум вынужден был переселиться туда, где имелось достаточно земли.

Что касается общественной группировки табасаранского села, то оно делится обычно на кварталы.

В ходе полевых исследований мы установили, что во многих селах Табасарана название квартала соответствовало наименованию тухума. Кварталы называли так: к названию тухума добавляли окончание «ин» и слово «къяр» (место). Так, например, — «Рамазарин къяр» (место, где живет тухум Рамзар). Это отголоски того времени, когда при образовании нового селения каждый тухум занимал отдельный квартал.

Селений, не сохранивших в памяти народа квартально-тухумного деления, в Табасаране немного.

В сел. Лака было восемь тухумных кварталов. Тухумы имели следующие названия: «АьлIихяр», «Шазигьяр», «Абкар», «ШянтIар», «Мусигъяр», «Дуржвгъяр», «Чиутигъяр», «Агьматхнар». Соответственно, кварталы назывались: Аьлихярин къяр, Абкарин къяр, ШянтIялин къяр и т. д.

В сел. Зильдик было тоже 8 тухумов: «Алихнар», «Жимхар», «Рустмар», «Сейндмар», «Шихар», «Уржар», «Къагънар», «Алир». И здесь каждый тухум занимал отдельный квартал.

В сел. Куштиль было 4 тухума и столько же кварталов. Каждый квартал был заселен представителями одного тухума. Тухумы эти имели следующие названия: «Удалакъар», «КIетIшар», «ЦихитIар», «Сулар». Приведенными примерами не ограничивается число селений, сохранивших квартально-тухумное деление.

По сведениям старожилов, в некоторых селениях Табасарана до установления Советской власти каждый тухум жил обособленно в своем квартале. До 40-х годов XX века кварталы во многих селениях еще продолжали носить тухумные названия, хотя принцип территориально-тухумного расселения нарушается, уступая место чисто территориальному. Даже в настоящее время, особенно в старой части сел, каждый тухум по возможности проживает компактно в своем квартале.

В дальнейшем, когда тухумы разрастались, вновь выделившийся патронимический тухум — «дастар» в исключительных случаях поселяется вне квартала своего тухума. Информаторы рассказывают, если позволяла земля, «дастар» поселялся возле своего тухума, если же рядом с тухумом не было места, искали другое свободное место, иногда покупали участок земли у соседнего тухума, «Дастар» всегда мог рассчитывать на помощь тухума при строительстве жилища на новом месте. Примером таких селений могут служить сел. Ярак, Кисик. Эти селения, по рассказам информаторов, были однотухумными. Постепенно количество тухумов росло за счет естественного роста населения. Неудобные географические особенности, не пригодные к обработке земли, отсутствие в ауле участка для строительства домов привели к тому, что вновь образовавшиеся «дастар» (патронимические тухумы) поселились на новом месте и образовали новые селения — Нижний Ярак, Нижний Кисик и др.

У нас нет письменных документов, материалов, сколько-нибудь подтверждающих наличие какой-либо тухумной собственности в исследуемое время. Но все информаторы во всех населенных пунктах утверждают, что каждый тухум когда-то имел закрепленные за собой пахотные земли, лес, сенокосные и пастбищные участки, мельницы, загоны для скота. Тухумные названия участков стойко сохраняются до настоящего времени.

Во всех без исключения табасаранских селениях в своем квартале каждый тухум имел и свой «гим» — годекан, на который собирались обычно мужчины своего тухума для решения своих вопросов. Квартальные «гимы» обычно располагались у ворот дома главы тухума.

Кроме квартальных «гимов», в каждом селе был и общесельский «гим», который обычно располагался около кузницы (чаще), позже—около мечети. На общесельских «гимах» решались важнейшие хозяйственные и общественные дела, касающиеся всего села. Здесь проводились свадьбы, другие общественные праздники.

Помимо квартально-тухумного разделения, в каждом селе имелось еще и топографическое — «заан мягьял» — верхний квартал, «асккан мягьял»—нижний квартал, «ужвагь мягьял» — солнечный квартал. По уверениям старожилов, топографическое название в Табасаране употребляется редко. Лишь в редких случаях в названиях кварталов невозможно установить черты «тухумной организации».

Несколько слов следует сказать о расположении кладбища и о принципах захоронения. Во всех табасаранских селениях кладбище располагалось на краю селения, обычно у подножия горы или на небольшом холме. В прошлом во всех табасаранских селах на общесельском кладбище существовали тухумные участки. Эта традиция стойко сохраняется до настоящего времени. Некоторые села имели отдельные тухумные кладбища (Зильдик, Чlере, Тинит, Джульжаг и др.).

Жилище

Жилища табасаранцев, так же, как и поселения, складывались на протяжении длительного времени под влиянием различных факторов (социальных, экономических и природных). В различные исторические периоды в жилище происходят определенные перемены; изменяются функции жилища, материал и техника постройки, внутренняя планировка дома, назначение помещений, этажность, форма перекрытий, виды покрытия, формы отопительной системы, интерьер и внутреннее убранство жилых помещений и т. д.

Характер жилища табасаранцев, как и любого другого народа, определяется географическими условиями, рельефом местности, наличием определенного строительного материала. Так, в Верхнем Табасаране острое малоземелье, специфика хозяйства, оборонный фактор привели к значительной скученности и тесноте жилищных построек. Здесь редко можно встретить обособленный дом. Обычно все дома располагались в непосредственной близости друг от друга, образуя сплошную стену. Многие дома не имели даже дворов (с. Сертиль, Кужник, Джули, Яргиль, Хоредж, Кондик и др.). Встречались дома с небольшим двориком перед домом, где обычно держали сельскохозяйственный инвентарь. Тут же под навесом находилась небольшая печь — «терюн» для выпечки хлеба. На дворе обычно не было никаких хозяйственных построек.

Значительно менее скученными были дома в Нижнем Табасаране. Это были дома-усадьбы без приусадебного участка, но с разнообразным числом усадебных построек. Только селения, граничащие с Дербентским районом, определенное место на участке, обычно позади дома, выделяли под огород. В целом, как в Верхнем, так и в Нижнем Табасаране усадьбы как таковой не было. В некоторых селах ее заменяла небольшая площадка — двор. Пахотные поля, сады, виноградники, ореховые деревья обычно были разбросаны вокруг селения небольшими клочками, с общей изгородью (со стороны дороги) для группы участков. Перед домом или на краю села находились все остальные хозяйственные постройки, кроме хлева.

Существенный элемент табасаранской усадьбы составляли ограды. Самыми прочными считались заборы из камня вокруг дома. Высота каменных оград достигала 2—2,5 м. Распространенным материалом для оград, как в Верхнем, так и в Нижнем Табасаране, служила плетенка. Ворота также по большей части делали плетеными.

Существовали два вида плетения: горизонтальное и вертикальное. Большие ворота устраивали с помощью горизонтального плетения, маленькие калитки плели вертикально. Некоторые состоятельные люди делали дощатые ворота иногда арочной формы (с. Кондик, Чіере).

Исследования показали, что в XIX — начале XX в. в Табасаране были известны следующие типы жилища: одноэтажный —

«жилищ хулар», двухэтажный—«кьюб мертебайин хулар» (их еще называли «гьавайин хулар» — воздушный дом), трехэтажный, реже четырехэтажный.

Древних однокамерных одноэтажных жилищ здесь нам не удавалось встретить. Однако старики рассказывают, что такие дома имелись даже в самом начале XX в. Принадлежали они беднейшей части населения. Под одной крышей в таком доме вместе с жилым помещением за перегородкой из плетня, обмазанной с двух сторон, находилось и помещение для скота. Обычно такой дом был четырехугольный в плане, стены сложены из камня, сцементированного глиной, не обмазанный снаружи. У южной стены, защищенной от северных ветров, находился открытый загон для мелкого рогатого скота.

Некоторые старожилы помнят, когда огонь в таких комнатах разводили посреди комнаты на земляном полу в углублении. Других печей в них не было. Не было и окон. Свет в комнату поступал только через дверь. По словам информаторов, только очень бедные люди оставались жить до конца жизни в таком доме. Гораздо чаще в Табасаране в XIX—начале XX в. встречаются однодвухкамерные двухэтажные дома. Такие дома, но уже с пристройками мы встречали во всех селах. Первый этаж в таком доме отводился под хлев, а второй — под жилье. О древних сооружениях на Кавказе Ф. Байерн пишет: «Редко встречается в горах дом, в котором люди жили бы непосредственно на земле: обыкновенно нижний этаж занят хлевом, над которым находится настоящее жилье, нагреваемое очагом, над которым проделано обыкновенно вверху отверстие, закрываемое на лето доскою или камнем»[20]. Строительством двухэтажных домов «достигалась большая экономия места, что было очень важно для горца»[21].

Довольно часто в Табасаране, особенно в горных селениях, встречаются трехэтажные дома (изредка и четырехэтажный дом). В одном только селе Хоредж нами зафиксированы несколько таких домов. Трехэтажные дома мы обнаружили в сел. Ергулиг, Джульжаг, Джули, Хоредж, Гуми, Кулиф.

В своем большинстве каждый этаж такого дома состоял из одного помещения: внизу находился хлев, на втором этаже — «хизандин хал» — семейная комната, третий этаж предназначался для молодой семьи, на четвертом — хозяйственное помещение. Наиболее состоятельные семьи в таком доме выделяли гостевую комнату. Для сообщения между верхними и нижними этажами в межэтажных перекрытиях были отверстия, к которым приставлялись деревянные лестницы.

Вторая ступень табасаранского жилища XIX—начала XX в. это двухэтажный (реже одноэтажный) дом, но уже состоящий из нескольких (2—3) комнат. Кроме жилых комнат, такой дом имел хлев и небольшой крытый двор (там, где была возможность).

«Табасаранское жилище середины XIX в. — двухэтажный дом, возведенный из легко поддающегося обработке песчаника светло-охристого цвета (на солнце камень от времени становится зо-

лотисто-коричневым»[22],—пишет С. Хан-Магомедов. Специфика хозяйства табасаранцев, занимавшихся земледелием и скотоводством, отразилась и в структуре их жилища. «Для табасаран характерна такая организация жилищно-хозяйственного комплекса, — пишет С. Хан-Магомедов, при которой жилье и хлев объединяются в одной постройке, а сарай для сена возводится отдельно рядом с жилым домом или выносится на окраину селения»[23]. Обычно в таком доме хлев — «ахъ» для скота занимает первый этаж, жилье— «хал»—второй.

Наиболее архаичный двухэтажный дом зафиксирован нами в сел. Хурик. Дому этому 150 лет. Он принадлежал Махсуму Гамидову. Его правнук учитель Мирза-Гасан Бадаевич Магомедов рассказал нам, что когда-то этот дом имел на первом этаже один хлев и над ним одну большую общую жилую комнату (около 38 м²). Необходимо отметить, что в настоящее время дом Махсума Гамидова искажен перестройками. Дом выходит одной стороной на улицу. Комната имеет три окна (30х60) с двумя прямоугольными проемами. Такие же окна, но поменьше имеются и на первом этаже. Первоначально жильем служил первый этаж, второй построен позже. Коробки окон первого этажа массивнее. Кладка фасада сделана из тесаных камней. На некоторых камнях арабские надписи, знаки, фигуры, орнамент (геометрический, растительный). Имеется маленький дворик (5х6 м). Лестница, ведущая на второй этаж, деревянная. В комнате было два очага — с левой и правой стороны дверей. Очаг справа «марцIар» служил для приготовления еды, сушки обуви и одежды. У этого очага обычно сидела вся семья. Очаг слева — «бухара» служил для обогрева. Его разжигали тогда, когда в доме находился гость. Обычно гость и глава семьи сидели у этого очага. В стенах комнаты были устроены четыре ниши, где хранились постель, посуда, утварь. Посередине комнаты был центральный резной столб — «мурхьал». На нем висели шубы, кожаные и другие сумки. У стены с правой стороны стоял большой деревянный ларь — «танх» для хранения муки, зерна, хлеба. Рядом находилась глубокая ниша, где ставились кувшины с водой. Все балки перекрытия и мурхьал были обмазаны нефтью. После женитьбы двух сыновей комната была разделена на две маленькие и одну большую, а хлев продолжал оставаться общим до 1934 г.

Как было сказано выше, в XIX в. в Табасаране преобладало двухэтажное жилище с 2—3 комнатами. В плане эти дома имели разновидности. По форме эти дома Г-образные, П-образные и квадратной формы. Примером такого дома является дом Гюльмагомеда Ханмагомедова, из сел. Джули Табасаранского района (дом построен в 1895 г.). Первый этаж этого дома состоит из одной большой комнаты « хизандин хал» (семейная комната), сеней и большого помещения для скота (скот проходил через сени). Через восемь лет был построен второй этаж. На втором этаже располагались четыре небольшие комнаты (по 11 м²). С переселением на второй этаж большая комната на первом этаже прев-

ратилась в обособленную кладовую, где семья хранила все продукты питания, зерно, муку. Окно одной комнаты, которая была расположена с правой стороны, выходило на главный фасад. Лестница, ведущая на второй этаж,—каменная (каждая ступень из отдельного одного большого камня, ширина камня равна 70 см). В кладке фасада дома находится камень с надписью на арабском языке с указанием года строительства. Далее идет имя владельца дома (неразборчиво) и имя мастера (так же неразборчиво). Углы кладки для прочности укреплены большими отесанными камнями. Толщина стены первого этажа равна 60, а второго 50 см. На главном фасаде имеются четыре деревянные прокладки. Первая установлена на расстоянии 50 см от земли. На ней установлена коробка окна первого этажа. Вторая прокладка проходит над оконным и дверным проемами. На третьей прокладке устанавливается коробка окна второго этажа, а четвертая проходит над коробкой. Расстояние от четвертой прокладки до крыши 50 см. Вокруг всего дома идет деревянный карниз. (Крыша и потолок дома, к сожалению, не сохранились.) Ширина коробки дверей и окон равна 30 см. Все деревянные части, которые находятся внутри дома, выполнены из липы, коробки дверей и окон из ореха, деревянные прокладки из дуба и осины.

Во всех четырех жилых комнатах имеются угловые камины «бухара» (в с. Джули «бухара» называют «кумгьяр» — диалектный вариант), а в нижней комнате «марцIар». Кроме того, в каждой комнате в стенах имелись ниши: одна большая (1,50 м х 70 см) для постели, две поменьше (40 х 40 см) для посуды и одна совсем маленькая для светильника. Подобные дома нами были обнаружены во всех селах. Широко были распространены дома прямоугольные с верандой на всю длину дома (Нижний Табасаран). Встречались в XIX в., хотя и редко, и дома с лоджией в центре. Большое распространение эти дома получили в конце XIX—начале XX в. (Верхний и Нижний Табасаран). Планировка П-образного дома следующая. Обычно второй этаж состоит из четырех жилых комнат, расположенных вокруг лоджии в виде буквы П. Каждая комната связана с лоджией дверью. Комнаты, расположенные в центре, квадратные (по 12—13 м^2), освещаются каждая одним окном; комнаты, расположенные по сторонам лоджии,— больше (по 20—25 м^2). Они также освещаются (каждая) одним или двумя окнами. На первом этаже под лоджией расположен небольшой крытый дворик. Отсюда деревянная лестница без перил ведет наверх. По бокам крытого дворика располагаются две хозяйственные комнаты — одна для скота, а вторая для хранения продуктов питания [24].

Дальнейшее развитие жилища связано с домами с лоджией в центре второго этажа («къуьлеркъиш»). Широкое распространение дома с лоджией в конце XIX—начале XX в. было связано, на наш взгляд, с потребностями неразделенных семей. Известно, что у табасаранцев, как и у лезгин, цахурцев и других народов лезгинской группы, в силу ряда причин, неразделенные семьи

сохранились значительно дольше. При существующей земельной тесноте и бедности было удобнее и выгоднее выстроить один дом, где каждая новая брачная пара имела бы отдельную комнату с отдельным выходом, чем несколько домов. Самая большая комната, как и раньше, оставалась общесемейной комнатой — «хизандин хал», где обычно собиралась вся семья. Эта же комната одновременно являлась комнатой родителей. В отличие от прошлого, когда все дома были обращены фасадом к двору, в начале XX в. стали появляться дома с уличным фасадом. Но двор продолжал оставаться перед домом.

В Табасаране не было специальной гостевой комнаты «хяларин хал». Даже тогда, когда в доме имелась парадная свободная комната, ее не называли гостевой, хотя гостей принимали именно здесь.

Важной частью традиционного жилища табасаранцев был очаг. Его формы были в целом однотипны во всех зонах. Это открытый очаг посреди комнаты, над которым на цепи свисал котел для приготовления пищи; известный всем народам Дагестана, Кавказа пристенный камин — «бухара», «гаму». В XIX в. повсеместно в Табасаране появляются печи полутандыры — «марцIар» с пристройкой «дандаг», предназначенной для приготовления пищи и различных пирогов. Повсеместное распространение имели специальные печи — «дерин» (терюн) для выпечки хлеба. В пограничных с лезгинами селениях для выпечки хлеба пользовались печами — «хьар». В 30—40 гг. XX в. здесь стали появляться железные печи, а с 50-х гг. — печи, сделанные из кирпича,

У табасаранцев, так же, как и у других народов, очаг считался семейной святыней. Огонь в нем поддерживался в осенние и зимние холодные месяцы круглые сутки. «У всех горцев Кавказа очаг и связанные с ним предметы, как-то: котел и цепь, к которой он привешен, в большей или меньшей степени признаются предметами священными и символически выражают семейное единство»[25]. Очагом клялись и проклинали. Нельзя было ночью давать на сторону огонь из домашнего очага, выбрасывать горячую золу. В очаг, как у других народов, нельзя было плевать, сморкаться, «бросать мусор, подметаемый с пола»[26]. От этого, по словам информаторов, зависело благополучие дома. Вероятно, с этим же связан обычай переходить в новый дом с заженной лампой. Зажженную лампу из старого в новый дом должна была переносить старшая хозяйка дома.

Как было сказано выше, в древнейшем жилище табасаранцев очаг располагался в середине комнаты. Постепенно очаг меняет свое местоположение. Он перемещается к одной из стен. Возможно, такое перемещение диктовалось «необходимостью увеличения полезной площади жилища»[27]. «В Дагестане для жилого дома характерно расположение камина в передней стене, т. е. в той, где входная дверь»,—пишут С. Ш. Гаджиева и А. Ф. Гольдштейн[28]. Однако в результате полевых исследований нами установлено, что

у табасаранцев очаг очень часто располагался у противоположной от входа стены, налево от входной двери, рядом с окном.

Освещением чаще служили отверстия в потолке, которые на ночь и в ненастную погоду закрывались плоским камнем. Единственным отверстием для выхода дыма также служило это отверстие в потолке. Освещение комнаты через отверстие в потолке было характерно для многих народов Передней Азии, Закавказья и Средней Азии [29].

С перемещением очага некоторые исследователи связывают и изменение освещения комнаты. Отверстие в потолке, служившее для выхода дыма и дневного освещения, когда очаг был в центре жилища, стало ненужным, когда очаг переместился к стене [30].

Первоначально окна, оставляемые в стене, были настолько маленькими, что едва могли служить основной цели — освещению. Они больше походили на смотровые отверстия [31]. В дальнейшем размеры окна значительно увеличились. К середине XIX в. «окна жилых домов имели массивные дубовые коробки без переплетов и стекол и закрывались изнутри деревянными ставнями на щипах. Наиболее распространены окна с двумя прямоугольными проемами размером 25х50 или 30х60 см. Встречаются и другие типы окон с прямоугольными проемами — трехпроемные. Реже встречаются квадратные однопроемные окна [32].

Старожилы рассказывают, что окно могло располагаться в задней, передней, или боковой стене. Это зависело от того, с какой стороны поступает больше света. Но наши наблюдения показали, что в большинстве случаев у табасаранцев, как и у других дагестанцев, окна располагались в передней стене, которая выходит во двор.

В стене над очагом располагались ниши для хранения посуды. Освещением ночью служила лучина. Все дома в Табасаране, как и повсюду в Дагестане, по возможности передним фасадом ориентированы на юг.

Основными строительными материалами табасаранцев были дерево, камень, глина. Камень для строительства использовали двух видов: речной и скальный. Добывали его поблизости. Предпочтение отдавали скальному камню. Леса в Табасаране занимают огромные площади и в связи с этим строительного леса было в целом достаточно. Особенно много леса было в Нижнем предгорье. Но были и безлесные селения. К ним относятся горные села. Эти обстоятельства обусловили разделение Табасарана на две локальные зоны с преобладанием в каждой из них определенных материалов. Так, например, основным строительным материалом в горных селах был камень. Дерево здесь используется как дополнительный материал. В горных селениях много арочных конструкций, ворот, оформленных арками (с. Кондик, Чувек, Ляхля, Зильдик и др.). Дом крупного барановода Гаджи Хан-Магомед-Кута в сел. Кондик в этом отношении может служить примером. Все основные детали дома (коробки окон, перемычки над оконными

и дверными проемами, все прокладки, ниши, консоли карниза, балки перекрытия) выполнены из камня. В тех селениях, где леса было в достаточном количестве, все эти детали делались из дерева.

В качестве строительного леса использовали орех, липу, бук, осину, дуб, граб. Деревянные части дома, которые находились внутри помещения, изготовляли в основном из липы.

Большое значение табасаранцы придавали заготовке строительного леса. Так, например, при его заготовке они руководствовались рядом примет, выработавшихся в продолжение многих веков. Дерево, предназначенное в качестве строительного материала, рубили только в дни «ухин»—«иран» (см. раздел «Хозяйство») — со второго по тринадцатое мая. Такое дерево считалось крепким и не поддающимся порче и гниению. Заготовленный лес всегда очищали и аккуратно складывали для просушки в тени в сухом месте, чтобы лес не коробился.

Для наружных конструкций дома старались выбрать такую породу древесины, которая не боится сырости, тающего снега и может служить надежной основой всему строению. И камень, и лес заготавливал обычно сам хозяин вместе со своей семьей.

При строительстве дома у табасаранцев известную роль играли суеверия. Так, они различали «счастливые» и «несчастливые» дни. Поэтому для начала строительства дома выбирали «счастливый день». (См.: Народный календарь и аграрные культы.) Постройка нового дома была радостным событием для самого хозяина, для его родственников. Поэтому при закладке фундамента приходили все родственники (мужчины и женщины). При этом женщины приносили с собой какой-нибудь платок или материю, привязанную на палку — «абагъ» («флаг»). Эти флаги вывешивались на каком-нибудь видном месте. Количество «флагов» зависело от количества родственников. Кроме того, до конца строительства все родственники по очереди приносили мастерам еду.

При возведении дома табасаранцы часто прибегали к взаимной помощи — «мил» (строительству с помощью родственников, соседей, односельчан). При этом на «мил» выполняется наиболее трудоемкая и тяжелая работа: возведение стен и крыши. Работы внутри дома в основном выполняли сами хозяева.

Во всех табасаранских селах каменщиков, как правило, хватало. Каждый хозяин сам был и каменщиком и плотником. Но в каждом селе имелись и особо почитаемые мастера, к услугам которых прибегали все односельчане. В качестве его подмастерьев использовались сам хозяин, члены его семьи или родственники. Зажиточные семьи для строительства дома обычно нанимали мастеров. Мастера в данном случае получали плату натурой по соглашению.

Первый камень при строительстве дома, независимо от того, кто будет строить дом (хозяин или приглашенный мастер), закладывал самый «удачливый» и «счастливый» старик. Считали, что от этого будет зависеть, будут ли счастливы люди в этом доме,

будет ли в нем изобилие. Кроме того, очень тщательно проверяли, располагалось ли здесь в прошлом кладбище, нет ли тут чьих-либо захоронений, нет ли на этом месте святого дерева. Говорили, что если на таком месте построить дом, счастья не будет.

Техника возведения дома в Табасаране была такая же, как и у других народов Дагестана. В традиционном табасаранском жилище в горных селах специальный фундамент не возводили. Роль фундамента здесь обычно выполняла каменистая твердая почва. В остальных селениях (юго-восточная часть Табасарана) возводили фундамент «шибритI» на 50—60 см над уровнем земли. Глубина фундамента обычно равнялась 1 м, ширина — 70—80 см. Если дом строили двухэтажный, то стены первого этажа делали шире (60 см), второго — уже (50 см). Стены возводили из необработанных мелких и грубо сколотых камней на глиняном растворе. Для углов дома почти всегда использовали большие отесанные камни. Кроме того, «для придания дому большей устойчивости и прочности в кладку стен на всю их толщину, приблизительно через каждый метр по высоте, закладывали деревянные прокладки»[33].

В безлесных селениях вместо деревянных вставлялись каменные прокладки. Во всех жилых комнатах сооружали камины и ниши-«тахча» (для постели). Глубина ниши обычно равнялась 40—45 см, высота 1,70 м. Во всех домах обязательно делали полки «кьулдихъ» для хранения посуды. Над дверными и оконными проемами ставили деревянные перемычки — «чIул», в безлесных селениях каменные — «гьвандин чIул» (каменный чIул). В стенах комнат оставляли небольшие отверстия, заменявшие окна — «улдар». Окна «улдар» (унчIв) и двери «урчIар» (раккнар) во всех домах имели массивные (до 30 см) дубовые коробки «шаршава » (гурзлар). Дверной проем был настолько низким, что для того, чтобы войти в жилище, приходилось низко нагибаться. В сел. Джули и Сертил мы видели двери, сделанные из цельного ствола (плахи). Заднюю и боковые стены дома обязательно делали из камня. Внутренние стены дома делались турлучными. Во многих старых однокамерных больших домах комнаты также разделялись надвое плетеной перегородкой. В одной части такого помещения находилась семья, в другой содержался скот.

В некоторых селениях Верхнего Табасарана стены первого этажа дома со стороны дороги делались двойными: сначала возводили стенку из плетенки, которую обмазывали глиной, затем ставили каменную стенку, в результате получалась монолитная стенка, которую невозможно было разрушить без шума. Строительство дополнительной стены связано с угоном ночью скота, который был широко распространенным явлением в Табасаране.

Форма и материал крыши и потолка также были связаны и обусловлены наличием или отсутствием того или иного материала в данной местности. В безлесных селах, где трудно было найти и доставить длинные и крепкие бревна при строительстве дома, на потолке была одна несущая балка «хамхар», которая придерживалась подпоркой (центральный опорный столб или срединный

столб — «мурхвал»). Хамхар давал возможность использовать в строительстве потолка более короткие балки, которые не так трудно было достать.

Балки потолка, на котором покоится плоская крыша, опираются концами на стены и на центральную прогонную балку. Информаторы рассказывают, что мурхвал в прошлом всегда украшался резьбой. Особенно красивой резьбой покрывались столбы-колонны на веранде. Кроме того, на мурхвал записывали даты рождения детей, измеряли и отмечали ежегодно их рост. С хамхаром у народа связан ряд суеверий. Так, например, если на хамхаре появилась трещина, ждали беду в доме, и эта беда обязательно должна была случиться с главой семьи. «Чтобы твой хамхар сломался»,— говорили друг другу женщины, когда ссорились, что означало, «чтобы умер отец семейства». После смерти главы семьи на хамхаре оставляли кусочек от его савана, чтобы домашние не забыли его.

В тех селениях, где было достаточно леса и проблема балок не стояла, не было необходимости делить потолок на две части. В этом случае обходились без «мурхвал». От стены до балки, от балки до балки поперечно накладывали накат из жердей или досок. Сверху клали каменные плиты или настилали камыш или солому и обмазывали раствором чистой глины, затем насыпали слой земли толщиной 30—50 см и тщательно утрамбовывали инструментом «ляквум» и уплотняли катком, чтобы она не пропускала во время дождя воду. Эту работу в новом доме выполняли мужчины. После этого начинались штукатурные работы, которые чаще всего производили женщины. Глину для штукатурки брали недалеко от села. Обычно штукатурку (обмазку) производили два раза. В первичную обмазку в глину добавляли грубую солому. Для второй обмазки привозили желтую глину лучших сортов и добавляли сильно размельченную старую солому. После этого стенам давали просохнуть и через три-четыре дня производили побелку специальной глиной, которая также находилась недалеко от села. Таким же образом штукатурили пол. Для обмазки пола использовали специальную глину «укIу руг» — темно-серого цвета, которую обычно на 2—3 дня замачивали в воде. Этим же раствором пол периодически промазывали и в дальнейшем.

При сооружении потолка обращали большое внимание на отделку и подгонку всех балок, жердей внутри помещения. Балки перекрытия жилых комнат обязательно обмазывали нефтью.

Штукатурку стен с наружной стороны табасаранцы не производили. Отсутствовали в строительной технике табасаранцев и гвозди. Они стали применяться с начала XX в.

Как было сказано выше (см.: «Домашние промыслы...»), у табасаранцев существуют давние традиции украшения жилища. В горных селениях основную роль в украшении дома играет камень, в предгорных—дерево.

Жилища зажиточных табасаранцев отличались от жилищ бед-

няков величиной дома, тщательностью отделки. Каждое зажиточное семейство имело и отдельное помещение для гостей. Некоторые дома зажиточных крестьян имели на втором этаже лоджию. Лоджия являлась главным композиционным элементом фасада таких домов, что, естественно, определяло и тщательную обработку всех ее деревянных деталей[34]. Деревянные детали лоджии — столбы, подбалки, балки, консоли карниза — покрывались сплошным ковром резьбы.

Широкие оконные и дверные коробки также являлись основными конструктивными деревянными элементами табасаранского жилого дома, которые также подвергались художественной обработке. Наряду с окнами, дверьми, консолями карнизов и подбалками столбов, художественной обработке подвергались и другие деревянные элементы жилого дома — потолочные балки, центральный столб, лестница.

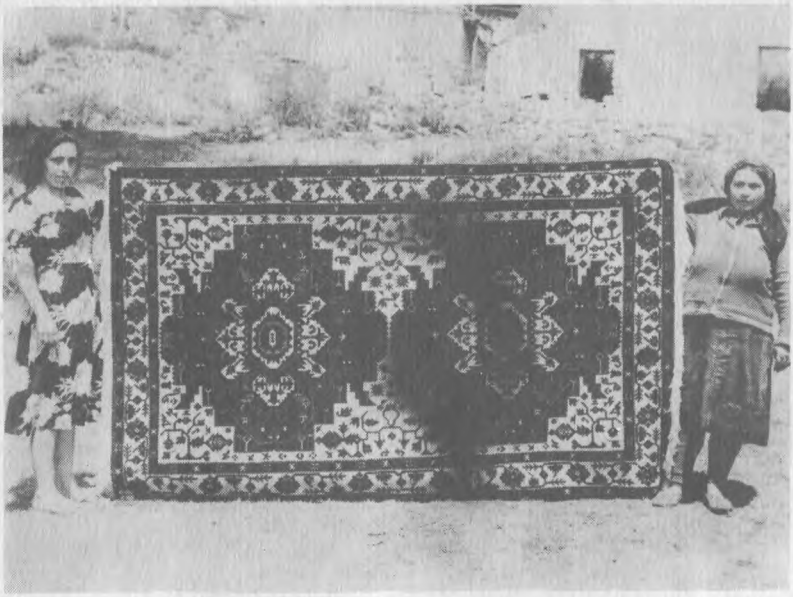
Наиболее распространен в художественной обработке дерева орнамент «плетенка». Изредка встречается геометрический и растительный орнамент. Значительное развитие получило в Табасаране и искусство художественной обработки камня. В некоторых домах кладка главного фасада дома состоит из тесаных камней, часть которых покрыта орнаментальной резьбой или имеет надписи на арабском языке. Интересные образцы резьбы по камню встречаются на надмогильных камнях (сс. Хив, Хучни, Верх. Ярак и др.). В резьбе по камню чаще встречаются растительный и животный орнаменты. Наибольший интерес представляют каменные и деревянные столбы в мечетях (сс. Хив, Хучни).

Встречаются камни с различными рисунками, разного рода знаками и символами небесной космогонии — круги, розетки, свастики, изображения животных — льва, оленя. Большое значение табасаранцы придавали украшению интерьера, в котором главное место занимал очаг.

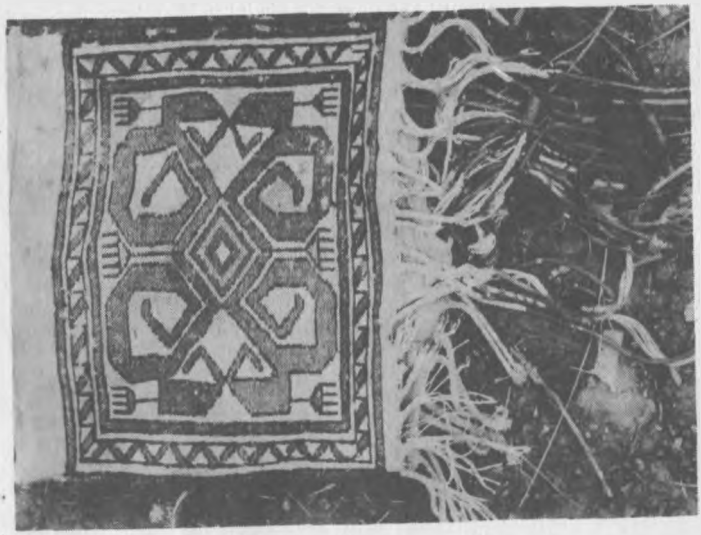
В конце XIX в. искусство художественной обработки дерева почти полностью исчезает из табасаранской народной архитектуры. Причиной этого явления, несомненно, нужно считать влияние городской капиталистической культуры, которая в этот период почти вытеснила многие кустарные промыслы.

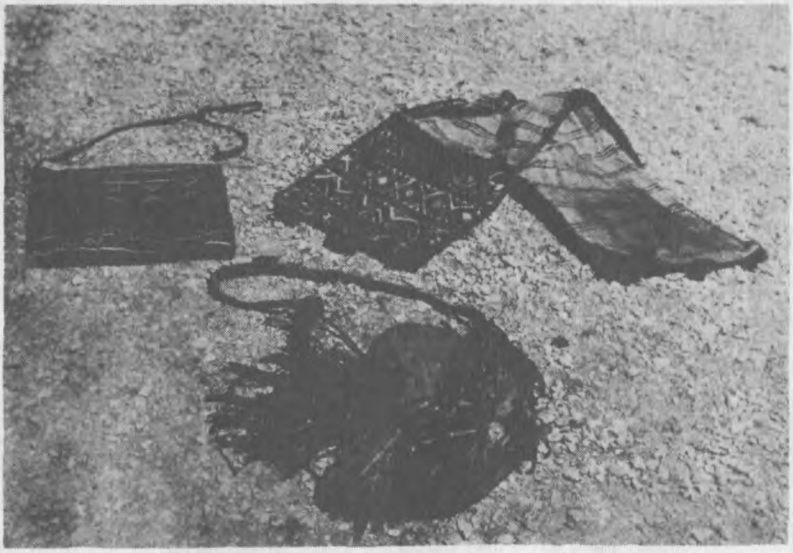
Внутреннее убранство старых табасаранских жилых комнат, так же, как и у других народов Дагестана, было довольно бедным. «Мебель в старых табасаранских домах отсутствовала, если не считать небольших низких табуреток, детских люлек и больших, часто покрытых резьбой ларей для зерна»,—пишет С. Хан-Магомедов[35]. Однако в селениях Нижнего Табасарана мы встречаем огромные, со шкафами внизу, деревянные кровати — «кьас» (с. Лака, Хоредж, Куштиль). Кровати обычно украшались резьбой. Шкафы имели по два отделения. В одном отделении хранили продукты питания и кое-какую посуду, в другом — одежду.

Для светильников имелись специальные ниши различной формы. Стены во всех табасаранских комнатах оставались голыми, полы в парадных комнатах и в домах зажиточной верхушки зас-

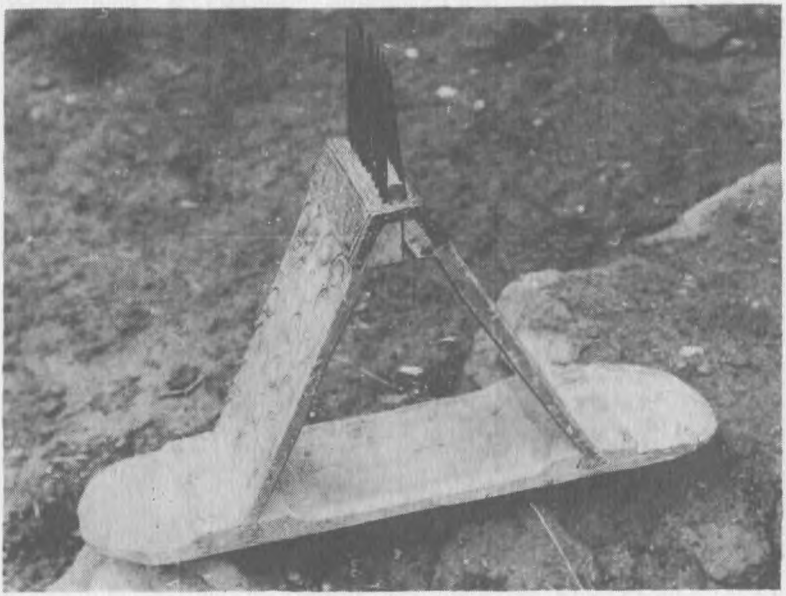


Образцы ковров и ковровых изделий.



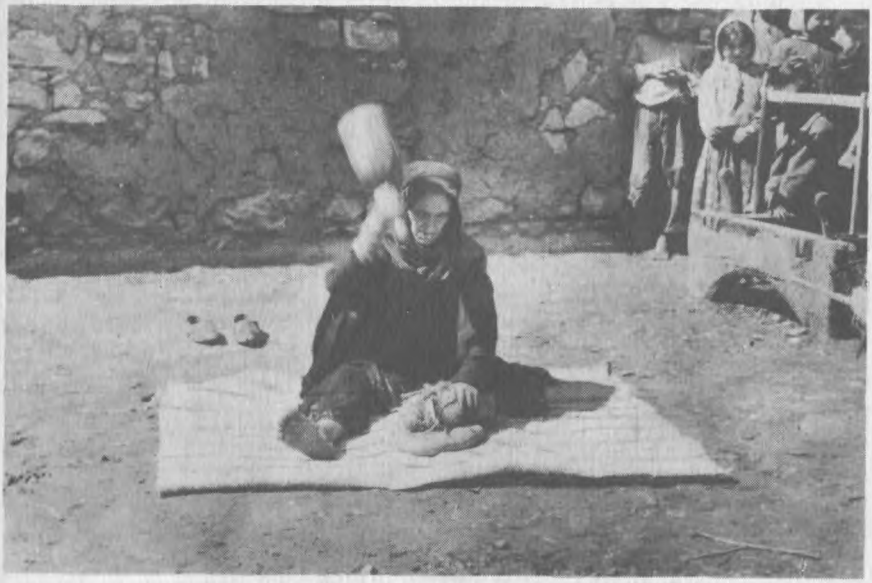


Женщина за прялкой, сел. Чухра.

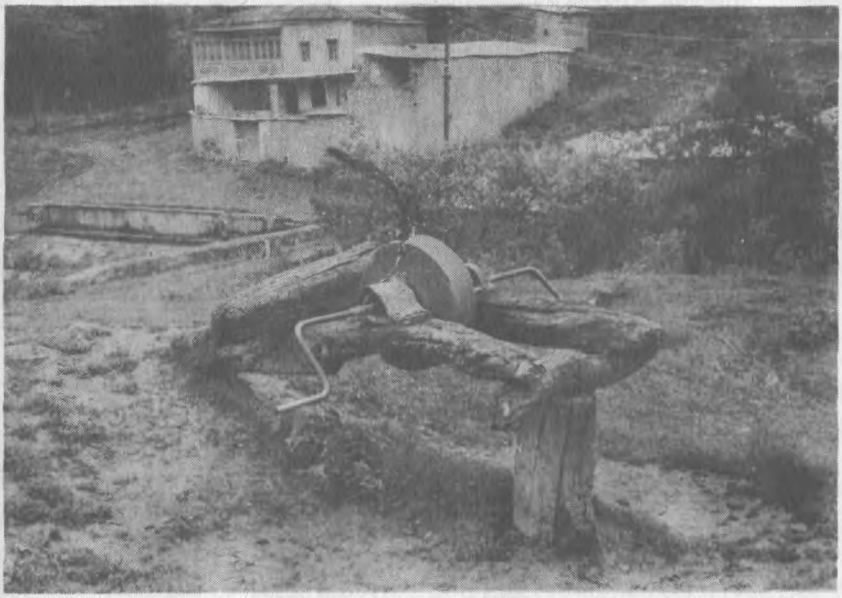


Чесалка для шерсти, сел. Джульжаг.

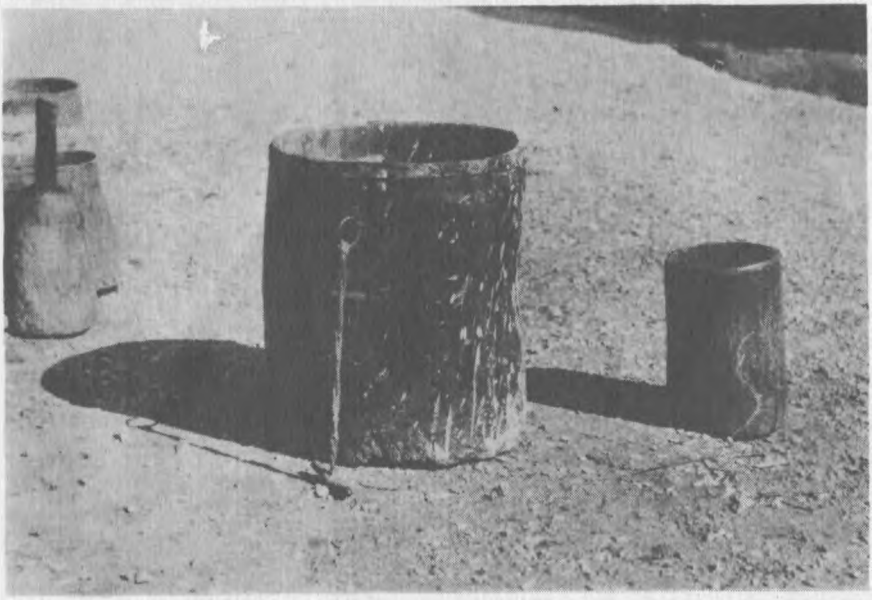
Деревообработчик, сел. Хурик.



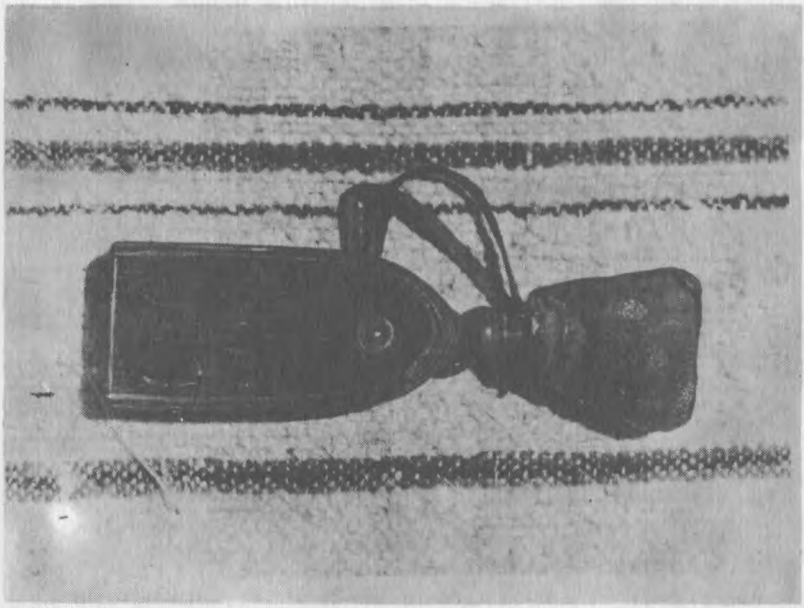
Обработка волокна, сел. Хурик.



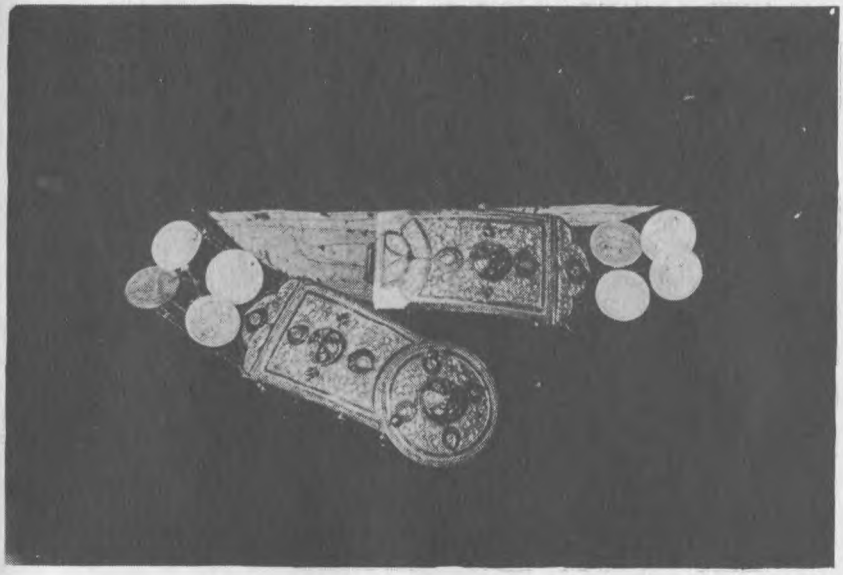
Точило сельскос, сел. Кулиф.



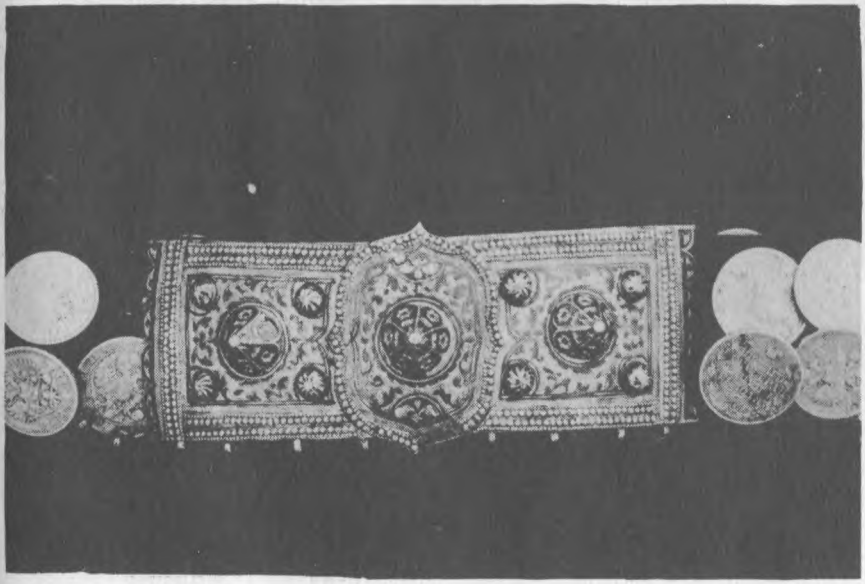
Мерки для зерна, сел. Хурик

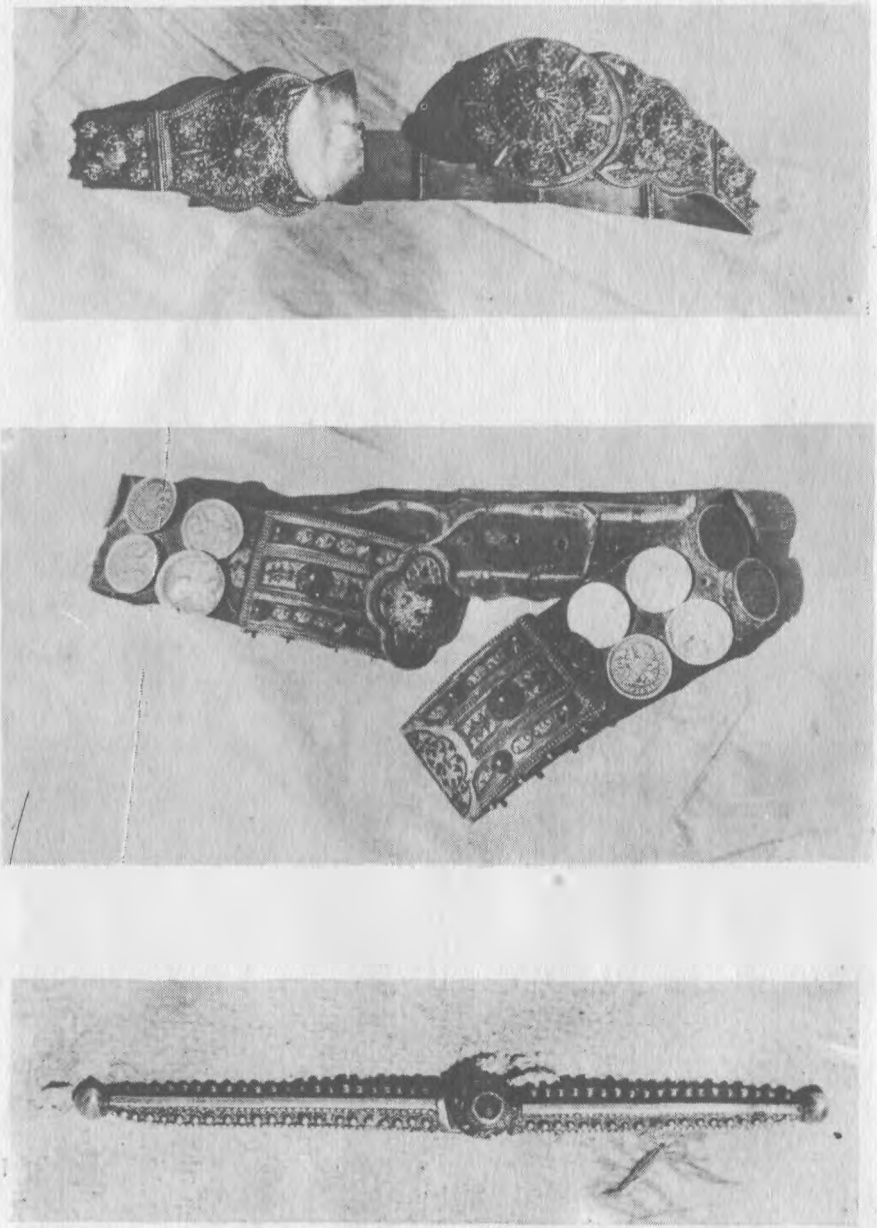


Порохомница, сел. Хурик.



Женские пояса /фрагменты/.





Женская застежка, сел. Чорс.

Табасаранка в традиционной одежде, сел. Хурик.

Головное украшение "зазар", сел. Хив.

Табасаранка в традиционной одежде, сел. Хурик.

Табасаранка в национальной одежде сел. Шиле /вид сбоку/

Головное украшение "зазар", сел. Кондик

Табасаранка в традиционной одежде,
сел. Кондик

Женщина в головном уборе "чухта",
сел. Шиле /вид сзади/.

Табасаранка в современной одежде,
сел. Кужник.

Женское верхнее платье, сел. Хурик /вид спереди/

Женское платье, сел. Шиле /вид спереди/.

Женское верхнее платье, сел. Хурик /вид сзади/.

Женское платье, сел. Шиле /вид сзади/.

Мужская одежда "Валжаг", сел. Типит /вид спереди/.

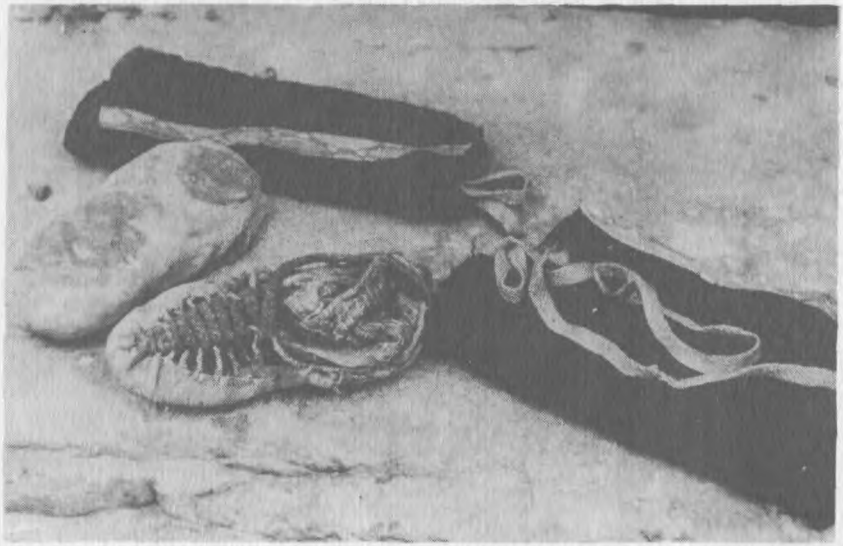
Табасаранец в национальной одежде, сел. Хурик /вид спереди/.

Табасаранец в национальной одежде, сел. Хурик /вид сзади/.

Мужская одежда "Валжаг", сел. Типит /вид сзади/.

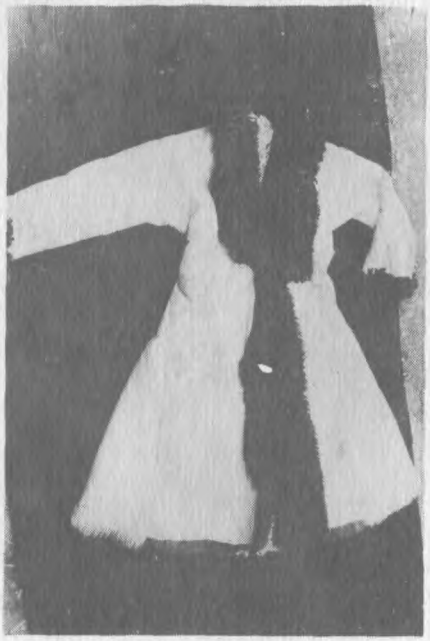
Старик в одежде "Валжаг", сел. Кондик.

Старик в традиционной национальной одежде, сел. Кондик.



Обувь и обмотки, сел. Кондик.

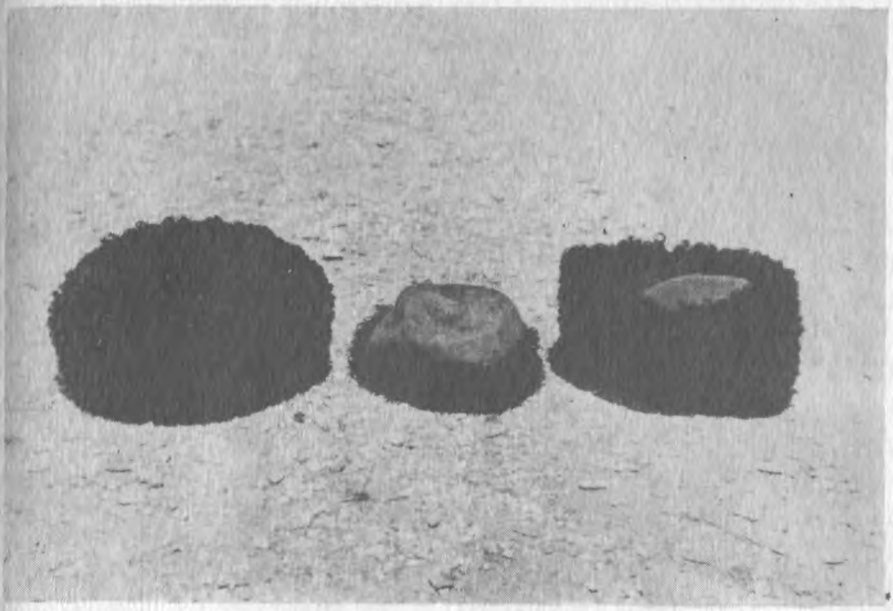
Мужская шуба "ургам", сел. Яргиль



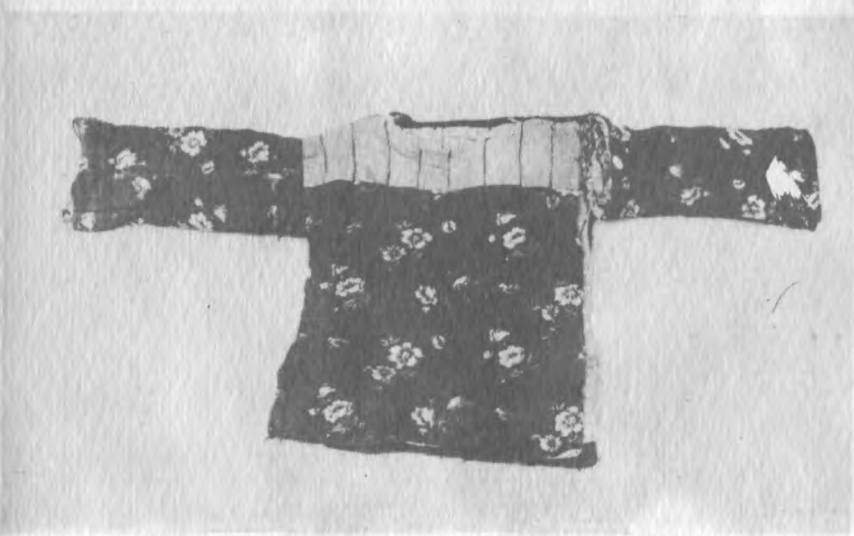
/вид спереди/.

Мужская шуба "ургам", сел. Яргиль

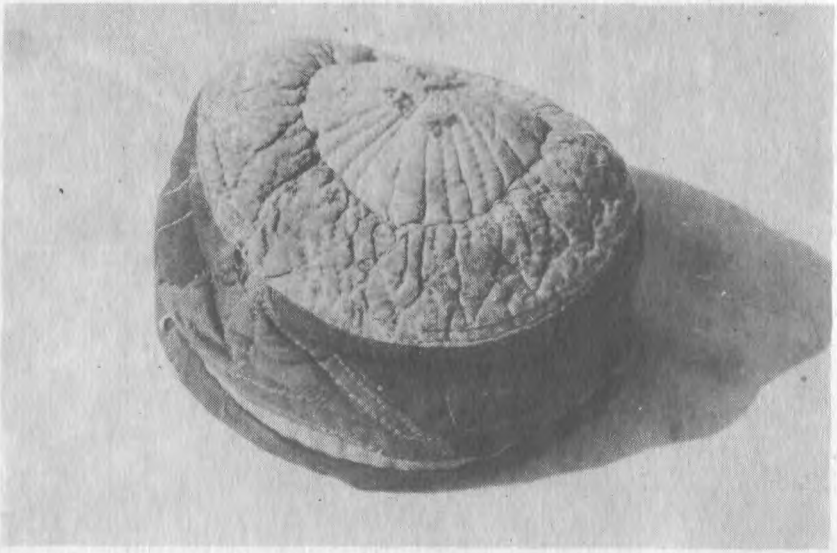
/вид сзади/.



Мужские шапки, сел. Хурик.



Детская курточка, сел. Шиле /вид спереди/



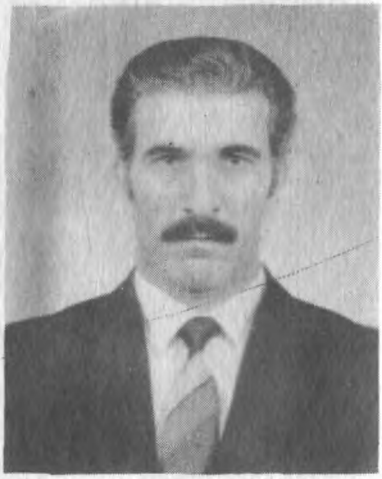
Детская шапка, сел. Хустиль

Шалбузов Темирхан Шалбузович, ученый-просветитель

Большая семья Гасанова Раджаба, сел. Хурик /1968/

Семья Гайдарова Азима, сел. Межгюл.

Ханмагомедов Бейдула Гаджикурбанович, профессор



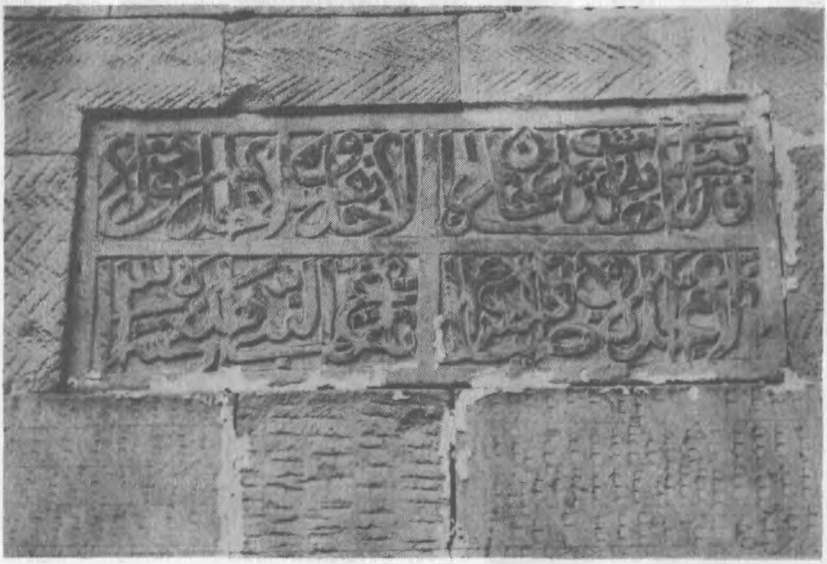
Зах[illegible]ров Вели Мирзабекович, профессор.

Юсуфов Абдулмалик Гисамудинович, профессор.

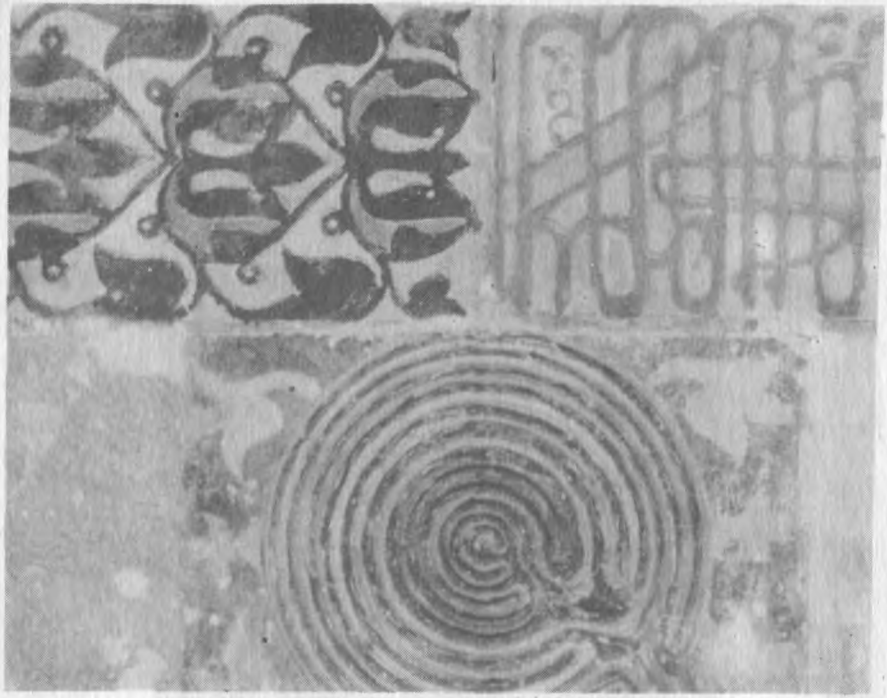
Гасанов Магомед Раджабович, доктор исторических наук, профессор

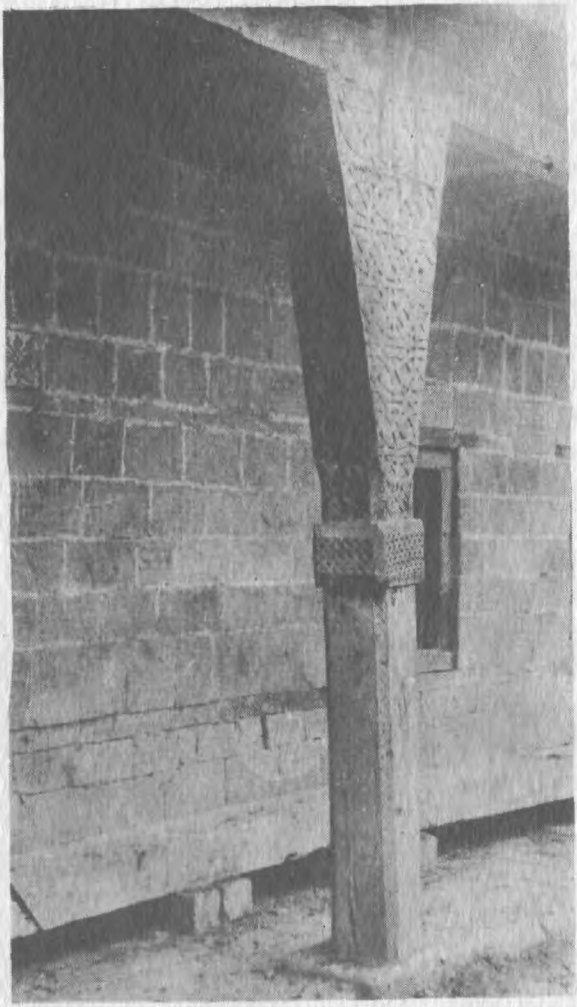
Юзбеков Зейдулах Кадималиевич,
доктор экономических наук.

Юсуфов Магомед Гисамудинович
проректор ДГУ



Образцы табасаранской резьбы по дереву и камню.





тилали коврами, в других — льняными или войлочными паласами. Во всех комнатах по возможности старались соблюдать чистоту и порядок.

Жизнь традиционной семьи (независимо от количества комнат в доме), как мы уже говорили выше, обычно проходила в большой семейной комнате — «хизандин хал». В этой комнате семья готовила еду, принимала пищу, здесь же спали дети и старики.

Обязательным элементом интерьера большой семейной комнаты был пристенный очаг (камин) «гаму». По его сторонам оставалось свободное пространство. Глава семьи всегда садился у стены, с правой стороны очага. Эта часть называлась «укIририкк» и считалась самой почетной. В этой комнате в отсутствии отдельной другой комнаты принимали и гостей. Вторая половина (левая) считалась хозяйственной. Здесь хозяйкой была старшая женщина. В ее ведении находился очаг и все продукты питания. На коврах (в жилище зажиточных слоев), на паласах, войлоках (в жилище бедноты) постоянно держали несколько подушек, на которые обычно садились гости и старшие члены семьи. С левой стороны дверной стены устанавливали «танх» — ларь, где держали муку, хлеб, пищевые продукты, одежду. В глубине комнаты (после «танх») ставили сундуки. Сундуков бывало два — большой и маленький. Их обычно с собой привозила невеста с подарками для родни жениха. Лари и сундуки в зажиточных семьях украшались резьбой. С правой стороны от дверей в специальной широкой нише ставили кувшины с водой — «йифрин гажин», «гар» и некоторую другую громоздкую посуду, которую нельзя было повесить на стену. Зачастую тут же устанавливали и станок для ковра. Всю кухонную утварь и посуду также держали в нишах или развешивали на стенах на виду в строгом порядке. Во многих домах в стенах под потолком устраивали деревянные полки, где держали парадную посуду: медные миски, некоторые гончарные изделия, тарелки и т. д. Здесь же хранили посуду, которую не использовали ежедневно. В некоторых богатых домах эти полочки делались резными. В каждой комнате в стенах имелось несколько больших ниш для хранения постельных принадлежностей. В богатых домах чехлы для матрацев делались из плюша, бархата. Такие ниши обычно не закрывались. У зажиточных слоев населения по стенам развешивалось красивое и дорогое оружие. Украшением жилища являлись медные подносы — «сини» (ленгери), большие медные котлы «йигьаг», другая медная посуда и центральный столб «мурхьал», который украшался резьбой.

В тех селениях, где были деревянные кровати «кьас», ее ставили слева от очага.

Позже, когда на первом этаже выделилась отдельная хозяйственная комната «йишван хал», большие лари для хранения зерна, большие глиняные сосуды, медные кастрюли, которыми не пользовались ежедневно, переносились туда. В число хозяйственных построек табасаранского жилища, кроме этой комнаты, входили: хлев, навес для сельскохозяйственных орудий, место для дров

и кизяка, печи «терюн» для выпечки хлеба. Во дворе под навесом или же в хозяйственной комнате на первом этаже устраивали зерновые ямы и погреба. Хлев состоял из двух частей, разделенных плетеной перегородкой. В одном из отделений помещался мелкий рогатый скот, в другом—коровы, волы, телята. В каждом отделении хлева устраивали специальные кормушки из плетня. Хлев обычно не имел окон. Пол хлева настилали грубой соломой. В теплую погоду, если двор хорошо огорожен, скот оставляли во дворе под навесом, отгороженным от общего двора плетнем или жердями.

Жилищно-хозяйственный комплекс включал еще и сарай для сена — «чвуг», который располагался перед домом или же на окраине села, образуя наравне с другими длинный ряд. Обычно сарай устраивали так, чтобы за ним удобно было присматривать прямо из жилища. В некоторых селениях сараи для сена располагаются вокруг квартальных токов.

Размещение сараев для сена за пределами дома, а иногда и на краю села информаторы объясняют отсутствием места для строительства сарая возле дома и боязнью пожаров.

Табасаранские сараи для сена хорошо описаны Н. Любимовой и С. О. Хан-Магомедовым в книге «Народная архитектура Южного Дагестана». Обычно это «небольшая, прямоугольная в плане постройка с единым внутренним помещением размером 5 x 10 или 4 x 8 м»[36]. Такие сараи во всех табасаранских селениях имеются и в настоящее время. Их обычно строили из камня. На стенах при строительстве оставляли вентиляционные отверстия прямоугольной, чаще треугольной формы. Перекрытия сараев плоские. В Южном Табасаране встречаются сараи с двускатной кровлей. Такие сараи делали и из плетенки (с. Хустиль).

В заключении раздела следует еще раз подчеркнуть, что в начале XIX в. у табасаранцев, как и у многих других народов, преимущественным типом жилища было однокамерное одноэтажное жилище. В дальнейшем, рост производительных сил и развитие семейных отношений вызвали рост жилища. На первом этапе рост происходил путем разделения большой комнаты и возрастания этажности. Во второй половине XIX в. в Табасаране уже преобладало двухэтажное жилище с несколькими комнатами. По форме эти жилища Г-образные, П-образные и квадратные. Дальнейшее развитие жилища связано с домами с лоджией в центре второго этажа. Эти формы жилища в основном сохранились и в настоящее время.

В послереволюционный период в жилище табасаранцев происходят определенные изменения: меняется внутренняя отделка дома. Однако в этот период строительство домов нового типа происходило очень медленно. Первоначально в основном перестраивались старые жилища. Продолжалось деление больших комнат на несколько маленьких. Но делили комнаты не плетенкой, а при помощи капитальных стен. Иногда к старому дому пристраивали

другую комнату. А хлев по-прежнему оставался в нижнем этаже. Лишь в отдельных домах происходили существенные перестройки.

Народная одежда

Народная одежда, так же как поселение и жилище, представляет собой элемент материальной культуры. В данном разделе мы, по мере возможности, попытаемся выделить основные типы народной одежды XIX—начала XX в., выявить комплексы национального костюма, как повседневного, так и ритуального, а также проследить ареал распространения тех или иных элементов национального костюма.

Одежда табасаранцев изготовлялась преимущественно из материала, который производился в их натуральном хозяйстве. Наряду с тканями домашнего производства одежду шили и из привозных тканей, которые приобретались в основном в порядке обмена.

С проникновением в табасаранские села фабричных тканей, особенно дешевых, спрос на кустарные ткани и другие изделия постепенно падает. К концу XIX в. домотканое сукно, льняное и хлопчатобумажное полотно частично выходят из употребления. Однако соотношение местных и покупных материалов зависело целиком и полностью от материальных возможностей, социального положения жителей. Привозные ткани ценились дорого и были доступны, главным образом, богатым людям и в основном употреблялись для шитья праздничной одежды. Поэтому для основной массы населения главным источником получения материалов для одежды вплоть до 30-х г. XX столетия оставалось домашнее производство.

Мужская одежда и украшения. Мужская одежда по своей внешней форме схожа с одеждой других народов Дагестана. Сходство проявляется не только в форме и покроях одежды и обуви, но и в способах их ношения. В то же время она имеет и некоторые свои локальные варианты.

В XIX — начале XX в. мужская одежда табасаранцев состояла из следующих основных частей: черкески — «чуха» («хуччич»), бешмета — «валжагъ», рубашки — «ккуртт», штанов — «хужаг», шубы — «ургам» (разновидности — «кавал ургам», «чубухайрайн ургам»), папахи—«бачукI» (разновидности — «ашли бачукI», «парах бачукI», «хункI», «бухара бачукI») и обуви.

Нательная одежда мужчин состояла из рубахи — «ккуртт» и штанов — «хужаг». В XIX в. они совмещали в себе и верхнюю и нижнюю одежду. Шились рубаха и штаны в основном из льняного полотна — «ирин ккуртт», «ирин хужаг» — домашнего производства. Лишь немногие имели рубахи из бязи — «сигези» и штаны из домашнего сукна — «шал».

Покрой табасаранской мужской рубахи — «ккуртт» был такой же, как и у других народов Дагестана. Она имела туникообразный

покрой, по бокам пришивались клинья. Благодаря клиньям рубаха становилась расклешенной. Рукав был без плечевых швов, длинный и прямой на узких манжетах, скреплялся одной пуговицей. Под мышкой, на месте соединения швов рукавов и боковин, вшивали квадратную ластовку — «вазах». Воротник рубахи был стоячий с небольшим вырезом спереди, скрепленным одной или двумя пуговицами. По бокам рубахи внизу делались разрезы. Иногда верх стана для прочности примерно на 10—15 см делали двойным. Ворот и манжеты нарядных рубах обшивались узкой тесьмой. В начале XX в. характер мужской рубахи претерпевает некоторые изменения, хотя ее традиционная основа сохранилась. В это время некоторые состоятельные табасаранцы стали носить две рубахи, нижнюю (нательную) и верхнюю. Шилась верхняя рубаха из тканей темного цвета, а для шитья нижней рубахи использовалась белая ткань «сигези» — небеленая бязь. Льняное полотно стало употребляться реже. Рукав верхней рубашки был вшивной, воротник — стойка, манжеты на рукавах стали делать шире и застегивались они уже на две пуговицы. Некоторые носили рубахи с нагрудными карманами. Вертикальный разрез на груди имел планку. Постепенно высокий стоячий воротник пришелся по вкусу местному населению и прочно вошел в быт и просуществовал до 50-х г. XX в. Во время полевых работ в теплое время и дома рубаху носили навыпуск, в остальное — заправляли в штаны. Такая рубаха использовалась в качестве выходной, повседневной и праздничной (кавказские рубахи).

В настоящее время рубахи такого типа еще сохраняются кое-где в среде представителей старшего поколения. Рубашка мальчика и по форме и по покрою повторяет рубаху взрослых.

Рубахе соответствовали льняные, окрашенные в темные цвета штаны «хужаг» («хуччиг»), либо штаны из самодельного сукна «шал». Как и рубаха, первоначально штаны совмещали и верхнюю и нижнюю одежду крестьян. В некоторых селах штаны называют «шалвар». Кроились штаны из двух полотнищ ткани, согнутых вдвое. Книзу они немного суживались. Между штанинами вставляли ромбовидной формы лоскуток «вазах», который вырезался отдельно из другого куска ткани. Верхний край штанов отгибался вовнутрь и подшивался широким рубцом, служившим для продевания шнура-завязки (вздежки), которая поддерживала штаны при ношении. Шнур завязывался спереди узлом. Первоначально штаны не имели прорехи. С конца XIX — начала XX в. появляются вторые штаны (верхние), которые шились преимущественно из сукна «шал» и из крашеной в темные цвета конопляной ткани. Часть населения стала шить верхние штаны из покупного фабричного сукна.

В начале XX века получили распространение штаны с прорехой. В 20—30-е гг. XX в. появляются штаны типа галифе. Такие штаны в целом соответствовали стилю традиционной одежды, в связи с чем получили довольно широкое распространение и бытовали до 50—60-х гг. В настоящее время брюки-галифе имеют мес-

то лишь в среде старшего поколения. Кое-где сохраняются еще нижние штаны традиционного покроя.

Основной верхней одеждой табасаранцев, как и у других народов Дагестана и Кавказа, в их повседневной жизни был бешмет — «валжагъ». Его носили дома, во время работы, вне дома. Для большинства мужчин «валжагъи» служили и в качестве парадной одежды.

«Валжагъ» обычно надевали поверх рубахи. Шили их преимущественно из черной, белой и серой ткани. «Валжагъ» для повседневного ношения шили из более простого материала, обычно из домотканого сукна. Представители высшего сословия шили «валжагъи» из красивых фабричных тканей. Летние «валжагъи» делались без подкладки, из более тонких тканей (бязь), зимние на подкладке, для парадных использовались покупные фабричные ткани — шелк, кашемир, сатин, атлас светлых тонов.

Шили «валжагъ» цельнокроенным с разрезом до низу. Верхняя часть до поясницы плотно облегала фигуру, ниже поясницы он располагался свободными клиньями, расширяющимися книзу, образуя фалды. Подол обычно состоял из 7—8 клиньев. Длина до колен, но старики носили их длинные. Воротник невысокий, стоячий, рукав вшивной, прямой, неширокий, слегка суженный книзу. На груди делались карманы, которые украшались тесьмой. Застегивался «валжагъ» спереди до пояса мелкими пуговицами из тесьмы и петлями из материала цвета ткани. Позднее для застежек стали употреблять металлические крючки.

Как было сказано выше, зимний «валжагъ» шили на подкладке. Иногда для утепления между подкладкой и верхом прокладывали тонкий слой шерсти. Такие «валжагъи» носили старики и пожилые мужчины. Встречались также «валжагъи», отрезные в талии. В настоящее время их носят лишь отдельные пожилые люди в горных селах.

Черкеска — «чуха» была праздничной и выходной одеждой табасаранцев, и ее имели 2—3 состоятельных человека в селе. Отправляясь в соседнее село по какому-либо важному делу (на свадьбу), односельчане всегда одалживали «чуха» у состоятельных родственников. Её обычно носили поверх бешмета. В среде представителей имущих классов она была распространена повсеместно. Отличалась от крестьянской качеством материала и богатством украшения. Шили ее из домотканого сукна черного, бурого, коричневого, серого, редко белого цветов. Но наиболее распространенными были черный и коричневый цвета. Черкески представителей имущих классов шились из дорогого фабричного сукна.

Черкеску носили всегда застегнутой, подтянутой поясом из узкого ремня с металлической пряжкой, украшенной различной формы пластинками, подвесками. На поясе обязательно подвешивался кинжал. Богатые табасаранцы надевали серебряные пояса, бедные носили простые черкески с недорогими кинжалами.

Покрой черкески был схож с «валжагъ». Она шилась в талию

с цельными расклешенными книзу от талии полами , цельной спинкой, подрезанной с боков на уровне талии и затем клинообразно расширенной книзу, со вставными боковыми клиньями, без воротника, с подкладкой до поясницы и в рукавах до локтя из яркой материи.

Черкеска имела на груди небольшой разрез, откуда виднелся «ва́лжагъ». По бокам на груди пришивались газырницы с газырями — «везни». Количество газырей от 5 до 7—8 штук, в зависимости от социального положения ее владельца. У богатых газыри украшались серебряными головками.

Рукав черкески вшивной, прямой с небольшим разрезом, широкий и длинный. На конце рукава делается лопастеобразный раструб, покрывающий кисть руки. Передние борта и рукава черкески для украшения обшивались декоративным шнуром или позументом.

В настоящее время черкеска в быту почти не сохранилась. Широкое применение она получила лишь в ансамблях и в кружках художественной самодеятельности.

К традиционной одежде табасаранцев относится и овчинная шуба «ургам» или «юргам» (диалектный вариант), служившая зимней верхней одеждой. Ее надевали в холодные дни на бешмет и на черкеску. Она бытовала в двух вариантах: шуба «хъеверхьри ургам» («хивхьри» или «хъавхьри» — южн. таб.) или «чубухайрайи юргам» (диалектный вариант) и «кавал ургам» или «лапач юргам» (диалектный вариант). «Хъеверхьри ургам» или «чубухайрайи юргам» имела почти тот же покрой, что и бешмет. Она шилась по фигуре, слегка приталенной и расширяющейся книзу. Передняя часть ее была отрезной в талии, с застежками до пояса, а задняя состояла из цельных клиньев. Рукав делали длинный и узкий, воротник шалевый. Шуба эта была легкая, у молодежи до колен, у мужчин среднего возраста чуть ниже колен. Ее начинали носить с самого раннего детства. Эта шуба служила рабочей и повседневной верхней одеждой, а для бедноты и выходной.

Зажиточная верхушка шила шубы из шкурок лучших пород овец. До пояса и в рукава, вдоль распаха вшивали самую красивую и мохнатую овчину.

В Северном и Южном Табасаране получили широкое распространение, как и во всем Дагестане[37], шубы («кавал ургам» или «лапач юргам») с ложными рукавами. Надевалась такая шуба внакидку. Ее носили только пожилые мужчины в свободное от работы время (на «гиме», дома). Этой шубой часто укрывались ночью. В покрое она имела форму расклешенной накидки с шалевидным воротником до самого подола. Длина ее иногда доходила до самых пят. Такие шубы сохранились в некоторых домах и в наши дни.

В послевоенные годы в Северном Табасаране получили широкое распространение шубы-пальто с отрезной талией из крашеных в черный цвет шкур.

Некоторое распространение здесь получили меховые и матерчатые безрукавки «бици ургам». Бурка-накидка — «юрт», которая так широко бытовала почти у всех народов Дагестана и Кавказа, у табасаранцев не получила распространения. Пастухи, чабаны вместо бурки надевали войлочную накидку «лит». На шее «лит» завязывалась шнурками из сыромятной кожи.

Головные уборы. Большим разнообразием отличались у табасаранцев головные уборы. Материалом для их изготовления служили овчина, сукно, войлок, каракуль. Для изготовления нарядных парадных папах использовалась шкурка высокого качества, которую вырабатывали из улучшенной породы овец. Выбирали шерсть естественных цветов — черную, белую, серую.

Форма, покрой и материал позволяют нам выделить следующие типы мужских шапок: «парах бачукI» — традиционный головной убор, распространенный повсеместно, сшитый целиком из простых шкурок длинноворсных овец. «Парах бачукI» (разновидности — «ашли бачукI», «хункI») являлся повседневным и рабочим головным убором, который носили чабаны, пастухи, бедные крестьяне.

Одновременно с «парах бачукI» носили папахи «шиш бачукI». Она являлась парадной и выходной для беднейших крестьян и повседневной для состоятельных табасаранцев. «Шиш бачукI» шили из шкурок местных улучшенных пород овец. По форме она была высокая, конусообразная с суконным верхом. Некоторые состоятельные мужчины носили каракулевые шапки — «бухара бачукI». По форме они были различные — конусообразные, расширяющиеся кверху, сплошь каракулевые и с бархатным верхом.

Следует отметить, что все эти шапки-папахи шились на теплой подкладке. Все табасаранцы среднего и пожилого возраста носили и так называемые домашние или ночные шапки-колпаки — «гугу» или «хунк», «улукIай» (диалектный вариант. Северный Табасаран). Такая шапка шьется из четырех или шести клиньев шерстью внутрь и имеет глубокий купол. Во время полевых работ в Южном Табасаране носили войлочные шляпы.

Табасаранцы, как и все горцы, бережно относились к своим головным уборам. Папаха же главы семьи считалась наиболее дорогим и почетным элементом одежды. Видимо, поэтому в каждом доме в прошлом имелась специальная подставка «бачукI иливру гурд» — для папахи главы семьи.

В настоящее время в селах мужчины носят те же головные уборы, что и в городе — шляпы, фуражки, ушанки, меховые (ондатровые, норковые) шапки. В то же время во всех селах некоторые представители старшего поколения все еще продолжают носить традиционные меховые шапки.

Оружие и украшения. Следует сказать, что сами табасаранцы не занимались изготовлением оружия, за исключением чабанских кинжалов «гьумкун». Все виды оружия и украшения они приоб-

ретали в Харбуке, Кубачи, у лакцев (северные табасаранцы), Дербенте (южные табасаранцы). Табасаранцам известны кинжал — «хвалчен» («ханжал»—лит.), копья—«къилинж», лук—«чIимир», стрела — «ух» («укар»). Широкое распространение в Северном Табасаране получили пистолеты — «къанкильчлины тапанчи». Наибольшее распространение как в Северном, так и в Южном Табасаране имел кинжал — «ханжал», с которым табасаранец не расставался никогда.

Мужская одежда табасаранцев, так же, как и у других народов Дагестана, почти не украшалась. Основным и единственным украшением мужской одежды являлся пояс «чIул». Пояс, в свою очередь, украшался различными металлическими пряжками, подвесками — «везде цирцсирар», пластинками — «квани зазар» (у зажиточных — серебряными, у бедных — медными). К поясу надевалось и оружие (кинжал, пистолет, шашка). Элементом украшения служили и газыри («везни»). Одежда молодых людей украшалась богаче.

Мужчины в Табасаране в первой половине XIX в. брили голову наголо. Мальчикам иногда оставляли на макушке хохол. Люди пожилого возраста и старики отпускали усы и бороду. Существовал обычай отпускать бороду в знак траура.

Мужская обувь. Повсеместное распространение в быту табасаранцев в XIX — начале XX в. имела обувь из сыромятной кожи домашнего производства. Для изгототовления обуви употребляли шкуры как крупного, так и мелкого рогатого скота.

Национальная обувь табасаранцев представлена несколькими типами: дирихи — «тIирихар», чарыки — «канцалай», («къячалйир»), башмаки — «башмакъар», комбинированные сапоги. Самыми распространенными из них были «тIирихар» —обувь из цельного куска сыромятной кожи, собранной вокруг ноги на ремешок, продетый в прорези. Подобная обувь была распространена у «лезгин и родственных им цахурцев, рутульцев, агулов, табасаранцев, верхних кайтагцев, а также среди дербентских азербайджанцев и жителей трех кумыкских селений: Темираул, Чонтаул, Каякент, связанных своим происхождением с Азербайджаном. Нередко дирихами пользовались и женщины, в основном Южного Дагестана — цахурки, рутулки, лезгинки, агулки, табасаранки и верхние кайтачки»[39]. «ТIирихар» носили с вязаными носками «атIнар», обмотками «тулакъар» или портянками «чаппар». Обмотки делали из домотканого сукна. «ТIирихар» носили в основном чабаны, пастухи, косцы, вообще работающие люди. Такая обувь у чабанов кое-где бытует и в настоящее время.

Широкое распространение имели в Табасаране чарыки — «канцалай». Их также шили из сыромятной кожи. «Канцалай» имели форму полуботинок с загнутым носком и доходили обычно до щиколотки. Они шились из цельного куска кожи со швом на носке, реже на заднике и подошве. «Канцалай» носили со специальными носками из сукна или обмотками. Для бедных табасаранцев

«канцалай» служили и выходной обувью. В данном случае к ним шили ноговицы из сукна, войлока. Под коленями их обвязывали ремешками или шерстяными завязками. Парадные ноговицы украшали тесьмой.

Значительное распространение среди состоятельной части населения получила обувь из мягкого черного сафьяна. Обычно это была парадная обувь. Она состояла из глубоких чувяк и ноговиц. Ноговицы также шили из сафьяна. Они плотно охватывали голень от щиколотки до колена. Шов ноговиц проходил сзади ноги (посередине). Для дома шились суконные ноговицы. Обувь из сафьяна сохранилась вплоть до 40-х г. XX столетия.

Некоторое распространение получили здесь «башмакъар» без задников на деревянной подошве. Башмаки табасаранцы покупали в готовом виде в Дербенте. Широкое распространение получила кожаная обувь на твердой подошве, изготовленная из покупных кож кустарями. В начале XX в. некоторые табасаранцы носили и покупные готовые сапоги фабричного производства. С проникновением фабричной обуви кожаная обувь домашней выделки быстро стала исчезать из быта.

Позднее, в 40-е гг. XX в. табасаранцы стали носить и кожаные галоши («калушар»).

Суммируя вышеизложенное, можно заметить, что мужская одежда табасаранцев XIX — начала XX в., несмотря на определенные локальные особенности в ряде элементов, имеет много общего с мужской одеждой других народов. Причина этого явления заключается не только в исторически сложившейся общности табасаранцев с другими народами Дагестана, сходстве хозяйственных и бытовых условий, но и в интенсивном взаимном общении, подвижности мужской части населения.

Традиционная одежда мужчин и мальчиков имеет одинаковый покрой.

Женская одежда и украшения. Материалом для женского костюма, как было сказано выше, служили изделия домашнего производства из льна, шерсти, хлопка. Наряду с домотканными материалами, использовались и фабричные ткани, нефабричные восточные ткани (узорнотканый шелк «хара», золототканый шелк — «дарай», бархат), приобретаемые состоятельными людьми в местных лавках или в Дербенте.

Женская одежда табасаранок состояла из следующих основных компонентов: рубахи — «ккуртт», штанов — «хужаг», верхнего платья — «валжагъ», платья — «булушка» (позднее), обуви, различного рода головных платков.

Нательная одежда: (рубаха — «ккуртт» и штаны «хужат»). Рубаха «ккуртт» составляла основу женской нательной одежды. В исследуемое нами время (XIX—нач. XX в.) рубаха «ккуртт» в комплексе с выходным распашным платьем «валжагъ» выступала в качестве нижнего платья и лишь дома и во время работы она использовалась как рабочая одежда. Рубахи эти были двух типов: «ккуртт» и «улукlай». Ккуртт шилась в основном из льняного

полотна. Цвет рубахи был преимущественно белый. Встречались оранжевые и красные цвета. Обычно же любимые цвета табасаранок: красный, зеленый, оранжевый. Молодые девушки и женщины носили рубахи из тканей ярких цветов (голубой, зеленый, красный и т. д.). Для пожилых женщин самым подходящим считался белый цвет.

Рубаха «ккуртт» имела туникообразный покрой, расширяющийся книзу с небольшим разрезом на груди и одной застежкой у ворота. Разрез зачастую обшивали другой материей. Воротник рубахи был небольшой, стоячий. С боков рубахи у подола оставлялись разрезы. Рукав был втачной прямой на манжете, застегнутом на пуговицу. Плечи чуть спущены. Под мышкой вшивали квадратную ластовку «вазах» для свободного движения рук. Иногда между боковинами вставляли клинья, чтобы рубаха приобрела большую раскошенность.

Некоторые состоятельные женщины рубахи шили из фабричных дорогих тканей.

Рубаха «ккуртт» для табасаранки являлась нательной одеждой, которую она носила под «валжагъом», а также ходила в ней дома. Она использовалась и в качестве рабочей одежды в поле. В данном случае, у нее была вторая такая же рубаха, которую она надевала поверх верхнего платья — «валжагъа». Возможно, поэтому А. Дирр писал: «Костюмы женщин, очевидно, татарского происхождения: широкие шаровары, сверх которых они надевают несколько рубах, из коих верхняя всегда короче нижней» [40].

Рубаха «улукIай» по покрою ничем не отличается от первой. Она считалась более нарядной из-за своеобразного покроя рукава, который был прямой до локтя, а далее к нему пришивалась широкая разлетающаяся оборка, которая колоколообразно ниспадала на кисть руки. Такой рукав хорошо был виден из-под рукава валжагъа. Многие молодые женщины часто край рукава обшивали тесемкой или другой красивой материей и украшали вышивкой. В комплексе с платьем рубаха с таким рукавом считалась верхней одеждой табасаранки.

Штаны «хужаг» — широкие, длинные до щиколоток, которые надевались под рубаху. Они были как нательной, так и выходной одеждой женщин. Из-под платья штаны были видны на 5—10 см. Шились они из ситца, редко из льняного полотна, из шелка (женщины из состоятельных семей). Обычно для девушек и молодых женщин подбирались яркие, а для старых женщин темные цвета. Штаны пожилых женщин были чуть уже.

Табасаранские штаны имели сложный технический покрой. Штаны этого типа были широко распространены в равнинном и предгорном Дагестане. Они хорошо описаны С. Ш. Гаджиевой. Штаны эти выкраивались из двух частей (нижняя и верхняя), которые потом объединялись. Верхняя часть (до середины бедра) делалась узкой. «Ниже бедер шла вторая половина, которая

представляла собой две широкие штанины, пришитые к более узкой части сборками или мелкими складками»[41]. Шов проходил посередине штанов, если позволяла ширина ткани, то они выкраивались без швов. Между штанинами вставлялся ромбовидный клин. В поясе штаны подшивались рубцом для продевания шнура и собирались в сборку.

Женщины из состоятельных семей штаны шили из одного куска материи, обычно из шелка, сатина. Женщины из бедных семей верхнюю часть штанов делали из простых тканей, а для нижней части использовали более нарядные ткани. На эти штаны обычно затрачивалось от 10 до 12 м ткани. Ширина одной штанины была равна от 2 м 60 см до 3 м. Таким образом, каждую штанину делали из 4—5 полотнищ.

В 20—30-е гг. длинные штаны все еще сохранялись повсеместно. В послевоенные годы они были заменены привнесенными городского типа штанами. В настоящее время в традиционных штанах «хужаг» ходят лишь некоторые пожилые табасаранки.

Верхняя плечевая одежда. Традиционным видом верхней одежды табасаранки был распашной «валжагъ». В покрое табасаранского «валжагъа» обнаруживаются те же элементы, что и в покрое верхней одежды, носимой агулками, лезгинками, цахурками, и многими другими народами. Женский «валжагъ» по покрою был сходен с мужским. Шили его из различных тканей — привозных и домотканых. Женщины из состоятельных семей использовали для «валжагъа» привозные нарядные дорогие ткани — шелк, парчу, бархат, тонкий сатин. Женщины из бедных семей довольствовались простыми тканями ярких расцветок. Наиболее распространенными цветами были: красный, оранжевый, коричневый, белый. Наряду с однотонными тканями употреблялись и фабричные ткани с рисунком.

По покрою «валжагъ» — отрезное в талии, распашное платье с прямым вертикальным разрезом от ворота до подола. Лиф платья прилегающий, с глубоким клинообразным вырезом на груди (типа перевернутого треугольника). Нижняя часть — широкая, сшитая из 3—4 цельных полотнищ, заложена в сборку или во встречные мелкие складки и доходит почти до пят. В талии платье с левой стороны застегивалось на пуговицы или серебряные застежки и стягивалось поясом. Рукав втачной, длинный до кистей рук. Нарядные платья имели втачные узкие до локтя рукава, ниже локтя они были широкие. Имели место и двойные рукава: первый узкий, а второй — свисающий от локтя (лопастеобразный рукав). «Валжагъ» одевался поверх рубахи с разлетающимися колоколообразными рукавами. Спинку и грудь «валжагъ» делали стеганными на вате или шерсти на ситцевой подкладке. Кроме того, спинку «валжагъ» всегда делали из более дешевой ткани.

Сейчас «валжагъ» используется в качестве праздничного костюма для участников художественной самодеятельности.

В 20—30-х гг. нашего столетия повсеместное распространение в Табасаране получило отрезное в талии нераспашное платье. Это

платье — «булушка» сохраняется и по сей день. Такого типа платье носили как в праздники, так и в будни. Материалом для платья служила фабричная ткань (шелк, парча). Покрой платья очень простой. Впереди платье имело разрез до талии с застежками. Некоторые женщины и молодые девушки скрепляли разрез серебряными застежками. Воротник — стойка, рукав прямой, у запястья собирается манжетом. Лиф украшают по 2 складки с каждой стороны разреза. Низ платья шьется из 3—4 цельных полотнищ, закладываемых в мелкие складки. По старой традиции и в настоящее время спинку с изнанки платья делают из более крепкой простой ткани.

В 20—30-е гг. нашего столетия в качестве верхней теплой одежды табасаранок выступает и безрукавка, которая здесь носит название «пенжек». Материалом для «пенжек» служили сукно, бархат, шелк, атлас. Безрукавку всегда утепляли ватой или шерстью. Шерсть для безрукавки подвергалась тщательной обработке. Богатые женщины украшали передний разрез, края рукавов и подол безрукавки. Безрукавки имеют место в быту и сегодня.

Женская обувь. Традиционная женская обувь была представлена, как и у мужчин, дирихами «тIирихар». «ТIирихар» были рабочей обувью женщины. Носили женщины и обувь без задников — «башмакъар», «калушар». В целом женская обувь была такая же, как и мужская.

Состоятельные табасаранки приобретали в Дербенте сафьяновую обувь (сапожки, чувяки). Сафьяновая обувь, которая предназначалась невесте, украшалась вышивкой, аппликацией из другой, окрашенной кожи. К сожалению, обнаружить такую обувь нам не удалось. Женщины носили дома также вязаные носки. В последующие годы табасаранки стали пользоваться фабричной обувью (чувяки, ботинки, калоши) и обувью кустарного производства.

Головные уборы. Традиционным головным убором табасаранки была «чуткъа» («чухта»). Табасаранская «чуткъа» была такого же покроя, как у остальных народов Южного Дагестана [43]. Поверх «чуткъа» надевался платок. Платки бывали четырехугольной и треугольной формы и в зависимости от материала имели разные названия: «хара шал», «дюгюр», «келагъа», «ккирибишин», «шал» и т. д.

Богатые табасаранки носили покупные дорогие платки. Однако платки, проникшие извне, как и любые другие элементы костюма, осознавались народом как не свои. Так, например, тюлевый платок, надеваемый некоторыми табасаранками, носил название «кумыкский». Пожилые женщины носили платки темных цветов, молодые женщины и девушки — яркие. Носили все платки треугольником, свернув по диагонали.

Различия наблюдались и в способе надевания. Так, например, девочки концы платка обычно скрещивали на затылке и завязывали. Молодые женщины и девушки один конец платка закидывали назад через плечо, другой оставляли свисать впереди. Пожилые

женщины — один конец проводили вокруг шеи под подбородком и закрепляли на затылке, а второй свободно свисал впереди.

Обрядовая одежда. Существование специального свадебного наряда невесты-табасаранки нами не зафиксировано. Особенностью костюма невесты является его новизна, качество материала и яркая расцветка. Свадебный костюм невесты обычно обильно украшался серебряными украшениями.

В Табасаране имела место специальная погребальная одежда. Погребальные рубахи женщин—«ахиратдин ккуртт» представляли собой кусок зеленого полотна, свернутый пополам и вырезанный в форме треугольника посередине для головы. Задняя часть рубахи короче (до пояса). Рубахи не сшивали. Элементами погребальной одежды для женщин являлись еще зеленые носки, зеленый платок и зеленая лента (лента из того же материала, что и погребальная рубаха), которая служила налобной повязкой.

Что касается савана — «кафан», то у табасаранцев он был такой же, как у остальных дагестанцев. Мужчину обычно хоронили в белой рубахе и в кафане. Молодых мужчин и женщин хоронили в лучшей одежде. Близкие родственницы покойного, как правило, в течение года носили траур. Траурное платье шилось из черного материала.

Женские прически и украшения. Табасаранки тщательно ухаживали за волосами. Широко практиковалось крашение волос хной и басмой, особенно у северных табасаранок из бекских селений. С 6—7 лет девочки начинали отпускать косы. Косы обычно плели из трех прядок. Шести—десятилетние девочки носили от четырех до шести косичек, с 10—13—две косы. Женщины средних лет и старухи также носили две косы. Пробор в традиционной прическе всегда делали прямой. Концы каждой косы у девочек и девушек закреплялись при помощи вплетаемых в них тесьмы, шерстяных ниток, материи. Пожилые женщины концы кос закрепляли при помощи более мелких косичек, заплетаемых отдельно из каждой пряди.

В случае смерти близкого родственника женщины в знак скорби обрезали косы и завязывали их на руки. Через год, после окончания траура, они снова начинали носить косы.

Немаловажное значение женщины придавали и украшениям. Почти все украшения заказывались ювелирам или покупались готовыми. В конце XIX—начале XX в. в Табасаране был распространен ряд украшений, главным из которых являлся пояс — «камар». «Камар» был двух видов — кожаный или матерчатый с нашитыми серебряными украшениями и с серебряной пряжкой и целиком серебряный. Наиболее распространенный из них был матерчатый, на котором закреплялись различные серебряные фигурки и монеты. Пояса состоятельных табасаранок были серебряными или позолоченными. В среде крестьян имели место пояса из черного сукна или бархата с серебряной пряжкою впереди.

Табасаранки носили кольца — «тIулсан» (лит. «тIулбан») и серьги—«сиргьйир» («ибарикахьрудар»). Их носили женщины и в старости. Некоторые женщины носили браслеты на запястье. Почти все табасаранки носили различные шейные и нагрудные украшения. Особенно нарядно украшался костюм новобрачной. Самым важным и обязательным украшением новобрачной было головное или налобное украшение — «гьабагъду». «Гьабагъду» представляло собою серебряную бахрому, сделанную из множества подвесок. Подвески состояли из отдельных элементов, надетых на серебряную проволочку, служившую им осью. Носили «гьабагъду» под платком. Из-под платка виднелась только передняя часть украшения.

Необходимой частью украшения костюма новобрачной и нарядной одежды молодых женщин и девушек являлись нагрудные украшения — «дюгме», «бухма». «Дюгме» представляла собой круглую серебряную бляху, которую носили отдельно или вместе с «яха». «Бухма» — многорядное ожерелье из различных подвесок.

Широкое распространение для украшения костюма новобрачной и нарядно одетой женщины получило нашивное украшение — передник из плотного сукна — «яха», который обшивался монетами, бляхами и различными пластинками. Украшениями для одежды женщины служили серебряные застежки, нашивные подвески, пластинки, монеты.

Детская одежда в целом была однотипна с одеждой взрослых. Лишь одежда младенцев имела некоторые особенности.

Изучая женскую одежду табасаранцев, можно сказать, что в XIX—начале XX века она характеризовалась разнообразием используемого материала, технических приемов его изготовления. Различалась повседневная и праздничная одежда. Социальные различия в одежде выражались как в составе костюма, так и в качестве тканей, степени украшенности и в количественных показателях.

Пища

Характер пищи табасаранцев, как и любого другого народа, определялся природными и географическими условиями, их хозяйственной деятельностью, этнокультурными традициями. В связи с тем, что основными отраслями хозяйства табасаранцев были земледелие и скотоводство, в их пищевом рационе преобладали продукты земледелия и животноводства.

В горной зоне, где преобладало скотоводство, сочетавшееся с небольшим по объему земледелием, преобладала мясо-молочная пища. Здесь ощущалась постоянная нехватка хлеба. Поэтому жители Верхнего Табасарана мясо, сыр, шерсть постоянно выменивали на зерно.

В Нижнем предгорье имелись удобные для земледелия, садоводства и виноградарства земли. Здесь занимались и разведением

домашней птицы. Во многих селениях здесь был избыток хлеба. Поэтому больше было блюд из муки и злаков, молока и молочных продуктов.

Кухню табасаранцев равнинной части (селения, граничащие с нынешним Дербентским районом) значительно разнообразили некоторые огородные культуры, бахчевые, фрукты, виноград. Помимо всего этого, во всех селах Табасарана занимались собиранием дикорастущих трав и лесных плодов, которых здесь было в достаточном количестве.

Несомненно, удельный вес мясо-молочных или земледельческих и растительных продуктов в питании определялись и другими причинами — материальным благосостоянием (в богатых семьях пища была богаче и разнообразнее, в бедных—беднее), сезоном года. Значительные различия (количественные и качественные, ассортимент) наблюдаются между едой повседневной и праздничной, предназначенной для гостей и для своей семьи. Но независимо от этого во всех зонах, хотя и в разных соотношениях, имелись молочные и мясные продукты, блюда из муки и злаков. Особо следует отметить обязательное наличие в ежедневном рационе табасаранцев мучных блюд (во всех зонах), что говорит о древней земледельческой направленности их хозяйства. В связи с этим следует отметить, что так же, как и у других народов Дагестана, понятие «еда» у табасаранцев означает «хлеб», а все остальные продукты «являются чем-то дополнительным, вроде приправы» [44].

Большое место в рационе табасаранцев (особенно у верхних) занимали различные съедобные травы. Их употребляли в сыром, вареном, тушеном, сушеном виде. Возможно, такое широкое применение их объясняется, как и у некоторых других народов, не только традицией, но и нехваткой хлеба [45].

Пища и в целом система питания у табасаранцев была такой же, как и у других народов Дагестана [46]. Это объяснялось прежде всего их общей хозяйственной направленностью и свидетельствовало об их тесном и давнем общении. Этим и объясняются сходные приемы приготовления многих национальных блюд, хотя пища табасаранцев имела и свои особенности.

Определенных установленных часов для приема пищи у табасаранцев не было. Но принимали пищу три раза в день — утром, в полдень и вечером. Никогда табасаранцы не ели рано утром. Обычно рано утром они шли в поле и работали там 3—4 часа. В 9—10 часов утра завтракали.

Табасаранцы в пище были умеренны. Умеренность в еде всегда почиталась. Тех, кто ел много и жадно, осуждали. Мясо и мясные обеды ели редко (только по праздникам). В основном же на завтрак они употребляли кружку айрана с хлебом или же просто мучную кашу. В обед всегда ели всухомятку — хлеб с сыром, иногда кефир или кислое молоко. Лишь на ужин готовилось что-нибудь горячее.

Питание состоятельных людей и зажиточной верхушки было не только лучшего качества, но и разнообразнее. Они могли поз-

волить себе покупать те продукты питания, которые были недоступны беднякам.

Пищу табасаранцы принимали в «хизандин хал» — (в семейной комнате). Кушанья подавались чаще на полу. На полу, поверх ковра или паласа расстилали «суфра» «гъюдрач» — скатерть, посередине суфра клали несколько чуреков, а на краю ставили ковш с питьевой водой. Глава семьи всегда садился у стены, с правой стороны печи. Для него обед подавали в отдельной посуде.

Если в доме находился гость, мужчины ели отдельно. Во время еды существовал особый ритуал поведения каждого члена семьи. Младшие члены семьи ждали, пока сядут старшие. Молодые девушки стояли до тех пор, пока всем подадут еду. Самая младшая сноха садилась у дверей. Первым начинал есть глава семьи. Он же со словами «бисмиллах» ломал на мелкие куски хлеб. После этого все приступали к еде. За едой не полагалось говорить о чем-нибудь. Не принято было есть торопливо, шумно. Замечания детям делались спокойным, мягким, доброжелательным тоном. За едой никогда не говорили о плохом. Нельзя было ронять хлеб, перешагивать через скатерть, наступать на скатерть. По окончании еды скатерть и посуду убирали, подметали пол, даже, если там было чисто. Только после этого каждый член семьи мог заняться своим делом.

Приготовлением пищи обычно занимались только женщины. Но приготовление некоторых блюд, например, шашлыка, было делом исключительно мужчин. Кроме того, на летних и зимних пастбищах, где не бывало женщин, еду готовили для себя мужчины.

Основным топливом для приготовления пищи служили дрова, очень редко использовали кизяк. Это объяснялось тем, что почти во всем Табасаране леса было в достаточном количестве. Табасаранцы считают, что пища, приготовленная на дровах, вкуснее, а пища, приготовленная на кизяках, имеет неприятный запах.

Первоначально для приготовления пищи к потолочной балке подвешивали железную цепь, на которой закрепляли котел для варки еды. В исследуемое время еду готовили на специальном пристенном очаге — «марцIар». Рядом с «марцIар» устанавливали треножник — «дандаг» и на нем готовили еду, постоянно выгребая из «марцIар» жар.

Еду готовили в той же комнате, где обычно сидела вся семья в «хизандин хал». В этой же комнате хранилась вся посуда. Медную утварь и посуду развешивали по стенам, ложки держали в деревянном поставце («муччврар ахьру гевяж»). Почти все предметы утвари и посуда из дерева также были приспособлены для развешивания. Котлы, чашки, тарелки и т. д. хранили на полках— «тахча».

С давних времен известна табасаранцам медная посуда. Необходимыми предметами утвари для приготовления пищи были медные казаны (котлы). Обычно их в каждом доме бывало несколь-

ко. В них варили мясо, хинкал, различные супы, пельмени, каши, кипятили молоко, грели воду и т. д. Количество медных къазанов, как и вообще другой медной посуды («сини» — подносы, «ийфрин гажин» — кумган, «йифрин гар» — медный высокий кувшин для ношения воды, большие круглые плоские тазы для стирки, мытья «тиян» или «тешт», маленькие тазы — «леген», кувшины с двумя ручками для молока, кружки и т. д.), зависело от состоятельности семьи.

В исследуемое время медную посуду табасаранцы приобретали в Кубачах. Часть медной посуды и утвари поступала из лакских сел.

Однако во всех табасаранских селах, особенно в тех, которые богаты лесными массивами, преобладала деревянная утварь и посуда. Это вырезанные из цельного дерева блюда — подносы — «тIавакI», корыта для теста — «чянях» или «кьяб» (диалектный вариант), деревянные черпаки «дигамуччвур», большие плоские ложки для приготовления халвы, ложки — «муччвур», цедилки для молока, хинкала —«кепкер», цедилки для плова — «аш сюзен», деревянные плоские лопаты для блинов — «кIакки кьул», приспособление для резания краев «афрар» — «жигъригъ», деревянные маслобойки «гвар», шумовки «кефкур» (лит. «кепкер»), поставец для ложек—«муччврар ахьру гевяж», ступки для нанесения узора на хлеб — «уьларик накьшрар какрув» («лавшар кудруб»), низкий столик для раскатывания теста — «кьул», скалка для чуреков — «уьлерин кIур» («кIар»), деревянные и металлические лопаточки для снятия готового хлеба — «астам», специальная скалка для хинкала — «хинкIарин тIул», половник — «абугерден». Из дерева изготавливали и большие лари — «танх» для хранения зерна и муки. Все эти деревянные изделия изготавливались из бука, дуба, вяза, липы, ореха.

Одним из основных способов изготовления посуды и утвари было выдалбливание. Кое-где практиковалось и выжигание. Часть долбленой утвари делали со вставным дном.

Деревянная посуда и утварь производились в Табасаране не только для внутреннего потребления, но и на продажу. Большим спросом у соседних народов пользовались ложки, ступки для чеснока, мерки для сыпучих тел и другие изделия.

Широко в Табасаране использовалась гончарная посуда и утварь. О большом развитии этого промысла еще у предков табасаранцев говорят и находки археологов[47]. Из глины также изготавливали различную утварь и посуду: маслобойки, кувшины для воды, чашки, горшки, подносы, тарелки, сосуды для хранения зерна и муки — «язал» и т. д. Кустарная глиняная утварь встречалась в каждом доме.

Одно из важных мест в ежедневном пищевом рационе табасаранцев отводилось зерновым культурам: пшенице, ячменю, ржи, полбе, просу. Блюда из них относились к числу праздничных и обрядовых. В то же время в Табасаране существовали некоторые территориальные особенности в использовании названных культур.

Ячмень, рожь, просо в смеси с пшеницей играли большую роль в питании жителей Верхнего Табасарана. Жители Нижнего Табасарана преимущественно употребляли в пищу пшеницу. Из пшеницы, ячменя, ржи, проса получали муку и крупу. Пшеницу варили в целом, дробленом и молотом виде. Из крупы и муки варили жидкие и густые блюда (каши, супы, начинки) на воде, на мясном бульоне, на молоке.

Крупяных блюд у табасаранцев было много. Готовили блюда всегда из прожаренной крупы и зерна. В традиционной кухне табасаранцев крупы неизменно соединялись с мясом. Приготовляя начинку для пирогов из дикорастущих трав, почти всегда добавляли крупу. Из крупы табасаранцы готовили разнообразные каши. Каша являлась общераспространенным повседневным, праздничным и даже обрядовым блюдом. Угощение кашей являлось одним из элементов многих семейных обрядов: впрочем, нередко эти обряды выходили за рамки семейных, так как в них принимали широкое участие все родственники, односельчане (рождение ребенка, свадьба, похороны).

Зерно и муку использовали для приготовления некоторых напитков. Особое место среди изделий из муки принадлежало хлебу, который выпекался из пшеничной, ячменной, ржаной и просяной (в смеси с ячменной или пшеничной) муки. В конце XIX в. часть жителей выпекала хлеб из кукурузной муки.

Выпечка хлеба у табасаранцев производилась 2—3 раза в неделю. Хлеб готовили разнообрзной формы — круглый, треугольный, толстый, тонкий, слоеный, фигурный. Форма хлеба зависела как от состава теста (заквашенное или пресное), так и вида муки (просяная, ячменная, пшеничная, ржаная). В зависимости от этого выпечку производили в различных печах. Так, хлеб из заквашенного (дрожжевого) теста — «утIан уьл» (толстый хлеб) пекли только в «тIерюне» (тандыр), который находился во дворе или на улице. Тонкие лаваши или лепешки из пресного теста пекли в «укIияр»[48]. На этой же печи пекли слоеный хлеб из пресного теста — «хил гъяжяхю уьли», пироги с различными начинками.

Хлеб из заквашенного теста делали всегда толстым (5—6 см толщины), а из ячменной и ржаной муки — значительно тоньше. Хлеб из просяной муки в смеси с ячменнной делали еще тоньше и меньше, вероятно, чтобы лучше пропекался.

Для приготовления любого теста (заквашенного или пресного) муку всегда просеивали через сито. Месили тесто в деревянном корыте — «чянях», «кьяб». Если тесто предназначалось для выпечки «утан уьл», то добавляли закваску. Готовое тесто оставляли в корыте, пока оно не подойдет, накрыв сверху скатертью и поверх нее подушкой.

Когда тесто подходило, готовое тесто выкладывали на специальную деревянную подставку — «кьул». Хозяйка отрезала от теста небольшие куски и придавала каждому куску при помощи скалки — «уьлерин кIур» круглую форму. Поверхность хлеба сма-

зывали кислым молоком, если его не было, водой. Специальным деревянным инструментом верх хлеба украшали узором, а деревянной лопаточкой снимали готовый хлеб. После выпечки хлеб хранили в деревянных ларях—«тандх» в специальном отделении. Слоенный хлеб пекли так же, как и у других народов. Из пресного теста раскатывали тонкую лепешку в круг, смазывали ее разогретым топленым маслом, равномерно посыпали солью.Затем лепешку разрезали на несколько частей, оставив посредине небольшой круг. Все куски заворачивали в этот круг и вновь раскатывали, придавая им форму хлеба. Пекли слоенный хлеб на очень медленном огне.

Из пресного теста выпекали и тонкие лепешки. Такой хлеб табасаранки пекли только тогда, когда срочно нужен был хлеб. Гостю лепешки не подавали никогда. Такие лепешки выпекали также для раздачи (с халвой) при поминании умерших. Из пресного теста, замешанного на молоке и яйцах, пекли сдобные фигурные хлебцы для невесты, которая в дом мужа приносила их целый сундук.

Табасаранцы никогда не ели очень горячий хлеб, который только что вынули из печи. Хозяйка говорила детям—«гъуд ган апIри» — пусть хлеб помолится. Они очень бережно относились к хлебу. Нельзя было класть хлеб обратной стороной, ронять, наступать на него. Женщины часто одалживали хлеб друг у друга. Обменивались мукой (2 мерки ячменной на мерку пшеничной).

Из теста и муки, кроме хлеба, готовили пироги «афрар», пирожки — «ккикар» с различной начинкой, беляши «пампIир» с мясной начинкой, пельмени, различные хинкалы. Из жидкого теста, замешанного на молоке и яйцах, табасаранцы выпекали оладьи — «гъванжрар», готовили супы, каши, напитки.

Из мучных блюд отметим кашу из муки—«хюйин аш». Эта каша была повседневной пищей для большинства бедных табасаранцев. Варили «хюйин аш» так: в подсоленную кипящую воду постепенно добавляли просеянную муку и все время ее перемешивали. Готовую кашу тонким слоем намазывали на медное блюдо так, чтобы посередине было углубление, куда наливали масло, иногда и мед; ели кашу в горячем виде.

В прошлом табасаранцы варили кашу и из проса. Особенно любили кашу из полбы — «нюрх». На свадьбу из нее готовили плов «аш» и суп «шурпа», «шпа». Для приготовления этих блюд крупу предварительно поджаривали на сковороде.

Обычный крупяной суп всегда готовили на воде. Готовый суп в конце приправляли маслом. Свадебный суп варили на мясном бульоне. Вареное мясо, вынутое из бульона, использовали для плова. С развитием огородничества в суп стали класть картофель и приправлять его луком, душистыми травами.

Плов из полбы варили следующим образом. Полбу поджаривали и опускали в кипящий подсоленный мясной бульон и ставили на медленный огонь. При подаче плов поливали сверху подогретым

топленым маслом, поверх горкой клали куски мяса, вынутые из бульона. Точно такой же плов готовили и на поминки.

Состоятельные люди в особо торжественных случаях готовили плов из риса — «дюгдинаш». Существует несколько способов приготовления плова. Один из них такой: в кастрюле в кипящей воде варят рис. В кипящую воду обязательно добавляют кислое молоко или кефир. Готовый рис процеживают через «аш сюзен», «сюзек». На дно кастрюли наливают немного масла, а затем засыпают рис, сверху поливают топленым маслом и тушат на слабом огне до готовности (2—3 часа). Отдельно готовили соус — «гъавурма» из кусков мяса, которую приправляли душистыми травами (чабрец, мята). Подавали плов, залив бульоном, поверх клали мясо.

Табасаранцы готовили разнообразные супы: мясные, молочные— «фириникIкайи бурзар», костные, мучные. Заправляли супы крупой, горохом, мукой, рисом. Эти супы имеют самые различные названия и разновидности. В одних селах супы называли — «хапIа», в других — «шпа», в третьих — «шурпа», в четвертых — «жук». Во все эти супы, кроме «фириникIайи бурзар» (молочный), кладут лук, картофель.

Одним из широко распространенных блюд у табасаранцев был и хинкал — «хинкIар». Хинкал готовили двух видов — тонкий и в виде раковин. Соответственно форме они имели и названия: тонкий хинкал — «ктацIу хинкIар», хинкал в виде раковинок— «сулгьар хинкIар». И тот и другой хинкал готовили с мясом (баранина, курица) и без мяса. Если хинкал готовили без мяса, то как поджарку использовали курдюк или топленое масло. Тонкий хинкал с мясом готовили следующим образом. Сначала варили мясо и вынимали его из бульона. Замешивали крутое тесто и раскатывали его в тонкую лепешку. Затем лепешку нарезали квадратиками или ромбиками 3х3 см, опускали в кипящий бульон и варили 10—12 минут. Готовый хинкал вынимали шумовкой и раскладывали в миски. Сверху хинкал заправляли подливкой из чеснока и кислого молока или же толчеными орехами. Хинкал обычно ели с мясом. В конце обеда ели бульон с хлебом.

Для изготовления «сулгьар хинкIар» применяли также крутое тесто, которое раскатывали тонкими колбасками. Колбаски затем нарезали мелкими брусочками. Каждый брусочек придавливали указательным пальцем и придавали ему форму раковины. Потом хинкал варили в кипящем бульоне. Подавали «сулгьар хинкIар» точно так же, как и тонкий.

Почти во всех табасаранских селах готовили и «йиккун хинкIар» (пельмени). Начинкой для них могли быть самые разнообразные продукты: яйца с молоком, различные травы, мясо, творог. Даже в тех случаях, когда пельмени готовили из мяса, молока, яиц, творога, обязательно добавляли травы, особенно мяту, чабрец — «гунтIан укIар». В зависимости от начинки пельмени на-

зывались по-разному, например, «къачун хинкIар» пельмени с травой.

Для приготовления всех видов пельменей готовили пресное тесто из пшеничной муки. Тесто тонко раскатывали, разрезали ножом на квадратики. На каждый квадратик клали начинку и защипывали. Варили пельмени в кипящей подсоленной воде 10 — 15 минут. Вытаскивали их деревянной шумовкой—«кефкур». Если готовили пельмени из мяса, сначала ели пельмени, потом пили бульон. Для приготовления пельменей с яйцами пресное тесто раскатывали на небольшие кружочки. Каждый кружочек защипывали наполовину, вливали яичную начинку, скрепляли до конца и варили в кипящей подсоленной воде.

Одним из наиболее любимых и распространенных блюд у табасаранцев были пироги — «афрар» с мясом, с творогом, травой. Афрар имеют несколько разновидностей в зависимости от начинки и формы—«дюгдин афрар», «гинжвар», «чIиргъин», «галар», «цIикаб» и др. Тесто для всех видов афрар готовили из пшеничной муки. Все виды афрар пекли на печи «укIияр». Самыми популярными в Табасаране были афрар с творожной начинкой. Для их приготовления творог растирали, приправляли солью, мятой, тмином, яйцами,поджаренным на топленом масле луком.Раскатывали тонкие круглые лепешки. В раскатанную форму равномерным тонким слоем раскладывали начинку, закрывали другой лепешкой и защипывали края специальным инструментом — «жигърикъ» и пекли. Подавали «афрар» горячими, положив несколько штук один на другой, предварительно смазав их с двух сторон маслом.

Одной из разновидностей афрар являются пироги — «гинжвар». Начинку для «гинжвар» готовили следующим образом. В один литр воды добавляли соль, крупу «нюрх» (полба) [49], мелконарезанное сушеное мясо, лук и варили на медленном огне. В полученную кашу добавляли измельченные орехи, молотую коноплю, семена травы «гъашвар» и «гунтIан укIар». Все перемешивали и использовали в качестве начинки для «гинжвар». После выпечки «гинжвар» сразу же смазывали маслом и складывали один на другой для смягчения.

Готовили табасаранцы и слоеный пирог — «цIикаб» с начинкой из мелконарубленного сушеного мяса и очищенных и слегка прожаренных толченых орехов, картошки и т. д.

Начинка для чIиргъин состояла из вареной крапивы, каши из полбы, лука и масла. «ЧIиргъин» делали всегда треугольной формы. Для этого раскатывали тонкий лист теста. На половину раскатанного листа тонким слоем раскладывали начинку, а второй половиной накрывали первую. Для дюгдин афрар начинка состояла из рисовой молочной каши. Для их приготовления сначала гонко раскатанные лепешки пекли без начинки. После на половину листа так же раскладывали начинку, а второй половинкой накрывали

первую. Смазывали разогретым топленым маслом и складывали горкой на поднос для смягчения.

Табасаранцы готовили «афрар» с мясной начинкой. Мелконарубленное мясо приправляли луком и мятой, добавляли соль и кислое молоко. Раскатав лепешки (лепешки делались чуть толще), на одну из них раскладывали начинку, отступая от края на 2—3 см, закрывали его другой лепешкой, соединяли края и пекли.

Пекли они и пироги с начинкой из требухи. Для приготовления начинки очищенную требуху отваривали, мелко нарубали, добавляли соль, лук, кислое молоко.

Большое место в питании табасаранцев занимали молочные продукты, которые являлись их повседневной пищей. В исследуемое время молочные продукты преобладали над всеми остальными. Из молочных продуктов наиболее употребляемыми были сыр, творог, айран, кислое молоко, простокваша, масло. Масло и айран получали двояким способом. В одном случае молоко кипятили, остужали до такой теплоты, чтобы «палец терпел», после чего заквашивали готовым айраном или кислым молоком и ставили в теплое место на 7—8 часов. Через 7—8 часов молоко скисало и получалось кислое молоко — «мас». «Мас» употребляли в качестве приправы к хинкалу, ели с хлебом. Из «мас» получали масло и айран. Для этого «мас» переливали в маслобойку — «гар» и раскачивали около 40—50 минут, в результате чего масло отделялось от жидкости.

Получали масло и айран еще из сырого молока. Цельное молоко после дойки разливали в глиняные сосуды и ставили в погреб. Через 1—2 суток с каждого горшка деревянной ложкой осторожно снимали сливки. Снятые сливки сливали в глиняную маслобойку, которую плотно закрывали и, сидя на полу, сбивали масло. Время от времени маслобойку открывали и смотрели, если появились взвешанные частицы, чтобы ускорить процесс получения масла, добавляли холодную воду. В конце готовое масло — «кIаму» отделялось, айран использовали как напиток,

Простокваша — «гъутуник», оставшаяся после снятия сливок, использовалась для приготовления творога — магаш. Для этого «гъутуник» подогревали на слабом огне и подогретую творожную массу процеживали через «сюзек» и использовали для начинки. Таким же способом получали жирный творог из неснятого молока. В данном случае подогретую творожную массу сливали в специальный мешочек треугольной формы, который подвешивали на час-два для стока сыворотки. Затем мешочек с творогом клали под гладкий речной камень еще на 1—2 часа. Такой творог обычно ели с хлебом.

Наиболее популярными из молочных продуктов были сыры. Сыры приготовляли из овечьего, коровьего, буйволиного молока. Сыр ели с хлебом, с лепешками, брали с собой в поле, из сыра готовили пироги, вареники.

Для получения твердого сыра подогретое молоко заквашивали при помощи сычуга молодого ягненка или теленка —«мал». Ког-

да молоко свертывалось, его перемешивали и переливали в специальный деревянный сосуд с дырочками «хъвархъ» для отделения сыворотки. Сверху творог накрывали листьями крапивы и оставляли 2—3 дня. Крапива способствовала тому, чтобы сыр был пористый. Потом сыр вынимали из сосуда, разрезали на куски, солили и клали в деревянный сосуд или в бурдюк с рассолом. Рассол «тур» делали из сыворотки, которую получали после процеживания теплой простокваши.

Из молока табасаранки готовили различные супы с рисом, пшеничной крупой, лапшой. Из кислого молока готовили кислый суп с мятой «шюшйир» (Верхний Табасаран), «ухар кайп жук» (Нижний Табасаран). Готовилась эта еда следующим образом. В кислое молоко добавляли немного муки, риса, 1—2 яйца, творог и мяту. По пропорции больше всего должно было быть кислого молока и мяты. Все это ставили на сильный огонь и мешали до готовности, в течение часа. Ели «шюшйир» в холодном виде с хлебом. Аналогичное блюдо, но под другим названием, встречается у лезгин и азербайджанцев[50]. Цельное молоко табасаранцы почти не употребляли.

Как видно из приведенного материала, молочные продукты, изготовляемые табасаранками, были весьма разнообразны. Еще более разнообразны блюда, изготовляемые из молока и молочных продуктов. Кроме того, молочные продукты были непременными компонентами большинства блюд из мяса, дикорастущих трав, круп.

Наиболее почетной пищей в Табасаране являлась мясная пища, особенно баранина. Широко употребляли мясо птицы (нижнее предгорье) и мясо диких животных (тур — «сивин цIигъ», «сивин ибун», «твечь», уток — «уьрдег», зайца — «гъюр», быка— «йиц»). Однако мясо не всегда входило в меню повседневной пищи крестьян. Мясные блюда входили в основном в праздничное меню. Но в праздничные дни, при приеме гостей, при угощении во время устройства помочей—«мил» (по случаю строительства дома, уборки зерна), на свадьбах, на поминках мяса ели много.

Из мяса готовили различные супы, хинкалы, подливы для плова, пельмени, пироги с добавлением различных трав, шашлыки.

Сразу же после убоя скота женщины приготовляли различные колбасы из внутренностей забитых животных — рубленого сердца, печени, потрохов и сала.

Во всех селах зимой и весной употребляли в пищу сушеное мясо.

Сушеное мясо ели в основном в вареном виде. Готовили из него хинкалы, супы. Мелконарубленное сушеное мясо вместе с сушеной травой использовали для приготовления «афрар». Сушили табасаранцы и ножки мелкого рогатого скота. Широко использовали курдюк.

Табасаранцы включали в состав пищи много дикорастущих трав. Весной, летом и осенью они их ели в свежем виде. На зиму заготавливали их в сушеном виде. Часть трав они использовали в ле-

чебных целях, часть — для заваривания чая, а большую часть для приготовления «аффар» и «хинкIар». В употребление шли различные травы»[51]: «цIиврих» (диалектный вариант)—подорожник, «барсинисар», «шарукIар», «хючначи», «шваршвлар», «варжи» — крапива, «цяхлюх», «швурар», «шюшйир» (мята), «чечнер», «баскис», «раццан кIажар» или «рюкъин юкI» — конский щавель, «тембицар» («тегьмезхан»)—пастушья сумка, «штин укIар»—водяная трава, «тIубан хачар» —ширица, «тирир», «лишвар» («учIвру цIабар»)—щавель, «урслин укIар», «кIелемачIар», «ккукъар», «микIлан варджир», «гунтIан укIар» (чабрец), «таблин укI» («табран укI»), «таварих кIажу», «табарай кIаж».

Табасаранцы умели готовить и различные напитки. Самым распространенным напитком была буза. Измельченный ячменный хлеб заливали кипятком и оставляли бродить. Через сутки, когда гуща оседала, а на поверхности появлялась пена, содержимое процеживали и, тепло укутав, ставили еще на 3—4 дня. Получался мутный густой напиток коричневого цвета, который употребляли даже женщины.

Одним из широко распространенных напитков был напиток «ухраг». Для его приготовления брали лесные шишки, пшеничную и ячменную муку, проросшую пшеницу (по 1 кг). Все это тщательно перемешивали, заливали теплой водой и ставили киснуть. На следующее утро напиток можно было пить.

Некоторое распространение в Табасаране получили легкие хмельные напитки. Так, например, дикорастущие фрукты заливали водой и оставляли бродить. Когда брожение завершалось, сосуд плотно закрывали и оставляли. Через 2—3 месяца получался хмельной напиток «кахьу жихрар». Любимым напитком являлся и айран.

В табасаранских лесах было много дикорастущих плодов — яблоня, айва, дикий виноград, грецкий орех, рябина, абрикосы, тут, кизил, дикая алыча, терн. Особо ценились кизил, дикая алыча, терн. Их растирали и из пасты делали тонкую пастилку, которую тонким слоем намазывали на поднос и сушили. Затем эту кислую пастилку использовали при приготовлении пищи как приправу.

Табасаранцами употреблялись садовые и дикорастущие фрукты, как в свежем, так и в консервированном виде. Жители почти всех селений сушили и мочили их на зиму. Из винограда местные жители варили «дюшаб» (патоку). В исследуемое время табасаранцы не знали способов соления и маринования.

Овощи ели в свежем виде и использовали в качестве приправы.

В связи с тем, что многие продукты питания являлись сезонными, каждая табасаранская семья старалась заготовить продукты впрок. Прежде всего запасались мукой и зерном. Высушенное и очищенное от сорняков зерно хранили в деревянных ларях — «танх», в плетеных корзинах — «канду», с обеих сторон обмазанных коровьим навозом, в специальных глиняных сосудах — «язал». Зерно, которое собирались оставить до весны, хранили в земляных ямах. В деревянных ларях и глиняных сосудах хранили и муку.

В связи с тем, что сохранить мясо на зиму было невозможно, в питании табасаранцев, как мы уже говорили, большую роль играло сушеное мясо. Заготовку мяса начинали в конце октября—начале ноября. Для этого тушу барана распластывали, делали несколько надрезов между ребрами и в других местах, солили и оставляли на 1—2 дня. Сушили мясо в тени. В сырую погоду и на ночь мясо заносили в комнату и вешали недалеко от очага. Подобный способ сушки мяса был известен и другим народам Дагестана.

Табасаранцам известен и другой способ хранения мяса. Для этого мясо нарезали на мелкие куски, солили и тушили до тех пор, пока не испарится вся жидкость. Отдельно растапливали внутренний жир. Мясо складывали в глиняные миски и заливали горячим жиром. Хранили такое мясо в погребе — зимой 5—6 месяцев, летом— 2—3 месяца.

Во всех селах заготавливали впрок сыр и масло, съедобные дикорастущие травы, многие из которых считались целебными.

Обрядовая и ритуальная пища

Разнообразна была обрядовая и ритуальная пища табасаранцев. В его состав входили мясные, мучные и сладкие кушанья. Особенно богатым был их выбор на свадьбе, на праздниках. В праздничные дни, в день свадьбы табасаранцы обязательно готовили «бирган» — зажаренный на вертеле баран, самый древний способ приготовления мяса. Жаренье на вертеле целого барана в Табасаране было распространено очень широко. На каждую свадьбу таким способом жарили по 10—15 баранов. В торжественных случаях готовили «афрар» с курятиной. Начинку готовили следующим образом: отваривали куриное мясо, отделяли мясо от крупных и грубых костей, а мелкие рубили. В бульоне, где варилась курица, варили жидкую кашу из полбы. Мелко нарубленное мясо и кашу перемешивали, добавляли толченые орехи, соль и травы. Из этой же начинки готовили пирог треугольной формы под названием «галар». Для его приготовления тонко раскатанные лепешки пекли без начинки, а потом на них раскладывали начинку.

Для пирогов из куриного мяса использовали кислое тесто, замешанное на кислом молоке.

На свадьбу, на поминки и при рождении ребенка табасаранцы готовили мучную халву — «аравша» или «арши», «аварши», а также ореховую халву — «нитIиф» или «ничIиф». Для приготовления халвы (мучной) топленое масло доводили до кипения. В кипящее масло постепенно всыпали муку, непрерывно помешивая. Когда масса загустевала настолько, что становилось трудно мешать, муку больше не добавляли. По мере того, как халва жарилась, масса смягчалась, становилась жиже. Тогда подсыпали еще муки, пока масса снова загустеет. Жарили муку до тех пор, пока исчез-

нет запах муки. После этого котел снимали с огня и вливали в него мед или патоку и перемешивали. Готовую халву быстро перекладывали на поднос, пока халва горячая, чтобы придать ей форму.

Халву из орехов готовили следующим образом. Очищенные орехи обжаривали, очищали их от шелухи, растирая руками. Предварительно поджаривали мед. Чтобы проверить готовность меда, в холодную воду вливали каплю меда. Если капля загустевала, считали, что мед готов. Тогда мед снимали с огня, всыпали готовые орехи и перемешивали. Сразу же, пока халва еще горячая, ее перекладывали на поднос и разравнивали.

О блюдах, приготавляемых по случаю рождения ребенка и для роженицы, о некоторых свадебных блюдах подробно рассказано в главе «Семья и семейный быт». Здесь следует отметить, что для женщин, пришедших навестить роженицу, готовили из риса специальные «дюгдин афрар». В качестве начинки использовали рисовую молочную кашу, которую приправляли кислым молоком. Тонко раскатанные лепешки пекли вначале без начинки. Затем на нее накладывали тонким слоем приготовленную начинку, закрывали другой лепешкой, смазывали разогретым топленым маслом и складывали горкой на поднос для смягчения. В таком виде их подавали женщинам.

Другим древним блюдом у табасаранцев является «перччем»— каша из пшеничной муки с добавлением риса. Это блюдо имело ритуальное значение, так как его готовили только для рожениц. Готовую кашу подавали с маслом или медом.

Поминальными блюдами были «къавурма», «аравша», хлеб. Для приготовления «къавурма» мелкорубленное свежее мясо варили в небольшом количестве воды на медленном огне. За 10—15 минут до готовности в соус опускали лук и мяту.

Существовали и ритуальные блюда, которые готовились во время традиционных календарных праздников. Так, на праздник «эбелцан» готовили специальную еду «къуйкр». Готовилось это блюдо следующим образом. В большой медный къазан с водой нагружали сушеные ножки барана, толченую пшеницу, горох и варили на медленном огне 8—10 часов. Обычно варить начинали с вечера, чтобы к утру, пока встанут дети, еда была готова. Всех, кто приходил днем, угощали этим блюдом, а для тех, кто приходил ночью, готовили «афрар». Каждая хозяйка должна была угостить этим бюдом семь человек.

Повсеместно в Табасаране весной готовили суп—«тIачI» из муки проросших семян. Для этого проросшее зерно сушили и мололи. Промолотую муку размешивали в кипятке и варили 20—25 минут. Ели суп с хлебом.

Из муки проросшей пшеницы варили и другое кушанье — «алуга». (Об этих блюдах см.: в разделе «Общественные праздники и развлечения».).

Как видно из вышеизложенного,пища табасаранцев отличалась большим разнообразием. Главное место в пище занимали мучные блюда, на втором месте были мясо-молочные продукты.

Молочные, крупяные и мучные продукты были непременными компонентами почти всех блюд. Это является, на наш взгляд,ярким свидетельством большой роли земледелия в хозяйственной деятельности табасаранцев. Табасаранская кухня имеет много общего с пищей народов Дагестана, в особенности лезгин. В то же время в ней много локальных особенностей.

В заключении главы следует отметить, что своеобразие естественно-географических условий, некоторые специфические черты социально-экономической структуры способствовали выработке у табасаранцев в определенной мере своеобразной, самобытной материальной культуры. В то же время в их материальной культуре обнаруживается много общего с другими народами Дагестана, Кавказа. Наиболее определенно линия культурных аналогий связывает табасаранцев с народами лезгинской языковой группы. Общие черты в типах поселений, жилищах, хозяйственных постройках, одежде, пище, объединяющие табасаранцев с другими народами и прежде всего с лезгинским, отражают их древние культурные, а в ряде случаев и историко-генетические связи.

ГЛАВА IV. СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ ТАБАСАРАНЦЕВ В XIX— НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Большая (неразделенная) и малая семья

Семья — основная социально-экономическая ячейка общества. В ней так или иначе отражаются все основные стороны общественной жизни. Именно поэтому все процессы, протекающие в семье, были непосредственно связаны с развитием и изменением общественной жизни. «Семья, — писал К. Маркс, — должна развиваться по мере того, как развивается общество, и должна изменяться по мере того, как изменяется общество»[1]. Менялось содержание внутрисемейных отношений, их направленность, совершенствовалась структура и функции, но значение семьи сохранялось. Так, основой социально-экономической ячейки патриархально-родового общества была семейная община, входившая в состав патриархального рода, основанного на кровнородственном союзе имущественно разделившихся семейных общин. С разрушением родовых связей на место рода приходит патронимия. Такую же эволюцию претерпевает и семейная община, «экономически наиболее эффективная и единственно возможная в качестве низшего социального организма при патриархально-родовом строе, но изживающая себя тогда, когда появляется возможность и потребность хозяйствовать самостоятельно сравнительно небольшому кругу родственников, которые опять-таки соединены в большесемейный коллектив скорее совместным эконо-

мическим интересом, чем неукоснительным обычаем и принудительной патриархальной властью»[2].

Полевой этнографический и архивный материалы по табасаранцам свидетельствуют о том, что в начале XIX в., а кое-где и до конца XIX в. большие патриархальные семьи были у них обычным явлением. В рассматриваемый нами период (XIX—нач. XXв.) большая семья сохранялась в Табасаране в пережиточной форме и отличалась от малой общесемейной собственностью на имущество, коллективной формой производства и потребления. Сохранность указанного типа семьи как формы кровнородственной кооперации рабочих рук и имущества у табасаранцев всецело объясняется особенностями их натурального хозяйства с господством ручного труда, при котором было выгоднее жить большой семьей и иметь общее имущество, нежели дробить его на крохотные части. Сохранению большесемейных дворов способствовали и другие факторы — стремление господствующего класса сохранить такую семью как мощную хозяйственную единицу и др. Сохранение большой семьи, таким образом, диктовалось многими социально-экономическими причинами. Зажиточные и средние слои населения боялись, что отделение сыновей и раздел имущества вызовет ослабление экономического положения семьи. Важным фактором, способствовавшим сохранению больших семей, являлись адаты, по которым сыновья не могли самовольно отделиться при жизни отца. Родители шли на это неохотно, поскольку считалось позором, когда сын уходил из дома и создавал семью за пределами родительского дома.

Важнейшим фактором, оказывавшим влияние на сохранность большесемейных организаций, являлась «система ведения как земледелия, так и скотоводства»[3],в частности, отгонного животноводства. Чтобы эта система могла функционировать нормально, требовалось достаточное число рабочих рук. Большая семья в данном случае была наиболее простой формой кооперации рабочей силы, сельскохозяйственной техники. Несомненно, к сохранению большесемейных организаций табасаранцев толкала и «взимаемая с дыма феодальная рента»[4].

Причины распада больших семей не содержали особой специфики, свойственной только табасаранцам. Распад больших семей стал происходить под влиянием имущественного и социального неравенства в условиях классового общества, под влиянием проникновения товарно-денежных отношений в село, отходничества. Этот процесс сопровождался вызреванием внутри семейной общины частнособственнических тенденций и появлением раздоров между братьями и снохами.

Но и в дальнейшем наряду с малой семьей продолжала сохраняться большая, «хотя и в трансформированном виде»[5]. Это была семья, состоявшая из трех, а иногда и четырех поколений и включавшая в свой состав несколько брачных пар.

Начавшееся значительно раньше[6] разложение большой патриархальной семьи усилилось со второй половины XIX в. Тем не ме-

нее в середине XIX в. большая патриархальная семья, сосуществующая с малой, имела сравнительно широкое распространение в некоторых районах Дагестана, в том числе в Табасаране.

На территории Дагестана распад больших семей «шел далеко не равномерно: у одних народов он завершился раньше, у других позже, в результате чего у последних такая семья продолжала бытовать, хотя и пережиточно, вплоть до второй половины XIX в., а кое-где и до начала XX в. Эти различия коренились в конкретных условиях социально-экономической жизни каждого народа и прежде всего в особенностях развития аграрных отношений»[7].

Неравномерное экономическое развитие отдельных частей Табасарана (Северный, Верхний, Нижний) сказывалось и на степени сохранности больших семей. Мы не имеем возможности иллюстрировать соотношение больших семей в отдельных селениях, но из анализа полевого материала можно сделать заключение, что удельный вес больших семей в Верхнем и Южном Табасаране был гораздо выше, чем в Нижнем Табасаране. У нижних табасаранцев процесс распада больших семей шел значительно интенсивнее в силу активного разложения натурального хозяйства, роста товарности сельскохозяйственного производства. Они раньше южных и верхних были втянуты в русло товарно-денежного обращения. У южных и верхних табасаранцев, проживающих значительно дальше от торговых путей, распад больших семей был несколько замедлен. В начале второй половины XIX в. постепенно господствующей формой семьи у табасаранцев становится малая индивидуальная семья. Бесспорно, что ко второй половине XIX в. в процессе разложения большой патриархальной семьи и вызревания малой сохраняются и так называемые «неразделенные» семьи (промежуточная форма). Такие семьи, по сведениям информаторов, были во всех без исключения селениях и составляли около половины всех семей Табасарана. Следует отметить, что в Табасаране любая неразделившаяся семейная ячейка называлась «аьхю кюфлет».

Хотя в целом число членов в неразделенной семье значительно уменьшилось, но полевой материал свидетельствует о том, что в середине и даже в конце XIX в. были семьи, где численность их доходила до 30—40 человек. Даже где-то в начале XX в. и позднее, по воспоминаниям старожилов, были семьи, насчитывающие 25—30 и более человек. В таких семьях обычно жили родители, сыновья со своими женами и детьми, иногда женатыми, младшие сыновья и дочери, не вступившие в брак. Так, например, информатор Ахмед Рустамович Рустамов из сел. Сыртыч нам сообщил, что у его деда, которого звали Къайиб, в семье было около 30 человек. Юсуф Махмудов, житель сел. Джули помнит, что большая семья Гаджимагомедовых состояла из 25 человек. Ему же известны семьи из 33 человек и более. Информатор из сел. Хурик Абдулмеджид Гамидович Гаджиев сообщил, что у его деда Сефера в семье было 24 человека, в сел. Вартатиль информаторы

знают семью из тухума «типIлар» из 35—40 человек, в сел. Гасик были семьи из 30 человек, в сел. Межгюль—из 30 человек и т.д.

Как правило, большая семья состояла из трех-четырех, а иногда и пяти поколений (потомков одного отца). Приведем несколько примеров.

Родители: Отец давно умер — Мать—Къистаман[8]

Сыновья и их жены

Абдулла	Кафар	Гаджи
жена—Гюльжагьан	жены: Пери и Сунаханум	жена—Супа
Ага	Внуки и их жены:	Гюлеч
жена—Аимат	Рамазан	жена—Гюльжагьан
Къуттай	жена—Бичахан	
жена—Сейбат	Магъаммадкерим	
Ших	жена—Жумей	
жена—Фатимат	Фейтулла	
Насреддин	жена—Фатимат	
не женат	Малик	
	жена—Халиса	

Были и правнуки, но информаторы не помнят их имена и число. Но каждый из женатых внуков имел по 2—3 ребенка.

Большая семья Гаджимагомедовых (с. Джули)

Отец — Гаджимагомед — Мать — имени не помнят

Сыновья с женами:

Пирмагомед	Юсуф	Рамазан
жена—Перизат	жена—Мегьрихан	жена—Бика
2 дочери	Внуки:	2 сына
5 сыновей	1 дочь	1
1 (имени не помнят)	3 сына	жена—Марият
жена—Асли	Правнуки:	
	1	
	жена—Шахпери	

Семья распалась в 1966 г. Эта семья объединяла представителей четырех поколений. Семья занимала дом из расположенных в один ряд четырех комнат (3—4,5 м), которые имели выход на общую веранду. Отдельной комнаты не имели даже женатые сыновья. Если в семье было 2—3 сына, тот, кто был женат раньше, уступал свою комнату молодым, а сам переходил в «хизандин хал» (в семейную комнату).

Большая семья Рустамовых (с. Сыртыч)

Отец—Къайиб — Мать—имени не помнят

Сыновья с женами

Къурба—		Рустам—
жена—имени не помнят	Внуки:	жена—имени не помнят
2 дочери		2 дочери
3 сына и их жены		5 сыновей и их жены

Байрамбег жена—имени не помнят	Правнуки:	Къайиб (имя деда) жена—имени не помнят
5 сыновей и 2 дочери.	Праправнуки:	

После смерти деда главой семьи стал его старший сын Къурбан. Большая семья Рустамовых включала в свой состав 37 человек, которые жили под одной крышей, ели из одного котла и вели совместное хозяйство. Она состояла из представителей пяти поколений. Семья распалась в 30-х г. XX столетия.

Большая семья Рагимхановых (с. Межгюль)

Отец—Римихан Мать—Сувар

Сыновья с женами:

Рагимхан
жена—Нигар

Внуки с женами:

Казиахмед жена—Бензер 7 сыновей 2 дочери	Султанахмед жена—Ширин Правнуки 2 дочери	Атлухан жена—Минат 1 дочь 2 сына—Зенги и Абдулгафиз жена—Къизханум Праправнук—Римихан

Число примеров можно было бы умножить, но их достаточно, чтобы прийти к выводу, что неразделенная семья сохраняла свое значение.

Неразделенная семья и своей структурой, и характером деятельности напоминала большую патриархальную семью (нераздельное владение землей, скотом и орудиями производства, совместное потребление и т.д.).Распад неразделенной большой семьи приводил к созданию малых семей — «бицIи кюфлет». Но отдельные малые семьи были мало устойчивы. Некоторые из них с течением времени превращались в обычные неразделенные семьи, т.к. сыновья, став взрослыми и женившись, продолжали жить вместе с родителями и братьями. Иными словами, разделившиеся малые семьи снова соединялись в большесемейный коллектив, что отражало в большей мере их экономические интересы, чем патриархальные нормы или принудительную патриархальную власть. Такая объединенная семья могла снова разделиться на самостоятельные малые семьи. «Эти две формы семьи могли превращаться одна в другую»[9],— пишут Ю. В. Бромлей и М. С. Кашуба. При низком уровне производительных сил такое превращение малых семей снова в неразделенные семьи было реальностью. Они порождали новые большие семьи, состоящие из 3—4 поколений.

Однако не следует думать, что среди неразделенных семей в XIX — начале XX в. преобладали семьи, образовавшиеся путем выдела из разросшейся большой семьи. Главное место среди боль-

ших семей в этот период и позднее принадлежало объединенной семье, которая, во-первых, состояла из отца и его женатых сыновей с детьми, т. е. представляла собой ветвь близких родственников, во вторых, образовалась, как правило, в процессе естественного роста численности малой семьи. В состав такой неразделенной семьи входило обычно 3—4 поколения близких родственников по мужской линии с женами и детьми. Численный состав таких семей в XIX веке колебался в среднем от 30—35 до 15—20 человек. Почти во всех селах Табасарана, наряду с «отцовскими», нами зафиксированы и неразделенные «братские» семьи.

Наряду с неразделенными семьями существовали малые семьи, число которых все время возрастало и от которых периодически отпадали малые ячейки, отделялись женатые сыновья.

Основным источником для характеристики больших семей (неразделенных семей) нам служит полевой этнографический и статистический материалы. Однако нашему полевому материалу явно противоречат проанализированные нами данные статистики, согласно которым средняя численность семьи как в Северо-Табасаранском, так и в Южно-Табасаранском наибствах не превышала 6 человек. Иногда встречаются дворы, насчитывающие 8—9 человек[10]. В Северо-Табасаранском наибстве картина выглядела следующим образом: в одном населенном пункте (с.Мурад-Али-Кент) (Целгуль — таб.) средняя численность семьи составляла 3 человека, в двух селениях (с. Ругудж, Аркит) — по 4 человека, в 16 —по 5 человек, в 55 — по 6 человек, в 17 — по 7, в 5 селениях по 8, в одном (с.Бахнигъ) — 9 и лишь в одном населенном пункте (с.Зартиль) — по 15 человек[11]. Приблизительно такая же картина в Южно-Табасаранском наибстве.

Со статистикой такого рода сталкиваются и другие исследователи семьи[12]. Подобные статистические выкладки, по их мнению, объясняются тем, что «семья как хозяйственная единица преследовала свои экономические интересы (в частности, переделы общественных земель по дымам) и поэтому живущих вместе женатых сыновей нередко представляли перед официальной администрацией,как отдельные ячейки. Такое положение, надо полагать, могло быть особенно характерно для горных малоземельных обществ»[13]. Здесь следует отметить, что в Табасаране не было переделов общественных земель. Не отрицая роли фактора—подымного землепользования, «которое могло побуждать не только к реальному.., но и к фиктивному разделу больших семей, наиболее правдоподобным представляется,—пишет Я. С. Смирнова,—допущение, что приведенные статистические выкладки, если не всегда, то во многих случаях отражают такое переходное, распадное состояние семейных общин, при котором составлявшие их семейные ячейки рассматривались как отдельные, самостоятельные дворы»[14].

Приведенный нами статистический материал относится к семье последней четверти XIX в., когда многие неразделенные семьи, часто уже разделившись и живя не под одной крышей, по

тем или иным причинам (отсутствие в достаточном количестве рабочего скота, орудий труда, низкий уровень сельскохозяйственной техники, «уважение к старшим» и др.) продолжали долго сохранять общее большесемейное хозяйство—совместно пользоваться землей, сельскохозяйственным инвентарем, скотом, продуктами питания, жить в одном дворе.

Такое положение, когда после раздела большой семьи малые семьи продолжали жить в одном доме, ведя совместное хозяйство до тех пор, пока общими усилиями не накапливались средства для реального раздела, наблюдалось и у других народов.

Форма, численность, структура и функции табасаранской семьи в исследуемое время (XIX—нач. XX в.) во многом были связаны с принадлежностью семьи к той или иной социальной группе. Информаторы отмечают, что чем зажиточнее, экономически сильнее было хозяйство, тем дольше сохранялась большая семья, как основная форма организации семейной жизни. Причину этого мы видим в экономической необходимости — в стремлении сохранить неделенное хозяйство, большее число рабочих рук. Традиции сохранения большесемейного уклада в бедняцких крестьянских хозяйствах диктовались иными, но так же экономическими, хозяйственными соображениями (отсутствием инвентаря, рабочего скота и др.).

Большая семья отличалась сложной структурой. Она могла включить в свой состав 4—5, а иногда и больше поколений. По сведениям информаторов, в некоторых семьях совместно проживали 6 поколений. В связи с этим следует отметить, что у табасарацев существуют термины родства для обозначения 6 поколений по отцовской линии: родные братья—«чIъяр», двоюродные по отцу —«эмдин баяр», троюродные—«ччин хтулар», четвертое поколение—«гудулар», пятое—«цIудулар», шестое—«гъумалат».

Как правило, возглавлял большую семью старший по возрасту мужчина — «аба» (дед или отец). Вся полнота власти сосредоточивалась в его руках. Он был в ответе за семью и за ее членов как перед собственной семьей, так и перед родственниками, перед обществом в целом. Все члены семьи зависели от него экономически,поскольку он являлся владельцем и распорядителем почти всего движимого и недвижимого имущества. С его разрешения, но по согласованию со всеми взрослыми мужчинами семьи начинали сельскохозяйственные работы, он же распределял работу среди трудоспособных мужчин, руководил куплей-продажей, давал согласие на брак сыновей, дочерей, внуков и т.д. Он играл главную роль при распределении доходов семьи, представлял семью на собраниях, сходах.

Распоряжения главы семьи были обязательны для всех членов семьи. «Если отец убьет своего сына или дочь, то за кровь не отвечает»[15], — гласит адат. Весь внутренний порядок семьи держался на подчинении всех членов главе. Им определялось время сна и подъема, начало сельскохозяйственных и других работ.

В выборе невесты для сына и жениха для дочери его слово

имело решающее значение. Он мог вмешиваться в личную жизнь взрослых сыновей и т.д. Однако случаев проявления деспотизма или жестокого самоуправства со стороны главы семьи табасаранцы не помнят. Внутрисемейные отношения в исследуемый период отличались общим согласием и уважительным отношением младших по возрасту к более старшим членам семейного союза. В большинстве случаев дела решались на основе совета главы семьи со старшими сыновьями и обязательно со старшей женщиной семьи — «баб». Мнение последней играло первенствующую роль: к ее мнению прислушивался глава семьи, ее советы, порицания принимались с должным вниманием и почтением всеми членами семьи. Однако последнее слово принадлежало всегда отцу.

Старожилы помнят случаи, когда сильно постаревший глава семьи передавал свои функции еще при жизни старшему сыну, хотя номинально оставался по-прежнему главой семьи до своей смерти. Однако при решении тех или иных вопросов сын, принявший на себя функции главы, обязательно советовался с отцом. Решения в данном случае принимались ими совместно. Это и понятно. Члены семьи зависели от старшего мужчины экономически, поскольку он являлся владельцем и распорядителем почти всего движимого и недвижимого имущества.

После смерти отца во главе семьи становился сын, но в исследуемое время не обязательно только старший по возрасту, а наиболее достойный, энергичный, расторопный, избираемый семейной общиной с общего согласия. Это в тех случаях, когда в семье, особенно между братьями, существовали хорошие отношения. В тех случаях, когда эти отношения были натянуты, главой семьи становилась мать. «баб». Такие случаи, по рассказам информаторов, были нередки.

Если «аба» (отец, дед) в основном выступал руководителем и организатором мужского труда, то все работы по домашнему хозяйству в больших семьях возглавляла старшая женщина — «баб». Она пользовалась большим авторитетом, уважением в семье и значительной властью над женской половиной дома. Она распределяла домашние функции между женщинами и распоряжалась продовольственными запасами. Непослушание, неуважительное или грубое отношение к ней со стороны детей считалось совершенно недопустимым.

Разделение труда в семье носило половозрастной характер. Мужчины обычно выполняли трудоемкие работы по заготовке дров, леса для строительства дома, камня, ремонту построек и орудий труда, уходу за лошадьми. Они же занимались вспашкой, посевом, обработкой дерева, камня, были заняты на ремонте и постройке жилых и хозяйственных помещений (женщины в данном случае выполняли подсобные работы). На мужчинах же лежали и обязанности заготовки корма скоту, починка заборов, оград, починка обуви.

Женщины выполняли всю домашнюю работу, занимались уборкой в доме, готовили пищу, стирали и чинили одежду, носили во-

ду, пряли, ткали, шили одежду, доили коров, ухаживали за крупным рогатым скотом и птицей, чистили хлев, ухаживали за огородом, садом, обмазывали стены при строительстве дома. В семейном хозяйстве женщина обязана была белить комнаты, следить за очагом. На женщине в семье лежала заготовка молочных продуктов, помол зерна. Женщины же выполняли и часть земледельческих работ—производили прополку,убирали урожай. В их обязанности входили и уход за детьми, и заготовка молочных продуктов.

Главной обязанностью «баб» являлось руководство всеми женскими делами. Она же присматривала за внуками, если снохи были заняты,она же готовила пищу. Считалось совершенно недопустимым и недостойным, чтобы свекровь, имея снох, хлопотала по хозяйству.

Положение снох в большой семье было тяжелым. Согласно обычаям шариата, муж являлся полноправным господином жены. Она не имела права голоса на собраниях общины и решающего голоса в доме (исключение составляла старшая женщина). В семье женщина была подчинена главе семьи, его жене и своему мужу, а младшие снохи должны были подчиняться еще и старшим братьям своих мужей и их женам. Особенно тяжелым было положение младшей невестки в большой семье. Она обычно выполняла всю черную и непрестижную работу. Считалось совершенно недопустимым, чтобы младшая невестка вставала утром позднее свекра и свекрови, старших снох,отдыхала или оставалась какое-то время без дела в то время, когда кто-то из членов семьи занимается хозяйством. Для нее существовала целая система обычаев избегания, которых она должна была придерживаться по отношению ко всем старшим родственникам мужа, в особенности к свекру и свекрови. При свекре она не смела громко разговаривать, садиться, поворачиваться к нему спиной и т.д. Табасаранцы говорили, что место младшей снохи у порога.

В тех семьях, где члены ее жили дружно, где взаимоотношения «баб» с невестками строились на взаимопонимании, старшие заботились о младших, младшие с почтением относились к старшим. Если возникали разногласия, то они сразу же становились известными односельчанам, и общественное мнение обвиняло в этом «баб».

Положение женщин в зажиточных семьях было значительно лучше. Всю черную и трудоемкую работу в таких семьях выполняли приглашенные работницы.

Поведение мужа и жены в семье регламентировалось множеством норм и обычаев. Факты избиения, издевательства, грубого деспотизма, грубого тона были исключительным явлением, осуждавшимся общественным мнением.

Взаимоотношения в семье между ее членами складывались из традиционного почитания старших. Существовали свои правила этикета, с которыми знакомили детей с раннего детства. В присутствии старших считалось неприличным сидеть, громко разговари-

вать, смеяться, а тем более кричать, прерывать или вмешиваться в разговор, говорить о ком-то плохо, обижаться или открыто проявлять свое отрицательное отношение к кому-то, к чему-то. Сыновья, дочери, невестки не смели возражать отцу, матери, свекру и свекрови. Авторитет старших в семье был очень высок. Ослушаться или перечить старшим считалось непозволительным, повысить голос на другого — невоспитанностью, бестактностью. Каждый в доме должен был знать свое место, свое дело.

Уважение и почитание к старшим выражалось и в том, что младшие никогда не называли старших по имени. Мужчин они называли «халу», женщин «бажи» и т. д. Эти термины распространялись и на совершенно посторонних лиц старшего возраста и выражали уважение к ним, признание их опыта, знаний. В свою очередь пожилые мужчины и женщины обращались к людям моложе себя со словами «бала» («детка»), брат, сестра и т. д.

Таким образом, положение табасаранской женщины имело двойственный характер. С одной стороны, по традиции, как мы уже отмечали, женщина была значительно ограничена в юридических, экономических и моральных правах. С другой стороны, она оставалась вполне самостоятельной в сфере домашнего хозяйства, а женщина—мать, особенно старая, пользовалась большим почетом и уважением.

По существующим нормам обычного права «муж имеет право во всякое время дать развод своей жене... Жена имеет право требовать развода от своего мужа только в трех случаях: а) если муж не в состоянии исполнять своих супружеских обязанностей; б) если он заражен прилипчивою болезнью и в) если, по бедности своей, он не в состоянии прилично содержать ее»[16].

У табасаранцев разводы, хотя и случались, но осуждались обществом и были редки. В случае развода муж «обязан удовлетворить ее (жену.—**А. Б.**) кебинными деньгами и возвратить ей все то, что она принесла из дома своих родителей, исключая тех вещей, которые сделаны не по желанию жениха, а по воле родных ее»[17]. Приданое женщины разделу не подлежало, хотя входившими в состав приданого землей, скотом пользовались все члены семьи.

В среде табасаранцев, как у всех мусульман, практиковалось многоженство. Хотя возможность иметь двух и более жен могли позволить себе только зажиточные, многоженство встречалось и в среде беднейших слоев.

Важнейшей функцией семьи было воспитание детей. Уход за детьми и методы их воспитания имели у табасаранцев свою специфику, свои национальные традиции, выработанные в течение столетий. Наиболее совершенной была система трудового и нравственного воспитания, последовательного освоения детьми норм социального поведения.

Воспитанием детей в больших семьях занимались бабушки, мать. С раннего возраста начиналось привлечение детей к посильному труду. Это обусловливалось не только нормами народной педагогики, но и хозяйственными потребностями. Приобщение детей

к труду выполняло и такую важнейшую функцию, как передача по наследству народных трудовых навыков.

С малых лет табсаранцы прививали детям почтительное отношение и уважение к старшим, особенно к старикам—носителям опыта и народной мудрости. В детях воспитывали скромность, честность, учтивость, беспрекословное послушание. Строго следили за их поведением в семье, в общественных местах, в будни и праздники.

В формировании нравственных принципов решающую роль играли нравы,традиции и обычаи народа. Дети в повседневной жизни на примере старших, а также принятых в обществе норм и правил взаимоотношений, понятий добра и зла, чести и справедливости воспринимали и усваивали этические и эстетические идеалы народа, его представления о человеческой добродетели и пороках. Детей учили ценить в людях такие качества, как трудолюбие, справедливость, мужество. Все эти качества родители старались воспитать и в своих детях.

Существовали свои правила этикета, которым обучали детей с ранних лет—это правила поведения детей в семье, на улице, в гостях и т.д. Считалось неприличным, как было сказано выше, громко кричать и смеяться при старших, топать, хлопать дверью, вести себя излишне раскованно в присутствии старших — сидеть на подушке, размещаться при старших на отведенных для них почетных местах и т. д. Считалось неуважением по отношению к старшим появиться перед ними в неопрятном виде, вступать в пререкания со взрослыми, вмешиваться в их беседу. Считалось неприличным поспешно принимать пищу, вставать из-за стола раньше взрослых, разговаривать за едой и т. д. Всем этим тонкостям этикета детей обучали с самого детства.

Воспитательное значение имели распространенные посещения детьми своих родственников в дни семейных и общественных праздников,а также в свободное от работы время. Родители старались, чтобы дети помнили родню и почитали ее. Эти посещения были своеобразным источником распространения знаний. На таких посиделках взрослые рассказывали детям сказки, легенды, истории, использовали пословицы и поговорки, читали книги.,

Широко были распространены в Табасаране разнообразные атрибуты приветствий, которым также учили детей с раннего детства.

Информаторы рассказывают, что у табасаранцев не было принято строго наказывать детей, применять к ним меры физического воздействия.

В то же время прогрессивные традиции народной педагогики не исключали трансляции и предрассудков. Так, в девочках старались воспитать покорность, у мальчиков, наоборот, — превосходство, авторитаризм.

Малая семья. Материалы,приведенные выше, со всей определенностью говорят о том, что в конце XIX — начале XX в. табасаранская семья по своему составу представляла собой сложный социальный организм. Сохранялась, как отмечалось выше, боль-

шая семья в ее пережиточной форме (неразделенная семья), развивалась индивидуальная или малая семья.

В наиболее развитых в экономическом отношении частях Табасарана (Нижний Табасаран) процент малых семей был намного выше, чем в других. В одних случаях малая семья заводила свое хозяйство заново, в других—отделившиеся малые семьи оставались в том же дворе, но размещались в другом помещении (комнатах). В этом случае они получали продукты из общих запасов,но готовили пищу только для своей семьи. Таким образом сохранение общей собственности не исключало раздельного потребления продуктов хозяйства малыми семьями. Какое-то время разделившиеся семьи продолжали пользоваться сообща сельхозинвентарем, хлевом, сараем для сена, кладозой и т.д. Все это свидетельствует о том, что процесс полного хозяйственного обособления малой семьи протекал постепенно.

Все информаторы отмечали, что случаи, когда после раздела большой семьи малые семьи (женатые сыновья) продолжали жить в одном дворе, ведя совместное хозяйство, практиковались лишь в том случае, если между братьями сохранялись хорошие отношения. В данном случае полного обособления семьи не происходило даже тогда, если для этого были экономические предпосылки. В дружных семьях, по словам информаторов, выделение женатых сыновей происходило постепенно — сначала малая семья получала в свою комнату готовый обед; затем продукты питания (земля оставалась в общем пользовании, на ней трудились сообща, а урожай делили); затем ей выделяли пахотную землю и т.д. Тем самым молодые семьи постепенно готовились к самостоятельной жизни.

Малая семья в свою очередь имела несколько форм. Она могла быть «сложной» или «несложной»[18]. В одних случаях она состояла из родителей и неженатых детей, в других—включала в свой состав, кроме брачной пары родителей мужа и их несемейных детей; в третьих—малая семья состояла из супружеской пары с женатым сыном, неженатыми и незамужними детьми и внуками и т.д.

Наибольшее распространение в рассматриваемое время имели семьи последнего типа. Факты совместного проживания двух семейных братьев, не имеющих в живых никого из родителей, встречались очень редко.

В целом малая семья состояла из двух или трех поколений близких родственников. В двухпоколенной семье проживала супружеская пара с неженатыми детьми, в трехпоколенной—сын с семьей и родителями. Численный состав указанных семей преимущественно зависел от числа детей. Так, анализ материалов показывает, что в Северо-Табасаранском наибстве наиболее многочисленные семьи состояли из 6—7 человек[19].

Если в семье было несколько взрослых сыновей, один из сыновей, обычно самый старший или самый младший,оставался жить с родителями.

Участившиеся разделы имущества при отделении от семьи жена-

тых сыновей привели к тому, что выработался более или менее определенный порядок этих разделов.

По рассказам информаторов, почти всегда выделение женатых сыновей в отдельные хозяйства происходило лишь после рождения ребенка. И только в случаях каких-либо противоречий внутри семейного коллектива или тесноты помещения для проживания, глава семьи мог предложить молодым выделиться в отдельное хозяйство и раньше.

Если уход женатых сыновей совершался по взаимному согласию в семье, то было принято выделять каждому сыну часть запасов продовольствия, скота и птицы, предметов домашнего обихода, утварь. Поскольку отец считался полным и единоличным хозяином всего состояния, то от него самого зависело, кому и что выделить для обзаведения. Почти всегда родители, братья, сестры совместно с другими родственниками сообща строили для молодой пары дом или комнату. «В феодальной же среде сына выделяли без земли, и он обычно продолжал пользоваться общефамильным недвижимым имуществом»[20].

Наследование регулировалось нормами шариата и адатов. Раздел имущества как по адату, так и по шариату производился при участии свидетелей. В этой процедуре всегда принимал участие кадий. Раздел имущества, переходящего по наследству, в основном определялся по шариату. При этом всегда принималась во внимание степень кровного родства. Наследственное право, которого придерживались князья, ханы, беки и первостепенные уздени, основывалось на адате. Последний полностью лишал женщин права наследования недвижимости. Согласно адатам, все недвижимое имущество переходило к прямым наследникам мужского пола, т.е. к сыновьям, а за неимением их—к родным братьям или другим ближайшим родственникам»[21].

При общем разделе имущества после смерти главы семьи проявлялось неравное социальное положение отдельных членов семьи и прежде всего женщин. Так, после смерти главы семьи уплачивались его долги, определялась «часть по завещанию покойного на поминки так, чтобы оная не превышала более третьей части по разделу всего имения. Потом имение делится следующим порядком: сыновьям дается две части, дочерям третья, жене осьмая, матери или отцу (если умерший имеет) шестая часть. При жизни глава семьи делает завещание, если у него в возрасте сын, он принадлежащую ему часть отдает в полное его распоряжение, а часть, малолетним детям принадлежащую, отдает до возрасту опекуну...

Если умерший не имел детей, жены, отца и матери, то отдается имение, его две части, дяде и одна часть тетке... Если умерший имеет брата и сестру, то имение отдается: две части брату, а третья сестре, когда же умерший имеет деда и брата, то они имение делят по ровной части: равно, если остается бабка и сестра, то и сеи разделяют по равной части... Если умерший не имеет никаких родственников, тогда имение поступает в пользу владевшего...»[22]

В Южном Табасаране дети князей, рожденные от простой женщины, не наследовали имущества отцов[23]. В Северном Табасаране, наоборот, дети, рожденные от неравного брака, пользовались одинаковыми правами с так называемыми чистокровными беками[24]. Позднее как в Южном, так и в Северном Табасаране, дети князей, рожденные от простых женщин, стали пользоваться одинаковыми правами с беками чистокровными. «...Разделение беков по происхождению по матери, в настоящее время, в обоих Табасаранах не существует и все беки равноправны и составляют высшее и привилегированное сословие»[25], — написано в архивном документе.

И после раздела семьи, если между братьями сохранялись хорошие отношения, они продолжали совместно владеть отдельными орудиями труда (сельхозинвентарем, рабочим скотом и т.п.). В общем пользовании оставались и некоторые хозяйственные постройки. Братья помогали друг другу в проведении трудоемких работ (пахота, уборка, обмолот, перевозка снопов, заготовка леса для строительства, пастьба скота и т.д.). Женщины помогали друг другу при обработке шерсти, выделке кож, обмазке дома, заготовке продуктов впрок и т.д. Кроме того,братья и их семьи принимали самое активное участие во всех семейных событиях друг друга.

Сохранению тесных семейных связей способствовали, помимо патриархально-родовых традиций, компактность поселений братьев и их потомства, о чем мы уже упоминали в предыдущей главе. Братья только в исключительных случаях поселяются вне квартала своего тухума. Информаторы рассказывают, если позволяла земля, выделившиеся сыновья и их потомство поселяются возле дома отца, деда и т. д. Если же возможности поселиться рядом со своим тухумом не было, потомки размещались на любом свободном в селении месте.

Члены родственной группы в тяжелых и радостных ситуациях оказывали друг другу помощь и поддержку.

Внутренний строй малой семьи сохранял многие патриархальные черты. Главой семьи, как и прежде, считается старший мужчина, который является единоличным хозяином всего состояния семьи. Ему, как главе семьи, подчинялись все остальные члены семьи. Он имел право распоряжаться судьбой жены и детей. К нему относились с большим уважением и почтением. Но и он, в свою очередь, с уважением и почтением относился к своему отцу, умудренному жизненным опытом. В этом отражается не характер внутрисемейных отношений, а многовековая традиция табасаранцев, как и всех горцев. Вся власть отца (бывшего главы большого дома) над отделившимися сыновьями соблюдалась в значительной мере формально. Тем не менее, авторитет отца, деда с возрастом повышается. Среди отделившихся сыновей он улаживает все разногласия между членами семьи, между братьями. Все сыновья к нему относятся как к уважаемому наставнику.

В целом в малой семье взаимоотношения старших и младших членов семьи значительно упрощаются.

Патриархальными традициями определялось и положение женщины, которая пользовалась в семье, как отмечалось, значительно меньшими правами, чем мужчина. Жена в малой семье должна была, так же как и в большой, беспрекословно во всем подчиняться воле мужа и неукоснительно выполнять цепь определенных обязанностей по отношению ко всем членам семьи, родственной группы.

В конце XIX—начале XX в. женщина, живущая в малой семье, становится сравнительно более самостоятельной. В ее руках находятся все запасы продуктов, она самостоятельно занимается воспитанием своих детей. Постепенно она становилась полноправной хозяйкой в пределах собственного дома. С другой стороны, если в неразделенных семьях существовало строгое разделение труда женщин, то в малой семье все заботы и обязанности по дому и домашнему хозяйству всецело ложились на плечи женщины-хозяйки, безгранично увеличивая объем ее домашнего труда.

В малой семье значительно упростились отношения между мужем и женой, между невесткой и родственниками мужа. Но по-прежнему одной из обязательных норм поведения невестки считается почтительное отношение к родителям и родственникам мужа. В свою очередь родственники мужа относятся корректно к невестке. Случаи грубости во взаимоотношениях между ними встречаются крайне редко и порицаются общественным мнением.

Запреты в общении между родителями и детьми, с одной стороны, старшими и младшими братьями и сестрами — с другой, в малой семье постепенно ослабевают. В большей мере они соблюдаются по отношению к отцу, который, согласно нормам, воздерживается от открытого проявления своих чувств к своим детям и домочадцам.

Непременным условием внутрисемейных отношений у табасаранцев и в малой семье продолжает оставаться заботливое, внимательное отношение друг к другу. Более того, родители и другие старшие родственники мужа очень часто, если даже они видят, что виновата невестка, поддерживают ее, а не сына, чтобы сохранить мир, согласие в его семье.

Тактичное отношение к женщине—одна из отличительных черт табасаранских мужчин. Табасаранка никогда не видит грубого обращения со стороны мужа, отца. Обидеть, оскорбить женщину считалось позором, недостойным поведением мужчины. Равным образом считалось неприличным для женщин пререкаться с мужем, с другим мужчиной в случае возникновения конфликта.

Уровень развития производительных сил, своеобразие хозяйства, структура семьи в основном определяли характер и содержание домашнего труда. Кроме занятий, связанных с земледелием, скотоводством, с куплей-продажей, некоторые члены семьи стали заниматься отходничеством. В результате, мужчины стали меньше участвовать в таких видах хозяйства, как заготовка сена, сбор

сена, заготовка леса, которые исконно считались их первейшей обязанностью. При раздельном проживании родственных семей каждая хозяйка должна была единолично справиться со всеми делами по дому и обслуживанию членов своей семьи. В ежедневном семейном труде ей помогали ее дети, которые включались в домашние дела, как отмечалось, довольно рано (с 6—7 лет).

Как в большой, так и в малой семье осуществлялись мужские и женские формы взаимопомощи. Женщины-родственницы (невестки) часто собирались друг у друга для совместной выделки войлоков, обработки шерсти, обмазки дома и т. д. Мужчины-родственники кооперировали свой труд для стрижки и дойки овец, строительства дома, пахоты, посевов, заготовки леса и др. В хлебо- и сеноуборочную страду все разделенные семьи братьев также оказывали друг другу взаимопомощь. Все формы взаимопомощи и взаимовыручки носили добровольный характер. Равным образом сообща отмечались все семейные события— свадьба, рождение ребенка, встреча гостя, поминки и др. Более того, братья постоянно оказывали друг другу материальную помощь и поддержку. Тесную связь сохраняли выделившиеся сыновья и с отцовским домом.

Заключение брака, развод, порядок раздела имущества, наследование и т. д. в малой семье, как и в большой, регулировались шариатом или местными адатами. В рамках малой семьи также допускалось многоженство. Но реализовалось многоженство среди зажиточных слоев общества.

Табасаранцы помнят о существовании в прошлом у них (в феодальной среде) такого института воспитания детей, как аталычество. Информаторы рассказывают, что сына табасаранского князя Бейбола-бега Ханбала воспитал Сулейман (зажиточный крестьянин из тухума Абдуллах), второй его сын Селим жил и воспитывался в семье богача Къарагьаджи.

В среде табасаранской феодализированной верхушки был широко распространен порядок обязательной передачи ребенка на кормление в дом зажиточного крестьянина. Так, по сведениям информаторов, детей вичIикского бека Абдуллабега кормила жена зажиточного крестьянина Гамзаева. Абдуллабег ежегодно отвозил этой женщине 12 пудов пшеницы и давал дойную корову.

В исследуемое время иногда кормилица поселялась в доме переданного на воспитание ребенка вместе со своим ребенком. Так, например, брали кормилицу себе домой джогъдильские и Аркитские беги (четыре брата—Бейбола-бег, Иса-бег, Умалат-бег, Ага-бег) воспитывались в разных семьях. Бейбола-бега кормила жена зажиточного крестьянина Абдулали, Иса-бега отдали на кормление в сел.Мурадаликент (тоже в семью зажиточного крестьянина), Умалат-бега в сел.Фиргиль, Ага-бега в сел.Аркит.

Ребенка обычно возвращали (в тех случаях, когда он воспитывался в доме кормилицы), по данным информаторов, тогда,

«когда ребенок сам умел найти дорогу в отцовский дом», т.е в 4—5-летнем возрасте.

За годы, пока ребенок находился вне отцовского дома, кормилица регулярно приводила его к родителям. С семьей кормилицы у родителей ребенка устанавливались близкие отношения на всю жизнь. Дети двух семей становились «эмчег къардаш» («молочными братьями»). Несомненно, обычай, по которому кормить ребенка грудью должна была не мать, а другая женщина,—обычай т.н. искусственного родства. «Передавая ребенка на воспитание, феодал расширял круг своих приспешников, вассалов, зависимых крестьян, а те приобретали сильного покровителя, под защитой которого могли не опасаться насилий со стороны других феодалов»[26].

Известны табасаранцам и другие формы искусственного родства. Так, два друга могли объявить себя братьями «бар чьи». Такое братство называлось «аш къардаш».

Изучение семьи и семейного быта табасаранцев в XIX—начале XX в. позволяет заключить, что табасаранская семья прошла в своем историческом развитии несколько этапов, каждый из которых отражал различные формы ее исторических стадий.

Во второй половине XIX в.по мере все большего вовлечения табасаранцев в орбиту товарно-денежных отношений и проникновения капиталистических отношений, идет интенсивный процесс разложения натурального хозяйства и усиления классового расслоения общества. Этот процесс ускоряет начавшийся значительно раньше распад большой (неразделенной) семьи, бывшей некогда основной хозяйственной единицей общества.

В рассматриваемый период у табасаранцев существуют две формы семьи: малая и неразделенная. В конце XIX— начале XX в., а в Нижнем Табасаране и значительно раньше, малая семья начинает преобладать. Большая семья существует в указанный период в своей пережиточной форме, которая получила в этнографической литературе название неразделенной. Характеризуется она сравнительно небольшой численностью и трансформированной структурой.

Постепенно процессы социально-экономического развития табасаранского общества вели к дальнейшему вытеснению неразделенной семьи малой. В Нижнем Табасаране эти процессы шли более интенсивно, в Южном и Верхнем—медленнее.

Брак и свадебные обряды

Семейно-брачная обрядность табасаранцев, в основе своей оставаясь общедагестанской, имеет яркую специфику[27]. Женитьба сына или выдача замуж дочери для табасаранцев, как и для любого другого народа, были наиболее ответственными событиями семейной жизни. Как правило,невестку («швуш») для сына подыскивали сами родители из круга семей, равных им по социальному и экономическому положению. Через родственников и зна-

комых они наводили справки о невесте, ее родителях (если девушка из другого села), благосостоянии их семей, о чертах их характера, репутации. В крестьянских семьях большое значение придавали еще и личным качествам невесты (здоровью, умению вести домашнее хозяйство, мастерству в тканье ковров, паласов и др.). Кроме того, она должна была быть быстрая, расторопная. Придавали значение ее внешности, умению вести себя в обществе. В феодальной среде в первую очередь наводились справки о сословном и имущественном состоянии невесты. Основой брачного союза у них был всегда экономический и политический расчет.

Следует сказать, что в феодальной среде часто сын, которого собирались женить, вообще не был причастен к моменту выбора невесты. В большинстве случаев он не знал ее и не видел. Положение юношей из крестьянских семей было несколько свободнее. Простые крестьянские юноши и девушки могли встречаться на различных народных праздниках, во время совместных полевых работ и т.п. При встречах девушки и юноши обменивались небольшими подарками и условливались о следующей встрече. Юноши могли прийти в дом к понравившейся девушке и помочь ей в выполнении некоторых работ (нарубить дров, пригнать скот и т. д.). Такие ухаживания, по сведениям информаторов, не осуждались. Однако в любом случае решающее слово всегда оставалось за отцом. «Отец имеет полное право распорядиться дочерью; один он может выдать ее замуж против ее желания: остальные родственники не в праве распоряжаться ею»[28]. Несомненно, что в более раннее время этот вопрос решался не только отцом девушки, но и всеми взрослыми членами тухума.

Вступление в брак считали обязательным. На незамужних престарелых девушек «къаби риш» и неженатых мужчин «къаби бай» смотрели с осуждением и опаской.

Преобладающим брачным возрастом как для девушек, так и для юношей было 15—16 лет. Редко, но встречались браки и в 13—14 лет. В крестьянских семьях стремились, чтобы жена была чуть старше мужа. Это объяснялось желанием семьи иметь в доме дополнительные рабочие руки.

Известен табасаранцам и колыбельный сговор. Довольно распространенным явлением были случаи женитьбы на вдове брата и сестре умершей жены (левират, сорорат).

Некоторое распространение здесь получили обменные браки — «баш-баша»[29]. Информаторы отмечают, что к этой форме брака прибегали, чтобы избежать уплаты калыма. Так, в адатах южно-дагестанских обществ о жителях Северного Табасарана написано следующее: «Если мужчина, сватая девушку из другого семейства, условливается в свою очередь выдать за кого-нибудь из членов того семейства свою сестру или дочь, то в таком случае «иоль-пули» (условленная плата.—**А. Б.**) не платилось, и обмен этот называется «баш-баша». Если при этом сватовстве девица одной стороны не достигала еще возраста, в кото-

рый дозволяется вступать в брак, то ее сторона доплачивала, по условию, тому семейству, из которого бралась совершеннолетняя девушка»[30].

Бывали, хотя и редко, случаи похищения девушек. В случаях насильственного похищения родственники похищенной преследовали похитителя. При этом «если при похищении девицы родственники ее догонят похитителя и убьют обоих, то за убийство не преследуются»[31]. В случае самовольного выхода замуж дочери, что было очень редко, родители девушки чаще примирялись со случившимся.

Сватовство—«швуш ча пуб» во всех табасаранских селениях начинали сами родители юноши—отец и мать. Но до этого они через посредников выясняли, согласны ли родители невесты породниться с ними. Сватовство начинали в четверг или воскресенье. При согласии родителей невесты на брак тут же назначали день официального обручения и оговаривали условия бракосочетания. Следует сказать, что во всех раятских селениях на женитьбу сына и замужество дочери должен был дать разрешение бег (князь).

В рассматриваемое нами время в разных селах сватовство, как и вся свадебная обрядность, имело свои особенности и варианты. Так, в большинстве сел оно обязательно закреплялось подарком. В сел.Кужник был обычай приносить на сватовство один пирог из просяной каши с орехами, мясом, травами. Состоятельные семьи приносили серебряную монету и т. д. В большинстве же сел родители жениха приносили в дом будущей невесты два чурека с халвой и одно серебряное кольцо.

Сразу же после сватовства назначали день официального обручения—«бицIи лишан», который приобретал характер празднества. На него приходила целая группа родственников (мужчин и женщин). Они приносили с собой подарки для невесты. Значимость подарка зависела от близости родства. Подарки могли состоять из отрезов, платков, украшений, денег. Кроме того, из дома жениха несли для невесты одежду. Количество комплектов одежды зависело от экономического состояния семьи жениха. Представители дома жениха приносили с собой и угощение (халву, чуреки). Количество чуреков иногда доходило до 100 шт.

По дороге в дом невесты все участники «бицIи лишан» пели хвалебные песни, танцевали. В доме невесты готовились к их встрече. Родственницы невесты обычно выходили далеко за ворота, чтобы встретить гостей. Во дворе дома невесты устраивались танцы. Пришедшие танцевали со своими подносами и узелками с угощением. После танца всех гостей приглашали в комнату для угощения. Торжество завершалось одариванием стороной жениха невесты. В свою очередь вручались подарки стороне жениха от имени невесты.

В некоторых селениях (Ляхля) до сватовства в доме невесты устраивались смотрины, на которые приходили мать будущего жениха и еще 2—3 родственницы. По проведении «бицIи лишан»

родители жениха и невесты приступали к подготовке к свадьбе.

Одним из главных моментов в этом цикле обрядов была уплата калыма. Нами записана песня свата, где наглядно виден элемент торга. Обращаясь к отцу невесты, сват говорит:

«КIару увуз къалу мапIан,
Дидин увуз аьйиб шиди—
Шуран къимат гизаф макIан,
Валлагь,язна касиб шиди».

«Не позорь свою папаху,
Чтобы после не стыдиться
самому.
Не проси за дочь много,
Ей-богу, обеднеет зять твой».

Выкуп за невесту назывался «швушван кьимат» (Южный Табасаран), «иоль-пули» (Северный Табасаран). «Всякий мужчина, желавший жениться на девушке или вдове, должен был заплатить за нее иоль-пули ее родственникам, а за неимением их —опекуну»[32].

Размеры калыма за невесту назначались по-разному в разных селах. Так, по сведениям информаторов, калым князей и зажиточной верхушки равнялся от 300 до 500 руб. деньгами, средняя семья давала в калым от 20 до 50 руб., а за девушку из бедной семьи платили от 15 до 30 руб. деньгами. Часть выкупа выплачивалась натурой, а в отдельных селах и весь калым. У некоторых табасаранцев в выкуп невесты включали и участки земли. Подчас в выкуп входил крупный рогатый скот и подарки для близких родственников невесты. В целом же величина калыма «зависела от соглашения и колебалась между 100 и 400 руб.»[33].

Обратимся к примерам. По сведениям информаторов, в исследуемое время в сел. Хоредж (Южный Табасаран) в калым выделяли участок земли или давали скот; в сел. Куштиль калым состоял из скота (2—3 головы) и зерна; в сел. Кондик в калым брали от 200 до 300 руб. деньгами и пахотную землю; в сел. Кужник — 10—15 руб. денег; в сел.Чере — от 200 до 300 руб. для состоятельных и от 20 до 50 руб. для бедняков; в сел. Зильдик родители девушки просили за нее 200—300 руб. Кроме того, если у невесты были женатые братья, для них от родителей жениха приносили по 1 сини (поднос) мучной и по 1 сини ореховой халвы. Остальным родственникам приносили по чуреку с халвой. Информаторы из сел. Варта, Цудук, Хив сообщили, что калым у них состоял из 200—300 руб. денег, одной коровы и 1—2 полных комплектов одежды. В сел.Чувек в качестве калыма давали землю в 20 швутуш (1 швутуш—20 кг зерна.—**А. Б.**). В качестве приданого отец девушки давал ей столько же.

Приведенный материал свидетельствует о том, что в исследуемое нами время у табасаранцев в калым еще продолжали выделять скот и землю. Вполне вероятно, что, как и у других народов, в более раннее время скот и земля являлись основной ценностью, составляющей выкуп невесты[34], и лишь с развитием товарно-денежных отношений в калым стали включать и деньги,

о чем свидетельствуют приведенные материалы. В некоторых же селениях деньги выступали как основной компонент калыма (Северный Табасаран).

Кроме калыма, жених выплачивал своей невесте и кебинные деньги. «За исключением «иоль-пули», назначается «кебин», т. е. жених записывает жене своей кебинные деньги: если невеста девица, то от 15 до 40 руб., а если вдова, то от 5 до 20 руб., что составляет неотъемлемую собственность женщины»[35].

Период от сватовства до свадьбы был заполнен широким общением родственников жениха и невесты друг с другом. Родственницы жениха на праздники приходили к невесте с подарками. Так, в сел. Ханаг в день къурбан байрам к невесте приходили с семью пирогами из мяса, орехов и полбы. Приносили поднос халвы, два чурека и чуткъа (головной убор).

В южнотабасаранских селениях за 10—15 дней до свадьбы родственницы жениха и один самый старший представитель дома жениха приносили в дом невесты отрезы для кройки и шитья платьев. Этот обряд назывался «ккуртар ктатIуб» (дос. «кройка платьев»). В доме невесты раскрывали все принесенное, рассматривали и здесь же кроили. Кроила обычно одна из близких благополучных родственниц невесты. Сразу же после кройки платья отдавали шить родственницам невесты. Здесь же окончательно назначали день свадьбы. По рассказам информаторов, присутствие в обряде «ккуртар ктатIуб» мужчины объясняется именно этим.

Последний визит к невесте устраивали за одну неделю до свадьбы. Назывался этот визит «ахью лишан» («большая метка»). На этот раз в торжественной обстановке везли к невесте оставшиеся подарки.

Перед свадьбой мать невесты совершала обход села с целью сбора шерсти для матрацов дочери. С этой целью она подходила к каждому дому, пожелав счастья этому дому и его обитателям, называла цель визита. Полагалось обойти все дома, а если она кого-либо обойдет, те обижались. С этой же целью она могла посетить и соседние села, где имелись кунаки. В этом случае обходила село жена кунака, которая называла цель прихода, а мать невесты сопровождала ее. Такой же обход совершала и мать жениха.

У табасаранцев получили некоторое распространение и обычаи избегания между невестой и родней ее жениха, которые начинались сразу же после сватовства. По нашим материалам, жених также избегал родственников невесты.

Несколько слов следует сказать о приданом. Приданое невесты часто готовилось еще задолго до сватовства. Оно состояло из постельных принадлежностей, предметов домашней утвари, одежды и подарков («швушван паяр», «житьиз») для жениха, его родителей и родственников. Обязательными компонентами приданого считались постельные принадлежности, утварь и посуда (медная и гончарная). В качестве приданого отец невесты мог выделить корову, телку, землю. Количество и качество приданого зависело от материального состояния родителей невесты.

Но в разные периоды при новых материальных условиях количество и качество приданого менялось. При этом основные компоненты приданого (традиционный комплекс вещей—постельные принадлежности, посуда, утварь) оставались постоянными. Приданое укладывали в сундуки («швушван сундух»), в которых оно перевозилось в дом жениха вместе с невестой. «Швушван паяр» (свадебные хлеба «гузани», сладости и т. д.) перевозили в специальном ковровом мешке — «галаг». В приготовлении свадебных хлебцов самое активное участие принимала сопровождающая невесту женщина «шушван баб» Приготовлением (шитьем) приданого обычно занимались близкие родственницы невесты. В день свадьбы каждая из них дополняла приданое своим подарком.

Сама свадьба и некоторые предсвадебные и послесвадебные обряды табасаранцев в деталях несколько различались в разных селениях. Различия эти обусловливались различиями в экономическом и культурном развитии каждой локальной группы. Чаще эти различия являлись результатом влияния на свадебные обряды табасаранцев культуры соседних народов. Например, в Северном Табасаране это азербайджанцы, в Южном—лезгины.

Для разных сел соблюдалась и своя особая форма приглашения гостей на свадьбу. Так,в одних местах все гости первоначально приглашались в дом родителей жениха, в других—в дома родственников, соседей и т.д. В любом случае все эти приглашения и посещения повсеместно сопровождались угощением гостей, взаимными одариваниями, танцами, песнями, различными шутками. В большинстве сел в ночь «ахью лишан» в дом жениха приглашались все родственники, соседи, односельчане. Хозяин дома заранее составлял список приглашаемых на свадьбу гостей из других сел и зачитывал его присутствующим. Каждый из присутствующих выбирал себе гостя на время свадьбы. Со следующего дня до среды, если свадьба была назначена на пятницу, каждый выбравший себе гостя—«хялижвалир» извещал его о том, что тот со своей семьей на период свадьбы будет его «хялижв» —гостем. Чтобы сообщить ему об этом, он шел в его дом со сладостями. Около дома своего «хялижв» он производил один выстрел, который означал, что явился человек с приглашением на свадьбу. Приглашаемому говорили примерно так: «Ты со своей семьей на время свадьбы такого-то будешь моим гостем». Хозяин дома приглашал его в дом и принимал как самого дорогого гостя. Своего гостя «хялижвалир» опекал на протяжении всей свадьбы. Гость мог у него спать, есть, веселиться, пригласить в его дом своих знакомых, друзей.

Свадьбу (сумчир) табасаранцы начинали в пятницу, завершали в понедельник. В первый же день свадьбы приходили все приглашенные как из своего, так из других сел. Каждый приглашенный приносил с собой по два подарка (пая): один «сумчрин эясириз»—хозяину свадьбы, другой (не такой дорогой) —«хулъиналир», «хилихъ», «хъайир», «хялижвалириз»—гостя принявшему. Обязательно приносили какой-нибудь платок или материю,

привязанную на палку—«гъавакъу», или «абагъ». Эти свадебные флаги от всех гостей и родственников вывешивались на заборе.

Кроме флага, родственницы приносили на свадьбу «хунча кIатIкIатI»—поднос с различными кушаньями, в числе которых обязательно должны были быть сладости, яйца, куры. Родственники оказывали хозяину свадьбы некоторую материальную помощь деньгами, мукой, мясом, маслом и т.д. Вечером перед свадьбой родственники невесты также приходили в дом невесты с подарками и ждали, пока придут за ней.

В сел. Межгюль гости останавливались недалеко от дома хозяина свадьбы и давали о себе знать выстрелом. На выстрел выходил хозяин свадьбы и выяснял причину. Пришедшие гости до входа в дом требовали барана, музыку. Все требования гостей беспрекословно исполнялись. Здесь же гости танцевали с матерью жениха и одаривали ее деньгами. Одариваемых денег должно было быть чуть больше расхода, который в их честь принес хозяин. Только после этого гости направлялись в дом жениха. Через час-другой их забирал к себе «хулъиналир». Если в это время «хулъиналир» отсутствовал, за ним посылали человека, чтобы он пришел за своими гостями. В дальнейшем гость сам решал, когда ему идти на свадьбу, а когда оставаться в доме «хулъиналир». Кроме того, гость имел право по своему усмотрению пригласить в дом «хулъиналир» своих гостей. Гость мог всячески подшучивать над своим «хулъиналир», например, привязать его к столбу и ждать, пока за него выплатят выкуп. Обижаться на подобные шутки было не принято. Кроме того, гость мог приказать, чтобы в дом «хулъиналир» пришел сам хозяин свадьбы с хунча. Если последний приходил с дочкой или другой родственницей, гость приглашал ее на танец и одаривал деньгами. «Хулъиналир» нес все расходы по устройству угощения своих гостей.

В некоторых селениях (Аркит, Тинит) накануне свадьбы устраивались проводы невесты—«Къызларгеже», «шубарин», «шуран» (таб.)—«девичья ночь»—девичник, на который приходила сельская молодежь. В этот же день к невесте приходил дружок жениха с ритуальной пищей. Здесь они веселились, пели песни, танцевали. В песнях подруг, исполняемых на девичнике, была скорбь по своей подруге, которая их покидает.

«Къушлар къушулуп гетди,
Бир къуш айланып гетди.
Ана—ата дилиндан
Гьалал хош алып гетди.
А бажи гитме бизден,

Къар ягъыр эгири дюзден,
Илчинин бойну синсин,

«Птицы собрались и улетели.
Одна птица отделилась от них.
Из уст матери и отца
Получив благословение, ушла.
Подруга, не уходи от нас,
На улице снег, метель.
Пусть сваты поломают себе шею,
Они тебя от нас отделили.

Сени айрытди бизден
Гитесан гьава бажи,
Батасан къума бажи,
Гитен яр ожагъында
Тутасан бине бажи».

Хоть в небо поднимись,
Хоть в песок заройся,
Но в родительский дом
обратно не возвращайся».

В другой песне подруги невесты наставляют:

«Рякьюъ учIврай, йиз аьзиз чи,
Гъарах. Увуз ягъур ибшри.
Гъурукъиган балин хулаз,
МапIан уву душман рази».

«Дорогая, которая в путь
собирается,
Вставай. Счастливо тебе.
Когда придешь в дом жениха,
Врага не обрадуй».

В следующей песне поется о богатстве невесты, о ее свадебном наряде:

«Баккурайи арсран камар,
Къизил палат, Суна-бажи.
Шубуд агъзур арсар али,
Алагюзли, Суна-бажи»[36].

Серебряный бакинский пояс,
Платье золотое, Суна-бажи.
Три тысячи серебра на тебе,
Любимая Суна-бажи».

В этом веселье принимала участие и невеста.

В других селениях, где такие девичники не устраивались, подруги невесты приходили к ней в день свадьбы. В некоторых селениях Южного Табасарана (сс. Верх. и Нижн. Ярак, Зильдик, Цудук, Кондик и др.) в доме невесты за день до свадьбы устраивали «ушварик» («проводы невесты»). С этой целью в дом невесты приглашались все родственницы ее и соседки. Для приглашения отправлялась одна из близких родственниц невесты, которая обходила дома и сообщала о цели визита. Приходящие обязательно должны были принести в дом невесты живую курицу или петуха, яйца. Могли быть и другие подарки, но уже по усмотрению хозяйки. В доме невесты кур и петухов резали, варили и складывали в сундук для отправления в дом жениха.

В день свадьбы (реже за день до свадьбы) в доме жениха в специально отведенной комнате совершался религиозный обряд бракосочетания — «никях». В момент оформления «никях» положено было открывать все замки в доме. В этот момент нельзя было завязывать узлы, держать кулак зажатым, нельзя было сцеплять пальцы обеих рук.

Любопытно, что при исполнении обряда бракосочетания у табасаранцев существовал своего рода установленный порядок. Во время оформления «никях» посередине комнаты перед сидящими ставили маленький кувшин с водой. Векилы (представители с каждой стороны—доверенные) должны были один со стороны жениха, один со стороны невесты сидеть, вытянув ноги вперед, а на коленях в раскрытом виде держать руки. При чтении молитвы векилы должны были приложить большие пальцы к

горловине кувшина. При этом палец векила жениха должен был быть выше. Смысл этого обряда заключается в том, что в доме главой семьи должен быть муж. После первой брачной ночи молодые использовали эту воду для купания.

На время свадьбы у табасаранцев жених переходил в другой дом. Дом, где останавливался жених, назывался «жам айи хал» (с. Сыртыч)—«дом, в который ушел жених», «агри гъюрур»,или «агъри гъюрур» (с.ВичIрикI). Хозяина этого дома называли «тIапIахъан». В этом доме жениха окружали его близкие друзья. Их могло быть 10—15 и более человек. Впоследствии с ними устанавливались родственные отношения. Кроме того, хозяин этого дома и его жена становились главными послами за невестой, в некоторых селах приглашение невесты после свадьбы начиналось с этого дома. Все расходы по устройству угощения гостей также брал на себя «тIапIахъан». Об аналогичных порядках свидетельствуют наши материалы по другим народам. Согласно данным, собранным в кумыкских районах, в день открывания лица невесты она в этот дом посылала самый лучший подарок[37].

В этом доме жениха окружали вниманием—устраивали богатое угощение, развлекали его. Жениха все время охраняли, не оставляли одного ни на одну минуту. В противном случае его могли выкрасть, а потом потребовать за него выкуп. После приезда невесты жених ни с кем не должен был разговаривать. Если он нарушал этот порядок, его штрафовали. Штраф он должен был заплатить из запасов невесты.

Во дворе дома жениха (в некоторых селениях на сельской площади) на протяжении всех дней свадьбы играла музыка. На свадьбе из числа присутствующих выбирались «хан», наделенный особыми полномочиями, и 5—6 его помощников. В качестве хана выбирали веселого, остроумного и уважаемого в селе человека. Хан и его помощники поддерживали порядок на свадьбе. Они выполняли функции обеспечения едой, напитками присутствующих, следили, чтобы всем было в одинаковой мере уделено внимание. Любой приказ хана подлежал немедленному и беспрекословному исполнению. Кто не подчинялся, того привязывали к дереву, столбу и требовали за него выкуп. В свою очередь, участники свадебных торжеств пытались выкрасть ханскую папаху. Того, кто сумеет это сделать, считали самым смелым и ловким человеком, и хан его одаривал подарком. Но того,чья попытка завершалась неудачей, хан подвергал штрафу. Этот обычай был зафиксирован у табасаранцев и М.М. Ихиловым[38].

Не менее интересными персонажами свадьбы были «гямпы» (шуты), которые надевали маски и выступали с шуточными номерами.

Посредине танцевального круга табасаранцы устанавливали срубленное «деревцо», на которое навешивали различные яства, платки, отрезы, принесенные родственницами. Наряженные деревца на свадьбе фигурируют и у некоторых других наро-

дов[39]. В сел. Вартатиль устанавливали обязательно дубовое деревцо —«мяхъюн гьар». Говорили, что «мяхъюн гьар» крепкое и ветвистое. Предполагалось, что и семья должна быть такая же. Через некоторое время друзья жениха уносили это дерево в дом «тIапIахъан» и устанавливали его у него во дворе. «ТIапIахъан» тряс деревцо и упавшие яства раздавал всем присутствующим, а для жениха снимал с деревца одно яйцо (яйцо—зародыш будущей жизни, символ возрождения жизни)[40]. Все эти яства присутствующие и жених должны были съесть до ухода жениха к невесте.

На второй день свадьбы в полдень, а у некоторых табасаранцев (с. Сыртыч) с наступлением сумерек, отправлялись за невестой. К приезду свадебного кортежа невесту заранее готовили. Подруги наряжали ее в свадебный наряд.

В традиционной табасаранской свадьбе строго регламентировался состав лиц, едущих за невестой. Во всех селениях главными послами назначались «тIапIахъан» и его жена. В сел.Чувек за невестой, если она из другого села, отправлялись на лошадях 20 мужчин и столько же женщин. По пути в аул невесты мужчины проводили конно-спортивные соревнования. Если же невеста была из этого же села, за невестой отправлялись друзья жениха и несколько пожилых людей в сопровождении музыкантов. В данном случае представители дома жениха и все сопровождающие невесту выезжали также на лошадях.

В сел. Куштиль за невестой отправлялись лишь те, кто в дом жениха принес хунча с халвой.

В сел. Ляхля за невестой отправлялись мужчины на лошадях, женщины пешком. Специально к предстоящей свадьбе (дней за сорок) готовили лошадей. По пути в дом невесты устраивались конно-спортивные состязания, которым табасаранцы придавали большое значение, производились неоднократные выстрелы. Сходные обычаи встречаются и у многих других народов.

В сел. Кондик за невестой отправляли веселых, остроумных людей, умеющих шутить, петь, танцевать.

В сел. Кужник, если была свадьба состоятельных людей, то родственники жениха обычно шли с большими подносами халвы.

Любопытный обычай существовал у хурикцев. Так, например, здесь принято было приносить в дом невесты 4 украшенных узорами[41] свадебных хлеба и 3 подноса с разной халвой (1-й поднос —сильно поджаренная мука, перемешанная с медом,но без масла «пIенкк»; 2-й—ореховая халва «нитиф»; 3-й—мучная халва «аравша»).

Перевозили невесту во всех селениях горного Табасарана на украшенном коне. Как было сказано выше, если невеста была из другого села, все сопровождающие невесту также выезжали на лошадях. Информаторы утверждают, что в конце XIX века здесь существовала традиция, согласно которой и в самом селе сопровождающие выезжали на лошадях.

В сел. Нижнего Табасарана в исследуемое время невесту перевозили на арбе, а на лошадях выезжали только молодые люди.

В некоторых селениях по дороге в дом невесты жители квартала, где жила невеста, несколько раз преграждали дорогу. Родственники жениха обычно откупались подарками. Представители дома жениха (мужчины) при подъезде к дому невесты давали о себе знать выстрелами. Во всех табасаранских селениях послов жениха не пускали в дом невесты до тех пор, пока те не заплатят выкуп (1 руб.). Требование выкупа у ворот напоминает древний обычай покупки невест, хотя к исследуемому периоду он давно уже приобрел шуточно-игровой характер.

Около ворот дома невесты сторонами исполнялось много песен. Песни были величальные, шуточные, корильные. Так, сторона жениха пела:

«Ярхла рякъиъ дафнача,
Гьюрмат апIин, я къавум.
Айвандикк дийигънача,
Гьюрмат апIин,жан къавум»[42].

«Пришли дальней дорогой мы,
Окажи нам почет, сват.
Стоим под балконом мы,
Окажи нам почет, жан сват».

Особенно много песен исполнялось в адрес сопровождающей невесту женщины. В основном все они были шуточные.

Родственницы невесты, в свою очередь, к послам жениха также обращались с песнями:

«Тубариин али хана
Учву гъабхиб дарич.
Ракнихъ хъайи цIару качар
Учвхьан начди дарич».

«Хну, чтобы пальцы красить,
Вы нам не принесли.
Вы, как собаки у ворот,
Мы вас не стесняемся».

Затем гостей уводили в помещение, где их обязательно угощали самыми лучшими блюдами.

В некоторых селениях над представителями дома жениха в доме невесты всячески подшучивали, разыгрывали своего рода спектакль. Так, например, в сел. Атрик, Тинит, Ярак устраивалась стрельба в цель, стрельба по мишени. Информаторы рассказывали, что в старину пока родственник жениха не попадет в цель, невесту не отдавали, даже если на это понадобится два-три дня.

Подобные обычаи практиковались у многих народов и частично осмысливались как магическое защитное действие от враждебных сил. Стрельба по мишени в цель носит еще в той или иной мере военизированный характер[43]. Эти обычаи, встречающиеся в свадебном ритуале многих народов, несомненно представляют собой пережиточные явления. Возможно, они имели смысл и всячески оттянуть фактические брачные отношения. В исследуемое время эти обычаи утратили символическое и ма-

гическое значение и рассматривались как демонстрация смелости и ловкости.

Особенно тщательно подходили к подбору послов за невестой в том случае, если в селе одновременно играли две свадьбы. Предполагалось, что на месте встречи свадебных поездов должны произойти состязания.

Был определенный порядок выезда свадебного поезда из дома невесты и его встречи стороной жениха. Так, невесту выводили из отцовского дома под выстрелы. На ружье, с которого стреляли, привязывали платок или какую-нибудь материю. При проводах невесты ее подруги пели обрядовые песни. В это время невеста должна была плакать. Невесту из родительского дома выводил ее родной брат или другой родственник с отцовской стороны. В некоторых селениях на арбу (коня) ее сажал брат. В сел. Атрик—дядя. При этом он три раза слегка бил ее по спине и желал ей счастья в новом доме. В сел. Зильдик невесту сажал на коня ее отец. Вслед за ней одна из родственниц выплескивала чистую воду или рассыпала рис. Впереди свадебного поезда обычно несли горящую лампу, а в некоторых селах и зеркало. Старались, чтобы не потухла лампа и не разбилось зеркало. Считалось, что вместе с разбитым зеркалом разобьется и счастье молодых. В некоторых селениях Верхнего Табасарана и табасаранцы нынешнего Хивского района вдову везли в «фуре»-арбе (там, где это возможно), укрытой наглухо паласом. Жители Центрального и Северного Табасарана везли вдову с открытым лицом.

У всех табасаранцев в качестве охранительницы с невестой ехала одна женщина—«швушван баб» (жена дяди или брата невесты). При этом имели в виду, что сопровождать невесту могла не каждая жена дяди, а лишь та, у которой благополучно сложилась семейная жизнь (много детей, большая и дружная семья). Предполагалось, что все эти положительные качества «швушван баб» должны передаться молодой[44].

Неотъемлемой частью свадебного цикла табасаранцев было присутствие при переезде невесты рядом с ней мальчика — «чубликкан» лет 3—5, а иногда и грудного. «Чубликкан» мог быть сыном «швушван баб» или другим родственником.

В одних селениях родители жениха до начала свадьбы присылали для «чубликкан» какой-нибудь подарок, в других (с.Ляхля)—тарелку ячменя. На наш взгляд, ячмень в данном случае служил цели изобилия и умножения и способствовал постоянному возрождению жизни[45].

Был обычай: если два брата женились в один день, кони,на которых сидели невесты, должны были идти рядом и касаться головами.

Во всех селениях вместе с невестой привозили ее приданое. Свадебный поезд сопровождали с песнями. Песни эти были задорные, веселые.

У ворот дома жениха при подъезде к дому свадебную процес-

сию встречали все, кто находился в это время в доме. Впереди свадебного поезда ехал представитель дома жениха—«жамар». Обычно в руках он нес длинную железную палку с острым наконечником, на который был нанизан большой кусок мяса. Он же приносил и первую весточку о том, что свадебный поезд подходит к дому, за что его тут же одаривали. В доме жениха к свадебному поезду выносили на подносе зажженную лампу и «ханц» (хлеб, намазанный маслом и медом). В одних селах «хунча» выносила сестра жениха, в других родственник-мужчина (с.Кужник). Затем лампу заносили в «хизандин хал» (семейную комнату) и оставляли ее зажженной до следующего утра. По мнению информаторов, зажженная лампа должна была способствовать тому, чтобы у молодых до конца жизни была светлая жизнь.

Во всех селениях вместе с «хунча» навстречу невесте выносили и флаг из хорошей материи.

Перед вступлением невесты в дом жениха совершались следующие обряды. В сел. Атрик, пока невеста не сошла с коня, к ней быстро подбегала девочка лет 13—14, дотрагивалась пальцем до правой ноги невесты, за что невеста должна была сделать девочке подарок. То же самое в сел.Зильдик должен был сделать мужчина. Дядя жениха по отцовской линии помогал невесте сойти с коня. У порога невесту встречал мальчик, которого невеста также одаривала.

Когда невеста подходила к порогу, ее осыпали сладостями, ячменем, орехами, чтобы она жила в этом доме в достатке и имела много детей. Перед входом в комнату под ноги невесты бросали какой-нибудь железный предмет, шелковую материю, давали попробовать мед с маслом, щербет.Последний обряд назывался «йиччв кай тІуб» («медовый палец»). Считалось, что мед, щербет обеспечат любовь новобрачным и сладкую жизнь, масло—дружбу в семье. Затем у входа в комнату к ней подносили миску с мукой, и она, обмакнув руку в муку, оставляла отпечатки на притолоке. Аналогичные обряды известны и другим народам, в частности лезгинам[46].

В сел.Чувек одна из родственниц жениха у порога обсыпала невесту мукой, имея в виду, что мука имеет магическое действие. Информаторы связывают с мукой еще достаток, обилие. Во всех остальных селениях у входа в комнату невесту также встречали с мукой. В сел.Зильдик невеста брала горсть муки и бросала на притолоку дверей, вторую горсть бросала на людей. В сел.Ляхля на голову невесты посыпали две горсточки муки. В селениях Хив, Варта, Цудук у порога над головой (касаясь головы) невесты ломали хлеб и желали ей 7 сыновей и одну дочь. Путем соприкосновения хлеба с невестой старались передать последней плодородную силу[47].

После этих процедур невесту приводили в отведенную для нее комнату,и она становилась в правый угол. Швушван баб садилась рядом с ней. Был распространен обычай сразу сажать на колени невесты мальчика. Кто хотел посмотреть невесту, подхо-

дил к ней с пожеланиями сладкой жизни и давал ей попробовать мед, щербет. В некоторых селениях (с.Сыртыч) к невесте сразу же приходили девушки села. Здесь они пели песни, веселились. После их ухода невесту сажали на сундук и приносили ей еду. Затем к ней подходила свекровь «сижар» и в ее обувь клала деньги. По мнению информаторов, это делалось для того, чтобы невеста в доме мягко ходила, чтобы она всех почитала. По нашему мнению, это говорит о стремлении обеспечить магическим путем богатую жизнь невесте. Следует сказать, что все эти действия сопровождались многочисленными пожеланиями родственников и гостей рождения в новой семье сыновей.

В других селениях невеста садилась только в том случае, если к ней подходила свекровь, снимала с нее покрывало и обувь и называла подарок. Обычно принято было дарить барана или телку.

В первую же ночь «швушван баб» показывала приданое и подарки невесты. Родственницы жениха рассматривали приданое очень тщательно и придирчиво. Все съедобное тут же раздавалось присутствующим.

В полночь все гости расходились. С невестой оставалась «швушван баб». Поздней ночью к невесте в сопровождении «тIапIахъан» приводили жениха. У двери с жениха требовали выкуп за дверную ручку.

Широко были распространены обычаи, предназначенные для разгадывания качеств невесты. Так, например, в сел. Зильдик в первую брачную ночь жених заставлял невесту очистить от скорлупы вареное яйцо не касаясь ногтями. После это яйцо они съедали вдвоем. В сел. Кондик в первую брачную ночь жених заставлял невесту перестилать постель. В сел. Кужник жених требовал, чтобы невеста его раздела.

В первую брачную ночь невеста старалась, чтобы ее одежда лежала сверху. Считалось, что тогда она в доме будет держать верх.

Минут через 20—30 холостяки стучали в окно, залезали на крышу, лили в дымоход воду. Молодые обычно откупались едой. Подобные обычаи в большей или меньшей мере были распространены среди всех табасаранцев, а некоторые из них бытуют и сейчас. Они,несомненно, представляют собой пережиточные явления.

В сел.Куштиль, по сведениям информаторов, для новобрачных строили специальное помещение[48]. Обычно в полночь туда переводили невесту, где ее ждал жених. Как только невеста входила в комнату, жених подходил к ней, снимал покрывало и просил еду. Невеста приносила заранее приготовленный поднос с едой, где обязательно должны были быть яйца.

В сел.Зильдик, когда жених шел к невесте, везде тушили свет. В этот момент «тIапIахъан» производил три выстрела. Сопровождающая невесту женщина стелила молодым постель, за что жених оставлял под постелью «ахин ккипбан» (деньги за постель).

Почти всегда проводилась проверка целомудренности невесты старшими родственниками со стороны жениха. В случае же обнаружения нецеломудренности невесты жених почти всегда отказывался от нее. «Если по совершении «кебина» девушка окажется нецеломудренною, то жених имеет право потребовать от родителей девушки возврат «иоль-пули» и развестись с нею»[49]. Обратимся к примерам. В сел. Хоредж платок невинности—«лишан» утром вывешивали на стенку всем на обозрение. В сел.ВичIрикI лишан подвешивали к зеркалу.Если невеста оказывалась нецеломудренной, ее выгоняли в эту же ночь. В некоторых селениях ее выгоняли в одном нижнем платье. При этом приданое ей не возвращалось.

На рассвете жених уходил от невесты в дом тIапIахъан. Но до этого молодая невеста должна была отнести в «хизандин хал» хунча с подарками (носки, яйца, куры, сладкие хлебцы, халва). После жених и невеста вместе готовили хунча для «тIапIахъан».

Одним из главных в этом цикле обрядов был обычай переодевания невесты. После первой брачной ночи невеста должна была предстать в новом наряде, как бы свидетельствующем, что с этого дня она переходит в разряд замужних женщин. Сразу же после ухода жениха к невесте приходила «швушван баб» и приносила для нее новый наряд. Уже в новом наряде невеста принимала поздравления всех женщин села, которые приходили к ней наутро после брачной ночи. Женщины одаривали невесту деньгами, в свою очередь получая от нее подарки — «сумчрин паяр» («жигьиз»). Эта церемония длилась 2—3 часа.

В 12 часов невесту выводили на танец, который также заканчивался одариванием невесты. Танец обычно начинал «тIапIахъан». После танца невесты все приглашенные гости танцевали с женами своих «хулъиналир» и одаривали их деньгами. Одариваемых денег должно было быть чуть больше расходов «хулъиналир» в честь гостей.

После танца все гости приглашались в дом отца жениха. Их здесь богато угощали, но гости требовали от отца жениха сладостей. Последний на подносе преподносил каждому гостю халву, те, в свою очередь, бросали на поднос деньги. Получали подарки и гости. Гостям дарили обычно изделия своего труда («ачIнар», «патафир» — обмотки из мануфактуры, «дулакъар» —из шерсти и хлопка). Женам гостей дарили «гьюрбйир» («гьирбир») (маленькие хурджины, с которыми ходили на посев), «тапрак» (небольшие мешочки), «талис» (большие хлопчатобумажные мешки с ковровыми узорами, куда вмещалось более 100 кг зерна) и т. д. После этого отец жениха благодарил всех гостей за участие на свадьбе и прощался со всеми.

В этот же день жених провожал домой «швушван баб» на коне с подарками для нее и родственников невесты. Обычно «швушван баб» получала отрезы на платья, деньги, а для остальных чуреки с халвою из расчета по одному чуреку на каждую семью.

В сел.Вертlил на второй день свадьбы свадебные торжества переносились в дом дяди жениха по отцовской линии, куда обычно приглашалось по одному взрослому человеку из каждого дома. Еще через день молодую невесту с близкими родственницами ее мужа приглашал к себе «тlапlахъан». После этого жених переходил в дом своих родителей. А уже потом невеста со свекровью приглашались поочередно к родственникам. Говорили, что «они показывают свою невесту», а сам обычай назывался «швушв хулаз хъади аыгъюб мирасари». Приглашения сопровождались угощением и взаимным одариванием. На наш взгляд, приглашения невесты родственниками жениха символизировали приобщение невесты к его тухуму. Кроме того, посещением и подношением подарков невеста выражала свое уважение к родственникам жениха.

Через три дня совершался обряд первого выхода невесты за водой. К реке с невестой отправлялись женщины и девушки-родственницы, соседки. По пути раздавались заранее приготовленные мелкие подарки и обязательно сладости. Можно предположить, что в далеком прошлом подарки, раздаваемые невестой, должны были умилостивить духов и тем самым обеспечить благополучие дома. Этот порядок, на наш взгляд, символизировал также приобщение невесты к аулу мужа и стремление установить с соседями хорошие отношения.

В некоторых селах обряд первого выхода за водой имел специфичную форму. Так, в сел. ВичlрикI, когда, наполнив кувшины, все собирались возвращаться обратно, одна из участниц торжества из рук невесты брала кувшин с водой и всю воду выливала к ее ногам с пожеланием ей родить семерых сыновей. После этого раздавали сладости.

В сел. Сертиль на роднике одна из родственниц жениха брала у невесты полный кувшин и с ним обходила всех участников. Каждая участница должна была сделать по глотку из этого кувшина. В конце девочка возвращала кувшин невесте, за что та дарила ей колечко. Набрав вновь воду, в сопровождении женщин невеста возвращалась домой.

В сел. Кужник к приходу невесты к роднику девочка-родственница жениха устраивала костер, за что она получала от невесты подарок. У родника невеста становилась в центр, а все присутствующие набирали в ладони воду и обрызгивали ее.

В сел. Арак принесенный кувшин с водой невеста ставила перед свекром и говорила: «Возьми, отец, пей!» Свекор делал глоток, одаривал невесту подарком и произносил следущее: «Отныне ты моя дочь, мой сын для тебя подарок». С этого дня невеста включалась в хозяйственную деятельность семьи. После этого обряда невеста получала право посещать общественные праздники, принимать участие в полевых работах.

Через 1—2 месяца, иногда через полгода после свадьбы к молодой невесте, чтобы поздравить ее с новым домом «таза хал», приходила ее мать с подарками. В числе подарков обязательно должны были быть хлеб с халвой. После этого она приглашала

молодых в гости к себе. Визит ее назывался «шуран пай»—«подарки для дочери».

Через 5—6 дней после этого в сопровождении свекрови с подарками (хлеб с халвой) невеста посещала дом своих родителей. Пребывание новобрачной в доме родителей было кратковременным. Лишь в одном селении (с. Сыртыч) оно длилось около месяца. К приходу невесты в доме отца собирались все близкие родственники. Каждому родственнику перед уходом вручался подарок невесты (один чурек с халвой). Со следующего дня начинали поочередно приглашать невесту все ее родственники, которые получили от нее подарок. Перед уходом ее одаривали. Перед возвращением домой отец также одаривал дочь ценным подарком.

Этим заканчивался весь цикл свадебных обрядов и обычаев, который длился от нескольких месяцев до нескольких лет.

В целом у табасаранцев брачное поселение было патрилокальным. Но бывали случаи (если невеста была единственная дочь), когда жених переходил в дом жены. Такого зятя табасаранцы называли «хулан язна»—домашний зять.

Приведенное описание свадьбы, свадебных обычаев и обрядов позволяет сделать заключение, что свадьба была самым радостным семейно-общественным праздником. Свадебному ритуалу исследуемого периода характерно сложное сочетание различных обрядов, возникших в глубокой древности и вошедших в быт значительно позже. Часть обрядов свадебного церемониала была связана с религиозными поверьями и магическими представлениями, которые к исследуемому времени утратили свой первоначальный смысл и исполнялись для усиления увеселительной, эмоциональной и игровой стороны свадьбы. Кроме того, в одних селах свадебный церемониал значительно упростился (Северный Табасаран), утратив многие компоненты, в других (Южный Табасаран)— сохранил элементы отдаленных времен, хотя они уже потеряли свой истинный смысл.

В целом, как в Южном, так и в Северном Табасаране, бытовал единый свадебный ритуал. Различия, как свидетельствует приведенный материал, касались лишь отдельных деталей. Они не существенны и, более того, как правило, им в определенной мере соответствовали другие обряды, имеющие близкий социальный смысл и значение, но несколько иную форму.

Наблюдалось большое сходство свадебных обрядов табасаранцев с обрядами других народов Дагестана, особенно с обрядами лезгин. Это сходство особенно заметно в том слое свадебных обрядов, которые можно считать наиболее древними.

Обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка

Рождение ребенка, особенно мальчика, воспринималось табасаранцами как праздничное событие. Поэтому придавалось большое значение обычаям и обрядам, связанным с ним. По народным поверьям, соблюдение этих обычаев и обрядов должно было способствовать сохранению матери и ребенка, их благополучию.

Родильные обряды табасаранцев, как и других народов[50], можно разделить на три основных этапа: 1) предродильные; 2) родильные; 3) послеродильные. Заботу о будущем ребенке табасаранцы начинали уже с момента вступления девушки в брак. С этой целью уже в свадебный обряд включались действия, направленные на то, чтобы у молодой были дети. К ним можно отнести описанные выше в разделе «Свадьба» такие обычаи, как обсыпание невесты ячменем, орехами, обычай сажать на колени невесты в доме жениха мальчика, обычай, по которому в дом жениха вместе с невестой обязательно отправляли мальчика—«чубликкан» и женщину, у которой имелось благополучное потомство. Возможно, к исследуемому времени первоначальный смысл этих обрядов и был утрачен, но они продолжали сохраняться по традиции в качестве увеселительных, развлекательных моментов свадьбы.

Радостным событием в каждой семье было рождение мальчика, так как с рождением ребенка вообще, а мальчика-первенца особенно, молодая жена получала неоспоримые права на занятие определенного места в семье и семейно-родственной группе. В мальчике видели продолжателя рода. И поэтому о рождении мальчика начинали заботиться еще далеко до свадьбы. Так, дарвагцы считали, что если перед первой стрижкой ногтей руки ребенка опустить в миску с мукой, то в будущем этому ребенку будет обеспечено рождение сына-первенца. Выполнялись и другие магические действия с этой же целью.

Полевой материал свидетельствует, что бывали случаи, когда муж брал вторую жену, если у первой рождались только девочки. Но табасаранцы считали, что в семье должна быть и девочка. Поэтому принято было желать невесте 7 или 9 сыновей и одну дочь.

Следует сказать, что в прошлом табасаранки, по возможности, скрывали свою беременность. Будучи беременной она выполняла всю ту работу, которую она выполняла и до беременности, даже самую тяжелую. До самого последнего дня беременности женщина продолжала работать в поле. Информаторы рассказывают, что бывали случаи, когда женщина рожала прямо в поле.

Для беременных женщин существовали различные запреты и обереги. Так же, как и у других народов[51], беременной женщине нельзя было поздно ночью подходить к реке, выходить на улицу. Если же по каким-либо причинам она должна была выйти, то при ней в качестве оберега должен был быть кусочек хлеба или же на ее голову насыпали немного муки. При этом она должна была выйти с огнем и обязательно в сопровождении другой женщины. В данном случае предполагалось, что злые духи боятся огня, а значит, не смеют подойти к роженице. Беременная женщина должна была носить под мышкой собачий помет, избегать встреч с зайцем, с уродливыми детьми, чтобы эти недостатки не отразились на внешности будущего ребенка. Нельзя было к беременной женщине за несколько дней до родов без предупреждения входить мужчине. Если в этом была необходимость, не за-

ходя в комнату, он должен был крикнуть: «ты уходи, я иду». В основе всех этих поверий лежала предохранительная магия, направленная на то, чтобы обеспечить благополучный исход беременности. Основными причинами, которые заставляли прибегать к магическим действиям, являлись болезненное течение родов, послеродовые заболевания и случаи смерти новорожденного и роженицы, которые в исследуемое время были велики. Это можно понять, если учесть, что в начале XX в. (1904 г.) на весь Кайтаго-Табасаранский округ был один старший фельдшер и один врач «для бесплатной медицинской помощи сельскому населению и для судебно-медицинских целей»[52]. На весь округ была одна лечебница, «где имелись 6 штатных больничных кроватей»[53]. «Роженицы-дагестанки фактически были лишены медицинской помощи»[54].

Табасаранки, как правило, рожали в доме мужа. Узнав о начавшихся схватках, к роженице приглашали повивальную бабку — «ганабаб», «гванан баб» (диалектный вариант), «мамачи» (сс.Аркит, Дарваг). «Ганабаб» помогали две близкие родственницы мужа роженицы. По мнению табасаранцев, роды привлекали внимание злых сил, поэтому о начавшихся схватках не сообщали даже родственникам. Мужчины обычно покидали дом. Это было одним из проявлений обычаев избеганий.

Для родов выбирали чистую комнату. Как только у роженицы начинались схватки, над ее головой три раза кружили миску с мукой, после эту муку отдавали бедным. Кроме того, перед родами свекровь открывала все сундуки в доме, отпирала замки, приоткрывала все двери, развязывала узлы, расстегивала пуговицы, а «ганабаб» расплетала роженице косы. На наш взгляд, открывание сундуков, отпирание замков и т. п. основан на принципах «подражательной» магии и имеет своей целью «облегчить», «развязать» роды[55].

Много обрядов совершалось при тяжелых родах, чтобы женщина разродилась. Так, например, роженицу поили из обуви мужа, разбирали сани по частям, кусок новой ткани рвали на кусочки (во всех селениях), приготовленные для новорожденного пеленки разбрасывали по комнате, где находилась роженица (с. ВичIрикI). Молодая девушка забрасывала в дымоход сырое яйцо[56]. В этот же момент должен был прозвучать холостой выстрел (с.Куштиль). При затянувшихся родах роженицу переносили в поле, и здесь при ней мужчины вынимали кинжалы из ножен, производили холостой выстрел (с.Хоредж). Говорили, что они отпугивают нечистую силу (злых духов). На наш взгляд, здесь дым символизировал огонь, которого злые духи боялись.

В сел. Ашага-Ярак маленькая девочка бросала в дымоход яйцо и при этом кричала: «Если ты не родишь, рожу я»; в сел. Ляхля роженица должна была подойти к лошади и дать ей ячмень, насыпанный в задний подол платья; в сел. Куштиль находили человека, который когда-то спас лягушку от змеи, заставляли его помыть руки и давали роженице выпить эту воду; во всех селени-

ях заставляли роженицу выпить воду из обуви мужчины, который бьет жену; в сел.Тинит мужа роженицы заставляли помыть руки и эту воду давали пить роженице и т. д.

Повивальная бабка, как правило, владела и некоторыми рациональными методами. При затянувшихся и тяжелых родах роженицу заставляли ходить по комнате, ее раскачивали на качелях, делали «къава кIулар» (роженица и повивальная бабка поднимали поочередно друг друга, становясь друг к другу спинами и скрестив руки); «ганабаб» похлопывала роженицу по спине, заставляла прыгать с небольшой высоты, качала ее на одеяле и т. д.

Во время родов роженицу изолировали. К ней нельзя было приходить женщинам в период месячных, с сырым мясом, с похорон, людям, находящимся в трауре, с ключами, убийце. Говорили, что иначе наступит «чла». Нельзя было приходить к роженице и женщине, которая недавно сама родила (если не прошло 40 дней), иначе молоко роженицы перейдет к ней, а также беременным женщинам, бездетным, ибо считали, что в противном случае новорожденный будет истощенным, слабым.

Боялись и «сглаза» присутствующих здесь женщин. С этой целью в комнате, где проходили роды, держали собачий помет.

Сразу же после рождения ребенка повитуха перерезала пуповину и мазала пупок маслом. Принимались все меры по борьбе со «злыми духами», «сглазом», с болезнями и т.д., которые сводились к различным обрядовым действиям—в стакан с водой опускали яйцо и горящие угли (сразу же после родов) и оставляли в комнате роженицы в течение недели, под подушкой ребенка держали собачий помет, к одежде новорожденного пришивали от «сглаза» «эмейин шан» (блестящий предмет в виде ракушки), монету, бусины.

В качестве оберегов использовались различные амулеты. Чтобы ребенка не «сглазили», мазали лицо, особенно лоб, ребенка золой. Если вдруг «обнаруживали», что ребенка сглазили, то находили «виновника», брали от его одежды кусочек, жгли, пепел растворяли в воде и в ней ребенка купали или же обмазывали его. Вообще, в первые 40 дней старались не показывать ребенка посторонним лицам, боясь «сглаза».

Большое значение табасаранцы придавали обрезанию пуповины, последу, первому купанию ребенка. Так, например, пуповину новорожденного перевязывали шерстяной ниткой и отрезали ножницами. Отпавшую пуповину заворачивали в чистую тряпочку и хранили в люльке.

Ряд обычаев был связан с последом «хал». В большинстве сел послед зарывали в землю в чистом месте, куда не могли проникнуть посторонние люди. Обряд этот обставлялся большой таинственностью. Вероятно, это делалось для того, чтобы послед никто не мог использовать во вред роженице. Считалось, что если не уберечь послед от посторонних глаз, от «злых духов», женщина может лишиться способности рожать в будущем. Однако в обычае зарывания последа Б. А. Литвинский видит: «отождествление

последа с новорожденным и в связи с этим осуществление ряда мер по охране последа». «...Закапывание последа осмыслялось так же как средство, обеспечивающее жизнь и благоденствие новорожденного»[57]. По поверьям бурят, послед считался «частью, душой ребенка, и жизнь новорожденного зависела от того, какие предосторожности предпринимались относительно последа»[58].

Обряды с последом у табасаранцев варьировались. В сел. ВичIрикI, Ляхля послед выбрасывали. При этом говорили, что если послед достанется собакам, роженице ничто не грозит (послед будет скрыт от злых духов) и следующий ребенок будет мальчик. У кумыков же, наоборот, особенно опасались, чтобы послед не почувствовали собаки[59]. В сел.Тинит, чтобы послед никому в руки не попал, его выбрасывали в туалет. В сел. Аркит, Чувек послед сушили, клали на кизяк или какую-нибудь посудину и ставили в коровнике. Он оставался там 4—5 дней. Затем свекровь закапывала его в недоступном месте или же закладывала в стенку. Говорили, что если послед предварительно высушить,то и пупок заживет быстрее. Некоторые помещали послед в сосуд, сделанный из навоза для сушки зерна и фруктов, или же в глиняную миску «цIарагъ», присыпали его золой и оставляли в коровнике (сс.Ханаг, Кондик). Зола в данном случае символизировала огонь. В сел. Джули послед выбрасывали в окно. Кто хотел навредить роженице, находил его и, приколов к концу гвоздь, зарывал в землю. Считалось, что после этого у роженицы не будет детей. Роль железа в данном случае не совсем понятна, так как железо обычно выступает как «предохранительное», «оберегающее» якобы роженицу и ребенка средство[60].

Только в одном сел. Ашага-Ярак Хивского района послед ночью закапывали на кладбище. Делает это обязательно мужчина, а несет послед в тазу женщина. Это единственное село, где в обряде зарывания последа принимает участие мужчина.

Таким образом, из вышеуказанного следует, что в большинстве сел послед («хал») зарывали в хлеву, некоторые сушили и хранили под потолком, в части селений его выбрасывали. В одном случае послед зарывали на кладбище. Все эти обряды можно отнести к лечебно-предохранительному и катартическому типу магических действий[61].

В большинстве сел ребенка после рождения сразу же купали. В сел. Ашага-Ярак ребенка купали лишь в следующую пятницу после рождения; в сел. Кужник через 6—8 дней. В сел. Аркит сразу же купали не только ребенка, купались повивальная бабка и обе женщины, которые присутствовали во время родов. Они говорили: «ону мурдарлыгъын эвима апармарам» (ее нечистоты или грех не понесу домой), ибо прежде чем вернуться к себе домой, они обязательно должны были пройти обряд «очищения», который заключался в купании. Воду, в которой купали ребенка, выливали за окно и засыпали землей. В сел. Чувек воду, в которой купали ребенка и роженицу, выливали тайком от мужчин в крапиву или другое недоступное место, чтобы мужчины не могли

наступить. В сел. Джули воду выливали куда угодно, но так,чтобы никто не видел. Считалось, что только люди могут навредить. Нельзя было выливать воду ночью, когда ребенок спит, «чтобы не убежал сон вместе с вылитой водой». Аналогичные обычаи встречаются у многих других народов Дагестана.

После родов роженице давали обрядовое кушанье «берччем» (мучная молочная каша с медом и маслом), «аварша» или «къурчIи бяцв» (диалектный вариант с. Чувек)—жидкая халва. Обычай давать роженице масло, мед, молоко, безусловно, имел практическое значение — быстрое восстановление крови.

Послеродовой период женщины и ребенка был также связан с системой запретов. Наиболее опасными для роженицы и ребенка считались первые 40 дней после родов. Этот период назывался «ячIвур». Поэтому роженицу и ребенка в эти дни тщательно охраняли от злых духов, старались не оставлять одних в помещении. Самыми опасными днями считались среда, суббота и вторник. В эти дни нельзя было купать ребенка. Опасными днями считались и первые 2 дня в начале и конце месяца. Считалось, что в эти дни ребенка можно быстро «сглазить» («вазлигънар») и поэтому новорожденного старались не показывать посторонним.

Сразу же после родов под голову ребенка, как мы уже говорили, клали определенный набор предметов (хлеб, веник, собачий помет). В разных селах набор этих предметов различался. Если ребенка оставляли одного, то у изголовья ставили веник, железные щипцы, кусочек хлеба, маленький Коран, потухшие угли. Эти вещи, по представлениям табасаранцев, помогали бороться с нечистой силой.

В течение 40 дней ребенка нельзя было выводить на улицу, говорили, что дни будут пасмурными. Ребенка нельзя было выносить на улицу и ночью. Если все-таки его выносили, то на голову насыпали муку, или в пеленки прятали кусочек хлеба, лицо ребенка мазали сажей.

В сел. Аркит в комнате роженицы в течение 40 дней оставляли зажженную лампу, чтобы «отогнать злых духов».

Существует комплекс предохранительных мер и для сохранения жизни роженицы. Так, после родов женщина в течение 40 дней соблюдала ряд запретов. В сел. ВичIрикI, если роженица по истечении 40 дней после родов шла куда-нибудь и ей по пути нужно было перейти речку или ручей, она должна была сначала сделать три глотка из этого ручейка и только после этого перепрыгнуть через него, в противном случае, якобы, у нее могло исчезнуть молоко. Здесь явно прослеживается культ воды, переплетенный с культом плодородия[62]. Кроме того, если в течение «ячIвур» роженица посещала чей-нибудь дом, она там обязательно должна была что-нибудь поесть. Ночью роженица должна была выходить только в сопровождении другой женщины и с зажженной лампой.

Повсеместно в течение 40 дней роженица считалась нечистой, поэтому она не могла подходить близко и прикасаться к источни-

ку, на «пиры» («священные места»). Обычно ее кувшин наполняла другая женщина, а сама роженица должна была стоять на определенном расстоянии от источника. До истечения 40 дней роженица не могла вступать в близкие отношения с мужем. В сел. ВичIрикI в течение 40 дней нельзя было стирать на роднике пеленки ребенка.

Возможно, что первоначальной основой системы ограничений в послеродовой период были гигиенические меры, направленные на ограждение роженицы и ребенка от окружающих, и только впоследствии перешли в область чистых предрассудков[62].

Во всех без исключения селениях был широко известен обряд очищения ребенка от «сглаза», если было подозрение, что ребенка «сглазили». Так, например, во многих селениях, чтобы вылечить «сглаз», собирали различные травы, брали кусочек ткани от одежды подозреваемого (как уже говорили) в сглазе человека и все вместе сжигали и давали нюхать ребенку. После пепел от них перемешивали с водой и в этой воде купали ребенка. Чтобы избавиться от «сглаза», ходили к мулле и писали заклинания, которые пришивались к одежде ребенка. Кроме названных приемов против злых духов, табасаранцы посещали «святые» могилы, где устраивали жертвоприношения.

Существовали и другие способы и действия, направленные на сохранение жизни ребенка. Так, во всех селениях больных детей носили на целебный родник от «сглаза»—«гез булаг». Здесь этой водой купали ребенка и устраивали также жертвоприношения.

Большое значение табасаранцы придавали предупреждению «сглаза». Так, в сел. Чувек, чтобы оградить ребенка от «сглаза», к одежде его, которую он носит постоянно, пришивали собачий клык. С этой же целью одежду для ребенка шили из разноцветных лоскутков «уьгюг»[63]. В сел. Аркит ребенка никогда не одевали в новое в течение 40 дней, не подшивали подол и рукава рубашки.

В сел. Атрик в качестве оберегов использовались собачий помет, зернышко ячменя, прутик от веника. Эти предметы связывали вместе и клали в мешочек, который привязывали к правой руке ребенка[64]. В сел. Кондик от «сглаза» к одежде ребенка пришивали большое количество украшений, монет. В сел. Аркит в качестве оберега использовали и потухший уголь.

Множество запретов относилось к определенному времени суток — вечернему, ночному. Табасаранцы верили, что «злые духи» особенно опасны вечером и ночью, что в это время суток они обладают особой силой. В это время мать, особенно ребенок должны были находиться в доме. После захода солнца запрещалось роженице ходить за водой, выливать воду после купания ребенка. В сел. Межгюль после захода солнца нельзя было оставлять на веревке пеленки новорожденного.

Табасаранцы, так же, как и другие народы, рождение или отсутствие детей связывали с воздействием сверхъестественных сил.

Бездетность была несчастьем для семейства. Она являлась одной из причин двоеженства и разводов.

Одним из наиболее распространенных способов «вызвать» беременность был обряд посещения «пIира» в сел. Имшнигъ. По рассказам информаторов, в этом селе, и в сел. Ашага-Ярак, Цудук и др. имелись камни с отверстиями. Бесплодная женщина должна была обойти камень с правой стороны и трижды пролезть в это отверстие. Бесплодные женщины обычно приходили сюда в сопровождении другой женщины-родственницы. Обе женщины перед этим совершали обряд «очищения».

В некоторых селениях бесплодная женщина вначале должна была через это отверстие бросить три камешка, затем пролезть в отверстие сама головой вперед. После нее сопровождающая ее родственница бросала еще три камешка. Если камешки не застревали в отверстии камня, а падали по ту сторону, по поверьям, бесплодная женщина должна была забеременеть. В этом же селе бездетную женщину водили к «священному» дереву, от штамба которого отходят три скелетные ветви. Женщина должна была перелезть три раза между этими ветвями.

Бесплодных женщин приводили к «священному» камню на «пIир» «чулагъан» (с. Вичрик). У этого пIира также имеется камень с отверстием. Бездетная женщина под руководством пожилой женщины должна была обойти камень с правой стороны и пролезть в это отверстие. В этом же селении было огромное «священное» дерево с отверстием в дупле. Для «исцеления» бездетная должна была также обойти это дерево с правой стороны и пролезть в это отверстие. Такое же «священное» дерево с отверстием в дупле, куда приводили бездетных женщин, было и в сел. Межгюль. В конце обряда брали немного земли, которую дома разводили в воде, и купали женщину. Воду после купания выливали в чистое место, где не наступает нога человека. Считалось, что после совершения этих обрядов женщина должна забеременеть.

Распространенным способом лечения от бесплодия являлось посещение кладбища «къыркълар» в Дербенте[65].

Существовали и некоторые другие приемы, которые должны были обеспечить женщине беременность. Так, например, в сел.Атрик, чтобы забеременеть, женщина должна была пройти под приподнятыми носилками с покойником; в сел.Ляхля бездетная женщина должна была веревкой измерить свой рост, затем этой веревкой обмотать большие пальцы ног, соединив их вместе, после чего разрезать веревку на куски и сжечь ее, а пепел развести в воде и в ней искупаться. В сел. Кондик, если у молодой долго не было детей, ходили к «святому» дереву, привязывали к веткам яркие лоскутки, предварительно пройдя под ними.

Также распространенным способом лечения от бесплодия являлось посещение «священных» источников, где купали женщину и исполняли религиозные обряды, с последующим жертвоприношением. С этой же целью обновляли «нюкях» — «нюкях цIийин апIуб». В данном случае расторгали брак с настоящим

мужем и заключали с другим. Через некоторое время расторгали второй брак и женщина снова вступала в брак со своим первым мужем.

Ряд поверий у табасаранцев был связан с наступлением второй беременности. В тех случаях, когда после первых родов у женщин больше не появлялись дети, табасаранки опять возили ее к «святым» деревьям и камням. Но в данном случае вместе с женщиной брали туда и молодую девушку, которая должна была пройти в отверстие первая (3 раза), а за ней должна была следовать женщина, желающая иметь ребенка.

Исполнялись и другие обряды, чтобы вызвать вторую беременность. Так, например, женщина должна была около мельницы ножницами резать воду, резать ситец. Если все это не помогало, говорили, что нужно «пошевелить» ее послед. По представлениям табасаранцев, после этого женщина должна была зачать.

Если через определенное время после этих обрядов у бездетных супругов рождался ребенок, то в благодарность за это родители раздавали милостыню (садакъа).

Ряд обычаев и обрядов у табасаранцев был связан с потерей молока роженицы. Таких женщин обычно приводили к целебному источнику «улиншад» (сел. Аркит). Здесь женщина мыла груди, затем делала несколько глотков из источника. Считалось, что после этого молоко у роженицы должно появиться.

Аналогичная вода «нанар гайи гъарзар» имелась и близ сел. Хюряг. Источник был расположен у большого камня, на котором видны изображения женской груди, вымя крупного и мелкого рогатого скота. Сюда приводили не только рожениц, но и коров, у которых также исчезло молоко. У источника положено было читать молитвы и сделать жертвоприношение бараном или другими продуктами. Водой источника совершали омовение молочных желез женщины, потом камня. Предполагалось, что после этого должно вернуться молоко.

Много магических приемов применялось в тех случаях, когда дети в младенческом возрасте умирали. Так, например, в с. Думуркил, Аркит в этом случае роженица шла со своим ребенком к многодетной и благополучной женщине и своего ребенка просовывала (снизу вверх) в ее ворот. В сел. Аркит был такой обычай: если дети умирали в младенчестве, из 7 домов брали гвозди или другие железные предметы и кузнец изготавливал из них цепочку. Эту цепочку мать должна была носить постоянно. Аналогичный обряд был у кайтагских кумыков[66].

В семьях, где дети не выживали, родители обращались к мулле с просьбой написать «гьякал» («амулет») в качестве оберега.

Существовали и другие способы, направленные на сохранение жизни детей. Так, в семьях, где дети умирали в младенческом возрасте, чтобы избавиться от несчастья, родители не «признавались», что это их ребенок, и до 4—6 лет не покупали ребенку ничего из одежды. Одежду ребенку покупали посторонние люди, но не родственники. Делалось это, чтобы обмануть злых духов. Ес-

ли все это не помогало, меняли имя ребенку и обязательно раздавали садакъа, обычно муку. Но предварительно чашу с мукой крутили над головой ребенка.

Кроме названных приемов борьбы со злыми духами, табасаранцы обращались еще к знахаркам.

Табасаранцам были известны и различные способы лечения ребенка. Среди них определенное место занимали и рациональные методы лечения. О них скажем чуть позже.

Если ребенок заболевал, табасаранцы считали, что его кто-то сглазил. В таких случаях прежде всего старались оградить ребенка от таких людей. Но если «оградить» ребенка все же не удавалось и ребенок заболевал, прибегали к различным приемам. О некоторых из них мы уже выше говорили.

Во всех без исключения селениях, если ребенок заболевал, ходили к мулле и писали заклинания, которые пришивались к одежде ребенка.

В сел. Ашага-Ярак, если ребенок много плакал, его три раза тянули через шкуру волка[67]. После этого ребенок должен был перестать плакать. Во всех селениях заболевших детей носили к «святым» источникам, где их купали. Но этот обряд сопровождался рядом магических действий, обрядов, жертвоприношений, предохранительных мер и оберегов.

При простудах тело ребенка обтирали горячим жиром, который оставался после приготовления яичницы на топленом козьем жире. Если у ребенка заболевал живот, говорили — «къарнында ел ола» или «хутIниин чIирх алабхъна» (досл. в животе появляется дорожка), мать ребенка нагиналась к его пуповине и дула на нее. В таких случаях, чтобы снять боль, разводили в воде золу и отстоявшуюся воду давали пить ребенку, также давали облизнуть «къара нап», «кIару нафт» (нефть). Если у ребенка заболевали глаза, их промывали мочой самого ребенка и молоком матери. На воспаленный глаз прикладывали белок печеного яйца. Все эти и другие приемы сопровождались чтением молитвы.

Из сказанного видно, что даже те обычаи, которые имели рациональную основу, облекались в магическую форму. Так, например, почти во всех селах женщин, потерявших молоко, приводили к источникам, обладающим, вероятно, целебными свойствами. Но делали это обязательно с чтением молитв и в определенные дни недели, считая, что не все дни полезны для человека. Во всех селах была широко распространена вера в заговоры, талисманы, дурной глаз. На наш взгляд, с верованием в то, что ребенка можно сглазить, связан, например, обычай никогда не восхищаться ребенком и обязательно впервые увидевший ребенка человек должен был обмазать лицо ребенка своей слюной или же дать перед уходом кусок ткани от своей одежды. Этот кусок в доме ребенка полагалось сжечь, пепел развести в воде и этой водой искупать или обмазать лицо и тело ребенка.

Если матери по необходимости надо было куда-нибудь с ре-

бенком пойти, то в доме, куда они пришли (особенно, если там было много народу), все лицо ребенку обмазывали сажей.

И в дальнейшем при уходе за детьми большое внимание уделяли принятию предохранительных мер от нечистой силы, сглаза, болезней. Обычно на рубашках у детей нашивались «от сглаза» амулеты, представляющие собой мешочки треугольной формы с зашитыми в них текстами молитв.

Все табасаранцы производили обрезание мальчиков в возрасте от 1 года до 5—6 лет и более. Этот обряд иногда совершался в антисанитарных условиях и заканчивался трагически.

В традиционной обрядности табасаранцев значительное место занимали обычаи, связанные с первой стрижкой головы, ногтей. Эти обычаи также сопровождались магическими обрядами. Первую стрижку табасаранцы старались сделать после 40 дней. В некоторых селах первую стрижку производили через 10 дней — «ячIврар» (самые опасные дни для ребенка). В сел. Кондик по обычаю волосы мальчику брили через 40, девочке— через 20 дней. Считалось, что волосы у девочки растут в 2 раза быстрее. Стрижку производил пожилой благополучный мужчина — родственник с пустыми волосами. Волосы после бритья заворачивали в чистую тряпочку и привязывали к люльке и держали пока ребенок не начнет ходить, затем прятали. Считали, что когда утробные волосы рядом с ребенком, он хорошо спит. По всей вероятности, волосы в данном случае служили оберегом. По поверьям, злые духи боялись волоса. В некоторых селениях (с. Ашага-Ярак) состриженные волосы закапывали. Человека, который производил стрижку, угощали, а соседским детям раздавали сладости.

Таким образом, ритуал первой стрижки волос ребенка не сопровождался особыми церемониями. Обычно исполнителем этой процедуры являлся взрослый и благополучный мужчина, пользующийся уважением и хорошей репутацией, так как, согласно народным поверьям, его качества должен был воспринять ребенок. В селе Чувек, Куштиль личности исполнителя не придавали значения. Им мог быть любой взрослый член семьи.

Ряд поверий был связан с первой стрижкой ногтей ребенка. Так, в сел.ВичIрикI первую стрижку ногтей производили через полгода. Считалось, если постричь ногти раньше, ребенок может стать вором.

В сел.Чувек первую стрижку производили через 1—2 месяца и обязательно в четверг или пятницу; в сел. Куштиль, Сертиль, Кужник — через год. В сел.Атрик через 40 дней стригли в один день и ногти и волосы. Состриженные ногти и волосы вместе хранили в люльке. В сел.Ляхля, Ханаг первую стрижку производили через 40 дней; в сел.Кондик через 8—9 месяцев. Состриженные ногти в одних селах сжигали (сс.Куштиль, Ханаг), кидали на улицу, предварительно прочитав молитву (сс. Сертиль, Кужник), тщательно заворачивали и замуровывали в стенку (сс. Ляхля, Кондик); бросали в чистое место (сс. Чувек, Кужник).

Через 3—8 дней после рождения ребенка укладывали в колыбель. В одних семьях ребенка в люльку укладывала «ганабаб», в других свекровь или другая пожилая и многодетная родственница, в третьих—сама мать. В некоторых селах в день укладывания ребенка в колыбель приглашались родственницы-женщины. Но этот праздничный обряд совершался не во всех селах и не во всех семьях. Нередко ребенка сразу же в первые дни после рождения укладывали в люльку, не совершая при этом никаких обрядов. Здесь бытует типичная для всего Дагестана деревянная люлька.

Первый выпавший зуб ребенка бросали на крышу дома и при этом говорили, чтобы ребенок вырос побыстрее и стал высоким. Тот, кто видел первый зуб ребенка, должен был сварить пшеницу и раздать детям.

Большое значение табасаранцы придавали наречению имени ребенку. Специального обряда для этого не существовало. Имя давал кто-либо из старших в семье. При наречении именем мальчика приглашали муллу. Обычно это происходило через 7—8 дней после рождения. Часто давали имена умерших родственников: сыну давали имя умершего деда или отца, дочери—умершей бабушки или матери и т.д. Считали, что имена умерших родственников не должны «лежать в земле». Во всех селах считали, что имя ребенку нужно дать как можно быстрее, иначе, считали они, он будет плакать и может остаться плаксивым на всю жизнь. Церемония наречения именем ребенка происходила так. Мулла или другое лицо читал молитву, затем три раза произносил имя, данное ребенку, ему на ухо. При рождении девочки пышных торжеств не устраивали. Если же рождался сын, то в доме, где он родился, через несколько дней собирались и мужчины. В доме устраивалось веселое застолье. На это торжество приглашали гостей даже из других сел. В честь рождения мальчика мужчины давали в небо холостые выстрелы. За радостное известие «муштулугъ» о рождении сына, известившего всегда одаривали хорошим подарком.

Как мы могли убедиться, со дня вступления в брак женщины до самых родов и послеродовой период вся ее жизнь и жизнь ребенка сопровождались рядом различных магических действий, обрядов, жертвоприношений, предохранительных мер и оберегов, связанных со стимулированием деторождения, с периодом беременности, с родами, с послеродовым периодом, с наречением имени, укладыванием ребенка в колыбель, с первой стрижкой и т. п. Часть из этих магических действий сопровождала ребенка до самого совершеннолетия.

После родов женщина старалась не показываться на глаза старшим родственникам мужа, своим родителям. Обычно в дневное время за новорожденным присматривали старшие дети, сестра мужа или свекровь. Когда дети вырастали из люльки, они уже спали со стариками. Мать кормила ребенка грудью до рож-

дения следующего ребенка, но прикармливать начинала с первых дней его рождения.

Детям пели колыбельные песни «лайла». Вот куплет, записанный нами в сел Межгюль:

«Даахна дагълар, ва багълар
Ширин нивкIвуз гъарах жан баж.
Ширин нимкIвуз гъарах уву».
Лай-лай увуз жан бай.

«Спят горы и сады
Сладко спи, сын мой.
Лай-лай, тебе, сын мой,
Сладко спи, сын мой (или:
сладкий сон дарю тебе, мой сын).

Табасаранцы относились к детям с большой любовью: считали, что чем больше у женщины детей, тем она счастливее.

В заключение следует подчеркнуть, что обряды и обычаи табасаранцев, связанные с рождением ребенка, имели много общего с аналогичными обычаями других народов Дагестана. У всех народов эти обычаи преследовали одну цель — магическими путями способствовать тому, чтобы обеспечить молодую женщину потомством, обеспечить ей благополучные роды, «обезопасить» и «уберечь» мать и новорожденного от вреда со стороны «злых духов», «дурного глаза» и «злых людей».

Магические представления пронизывали обряды и обычаи, связанные с рождением детей с момента рождения и до совершеннолетия.

Из сказанного можно сделать вывод, что как в Южном, так и в Северном Табасаране в целом бытовал единый родильный ритуал, хотя в исполнении некоторых обрядов имелись незначительные различия. В одних селах эти обряды сохранились в более древних формах (Южный Табасаран), в других они значительно упростились (Северный Табасаран).

Похоронно-поминальные обычаи и обряды

В системе традиционной семейной обрядности табасаранцев особое место занимают похоронно-поминальные обычаи и обряды. Их неукоснительному выполнению способствовала вера в загробную жизнь[68], в возможность живых улучшить «жизнь» умерших на «том свете» и наоборот. Похоронно-поминальные обычаи и обряды можно разделить на четыре этапа: 1) предпогребальные обычаи и обряды; 2) похороны; 3) послепохоронные обычаи и обряды; 4) поминки.

Если смерть наступала не внезапно, то родственники и соседи приходили прощаться к тяжелобольному, предавали забвению все обиды. Рядом с тяжелобольным всегда находились его близкие родственники, преимущественно пожилые. Среди них обязательно должен был быть человек, который умел читать Коран. О приближении смерти узнавали по поведению больного, по его внешнему виду. Наряду с реальными приметами, свидетельствующими о приближении смерти, в прошлом широкое распространение имели верования о том, что определенные сны предвещали

близкую смерть человека. Например, верили, что, если во сне человек увидит выпавший коренной зуб, родственника на черном коне, голого человека, сырое мясо, чистую воду, помещение без окон, без дверей, белый материал, разрушенный угол своего дома (сел. Атрик), развалившуюся крышу собственного дома, то в семье скоро будет покойник. Считалось, что если во сне умершему родственнику или родственнице дать деньги, это к несчастью.

К предвестникам смерти относили и определенные явления одушевленной и неодушевленной природы. Так, верили, что если у дома кричала сова, ворона, если курица кричала по-петушиному или петух пел не в свое время, если ночью воют собаки, волки, то в ближайшее время умрет кто-нибудь из домашних. Говорили, что перед близкой смертью хозяина ржет его лошадь. Если лошадь начинала трясти головой, также говорили, что быть крупному несчастью (сел. Атрик).

В момент смерти все самые близкие старались находиться рядом. В доме соблюдали тишину, чтобы не привлечь внимание умирающего. Считалось, что умирающий не должен слышать плач, иначе смерть его будет тяжелой. Поэтому старались дать человеку спокойно умереть. Сразу же после смерти все громко плакали. Некоторое время здесь же находились и родственники мужчины.

Перед смертью у изголовья умирающего (если это был сын) сидели мать, отец. Обычно с правой стороны у изгловья садился отец, с левой мать. После смерти мать переходила в правую сторону, мужчины собирались во дворе, образуя незамкнутый круг. Умершего клали сразу же на пол (на матрац), немедленно выравнивали его, руки вытягивали вдоль тела, повернув голову в сторону Мекки — на юг или юго-запад. Сверху он вместе с головой покрывался куском белой ткани. Умершему привязывали нижнюю челюсть, чтобы рот не открывался. Вокруг покойного строго распределялись места по степени родства. Обычно первый круг занимали самые близкие и так далее. В доме покойника завешивали материей зеркала. Видимо, этот обычай проник от русских. Если человек умер в первой половине дня, то его хоронили в тот же день. Если же он умер после полудня, то на другой день. Погребение совершалось до заката солнца. Возможно, что обычай быстрого захоронения покойника бытовал здесь и до проникновения сюда мусульманской религии. Похороны могли быть задержаны, если ожидался приезд близких родственников. Но долго покойника не оставляли. Если покойника оставляли на ночь, с ним оставались его родственники и 2—3 духовных лица, которые до утра читали Коран. Около покойника запрещалось спать и есть. Если у умершего оставались открытыми глаза, говорили, что он еще кого-то хотел видеть. Если у него на лице была улыбка, говорили, что он попадет в рай («женнет»).

О смерти извещал кто-нибудь из родственников или соседей. В некоторых селениях (с. Межгюль и др.) был специальный человек, который извещал односельчан о случившемся. Он обычно

приходил к жителям каждого квартала, становился на возвышенность и кричал, что умер такой-то. К родственникам, живущим в других селах, с этим известием («хабар») направляли гонца. Гонец обычно заходил к самому близкому родственнику умершего и сообщал ему «хабар».Тот, в свою очередь, извещал об этом остальных. Главный родственник в дом покойного отправлялся с «кафаном» (саван). В одних селениях (Ляхля, Фурдах и др.) в день смерти, в других в одну из последующих пятниц приглашали по списку односельчан, родственников и кунаков на «садакьа салам». Здесь обычно устраивалось жертвоприношение.

Сразу же после смерти родные и близкие прекращали все работы и не работали в течение всех похорон. В небольших селениях такой обычай соблюдали все жители. В дом покойного приходили все односельчане, жители соседних сел. Прибывшие входили во двор умершего группами. Женщины-родственницы, приближаясь к дому, громко плакали, царапали лицо, рвали одежду и входили в дом к женщинам, мужчины подходили к стоящим во дворе или перед домом родственникам покойного и совершали обряд, предписанный шариатом. Все присутствующие могли проститься с покойником. При этом можно было подойти к нему, приоткрыть лицо и посмотреть на него.

Ряд обычаев и обрядов похоронного цикла связан с водой. Так, например, все табасаранцы считали, что нужно вылить всю воду, которая находилась в доме к моменту смерти человека. Однако этот обычай несколько различается по селам. В сел. Аркит выливали всю воду, имеющуюся в доме к моменту смерти кого-либо из членов семьи. Пустые кувшины закрывали чистой ватой. С этими кувшинами отправлялись за водой. Если покойник мужчина, за водой отправлялись мужчины, если женщина, две женщины. Во всех селениях кувшины с водой снова закрывали ватой или белой тканью.

В сел. Тинит, если кто-то из живущих по пути следования траурной процессии болел какой-либо болезнью, он мыл руки, ноги, лицо и эту воду выливал вслед за покойником. Это делалось для того, чтобы вместе с покойником ушли все его болезни. В сел. Атрик, если женщины узнавали, что в селе кто-то умер, выливали весь свой запас воды. После того как приносили воду для обмывания покойного, все женщины шли на родник и снова набирали воду для дома. Точно также поступали и в сел. Межгюль.

Информаторы считают, что это действие было продиктовано народными знаниями о гигиене, желанием не заразить воду. Тогда чем же объяснить, что в некоторых селах выливали воду и односельчане. На наш взгляд, это делалось для того, чтобы в воду не переселилась душа умершего.

Во всех селениях Табасарана покойника обязательно обмывали. Перед обмыванием лишние люди выходили. Обычно мужчины обмывали мужской труп, женщины—женский. Один человек обмывал покойного, один переворачивал и один наливал воду. Обычно это поручалось пожилым почетным верующим лю-

дям. Покойника обмывали в специальных рукавицах из белой ткани, в специальном корыте, которое, так же, как и носилки «жаназа», хранилось в мечети. Воду, в которой обмывали покойного, выливали в чистое место, где люди не ходят. Обмывальщик и его помощники получали за свой труд одежду покойника. После обмывания на покойника надевали специальную одежду, которая состояла из нескольких рубах «ахиратдин ккуртт».

Что касается савана — «кафан», то у табасаранцев он был такой же, как и у остальных дагестанцев[69]. Поверх рубах покойника заворачивали в «кафан» от 5 до 9 слоев. Информаторы утверждают, что 5 слоев было обязательно. Как мы говорили выше, мужчину обычно хоронили в белой рубахе и в «кафане». Кафан должен был быть только белого цвета. Считалось, что на «том свете» пригодится только рубаха и поэтому погребальной рубахе придавали особое значение. Вероятно, погребальная рубаха была образцом старинной одежды табасаранцев.

При похоронах молодой девушки ее лицо покрывали красным материалом. (Когда девушка выходила замуж, ее лицо также закрывали красным платком.) На наш взгляд, этот обычай связан с народными представлениями о загробной жизни, согласно которым покойный «на том свете» будет продолжать жить и осуществлять замыслы, которые он не успел осуществить при жизни[70]. В связи с этим М. Ковалевский пишет об ингушах: «Когда ингуш потеряет сына, кто-нибудь из его единоплеменников, у которого в том же году умерла дочь, является к отцу с следующим предложением: сын твой может нуждаться на том свете в жене, говорит он ему, я отдаю руку моей дочери, заплати мне в калым, т.е. в плату за невесту столько-то коров. Обычай не допускает отказа от подобного предложения. Здесь лежит представление, именно то, что покойники на том свете сохраняют потребности живущих и что им поэтому не приличествует оставаться без жен»[71].

Если невеста умерла вскоре после свадьбы, ее хоронили в свадебном наряде. Если на покойнице были украшения, их не снимали.

В том случае, если покойник сделал завещание, чтобы на него надели какую-нибудь его любимую вещь, его желание исполняли. На женщин из состоятельных семей также надевали наряды.

В некоторых селах люди пожилого возраста, если у них не было взрослых детей, заранее готовили всю необходимую на смерть одежду, чтобы не обременять родственников. В большинстве сел этого не делали. Информаторы называют несколько причин: считали, что если заранее приготовить смертную одежду, скажем для пожилой, то может умереть молодая; как будто бы наличие «кафана» в доме может накликать беду (сс. Ашага-Ярак, Межгюль, Аркит, Хив и др.).

В сел. Межгюль был обычай класть в могилу вместе с покой-

ником предметы, которыми он пользовался при жизни — ружье, костюм.

До переноса умершего к могиле на него клали в мешочке землю. Обмытого и одетого его обязательно накрывали черной буркой (мужчину), женщину — платком (молодую ярким, пожилую темным). После этого лицо покойного больше никому не показывали. В таком виде он лежал в середине комнаты вплоть до выноса его из дома. Женщины громко оплакивали его. Но после того как обмоют покойного, слезы не должны были попасть на него.

В некоторых селениях (сс. Чувек, Ерси, Куштиль и др.) оплакивание умершего сопровождалось расплетанием кос, вырыванием волос и расцарапыванием лиц женщинами-родственницами. Они разрывали на себе одежду, рвали волосы на голове. Особенно это практиковалось при смерти молодого человека. В данном случае его сестры, молодая жена отрезали косы и обматывали ими запястья, показывая этим свою скорбь по умершему, любовь и уважение к нему, т. е. демонстрировали свое горе. Это, безусловно, были доисламские традиции, которые упорно продолжали сохраняться в похоронных обрядах многих народов[72]. Постепенно эти древние обряды стали исчезать.

Оплакивание обычно сопровождалось причитаниями.

Было обычным явлением участие в похоронах представителей из разных сел. В азербайджанских и лезгинских селах табасаранки причитали на азербайджанском и лезгинском языках.

После выноса покойного из дома женщины обмазывали пол и наполовину белили стены. Мусор не выбрасывали в течение 3—4 дней. В сел. ВичIрикI на место, где лежал покойник, сыпали золу; в сел. Аркит на это место бросали ножницы, немного зерна[73] и золу[74]. Это был прием апотропеической магии, связанный с представлением, будто такие предметы отпугивают нечистую силу и предохраняют от ее влияния[75].

В день похорон во всех селах раздавали садакъа—мясо, лепешки с халвой.

В большинстве сел в доме покойного по обычаю запрещали в течение трех дней готовить пищу. Поэтому родственники, соседи в эти дни кормили семью умершего. Прибывших из других сел также кормили родственники и соседи. Но этот обычай нарушался, если умер пожилой человек. Однако в различных селах, иногда даже близлежащих, наблюдаются некоторые расхождения в отношении первых поминок. Так, например, в сел. Чувек в день похорон в доме покойного резали скот и кормили всех прибывших на похороны. В сел. Ляхля кормили через три дня. При этом посуду приносил каждый с собой. В сел. Кондик через три дня кормили только тех, кто готовил могилу. В Сертиле кормили людей один раз, когда сумеют. Это могло быть и через месяц, и через год, и через 5—6 лет. В Кужнике кормили в первый же день после похорон. В сел. Хурик кормили в один из первых трех дней. В сел. Думуркил в первый день кормили тех, кто готовил могилу.

В сел. ВичIрикI также кормили до похорон. В сел. Аркит, если умер пожилой человек, кормили в день похорон. Если умер молодой человек, в доме покойного не кормили. Обычно резали скотину, мясо нанизывали на палочки и раздавали присутствующим. Этот обычай назывался «шиш верди» или «шиш вермакъ».

В пятницу все односельчане приглашались в дом покойного на поминки. Через несколько дней беднякам и тем, кто обмывал умершего, отдавали его одежду.

В комнате, где лежал покойник, до утра горел свет. Возможно, этот обычай был связан с необходимостью обязательного поддерживания огня умершего.

В первые дни (у одних 40 дней, у других 52 дня) после похорон в доме умершего или же у его могилы читались молитвы.

В некоторых табасаранских селах (сс. Думуркил, Межгюль и др.) при смерти главы семьи к несущей балке на потолке—«хамхар» втыкали кусочек мяса[76]. Мясо прилипало к балке и находилось там, пока само не отлипнет. Во всех селениях сразу же после смерти главы семьи к «хамхар» вывешивали и кусочек от его савана.

Ислам внес значительные изменения в древний похоронный обряд табасаранцев. Мужчины никогда не оплакивали смерть близких. Более того, они не должны были открыто выражать свою печаль при смерти жены, дочери.

Был у табасаранцев и такой обычай: держали скот взаперти, пока покойник находился в доме. После того, как покойника уносили хоронить, скот выпускали на улицу.

У всех табасаранцев был обычай перед выносом «жаназ» с покойным трижды поднимали с пола и опять ставили на землю. Делали это близкие родственники покойного. Прочитав молитву, покойника несли на кладбище. Обычай требовал, чтобы на кладбище шли быстро.

В сел. Межгюль перед выносом покойного со двора, «жаназа» ставили во дворе и один из старших мужчин, обращаясь к присутствующим, говорил: «Люди, прочтите три раза молитву («къулху») и простите ему все обиды и маленькие долги. Если долг большой, возьмите у родных и близких». Тоже самое говорили еще на кладбище перед похоронами.

Покойника на кладбище несли четверо мужчин, которые время от времени менялись. Ни женщины, ни дети в церемонии захоронения не принимали участия. Женщины обычно провожали покойного до ворот. За воротами они останавливались.

Существовало поверье, что тот, кто сразу после похорон войдет первым в дом, вскоре умрет. Чтобы предостеречь от смерти, полагалось близкой родственнице покойного войти в дом с мальчиком. После этого могли войти и все остальные.

Был обычай отпевать покойника на кладбище. Отпевать начинали сразу же за воротами, потом, не доходя сорок шагов до могилы, наконец, уже на кладбище. Только после этого тело опускали в могилу. Над могилой в момент захоронения сооружали шалаш.

Укладывали покойника на бок (обычно на правый) в вытянутом положении с уложенными вдоль тела руками. Щеку его клали на комок земли. Голова, как было сказано, была направлена на центры мусульманства на запад, а лицо повернуто на юг. В могиле труп принимал один из близких родственников. Обычай запрещал спускаться в могилу сыновьям, если умерла мать. Ее могли принять ее братья. Не принято было спускаться в могилу и отцу, если умер сын.

Перед сооружением могилы (холмика) все присутствующие отходили в сторону, а один из старших родственников вел последний разговор с покойником. Из дома покойного приносили на кладбище кувшинчик с водой. К кувшинчику привязывали большой белый платок. После похорон мулла поливал этой водой могилу. Табасаранцы верили, что эта вода «пробуждает» умершего. На наш взгляд, здесь следует видеть связь воды с культом мертвых[77]. Платок отдавали мулле, а всем участникам похорон раздавали деньги, лоскутки новой материи, сладости.

Интересно отметить, что некоторые информаторы говорят, что обычай впервые поливать могилу водой пошел от пророка Мухаммеда. По преданиям, во время сражений и походов погибали в походах и люди Мухаммеда. В суровых условиях тех мест и при затяжных ветрах могилы, засыпанные песком, сдувало ветром. Чтобы как-то удержать песок на могиле, якобы Мухаммед велел поливать ее водой. Со временем этот обычай стали трактовать иначе.

У табасаранцев был тип грунтового захоронения. Могилу копали обычно в день захоронения люди из другого тухума. Глубина могилы для женщин, мужчин и детей была различной. Могилы, выкопанные для женщин, были глубже. Одни информаторы объясняют это тем, что женщины пугливее мужчин, другие, тем, что у женщин больше грехов, отсюда и большая глубина их могилы. Вообще, глубина женских могил измерялась в человеческий рост, для мужчин по грудь, а детских по пояс. Особенностью могил была боковая ниша — углубление в сторону вдоль всей могилы на 50—60 см ширины и такой же высоты, куда укладывали умершего. В могиле над покойником сооружали наклонный навес из досок (жердей, камня), нижние концы которых упирались в дно могилы, а верхние в—противоположную стенку.

В XIX—начале XX в. встречались разные виды надмогильных сооружений, а часть могил вообще не имела надгробий. Местные жители рассказывали, что раньше на могилу ставили каменный столб, обычно на местоположение головы покойника. На него наносили иногда какие-то знаки — геометрический резной орнамент, лабиринт, схематические изображения человека[78], а позднее стали высекать надписи арабскими буквами. На кладбище очень широко были распространены надмогильные сооружения—мавзолеи (пиры). Издали кладбища из-за них были похожи на деревни. В некоторых селениях каждый тухум имел свое отдельное кладбище (см.выше).

В традиционной похоронной обрядности большое значение придавалось поминовению усопших. Поминки не были строго регламентированы и в разных селах их справляли в разное время. Был обычай справлять поминки в день похорон (в некоторых селах), через три дня после похорон, в первую пятницу «джуми»[74], которая наступала после 3-х дней, через сорок дней и через год. Некоторые табасаранцы устраивали поминки и на 52-й день. Весьма широко бытовал обычай справлять небольшие поминки с чтением молитвы и раздачей милостыни в праздник «ураза» и «курбан». Из всех дней поминовения 52-й день считался наиболее тяжелым для покойника, так как у того якобы на 52-й день мясо начинает отделяться от костей.

Как видно из приведенного выше материала, практически у всех табасаранцев в XIX—начале XX в. в поминках и сопровождавших их трапезах отмечались черты, не совместимые с мусульманской религией и налицо остатки древнейших языческих верований. На поминки приглашали муллу, людей пожилого возраста, родственников, соседей и друзей. Сначала после прочтения молитвы устраивали угощение старикам, затем после мужчин угощали женщин. Угощение также завершалось молитвой. Дети на поминках никогда почти не присутствовали. Очень часто поминки приводили к разорению крестьянские хозяйства, хотя родственники оказывали посильную помощь и поддержку семье покойного.

По обычаю близкие родственницы и родственники умершего определенное время соблюдали траур. Сроки траура были различными. Это зависело от возраста и пола покойного, от положения, которое он занимал в семье, обществе. Обычно же для родственников траур длился сорок дней, для самых близких — год. В исключительных случаях траур носили 2—3—5 лет. В знак траура женщины носили черную (темную) одежду, мужчины отпускали бороду.

В сел. Хоредж вдове после 40 дней на могиле умершего давали официальное разрешение снять траур и выйти замуж, если она этого желает. Если же она отказывалась выходить замуж, она должна была носить траур в течение года. При этом она должна была все время сидеть дома. В сел. Чувек близкие родственницы должны были все время оставаться в одежде, в которой были в день похорон. Они ходили в этих платьях до тех пор, пока они не превратятся в лохмотья. В Ханаге, если умер молодой юноша, его родственники в течение 40 дней соблюдали траур, если пожилой —5—6 дней. В Арките сроки траура были следующие: траур для односельчан—3 дня, для близких родственников—40 дней, для остальных —7 дней. В сел. Атрик родственники-мужчины в течение 40 дней в знак траура не садились на коня.

Во всех табасаранских селениях в период траура женщины днем не выходили из дома. И после снятия траура близкие родственницы умершего избегали надевать новые платья, платья с ярким рисунком и т.д.

Во всех селениях был обычай: по возвращении домой (после похорон) все женщины, не входя в дом, мыли лицо, руки. Все мужчины также после возвращения с кладбища мыли руки. Эти гигиенические обычаи мытья рук, лица по возвращении из дома покойного и с кладбища облекались в магическую форму и связывались, несомненно, с верованием в магическую силу воды.

Комплекс обрядов, совершавшихся при смерти человека, был весьма сложен и варьировался в зависимости от возраста, пола, обстоятельств смерти. Хотя в целом у табасаранцев существовал единый похоронный обрядовый комплекс, однако у разных групп (южных, северных) в деталях обряда существовали свои специфические локальные особенности, т. е. похоронный обрядовый комплекс у южных и северных табасаранцев не был единообразным. Особым своеобразием отличались похоронные обряды южных табасаранцев. К их числу относится обряд «наряжения» фруктового «деревца» на похоронах безвременно умерших молодых людей, т.е. имитируются некоторые свадебные обычаи[80].

Особенность ритуала состоит в том, что когда умирал молодой человек или жених, родители умершего или родители невесты, родственники устанавливали во дворе фруктовое «деревцо», сделанное из срубленных яблоневых веток, на которое навешивали сладкие маленькие свадебные хлебцы, яйца, выкрашенные в черный цвет, черную курицу, истекающую кровью вниз головой, фрукты, орехи и все подарки, приготовленные матерью юноши для будущей невесты (платки, отрезы, носки и т. д.).

Все родственницы также приходили с подарками и навешивали их на «деревцо». Обычно они приносили то, что они принесли бы на его свадьбу. Предварительно все навешиваемые на «деревцо» предметы обмазывали в саже в черный цвет.

Во время похорон вместе с умершим на кладбище несли и «деревцо», которое устанавливали на могиле. Уже на кладбище часть подарков раздавали присутствующим, часть приводили в негодность (рвали на куски) и разбрасывали на могиле (для «освобождения» души—по мнению информаторов). По нашему убеждению, в основе обычая портить вещи находится концепция: «вид или качество предметов должны соответствовать качеству человека, которому они принадлежат. Человек умер—он стал «другим», соответственно и принадлежащие ему предметы должны быть «другими»[81].

В Югославии, например, на похоронах юношей или девушек на кладбище участники похоронной процессии получают подарки, которые готовились для раздачи на свадьбе. Если хоронили девушку-невесту, то ее мать раздает приготовленные к свадьбе дары, но прежде их приводят в негодность[82].

Обряд «наряжения» фруктовых деревьев бытовал почти среди всех южных табасаранцев. Однако он в различных селах имел некоторые локальные варианты. Так, в одних селах (Куштиль, Хив), когда шли хоронить, само «деревцо» на кладбище с собой не брали. Здесь обычно вещи с «деревца» снимали и несли на ру-

ках, а «деревцо» оставляли во дворе. В других селах (Лака, Хоредж, Куштиль, Кондик, Зильдик, Варта, Цудук, и др.) во главе похоронной процессии шли друзья умершего молодого человека с «деревцом», которое несли поочередно, так же как и покойного.

В сел. Варта, Цудук такое «деревцо» приносила с собой каждая родственница. В отличие от других в этих двух селах рядом с черными вещами навешивали и красные. В сел. Чере все соседи, родственники приносили подарки, которые они приготовили для невесты, и привязывали к деревцу. Здесь также бытовало несколько деревьев. Их обычно приносили родственники. На кладбище вещи с деревцев снимали и клали около могилы.

Этот обряд имеет некоторые особенности в зависимости от того, кто умерший,—жених или молодой человек. Если хоронили молодого человека, за которого засватана девушка, с таким «деревцом»[83] в дом жениха приходила мать невесты со своей дочкой и родственницами. Они же с «деревцом» шли на кладбище. На «деревцо» невеста навешивала все подарки, приготовленные для раздачи родственникам жениха на свадьбе, кроме продуктов.

Совершенно особняком стоит обычай, когда «деревцо» в дом умершего жениха приносит отец невесты в сопровождении дочери и родственников (сел. Ашага-Ярак). Он же с «деревцом» возглавлял и похоронную процессию. Если у невесты не было отца, то «деревцо» нес ее брат или дядя по отцовской линии. После похорон деревцо втыкали в могилу и уходили. В этот день или в последующие дни дети разбирали все яства.

Во всех селениях после похорон вещи с «деревца» снимали и раздавали присутствующим: тем кто готовил могилу, потом всем остальным участникам похорон, после пустое «деревцо» бросали на могилу. В сел. Зильдик один отрез, снятый с «деревца», завязывали на надгробный камень.

Мотив украшенного яствами дерева в похоронно-поминальных обрядах—одна из распространеннейших традиций многих народов мира. У осетин «во время некоторых больших поминок устраивали «алам»—сооружение из скрещенных жердей, опутанных нитями, на которые были нанизаны фрукты, орехи, пряники, конфеты. Алам везли на кладбище, позволяя по дороге молодежи сбивать с него лакомства, которые доставались главным образом детям, и сооружали его у могилы»[84].

У некоторых славянских народов в похоронах холостых «деревцо» фигурирует на протяжении всего ритуала от снаряжения покойника до его могилы. Комплекс «действ» с деревцом здесь был направлен на поддержание нормального, непрекращающегося течения жизни и содействие вечному ее воссозданию. Кроме того, «деревцо» здесь служит как посредник во взаимосвязях миров»[85].

У некоторых народов украшенные яствами фруктовые «деревца» фигурируют как элемент трудовых праздников. В данном случае «деревцо» с яствами символизирует собою будущий богатый урожай» (А. Г. Булатова). У табасаранцев, кайтагских кумыков и др. украшенные яствами фруктовые «деревца» фигурируют как

элемент свадебного обряда. И в данном случае присутствие «деревца» на свадьбе связывалось с плодородием, изобилием. Надо еще полагать наличие здесь связи наряженного «деревца» с культом деревьев вообще, который связывался с идеей бессмертия, вечного возрождения (Н. Н. Велецкая).

Это дает нам основание заключить, что использование свадебного реквизита на похоронах является традицией, связанной с языческими верованиями, согласно которым неженатому молодому человеку предстоит брак на «том свете»—характерные язычеству эсхатологические представления, по которым прерванный на земле жизненный цикл продолжается на «том свете», т.е. «деревцо»—символ бессмертия.

Возможно, что табасаранцы в далеком прошлом, как и многие славянские народы, приготовленные к свадьбе дары не раздавали, а хоронили вместе с умершим[86].

Таким образом, комплекс «действ» с «деревцом» направлен на приобщение к вечной жизни умершего, т.е. на поддержание нормального, непрекращающегося течения жизни и содействие вечному ее воссозданию.

Во всех без исключения селениях на похороны своего жениха приходила невеста. В сел. Чувек в доме жениха она оставалась 2 дня, а когда она возвращалась домой, ей отдавали часть вещей, приготовленных для нее. Невеста с собой в дом жениха приносила платок, которым накрывала тело умершего. В Куштиле в доме жениха невеста оставалась три дня. В течение этих дней мать жениха шила ей траурную одежду, которую невеста носила 40 дней. В Кондике на кладбище родители жениха дарили невесте белый платок. Этим они желали ей в дальнейшем счастья. В Араке в доме жениха невеста оставалась неделю.

В тех селениях, где не было обычая устанавливать «деревцо», невеста приходила в дом жениха с подносом «хунча», на котором лежали черные носки, платки, продукты питания, т. е. все вещи, приготовленные для свадьбы.

В сел. Дюбек был обычай, если умер молодой юноша, всю его одежду нести на кладбище, разрезать на куски и раздавать присутствующим.

При смерти молодой девушки-невесты, ее хоронили в свадебном наряде. И здесь участникам похоронной процессии раздавали подарки, которые готовились для раздачи на свадьбе, и подарки от жениха, которые были принесены ей в день сватовства. Но предварительно вещи приводились в негодность.

В сел. Арак был обычай: при смерти невесты ее родители варили яйца, красили их в черный цвет и на подносе выносили раздавать всем присутствующим и прохожим (яйцо—символ жизни, символ возрождения жизни).

Немало своеобразного было в погребальных обрядах детей. Табасаранцы несли умершего ребенка на кладбище не на носилках, а на руках, а очень маленького на подушке. Часто именем умершего называли следующего ребенка в семье.

Во всех табасаранских селениях был обычай ставить памятники погибшим или умершим на чужбине родственникам. Могилу в этом случае не рыли, но делали холмик и устанавливали камень. Такие могилы называются «гюмбет».

В заключение следует сказать, что хотя в целом погребально-поминальный цикл в XIX—начале XX в. был несравненно сильнее исламизирован, чем обычаи и обряды брачно-семейного и детского циклов, однако и здесь мусульманский ритуал не сумел вытеснить древнюю языческую обрядность. В похоронных обрядах в XIX—начале XX в. переплетались черты, связанные с мусульманской религией, и черты домусульманского времени. Среди них отдельные элементы можно, видимо, ассоциировать с чертами погребального обряда раннего периода. К архаичным чертам можно отнести оплакивание с самоистязанием, обряд отрезания кос, сопровождение покойного отдельными предметами, некоторые поминальные трапезы на могилах и целый ряд других фактов, отразивших языческие представления и обычаи.

В погребальном обряде табасаранцев наблюдается много явлений, сходных или полностью совпадавших с такого рода явлениями у других народов Дагестана.

Как видно из материала, различия в обычаях и обрядах, бытовавших в исследуемый период в Южном и Северном Табасаране, незначительны. Можно назвать лишь похороны безвременно умерших молодых людей и некоторые другие. Различия можно увидеть в сроках поминок. Однако это не нарушает в целом единства табасаранского похоронно-поминального ритуала.

Если в свадебной, детской обрядностях на современном этапе отмечаются довольно значительные изменения по сравнению с дореволюционным временем, то этого мы не можем сказать относительно похоронного и поминального обрядов, которые оказались довольно консервативными, устойчивыми. Но и в этой сфере все же наблюдаются кое-какие сдвиги, хотя проявляются они чаще в единичных случаях. Значительную роль здесь продолжают играть предрассудки, связанные с религиозными верованиями. Обычно все руководство похоронами берут на себя старики и проводят их по старым обычаям.

Изучение семейного быта табасаранцев позволяет нам сделать заключение, что табасаранская семья прошла длинный и сложный путь развития. Со второй половины XIX в. с развитием капитализма, проникновением товарно-денежных отношений, ростом роли денег в крестьянском хозяйстве и др. идет интенсивный процесс разложения натурального хозяйства и усиления классового расслоения. Этот процесс оказал большое воздействие и на семью и семейный быт. Он ускорил начавшийся значительно раньше распад большой патриархальной семьи.

В рассматриваемый период у табасаранцев сосуществуют две формы семьи: большая патриархальная в своей пережиточной форме, которая получила в этнографической литературе название неразделенной, и малая. Преобладающей формой становится малая

индивидуальная семья. К концу XIX века распространенными становятся именно малые семьи.

Анализ материалов показывает, что интенсивность распада больших неразделенных семей была неодинаковой в Северном и Южном Табасаране. Северные табасаранцы раньше южных были втянуты в русло товарно-денежных отношений. Поэтому у южных табасаранцев большие неразделенные семьи продолжали сохраняться дольше. И после раздела семейной общины в большинстве случаев все еще продолжали сохраняться некоторые пережитки большесемейной организации—в общем пользовании оставались еще некоторые хозяйственные постройки, пахотные и сенокосные участки, рабочий скот и некоторое имущество. Эти традиции были достаточно сильными и некоторые из них бытовали вплоть до 30 годов XX в.

В целом в традициях семейного быта, в семейных обрядах и обычаях явно прослеживаются специфические черты, развитие которых происходило в русле местных традиций и условий, хотя ощущалось и влияние соседей и других дагестанских народов.

ГЛАВА V. ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ ТАБАСАРАНЦЕВ В XIX—НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В кратком историческом очерке мы уже говорили, что в политическом отношении в XIX—начале XX в. Табасаран не представлял единого целого. Здесь было два самостоятельных феодальных владения—майсумство и владение кадия, бекства и союзы сельских обществ, известные под названием магалов. Союзы сельских обществ обычно объединялись по территориальному признаку. Так, в XVIII—начале XIX в. в Табасаране основными союзами сельских обществ были Кырах, Чуркул, Кухрук, Сувак, Нитриг, Дрич. Каждый союз сельских обществ имел свои органы правления[1].

Высшим органом для горного узденского Табасарана, не входящего во владения майсума и кадия, было собрание (сход) представителей всех союзов сельских обществ (джамаатов). Магалы, составлявшие «вольный Табасаран, в том числе и Кераг магал, имели свое особое правление и собирались каждой весной, часто 2—3 раза в год, в местности Джагал для решения важных вопросов. В таких сходах участвовал весь народ, так что из каждого семейства обязан быть на оном один человек непременно, в противном случае небывающие подвергаются штрафу, который образуется в пользу общества. Собрание бывает по предмету независимости всеобщего согласия и управления. Все дела и советы решаются в оном с общего согласия, каждый имеет право делать предложения, заключения и опровергать оные»[2].

На сходах представителей всех союзов сельских обществ обсуждался и решался широкий круг вопросов, касающихся всего джамаата—внутриполитические, внешнеполитические, экономические, уголовные, регулировались ссоры между джамаатами союза

сельских обществ. Решались также вопросы, связанные с иноземной опасностью. Среди них важное место занимали земельные вопросы.

Представители джамаатов отдельных союзов сельских обществ (магалов) собирались и на общемагальный сход. Решались здесь обычно те вопросы, которые касались непосредственно данного союза. Собрание в данном случае происходило в центре этих союзов на гуме. Кроме того, каждое из селений, входившее в состав союза, также имело свое сельское (джамаатское) управление, представлявшее низовую политическую единицу сельских обществ.

На сельском сходе решались самые разнообразные вопросы (исключая внешнеполитические): земельные споры, о пользовании пастбищами, сдача общинных земель в аренду, строительство и ремонт дорог, мостов, оросительных каналов, условия найма чабанов и пастухов. Здесь же оговаривали начало и окончание сельскохозяйственных работ. На сельских сходах решали вопросы о сдаче вакуфных земель в аренду и т.д. Здесь же регулировались отношения между отдельными тухумами внутри аула, отношения данного джамаата с соседними джамаатами. Решались здесь и вопросы, связанные с убийством, воровством.

На сходе принимали участие все совершеннолетние мужчины данного аула. Решения принимались большинством голосов. Недовольный решением сельского схода мог обратиться к магальному старшине. Магальный старшина выносил окончательное решение по апелляции, исходя из адатов. Магальные кадии и эфендии также являлись высшей инстанцией при решении дел, поступивших к ним от жителей, недовольных решением сельских мулл. «Если при обсуждении вопросов наблюдались большое «напряжение и неудовольствие», магальный кавха собирал жителей всех селений, входивших в магал»[3].

Обычно джамаат состоял из тухумов. Сельская община включала в свой состав и местную зажиточную верхушку, что, конечно, хотя на сходе решение принималось большинством голосов, при обсуждении вопросов, касающихся всего джамаата, решающее слово всегда оставалось за представителями сильных и богатых тухумов[4].

Управление джамаатом осуществлялось выборными органами, т.е. сложилась «особая сельская администрация». Каждое из селений имело совет старейшин—«кьабидар», куда входили представители от тухумов. Во главе схода и совета старейшин стоял старшина (кевха). В сельское (джамаатское) управление, кроме старейшин «кьабидар» и «кевха», входили исполнители (чауши), гюзрар (надсмотрщики полей), кази. Обычно местом сельского схода служила площадка вблизи мечети.

Сход избирал сельских старшин (кевха). Но феодальные владетели в обязательном порядке утверждали этих старшин. «Так, табасаранский кадий утверждал избираемых на сходе сельских старшин кошанского магала. В этом магале споры жителей сельских обществ разбирались на сходе при участии старшин. Недо-

вольные решением сельского схода могли обращаться к кадию, который выносил окончательное решение»[5]. Таким образом феодальные владетели постепенно ограничивали самостоятельность сельского схода и его исполнительных органов, сосредоточивая власть в своих руках.

Сельские старшины избирались из одних и тех же фамилий сильных тухумов, что привело впоследствии к наследованию этой должности. «Кевха и бакавулы были наследственны, а кизиляры —выборные»[6],—написано в документе. В селениях узденских магалов Сувак, Дрич старшины избирались из известных тухумов, от одного до четырех в каждом селении. В сел.Хив кевха наследственно избирался из тухума Сейдар, в селении Кондик—из тухума Аксакаляр[7]. В сел.Атрик кевху избирали все время из тухума КIиркIар (самый состоятельный тухум). В сел. Вичрик кевху также избирали из состоятельной семьи[8]. Должность кевхи здесь также была наследственной. В ауле Ругуж «кевху выбирали из тухума Гусейнбая, в Халаге—из Карлар и т. д.»[9]. Имена некоторых ругужских (Шах-бан), хивских (Пир-Мамет) кевхов встречаются и в источниках[10].

В Табасаране, кроме обычных кевхов (старшин), имелись еще магальные кевхи или старшие кевхи, которые именовались «ахи-кевха» или «ахи-сакалы». Они жили в сел.Ругудж, Храк и Хив[11]. Эти главные старшины разбирали жалобы членов джамаатов узденского Табасарана и сообщали свое решение в аул для исполнения. Обычно недовольный решением сельского старшины мог обратиться к одному из трех главных старшин. Тот рассматривал дело истца и свое решение сообщал старшине аула для исполнения. Решение ахи-сакалов ни в коем случае нельзя было нарушить или не исполнить[12]. «Главные старшины собирали народ, когда нужно было произвести общее восстание или для разбора дела по важным делам: убийствам, прелюбодеяниям, грабежам и большим воровствам»[13]. Фактически они управляли всеми союзами сельских обществ Табасарана. Когда случалось убийство, жители всех трех селений собирались вместе, судили убийцу и налагали на него штраф в шесть быков[14]. Из них: одна штука «трем главным старшинам; 1 их чавушам и 4 для населения союза; за воровство и грабежи—1 шт. рогатого скота»[15].

Влияние этих трех кевхов было сильным не только на джамааты союзов сельских обществ, но и на политическую власть майсума и кадия. Старший кевха магала Суак, избиравшийся из известного тухума, жил в селении Ляхля, магальный кадий Суака жил в селении Чувек и также избирался из одного и того же тухума[16].

Кроме упомянутых трех ахи-сакалов, был известен и ханакский ахи-сакал (отличающийся даром слова), который имел влияние на весь Кухрикский магал и сам собирал этот магал на общую сходку независимо от других магалов. Но он подчинялся главным старшинам[17].

Главные старшины сельских обществ защищали общинные зем-

ли от захвата их частными и феодальными владетелями. Они регулировали ссоры с соседними союзами, табасаранскими феодальными владетелями и соседними народами. Как сельские старшины, так и магальные при решении спорных вопросов руководствовались адатами.

В обязанности кевхов входило: исполнение решения сельских сходов, разбор дел по искам и спорам. Они должны были контролировать состояние дорог, мостов, следить за правильным использованием леса. Они же регулировали отношения между тухумами, отдельными джамаатами, следили за общинными угодьями. Они же отвечали за аульское ополчение, помогали взимать повинности. Кевхи находились в определенной связи с майсумом, кадием, беками. Они освобождались от всех видов повинностей, которые должны были нести остальные крестьяне[18].

Решения старшего или магального кевхи приводились в исполнение через должностных лиц сельского управления (чауши) и «почетных» жителей[19]. В зависимости от величины аула избиралось от одного до трех-четырех чауша. К сельскому управлению принадлежали и надсмотрщики полей, называемые «гюзрар» и избираемые на летнее время. Их количество также зависело от величины аула. В больших аулах их число равнялось 12. По сведениям информаторов, гюзрар в обязательном порядке должны были перед джамаатом поклясться, что службу свою они будут нести честно. Это было обязательное условие схода. Кроме них, каждый год на сходе избирались 2 векила—почетные старики—представители от джамаата.

Как кевха, так и чауши в ряде мест получали определенную плату за услуги от членов джамаата, а также часть штрафов, взимаемых за кражи, убийства[20]. «Доходы гюзера (гюзрар.— **А. Б.**) заключались в следующем: по 1 или ½ сабы ячменя или пшеницы со двора за летнее время, кроме того, в их пользу шел штраф за потраву (в первый раз—чурек, во второй—киля ячменя или пшеницы, в третий—саба хлеба, высший штраф»[21]. Они имели доходы и от участия в решении споров между отдельными тухумами и отдельными семьями. Кроме означенных штрафов, главные старшины никакого вознаграждения от общества не получали[22].

Кевхи, как правило, имели больше скота, земли. Хотя рядовые общинники—уздени имели одинаковые права с кевхами и богатыми узденями, по отношению к общинным землям, аульская верхушка, богатые тухумы извлекали гораздо больше пользы от лесов, угодий. Некоторые кевхи, богатые уздени имели наемную рабочую силу— домашних работников. Так, по сведениям информаторов, кевха Магомед из. сел. Атрик имел около 1000 овец, 50 дойных коров, столько же рабочего скота, 100 лошадей. Обслуживали его рядовые крестьяне по договору. За работу крестьянин получал от кевхи за год 1 корову. У кевхи Магомеда были свои нукеры (три нукера). Нукеры называли его бегом.

Большое влияние на джамаат имели и духовные лица.

Местами народных сходов были: «Харба-Куран (ниже сел. Татиля); Хапил—площадь впереди сел. Ханаг; Куркариндаграк—выше Хушней (Хучни.—**А. Б.**); в сторону сел. Кюрюх; Бакантыль—в середине Кухрикского магала близ сел. Кувлиг; Уршарик—между селениями Хурсиль и Бухнах; Хума—между селениями Храхом, Шиля и Худжником Чехтиль-Суваксого магала Южной Табасарани—ниже сел. Фергиль; Гюнирацарих—выше сел. Гучтыль (Дырчинского магала Южной Табасарани); Гарзиг—между Кугом и Яргилем (Южной Табасарани); Чалакарин Дагран—между селениями Яргилом и Чилаком (Южной Табасарани)»[23].

Система общинно-административного управления и сельского судопроизводства у табасаранцев была основана на адате и шариате. По шариату решались дела, связанные с наследованием (имущественные), с семейными отношениями; уголовные и прочие дела (отношения между тухумами, джамаатами, спорные вопросы, и т. д.) регулировались на основе адатов.

После присоединения Дагестана к России все больший вес в делах общины приобретает старшина, представлявший в селе официальную власть в соответствии с колониальными интересами царизма, а права древнего органа народного управления—схода в значительной степени ограничиваются, хотя формально старшина по-прежнему продолжает выбираться на сходе. Что касается других членов сельского управления, то старшина их уже назначал по своему усмотрению.

Хотя все важнейшие гражданские и уголовные дела были изъяты из сферы общинного судопроизводства и переданы в ведение окружных судов, в повседневной жизни табасаранцев большое значение по-прежнему имела действовавшая повсеместно форма судопроизводства, известная под названием мясляьт («кьабидарин мясляьт»). Сущность данной формы судопроизводства заключается в том, что, по взаимному соглашению сторон, дело могло рассматриваться и посредниками, которых обычно назначали сами стороны (истец и ответчик)[24]. В любом случае посредники должны были быть уважаемыми людьми в ауле. По-прежнему спорные, исковые дела по правонарушениям разбирал диван на основе адата.

Несколько слов о табасаранском тухуме. Табасаранский тухум исследуемого времени, так же, как и весь дагестанский, не был родовым[25]. «В состав тухума в XIX в. входили индивидуальные семьи, имевшие свою частную собственность (на двор, скот, земли и т.д.) и занимавшие различное экономическое и политическое положение в общине»[26].

Тухумы табасаранцев, как и других дагестанцев, складывались из 6—8 и более поколений. Родственные группы обозначились терминами «мирасар», «къам», «сихил», «насил» («несил»—ургинско-вертильский диалектный вариант), «асул», «жинс». Все табасаранцы хорошо различали ближнее и дальнее родство. Тухум считался самым большим родственным коллективом, который имел несколько разветвившихся поколений. Встречались большие тухумы, состоящие из нескольких «сихил». Дальней-

шее разрастание «сихила» образовывало родственный коллектив под названием «дастар» или «насил». Так, в сел. Кондик было 6 тухумов — «чIинкIиндар», «жердрандар», «мяллягъиндар», «пириндар», «уьругъиндар», «аьлягъиндар». В тухум «чIинкIиндар» входили 2 сихила (Бякъяр, Гъамбриндар); в «жердрандар»—6 (Дашар, СимитIриндар, Аьшагъиндар, Михиндар, Мазиндар, КIакIхар); в «мяллягъиндар»—5 (Къутиндар, Гъястар, Истимутар, Мямчар, Бахтнандар); в «пириндар»—4 (Маллайиндар, Батиндар, Гутърандар, Маллакъундиндар); «уьругъиндар»—3 (Царубендар, Мягьмаджариндар, Мазаниндар); «аълягъиндар»—2 «сихила» (Авайиндар, Истхар).

Если термин «мирасар» обозначал совокупность вообще всех предполагаемых родственных групп по мужской линии, то близких родственников табасаранцы называли «багать мирасар», тогда как дальнее родство обозначалось терминами «ярхла мирасар» или «багатьлуяр». Начиная со ступени «ярхла мирасар», в иерархии родственных союзов табасаранцев все более слабыми становились непосредственные связи родственников.

Табасаранцы различали еще родственные группы «бачукI тереф» (ряд папахи) или отцовская линия и «лакач терефнан» (ряд по платку)—материнская линия. Родственная группа «асул» предполагала людей, происшедших от одного отца (дед—отец—сын—внук—правнук и т. д.). Далее «асули» дробились и расселялись.

В конце XIX, кое-где и в начале XX в. группа близких родственников «багать мирасар» продолжала сохранять коллективную собственность на землю, сенокосные участки, мельницы, сельскохозяйственный инвентарь. Полевые материалы свидетельствуют о том, что в XIX в. «багать мирасар» жили по кварталам. В эту группу входили, как малые, так и большие семьи, которые вели многие хозяйственные работы на основе взаимопомощи. «Багать мирасар» было присуще и идеологическое единство. Каждый тухум имел свой небольшой годекан («гим»), где проводились сборища членов тухума. В большинстве селений каждый тухум имел свое отдельное кладбище, а в некоторых —свой участок на общесельском кладбище. Отдельные кладбища имеются и в наше время. Так, в сел.Туруф и сейчас 4 участка и тухумов также четыре. В 1966 г. после землетрясения жители небольшого сел. Джахдыг переселились в сел. Тинит. До переселения в Джахдыге было три кладбища (тухумов также 3). Хотя все принимали активное участие в делах любой семьи тухума, но на «багать мирасар» лежал ряд обязанностей во время семейных событий (свадьба, похороны, прием гостей, кровная месть и т.д.).

Все тухумы в Табасаране имели свои наименования. Названием тухума в большинстве случаев служило имя предка. Часто тухумы носили названия в зависимости от рода занятий предка. Так, например, почти во всех селениях есть тухум «малларажар». Некоторые тухумы носят клички. Например, в сел. Кужник был тухум «сулар» («лиса»), в сел. Гуми—тухум «маллакъар» по имени пред-

ка—Молла-Али. Главу тухума все члены тухума называли «къадаш», а его жену «деде». «Мнение главы тохума спрашивают, когда нужно женить сына или выдать дочь замуж; при убийствах и покалениях глава тохума устраивает примирение и угощение. Во всех случаях жизни он следит за поведением членов тохума, наставляет их или делает им выговоры»[27].

В Табасаране был такой обычай, когда какой-то чужак, чтобы не жить одному, по обоюдному желанию сторон, присоединялся к какому-нибудь тухуму, обычно к тому, где он поселился жить. Если он нужный для общества человек, его оставляли в селе и принимали в тухум. Такого человека называли «гъураба». Слово «гъураба» в переводе с арабского означает «близкий», «родной», сосед. Здесь же был обычай, по которому «...лицо, недовольное своим родом, забравши предварительно свое имущество, отдавало себя под покровительство отдельного лица или целого тухума. Это было известно под наименованием отдачи себя на жизнь и смерть. Отдавшийся таким порядком, хотя и продолжал владеть по-прежнему своим имуществом, но терял право на его отчуждение...»[28]

В исследуемое время явно выступало экономическое и политическое неравенство между отдельными членами тухума. Об этом свидетельствуют и документы архива. По этим документам некоторые члены тухумов имели до 100 и более баранов. Таких было меньшинство. Были уздени, которые имели от 5 до 20 баранов, но были и такие, которые не имели их вообще. Так же обстояло дело с землей. Члены богатых тухумов имели мюлък, засеваемый «от 10 до 15 саб посеву, и покосы от 10—12 саней сена (сани соответствуют сабе); средние величины мюлька — от 10 до 15 саб посеву пахотной земли, покосной 5 или 6 саней сена, есть и такие дворы, которые совсем не имеют земли[29].

Обычай взаимопомощи

Одним из традиционных обычаев для табасаранцев, как и для многих других народов Дагестана, был обычай взаимопомощи— «мил», заключавшийся в трудовой помощи друг другу родственников, соседей, односельчан, друзей, кунаков в сельскохозяйственных работах, при строительстве дома и т. д.

В исследуемое время в Табасаране в случае необходимости каждой семье была гарантирована безвозмездная помощь со стороны близких и дальних родственников, соседей, близких друзей, кунаков, как в хозяйственной, так и в семейно-бытовой жизни. Родственники помогали друг другу во время свадьбы,в сборе приданого для невесты, уплате калыма, при рождении ребенка, при похоронах, поминках и т.д. К соседям, родственникам обращались за помощью при кризисных ситуациях, например, при неурожае, при падеже скота и т. д.

Напряженный труд, сложные климатические условия, низкий технический уровень сельского хозяйства с преобладанием ручного

труда способствовали сохранению среди табасаранцев коллективных форм труда. Такая форма труда практиковалась и при выполнении других трудоемких работ — строительстве дома, заготовке леса, камней, косьбе сена. Совместными были весенние работы (пахота, посев) и осенние—сбор урожая. Крестьяне объединялись обычно для выполнения большей частью трудоемких работ. По обычаю работы эти не оплачивались (за исключением работы нанятых мастеров), устраивалось лишь общее угощение.

«Мил» объединял людей различных возрастов и пола. Однако выполнение некоторых работ, так же, как и у других народов[30], требовало объединения людей по половозрастному признаку. Так, например, на пахоту и сев приглашались только опытные и пожилые мужчины, на заготовку камней и леса—только мужчины, для расчесывания шерсти—только молодые девушки и женщины и т.д.

К взаимопомощи «мил» табасаранцы прибегали часто в разгар сельскохозяйственных работ. Если наиболее простые операции (возделывание огородных и садовых культур, починка рабочего инвентаря) осуществлялись трудом отдельной семьи, то для выполнения трудоемких и срочных работ (унавоживание полей, прополка, сбор урожая, стрижка овец, заготовка кормов), которые должны проводиться в предельно сжатые сроки, часто не достаточно было трудовых ресурсов одной семьи. Даже при самой напряженной работе крестьян самостоятельно одна семья выполнить вовремя их не успевала. Поэтому приходилось прибегать к помощи односельчан.

Подобные формы взаимопомощи характерны и для других дагестанских народностей. Так, «из-за недостачи рабочего скота, нехватки оборудования и рабочей силы даргинцы постоянно в течение сельскохозяйственного года прибегали к обычаю родственной взаимопомощи—вука»[31].

Взаимопомощь оказывалась и при сборе винограда. Нередко табасаранцы за такого рода помощью обращались даже к жителям других сел, в соседние районы. Так, например, жители с. Дюбек постоянно пользовались услугами своих кунаков из Кайтага.

Особенно часто взаимопомощь оказывали при строительстве домов. В Табасаране «мил» обычно устраивали для перекрытия крыши дома и обмазки стен. Возведение же стен в основном производили сами хозяева или же приглашенный со стороны (за определенную плату) мастер. В любом случае все родственницы приходили со специальными флагами (материал, прикрепленный к шесту). Эти флаги в дальнейшем шли в пользу мастеров. Если стены возводил платный мастер, то все члены тухума до конца строительства по очереди носили ему еду. На «мил», устраиваемый при обмазке и перекрытии дома, приходили все—мужчины, женщины, дети. Обычно мужчины готовили глину, женщины обмазывали стены, девочки подносили им глину. Был обычай при обмазке и перекрытии нового дома приносить «гьайкалы» (амулеты). Накануне молодые девушки изготавливали их из множества разноцветных лоскутков, стараясь превзойти в мастерстве друг друга.

Это был своеобразный смотр мастерства, таланта и изобретательства девушек. «Гьайкалы» вывешивались на видном месте. Они состояли из множества треугольничков разных размеров, прикрепленных между собой. Основание «гьайкала» вырезали из твердого материала в виде треугольника, а затем его обшивали материей. На самом верху должен был быть «гьайкал» самый крупный, далее все меньше и меньше. К «гьайкалам» покрупнее подшивались поменьше, к ним еще меньше и т.д. К самой вершине прикрепляли яйцо в кружевном чехле. Таких «гьайкалов» на миле бывало несколько десятков. Они оставались там висеть год—два, т.е. до тех пор, пока их не сдует ветер. Только после того, как вывешивались «гьайкалы», начинали кидать землю на крышу.

В Табасаране широко был распространен обычай устраивать «милы» для расчесывания шерсти. На них обычно собирались осенними вечерами после уборки урожая. С этой целью в основном собирали молодых девушек. Когда было тепло, «мил» устраивали прямо на улице или во дворе дома. Иногда в одном селе одновременно происхоило несколько «милов». Сюда приходили и молодые парни, хотя официально они не приглашались. Участников «мила» щедро угощали. Если работа продолжалась до поздней ночи, на «милах» обязательно присутствовало и несколько взрослых женщин. Обычай обязывал каждого участника работать на «миле» лучше, чем у себя дома.

Все коллективные работы без исключения сопровождались танцами, песнями, театрализованными представлениями. Народные песни, танцы оказывали большое эмоциональное воздействие на работающих. Они не только оформляли короткие перерывы между длительным трудом, но и были включены в сами трудовые процессы.

К взаимопомощи прибегали в одинаковой мере как бедняки и середняки, так и зажиточные крестьяне, феодалы. Со стороны феодальной верхушки это была завуалированная форма эксплуатации своих бедных родственников и односельчан. Несмотря на это, эта замечательная традиция, присущая многим народам, не утратила своего значения и в исследуемое время, приняв новые формы, она живет в быту табасаранцев и сегодня, объединяя их в различных жизненных ситуациях: от совместной работы по строительству дома до свадебной и похоронной церемоний.

Гостеприимство и куначество

К древнейшим обычаям, порожденным родовым строем у табасаранцев, относится институт гостеприимства—«хялижви». Любой гость в Табасаране пользовался особым уважением и вниманием и считался гостем не только отдельно взятого хозяина, но и всей семейно-родственной группы, а в исследуемое время и соседей. Возможно, это связано с тем, что в исследуемое время в общественной жизни табасаранцев из-за постоянного ослабления кровнородственных связей все большее место занимают соседские

связи. Соседи, родственные семьи заботились о том, чтобы хозяин не уронил своего достоинства перед гостем.

Гостеприимство табасаранцев распространялось не только на знакомых хозяина и членов его семьи, но и на совершенно незнакомых, нуждающихся в ночлеге и защите.

Далеко за пределами Табасарана были известны имена людей, отличавшихся особым гостеприимством. Это—Абдуриза, Кумалат, Эрзи из сел. Рущуль; Несур, Ахмедхан из сел. Нухдыг; Алибег—из сел. Хурик; Магомед, Къарагъаджи, Расул из сел. Аркит и др. Нарушение закона гостеприимства считалось большим позором не только для самого виновника, но и для всей родственной группы.

В Табасаране, так же, как и у других народов Дагестана, не все кунаки считались одинаково равноценными[32]. Условно гости делились на две категории: 1) кунак, перешедший к семье по наследству[33], и 2) гость очередной, которого приводили представители власти. Точно так же, как и у кумыков, «если у приезжего было несколько кунаков, то один считался главным: приличие требовало, чтобы гость нанес первый визит именно ему. Это соблюдалось и после смерти хозяина—главы семьи. Чтобы не обременить семью своего первостепенного кунака, приезжий мог после визита к нему перейти к другому кунаку, оставляя, однако, в первом доме свою бурку, башлык, кнут, седло и, если была возможность, лошадь»[34]. По рекомендации такого гостя в дом кунака могли приехать и другие гости. К таким гостям в Табасаране относились с еще большим уважением. Хозяин в данном случае заботился не только о том, чтобы гостя хорошо принять, но и о том, чтобы приславший его (кунак хозяина) не уронил своего достоинства перед этим гостем.

Но и очередному гостю оказывались знаки внимания. Прибывшему в село незнакомому редко приходилось ждать появления представителя власти. В Табасаране «новый человек становился гостем того, кто первым заметил его в селении»[35]. И в данном случае хозяин дома обязан был предоставить путнику, если даже он был и кровник, ночлег, пищу, обеспечить безопасность его и его имущества. О гостеприимстве табасаранцев говорят и такие поговорки: «Айран детям, масло гостям», «нарядная комната для гостей, а семейная для детей». В «Адатах по воровствам» (Северный Табасаран) читаем: «Если в чьем-нибудь доме остановился кунак, у которого в ту ночь похитят из конюшни лошадь или скотину и вместе с тем возьмут что-нибудь у хозяина дома, то они оба ищут вора. Если кунак имеет при этом подозрение на домохозяина, то требует от него очистительной присяги. Если же воровство случилось без ущерба домохозяину, то этот последний безоговорочно удовлетворяет своего кунака стоимостью пропажи и сам ищет вора»[36].

Как и на всем Кавказе, в Табасаране за безопасность гостя отвечал не только хозяин, но и весь его тухум. Если в этом была необходимость, каждый из них мстил за убийство гостя.

Важнейшей обязанностью хозяина по отношению к гостю счи-

талось, как было сказано выше, обеспечение его ночлегом. Как мы уже говорили, в Табасаране не было специальных гостевых комнат. Только очень состоятельные семьи имели для приема гостей отдельную комнату «хаялрин хал» (гостевая комната). Чаще всего это была одна из комнат дома, где жила семья, или же комната молодоженов. Такие комнаты убирались более нарядно. В них хранили самое красивое оружие, богатую и нарядную постель, какой-нибудь музыкальный инструмент. Пол в таких комнатах покрывали коврами. Но в дореволюционном табасаранском селе не все крестьяне могли иметь такую свободную комнату. Поэтому очень часто принимали гостя в единственной комнате «хизандин хал».

В тех случаях, когда гостя не могли оставить на ночь из-за того, что не было условий, его после угощения отводили в дом родственника или соседа.

Не у всех были также и специальные коновязи для гостей. Информаторы говорили, что они имелись только у тех, к кому на коне мог приехать гость. В летнее время коновязь находилась за воротами, а зимой на первом этаже в хлеве.

Прием гостей у табасаранцев обставлялся всякого рода знаками внимания. После прибытия гостя хозяин дома и вся его семья заботились только о нем. Даже в самом бедном доме всегда делались запасы на случай приезда гостя, при этом откладывали самое лучшее. По надобности хозяин мог обратиться за помощью и к соседям, родственникам. Обычай поддержки соседями, родственниками семьи, принимающей гостя, был засвидетельствован и у других народов[37].

У табасаранцев было принято здороваться с гостем за руку лишь после того, как он (гость) войдет в комнату и займет положенное место. Такой же обычай был у всех других народностей лезгинской группы. Так, например, А.Омаров пишет об агулах следующее: «Ночью, когда меня привели к назначенному мне кунаку, Гусейну, он встретил меня, по-видимому, радостно, но пригласил в кунацкую комнату без всяких приветствий. С меня сняли сапоги, кинжал и черкеску; потом мне дали овчинный тулуп и посадили около горевшего камина, и только вслед за этим хозяин, взяв меня за руку, поздоровался со мною; за Гусейном подошли два его брата и тоже поздоровались»[38].

Если гость был старше хозяина по возрасту, то хозяин помогал ему раздеться. Если в доме были старшие дети, то заботу о коне они брали на себя. Хозяин дома никогда не спрашивал гостя о цели его приезда, но справлялся о его здоровье и о состоянии семьи.

Одной из наиболее почетных форм проявления уважения к гостю было посещение дома хозяина его родственниками и соседями. Хозяин должен был заботиться о развлечении гостя. С этой целью приглашали певцов, рассказчиков, интересных людей. Родственники, соседи, односельчане считали своей обязанностью оказать почести гостившему у их родственника, односельчанина гостю. Чем

почетнее оказывался гость, тем больше старались проявить к нему уважения, внимания. Собравшиеся в доме родственники, соседи оказывали внимание гостю стоя.

Был обычай, если приезжал кунак, доставшийся по наследству, когда он въезжал в ворота, под его ноги бросать какой-нибудь железный предмет. Такого гостя приветствовала вся семья, в том числе и хозяйка. Если гость был незнакомец, его принимали только мужчины, женщины обычно готовили угощение. Если гость был намного моложе хозяина, то хозяин приглашал к себе своих молодых родственников и соседей. В данном случае ни сам хозяин, ни гость на почетное место «укIирикк» (у стены с правой стороны очага) не садились. С молодым гостем хозяин сидел до тех пор, пока принесут угощение, затем он уходил.

Если гость был старше хозяина, то гостя сажали на самое почетное место. Сам хозяин садился рядом с ним, а не напротив. Если же гость ровесник хозяина, то они садились друг против друга. Если же гость был намного старше хозяина, то старший тухума должен был обязательно приветствовать гостя и присутствовать во время угощения. В данном случае старший тухума садился напротив или рядом с гостем, а хозяин рядом со своим родственником. Таким образом, дифференциация гостей по возрастному признаку в Табасаране носила четко выраженный характер.

Если гость приехал даже на короткое время, хозяин дома не имел права отпускать его без угощения. Для гостя обычно готовили жаркое, плов, хинкал. До подачи угощения гости вели беседу. За столом говорили на темы, которые должны были понравиться гостю. Обычно говорили на отвлеченные, но интересные темы, не затрагивающие конкретно ничьи интересы (об урожае, о погоде). Тут же не навязчиво давали друг другу советы, делились опытом. Разговор о женщинах не вели никогда. Никогда присутствующие не выставляли свои домашние проблемы, не говорили о своих неприятностях, неудачах, не жаловались на жизнь. Считалось совершенно не допустимым оскорбление гостей, нанесение им раны или убийство. Нанести оскорбление гостю значит нанести оскорбление хозяину.

Пока гость находился в доме, хозяин не имел права оставлять его, какие бы неотложные дела у него не были. Если в селе была свадьба, то хозяин свадьбы приглашал на свадьбу вместе с хозяином и его гостя.

Поздно ночью гостя укладывали спать. Дочери хозяина приносили гостю таз, воду. Сам хозяин или его дети помогали гостю снять обувь и обязательно мыли ему ноги. Положено было сначала снимать обувь с левой ноги, а потом с правой. Хозяин или его дети помогали гостю снять бешмет.

Во всех табасаранских селах, если уезжал незнакомый ранее гость, его провожал хозяин. Близкого кунака обычно провожала вся семья, в том числе хозяйка дома. Везде был обычай давать гостю в дорогу еду. Табасаранцы никогда не провожали гостя далеко, обычно выходили только за ворота.

Гость также должен был со своей стороны подчиняться принятым обычаям данной местности. Так, например, подъезжая к дому или коновязи, гость должен был ждать появления хозяина. Перед входом в комнату он должен был сдать свое оружие и верхнюю одежду хозяину, что являлось гарантией его мирного прихода, с одной стороны, с другой—отражало его уверенность в безопасности. Гость не должен был скрывать цели своего приезда. При проезде через село он обязательно должен был сойти с лошади.

Этикет не позволял гостю, если он даже очень голоден, просить еду. Он мог попросить только воду. Если даже ему еда не понравилась, он не должен был отказываться от еды. Положено было есть то, что подано. Если гость в этом доме впервые, он должен был проявлять умеренность в еде, как бы голоден он не был. Гость всячески старался не обременять хозяина лишними хлопотами, не мешать ему и его семье в их повседневных делах.

В исследуемое время гостя могла принять и женщина в отсутствии мужа или же одинокая женщина. Однако она обязательно приглашала или родственника или соседа—мужчину, который за столом выполнял роль хозяина дома.

В XIX в. обычай гостеприимства уже в значительной степени утратил свою суть. Приняв феодализированную форму, он использовался феодальной верхушкой в эксплуататорских целях. Частые выезды эксплуататорской верхушки в подвластные селения разоряли крестьян. Однако и утеряв наиболее архаические черты (с середины XIX в. куначество теряет функцию покровительства), обычай гостеприимства продолжал играть большую роль в общественной жизни табасаранцев, выполняя свои основные функции (оказание приема нуждающимся в ночлеге, передача информации, как форма общения людей, как форма сближения с другими народами и т. д.).

Кровная месть

Важную роль в общественном быту табасаранцев в XIX—начале XX в. играла кровная месть—«гъан». Социальные условия, породившие этот обычай в эпоху родового строя, уже давно ушли в прошлое. Однако сам институт продолжал иметь в Табасаране еще некоторое распространение[39]. Причина существования обычая кровной мести в исследуемое время заключается в значительном сохранении в Табасаране пережитков родового строя, религиозных предрассудков, например, культа предков, «...у народов, живущих родовыми обществами и практикующих культ предков, считается позором оставлять не отомщенными известные злодеяния: «убийство родственников, оскорбление семейной чести»,—читаем мы в «Адатах Южнодагестанских обществ»[40].

Любое убийство «влечет за собой кровомщение»,—гласит адат[41]. Поводом к убийствам служили похищение девушек, пуб-

личное оскорбление чести дома или отдельных его членов, особенно женщин, оскорбление гостя, оскорбление памяти умерших родственников, нарушение границ пашни, даже потравы. «По адату безнаказанно дозволяется убить: 1) Каждому своего кровного врага..., при этом безнаказанным остается только убийство обоих виновных»[42]. «Для возбуждения мести не имело значения, убит родственник преднамеренно или по роковому стечению обстоятельств, по вине убитого или убийцы, нападая или защищаясь. Во внимание принимался только сам факт убийства»,—пишет С. А. Лугуев о лакцах[43]. Сказанное в полной мере относится и к табасаранцам.

По рассказам информаторов, в древние времена нападение одного тухума на другой с целью кровной мести было обычным явлением и влекло за собой уничтожение целых родственных коллективов. Каждый член патронимии должен был мстить за обиду, нанесенную их сородичу. Такая семейно-родственная взаимоответственность кровнородственного характера, проявляя удивительную стойкость и жизнеспособность, продолжала сохраняться в XIX — начале XX в.

Однако в исследуемое время в соответствии с социально-экономическими сдвигами круг мстителей и ответчиков значительно суживается и распространяется на ближайших родственников с отцовской стороны—«яхин мирасар». В Кайтаго-Табасаранском округе, «кроме убийцы, который называется баш-канлы, назначается еще от 1 до 7 человек ближайших его родственников, или причастных к убийству, которые изгоняются из селения одновременно с баш-канлы, с тем, однако, ограничением, что они не могут быть убиты родственниками убитого, но должны избегать встречи до примирения, которое может состояться для них только по истечении срока (от 6 дней до 1 года) с определенною платою»[44]. «Число родственников, подлежащих наравне с убийцею кровомщению обиженного рода в Северной Табасарани, достигает трех»[45].

Кровомщение подчинялось определенным правовым нормам. Так, например, в Северном Табасаране «по совершении убийства до учинения первоначального обряда (указания «канлы») все члены фамилии (тохума) убийцы не должны показываться родственникам убитого, под опасением быть убитыми. По указании «канлы», остальные члены фамилии убийцы от преследования родственников убитого избавляются. Убийца (баш-канлы) и один из его родственников (мал-канлы) подвергаются преследованию родственников убитого. По убийстве кого-нибудь из них, вражда между двумя тохумами прекращается и совершается примирение»[46].

В «Адатах Дагестанской области и Закатальского округа» сказано: «Если кто убьет кого-либо, то во время оплакивания тела (яса) немедленно почетные старшины магала, собравшись и рассмотрев обстоятельства преступления, назначают трех человек в канлы (убийцу и двух ближайших его родственников), а остальные обязаны прочесть молитву «фатиха». Спустя несколько дней вновь собираются эти же старшины, штрафуют убийцу шестью

штуками рогатого скота и при этом освобождают из-под крови одного из назначенных трех канлы, оставив таковыми двух остальных. Если бы во время требования старшинами от убийцы в штраф шести штук скота или стоимость их, он дерзнул противиться, то дом его предавался огню»[47].

В XIX в. кровомщение уже не предусматривалось, а заменялось композициями (замена кровной мести выкупом)—«гъан апIур»». «С укреплением политической власти феодалов принимаются определенные меры для ограничения кровной мести и утверждения ее альтернативы—уголовных выкупов за деяния, вызывающие право мести, что было выгодно имущим классам»,—пишет А. С. Омаров[48].

Так же, как и у многих других народов[49], у табасаранцев «система денежной композиции появилась позже (со второй половины XIX в.). Первоначально была распространена система натуральной композиции (скот, земельные участки и т. д.)».

Платежи были определены адатами. «Прежде в Южной Табасарани дият полагался в 6 девиц: из них 3 девицы, от грудной до совершеннолетней, выдавались натурою, а за остальных—имуществом, полагая за каждую 3 быка, 3 коровы, 3 ружья, 3 сабли, 3 паласа, 15 штук медной посуды разной величины, 15 баранов и участок пахотной или покосной земли»[50],—пишет А. В. Комаров. При выплате деньгами здесь же выкупная плата за мужчину составляла 600 руб., за женщину—300 руб. (Южный Табасаран)[51]. Кроме того, повсеместно имела место высылка убийцы в другие районы Дагестана и России. Так, например, с 1860 по 1867 г. из Кайтаго-Табасаранского округа «административным порядком сослано в арестантские роты и в отдаленные губернии России 24 чел.»[52]

Таким образом, развитие общественно-политических отношений постепенно приводит к значительной трансформации обычая кровной мести: «Убийство рассматривалось с точки зрения материального ущерба, нанесенного потерпевшему или его семье»[53].

По существовавшему в Табасаране обычному праву, кровная месть обязывала мстить одинаково как за убитого родственника мужчину, так и за женщину.

В исследуемое время был ярко выражен сословно-классовый характер системы композиции. По адату за убийство раба, раята табасаранский узденъ отвечал не кровью, а соответствующей платой[54]. «Если убит член слабого тохума, а убийца человек зажиточный и сильного тохума, то за кровь платилось имуществом на сумму 600 руб. Если убит член сильного тохума человеком зажиточным, но слабого тохума, то убийца обязан, взяв за руки своих детей и жену, выйти из дома, оставив весь дом со всею домашнею утварью родственникам убитого, хотя бы имение его было вдвое более цены за кровь (600 руб.), и, кроме того, должен принять присягу в том, что у него, кроме оставленного в доме, никакого имущества нет.

Если убийца бедного состояния и не имеет столько имущества, чтобы удовлетворить родственников убитого, и родственники его не захотят ему помочь, а обиженные убийством не удовлетворяются тем, что имеет убийца, то этот последний остается до своей смерти канлы»[55].

Возникновение между двумя тухумами кровной вражды отрицательно сказывалось на повседневной жизни общества. Приходилось постоянно соблюдать усиленные меры безопасности для предотвращения возможных кровавых столкновений. Так, на свадьбах, похоронах и других общественных народных сходах старались, чтобы враждующие стороны не встретились. По обычаю, родственники убийцы должны были проявлять в этом вопросе особую осторожность и чуткость по отношению к родственникам потерпевшего. Так, например, они должны были всячески избегать встреч с родственниками убитого, при встрече (на свадьбе, на похоронах и т. д.) первыми покинуть общественное место, уступить дорогу; в течение всего траура не посещать общественные и другие праздники. В противном случае действия тухума убийцы могли быть восприняты как неуважение к семье убитого.

Такое положение вызывало необходимость, как можно быстро примирить кровников, чтобы пресечь возникновение новых столкновений. Поэтому сразу же после совершения убийства, по просьбе тухума убийцы, почетные и уважаемые старики другого влиятельного тухума, иногда и общества (часто беки брали на себя роль посредников в этом деле) посещали родственников потерпевшего и просили их простить убийцу и примириться с его семьей и тухумом. После получения разрешения на примирение тут же договаривались о «гъан» — (плата за кровь).

Сразу же после убийства до примирения убийца прятался в доме влиятельных людей. После получения согласия на примирение со стороны потерпевшего во всех табасаранских селах сторона убийцы получала право посетить дом убитого и присутствовать на его похоронах. Обряд посещения дома убитого родственниками убийцы у разных табасаранцев различался в деталях. Так, в одних селах вместе с родственниками дом убитого посещал и сам убийца, в других—только его родственники. Так, в сел. Сертиль убийца приходил в дом убитого с непокрытой головой и с кафаном (саван) на шее в сопровождении главы тухума. Остановившись перед старшим мужчиной потерпевшей стороны, сопровождающий говорил следующее: «Вот я привел его к вам, хотите его убейте, хотите простите. Это в вашей воле». Старший мужчина дома, подойдя к кровнику, произносил такие слова: «Я тебе эту кровь прощаю», после, прочитав молитву, проводил рукой по его голове. После этого убийца и вся его родня могли присутствовать на похоронах убитого. Хотя семьи после примирения и находились в отношениях, напоминающих отношения родства, но никогда не забывали о том, что они кровники. В народе говорили: «БитIран рижвра битIрануб ву, кIулра битIрануб ву. Дурар саб ужуб, саб хар-

жиб тулдар». («У змеи не может быть хвост хороший, а голова плохая, потому что и голова и хвост в одном теле».)

В сел. Хучни убийца со своим тухумом сначала шел в дом убитого на «дуа», потом на кладбище. Как убийца, так и весь тухум должны были идти, опустив головы без головных уборов. Впереди процессии шли самые близкие родственники пожилого возраста, за ними шел убийца, по бокам близкие родственники помоложе, сзади—все дальние родственники.

В сел. Джули в дом убитого убийца должен был идти в сопровождении родни босиком, завернувшись в кафан. В сел. Вартатил кровника вели в дом убитого с кафаном на шее. Но предварительно ему сбривали одну бровь, и с одной стороны бороду и усы. В сел. Аркит убийца также принимал участие на похоронах. По прибытии на кладбище он обращался к родственникам убитого со следующими словами: «Вы можете со мной поступить как вам угодно, я виноват».

В некоторых селениях (сс. Атрик, Кондик, Куштиль и др.) в дом убитого с повинной шли родственники без убийцы. В одних селениях каждый из них брал с собой кафан, в других—с кафаном шел только глава тухума. Все они должны были идти без головного убора, опустив головы, иногда босиком и обязательно с плачем. В южно-табасаранских селах был обычай «бархал гьебхуб» (опустить палас). Если при примирении один из мирасов не принял участие, остальные мирасы с крыши его дома опускали палас. С этого дня он и его семья не считались мирасами.

В доме убитого глава делегации подходил к старшему родственнику пострадавшего и, стоя перед ним, ждал, что он сделает. Старший родственник убитого забирал у него кафан и передавал женщинам. После этого считалось, что родственники убийцы получили прощение.

В любом случае сам убийца должен был покинуть аул и поселиться в другом районе Дагестана. После присоединения Дагестана к России за особо тяжкие преступления была введена ссылка в Сибирь, которая называлась—«кIяляхъ дяргъюзди»—(«чтоб назад не вернулся»).

После примирения с кровником устанавливались различные формы искусственного родства, в частности, «гъан балгуб» («примирение кровью»). Кровники женились на родственницах убитого, если даже последние были с большими физическими недостатками.

По возвращении из ссылки первым долгом убийца в сопровождении родственников должен был посетить дом убитого. Иногда только после этого состоялось окончательное примирение.

Таким образом, в исследуемое время существовали различные способы примирения кровников, главным из них была уплата «цены за кровь».

Общественные праздники и развлечения

В жизни табасаранцев важную роль играли массовые праздники и увеселения, посиделки. Наиболее любимым праздником табасаранцев был праздник весны—«эбелцен» (у всех табасаранцев), «эвелцен» (у азербайджанцев центрального Табасарана), «новруз байрам» (у азербайджанцев Северного Табасарана[56]). Отмечали этот праздник с наступлением весны[57].

Праздник «эбелцен» состоял из сложного комплекса обрядов и обычаев. Приходился он на 21—22 марта. Обычно этому празднику предшествовал обряд «яйцебиения», проводимый за месяц до наступления праздника. В этом обряде участвовало только мужское население (старики, подростки, дети). Игра проводилась на квартальных и общесельских гимах. Она заключалась в следующем: каждый желающий принять участие в игре приносил с собой по нескольку штук сырых яиц и стороны ударяли их острыми концами. Цель играющих—сохранить свое яйцо целым. Тот, у кого разбивалось яйцо, отдавал его своему сопернику... В данном случае соперник считался победителем[58]. Таким образом игра продолжалась до тех пор, пока у участников останется одно целое яйцо. Несомненно, что эта игра символизировала идею плодородия. По мнению информаторов, тот, кто собрал больше яиц, мог надеяться в новом году на изобилие в своем доме.

Вечером 21 марта мужчины села устраивали на кладбище небольшие поминальные торжества. С этой целью представитель каждого дома приносил с собой по три пирога с начинкой из различных съедобных трав. Все пироги складывали в одно место, разрезали их на восемь равных частей и раздавали присутствующим. Почти всегда эту процедуру исполнял самый старший по возрасту и уважаемый человек из числа присутствующих. Здесь же назначали пастухов, надсмотрщиков полей, договаривались с ними об оплате. Вновь назначенные пастухи также приносили с собой орехи, фрукты и раздавали участникам обряда. По завершении обряда все возвращались в село. По дороге их встречали дети, женщины, которым мужчины отдавали свое угощение.

Выясняя генезис указанных обрядов, и в частности устройства ритуальной трапезы на кладбище (культ предков), раздачи обрядовых пирогов, мы склонны придерживаться мнения исследователей, которые считают, что подобные действия служили цели плодородия и изобилия[59].

По возвращении с кладбища с наступлением темноты на горе разжигали костер. Разжечь костер поручалось самому старшему, уважаемому и благополучному мужчине села. Кандидатура его утверждалась также на кладбище старейшинами. В некоторых селах костры разжигали на каждой улице. В сел. Зильдик костер разжигали на главном годекане. Из каждого дома сюда приносили «афрар» из свежей травы и творога, складывали их в одно место, а после угощали всех присутствующих. Здесь же назначали пастухов.

В сел. Межгюль костер устраивали на годекане. Его разжигали двое—самый удачливый земледелец «нежбер» и мальчик 3—4 лет. Дети устраивали для себя маленькие костры, разжигая хворостину, щепки. И взрослые и дети прыгали через костры, повторяя: «Все зимнее оставим, перейдем к весне». По мнению информаторов, это очищало их от болезней, грехов. Подобные обряды известны и другим народам Дагестана, в частности, лезгинам[60]. Дети с небольшими факелами ходили по селу и веселились до наступления рассвета. В некоторых селениях Нижнего Табасарана молодые женщины и девушки разжигали небольшие костры у себя во дворе и охраняли огонь до утра. Считалось, что в эбелцен никому нельзя давать огонь. В других селениях (сел. Зильдик) девушки охраняли огонь в доме. Юноши с целью украсть огонь поднимались на крышу и через дымоход доставали горящие угли.

Отмеченный обычай, несомненно, связан с семейным культом: «Очаг, горящий на очаге огонь—средоточие жизни семейного коллектива»[61].

В эту же ночь в 5—6 местах в домах собиралась женатая и неженатая молодежь (девушки, юноши). В честь праздника они одевались в свои лучшие наряды. Для них хозяйка готовила специальную еду. Время они проводили в веселье, играх. Исключительной популярностью пользовалась игра «уф цIай» — дословно «дуть в огонь». В эту игру обычно играли поздно ночью. Игра заключалась в следующем: большую иглу втыкали в потолочную балку с вдетой в нее длинной ниткой. Второй конец нитки вдевали в другую иголку, а на кончик второй иглы втыкали горящий уголек. В игре участвуют все. Участники игры садились на полу, образовав круг. Игла должна была находиться на уровне лица человека. Сидящие должны были на нее все время дуть и приводить в движение, т. е. раскачивать ее. Во время игры нельзя было наклоняться вперед или назад, в стороны. Человек, нарушивший эти правила, выходил из игры. Каждый участник игры старался, чтобы на его губы уголек не попал. Если же уголек потухал, его заменяли горящим.

Толкования о чудодейственных свойствах огня и его производных—угольях, пепле, дыме и т. д. в научной литературе весьма многообразны (магия плодородия, очистительные и охранительные действия и т. д.)[62]. В данном случае естественно предположить, что обряд направлен на увеличение плодоносящей силы вообще[63]. Об этом же говорит и тот факт, что в игру «уф цIай» не играли в любое свободное время. Она входила неотъемлемой частью только в систему игр по случаю праздника эбелцен. В исследуемое время «уф цIай» выполняла главным образом развлекательную функцию. Молодежь веселилась в эту ночь до самого утра. Спать было не положено. Старики считали, что нужно проводить зиму и не прозевать весну. Над теми, кто случайно засыпал, всячески подшучивали—пришивали одежду к постели, палясу, разрисовывали лицо потухшими углями, а детям при этом говорили, что их ночью облизнул медведь.

22 марта (первый день весны)—отмечали торжественно. Вот как описывает этот день исследователь фольклора табасаранцев М. Курбанов: «Мужское население одного селения с зурначами и гямпами (шутами в масках и с пришитыми хвостами) шли в другой аул. Шествие сопровождалось танцами, играми, шутками. Шуты совершали всевозможные проказы, порой задевавшие людей, но народ на них не сердился. Все это вызывало только смех. Так, карнавал шел от двора к двору под музыку и хлопки. Причем каждый держал в руках ивовую разукрашенную узорами палку»[64].

В этот же день во всех домах приготовляли обрядовые кушанья. Родственники, соседи посещали друг друга с поздравлениями. В каждом доме гостей щедро угощали. Девушки качались на качелях, играли в разные игры, веселились, пели песни. Праздник заканчивался пиршеством, скачками. «Подпрыгивание, бег и другие состязания должны были оказать магическое воздействие на урожай, ибо, по представлениям древнего земледельца, чем выше подпрыгнешь, тем выше вырастут хлеба»[65]. Качание на качелях также непосредственно связано с идеей плодородия[66]. Г. П. Снесарев склонен происхождение этого развлечения рассматривать «как имитативно-сексуальный прием магии, связанной со стремлением вызвать плодородие»[67].

Несколько пышнее праздник весны отмечали в Нижнем Табасаране. За месяц до праздника здесь также мужчины и дети бьют яйца. Накануне праздника вся молодежь села с факелами поднималась на крыши. До этого женщины на свои крыши бросали по горсти пшеницы. Зерно—древнейший символ плодородия. Бросание на крышу зерна в данном случае преследовало цель изобилия в новом сельскохозяйственном году. Возможно, что использование факелов в данном случае, кроме очистительных и охранительных целей, имело и другую цель—«чтобы высокими уродились посевы», т. е. ритуал с факелами можно отнести к магии плодородия[68]. Но дети поднимались не на свои, а на чужие крыши. Прячась от хозяев («не показывая себя»), они спускали с крыши на веревке пустые коробки и стучались ими в окно, чтобы им дали праздничные подарки. Почувствовав, что коробки стали тяжелее, дети поднимали их.

В эту же ночь мужчины, у кого есть оружие, стреляли. Положено было израсходовать в эту ночь все заряженные патроны. Видимо, стрельба должна была отпугнуть злых духов. Ночью молодежь пускала ракеты, сделанные из дощечек. Дощечки разжигали у костра, поднимались на возвышенность и с размаха ударяли их об землю. И горящая дощечка летала как ракета. Хотя в данном случае ракеты выступают носителями идеи плодородия (основной идеей и остается, видимо, идея плодородия), здесь нетрудно усмотреть и следы былого почитания солнца[69].

На другой день (22 марта) в течение всего дня родственники и соседи посещали друг друга, поздравляли с наступлением весны. Все посещения сопровождались угощением.

В день праздника в каждом доме обязательно варили молоч-

ные блюда, готовили пироги из риса со сладкой приправой, традиционную еду «дангу» («ттангу»—каша из пшеницы, гороха и т. д.). Обязательным блюдом, которое готовилось для праздника, в каждом доме был «къуйир» («къуяр»), состоящий из семи продуктов. Данное ритуальное блюдо рассматривалось как обрядовое кушанье, закрепленное традицией. В его состав входили сушеные ножки мелкого рогатого скота, толченая пшеница, горох, орехи и другие продукты. Всех, кто приходил днем, угощали этим блюдом, а для тех, кто приходил после наступления темноты, подавали аффар. Каждая хозяйка должна была угостить «къуяр» семь семей. Число семь как магическое известно многим народам мира. Так, например, в странах Зарубежной Европы и в обрядах неевропейских народов «на столе должно было быть 3, 7, 9 блюд или их составных частей»[70].

У всех табасаранцев был обычай в эту ночь идти в любой дом и попросить аффар из свежей травы, хотя точно такие же были и у себя дома. Несомненно, обрядовая пища, в частности обрядовые пироги, приготовленные из сезонных дикорастущих трав, тоже «была актом заклинания будущего изобилия»[71].

Перечисленные моменты дают нам некоторое основание предполагать, что во всех селениях Табасарана в проведении праздника эбелцен особая роль отводилась огню и обрядовой пище. Во всех селениях обязательно разжигали костры или на возвышенности села, или на годекане, или у ворот дома и т. д. Приготовление обрядовых блюд также было обязательным для всех. Возможно, как и многие другие народы, табасаранцы верили, что «последующее обилие в течение года находится в прямой зависимости от обилия новогоднего стола»[72].

Во всех селах особое значение уделялось церемониям взаимных угощений, которые рассматривались как знак родства и добрососедства.

В празднике эбелцен наблюдались и элементы шутки, игры. В исследуемое время многие ритуальные обряды с кострами, факелами, хождение детей по домам и др. претерпели изменения, утратив магический смысл, они превратились в детскую забаву. Некоторые молодежные игры имеют «откровенно эротический смысл».

На наш взгляд, магическое значение имело приготовление таких блюд, как «семени» (Нижний Табасаран), «алуга»—(Верхний и Южный Табасаран)[73]. Для приготовления «семени» («алуга») ранней весной в круглые подносы «сини» насыпали смоченные водой семена пшеницы и оставляли в темной и утепленной комнате до появления всходов. Пшеницу ежедневно увлажняли. Через 10—15 дней женщины выжимали из проросших желтых стебельков сок (сок имел сладковатый вкус), добавляли муку и варили несколько часов до получения густой коричневой массы. Готовым «семени» принято было угощать соседей, родственников.

Возможно, когда-то «семени» входил в состав традиционных обрядовых блюд, приготовляемых к эбелцен, но время постепен-

но стерло его обрядовую приуроченность и стали варить «семени» просто ранней весной.

Не менее интересными народными праздниками табасаранцев были праздники черешни и винограда. На эти праздники приглашались гости из Кайтага, Агула, соседних сел. Праздник черешни обычно справляли в местности «Расиъ» в сел. Чіере. Табасаранцы и сами приглашались на праздник черешни в Касумкент. Вот что рассказывают информаторы из сел. Чувек о празднике черешни в Касумкенте в местечке «Кару». «За несколько дней до начала праздника мы получали приглашение на этот праздник. Поэтому мы уже заранее готовились к нему. Прежде всего специально готовили для скачек лошадей. В день праздника мы в четырех местах устраивали скачки—в Хиве, Цините, Кару и у себя в селе по возвращении домой. На скачках принимали участие и хозяева. Для праздника мы готовили «бирган» (зажаренный целиком баран) около 20 штук, хлеб. Все это грузили на арбы и отправляли на место праздника еще с вечера, а сами на лошадях отправлялись рано утром. Хозяева, в свою очередь, тоже готовили угощение для нас. Кроме того, они оставляли для нас деревья с черешней с указанием цены. Но цены были чисто символические (1—2 копейки за дерево). Собрав черешню, повеселившись, к вечеру мы возвращались домой».

После завершения трудоемких весенних работ (в конце мая—начале июня) в Табасаране начинался сезон сбора съедобных трав. В сел. Куштиль был праздник сбора «швурар» (черемша). Праздник проходил 15 июня на горе «Сулан-Сив». В этот день сюда съезжались и взрослые и дети из всех сел. Участники праздника сначала собирали черемшу, после на краю поля устраивали танцы, игры, состязания. Праздник завершался совместной трапезой. В этом же селе подростки в один день выходили на сбор земляных яблок.

В сел. Хурик был праздник сенокоса—«хина», который устраивался по завершении сенокоса и других весенних работ. На этот праздник приглашались также гости из Кайтага и соседних сел.

Среди игр и состязаний, проводившихся на празднествах, обязательными были конные скачки. Победителю конных скачек вручали подарок—«флаг» (материю, натянутую на палку) или барана. Праздник завершался обильным угощением (танцами, песнями).

У всех табасаранцев был праздник «сивари»—сбор щавеля. На этот праздник съезжались люди со всех населенных пунктов с музыкой, песнями, танцами. Все присутствующие сообща собирали траву и тут же на краю поля устраивали игры, танцы, состязания, после чего также следовала совместная трапеза.

Как мы могли убедиться, почти все табасаранские праздники были связаны с началом или окончанием какой-либо работы. Кроме того, религиозные мотивы в них выражены слабо. Почти все праздники были многолюдными, красочными, яркими, веселыми, включавшими танцы, песни, игры, спортивные состязания и раз-

личные другие развлечения (катания на качелях—среди девушек, а среди юношей—конные скачки). Все это усиливало их социальную роль в объединении и сплочении людей, принимавших участие на праздниках. Многие действия участников торжеств «должны были способствовать плодородию земли и размножению всего живого»[74]. Функция отдыха не была единственной на этих праздниках. Праздники эти служили средством общения и развлечения, выполняли функцию социализации человека, способствовали формированию и укреплению социальной общности. Многие из видов развлечений (конные состязания, борьба, стрельба в цель и т. д.) способствовали физическому воспитанию, часть из них (песни, танцы, музыка, различные шутки) удовлетворяли эстетические потребности народа, способствовали выработке народных представлений о красоте, этике общения между людьми. Они разнообразили и облегчали нелегкий крестьянский труд.

Значительное распространение среди табасаранцев получили мусульманские религиозные праздники—«къурбан байрам», «ураза-байрам», «маулет».

Одной из самых распространенных форм проведения досуга в дореволюционном быту табасаранцев являлись семейные торжества—свадьба, рождение сына и др., которые происходили в разное время года и сопровождались различного рода развлечениями.

С завершением осенних работ и с наступлением зимы у табасаранцев начинались частые посещения друг друга, встречи по вечерам—«гъюлягъна» («идти всем семейством на посиделки»). Группы мужчин, женщин, молодежи собирались отдельно друг от друга. Зимой в каждом доме организовывались компании мужчин по 8—10 человек. Такие компании обычно собирались для бесед и совместных трапез.

Одной из форм развлечения народа, особенно в зимнее время, было слушанье молодежью рассказов, сказок пожилых мужчин и женщин. Девушки на таких посиделках занимались рукоделием (пряли, вязали и т. д.). Кроме того, вечерами принято было собираться дома семьей—женщины занимались рукоделием, старшие вели разговор о прошлом, рассказывали сказки детям. Такие беседы играли большую роль в передаче этнических традиций от старших к младшим, в воспитании и формировании человека, и поэтому имели огромное значение в жизни семьи.

Другими формами проведения досуга, а следовательно, общения и развлечения, были специальные вечера—торжества по поводу приезда гостя, молодежные вечеринки с песнями, танцами, шутками, играми, охота взрослых мужчин с целью приятного времяпрепровождения. Такую же роль играли и поездки на еженедельные базары мужчин не столько что-либо купить, сколько с целью повидаться со знакомыми, кунаками, пообщаться с ними и отвлечься от повседневных забот, в то же время быть в курсе о ценах на скот, зерно и т. д. Такие встречи могли служить средством

передачи информации, внутриэтнических и межэтнических контактов, средством усиления взаимопроникновения и взаимовлияния культур, сближения народов между собой.

Своеобразной формой проведения свободного времени табасаранцами было посещение родственника, соседа, односельчанина и, наконец, даже посещение больного.

Интересной формой проведения досуга мужчин было посещение гима (годекана), где обычно мужчины проводили время в длительных беседах, обмене новостями. Но функция отдыха не была и здесь единственной. На общесельском гиме решались хозяйственные и общественные дела, касающиеся всего села.

Элементы отдыха и развлечений имели место и в повседневной хозяйственной жизни табасаранцев, особенно женщин. В число такого рода сочетаний работы с небольшим отдыхом следует рассматривать некоторые коллективные (по 2—3 чел.) сборы женщин для выполнения таких работ, как чистка, мытье и крашение шерсти, стирка белья, ковров, изготовление войлока, выпечка хлеба, хождение за водой, утренний выгон скота, хождение за травой, за черной и белой глиной и т. д. Во всех этих случаях, одновременно с выполнением работы, женщины имели возможность немного поговорить, посидеть, поделиться своими новостями, поразвлечься.

Следует отметить, что неотъемлемой и важнейшей частью почти всех торжеств было обильное угощение. Кроме того, игры, танцы, шутки также сопровождали все праздники, вечеринки, посиделки.

Свободное от домашних дел время дети также проводили в играх, забавах, которые служили для них не только развлечением, но имели важную задачу физического и духовного воспитания.

С 3—4-летнего возраста дети играли друг с другом. Девочки главным образом в куклы, мальчики же увлекались разнообразными подвижными играми. Игрушки делали сами дети, сначала под руководством старших, затем самостоятельно. Куклы обычно делались из старых и новых лоскутков материи, из шерсти. Девочки постарше шили одежду для кукол. С шитья кукольных нарядов девочки получали первые навыки шитья и украшения одежды вообще. Игрушками детей служили также камешки, стекла разнообразной формы, мячи из шерсти и т.д. Игрушки мальчиков тоже в основном изготовлялись ими самими. Мальчики с помощью старших мастерили разнообразные орудия труда и т. д. Как мальчики, так и девочки любили лепить игрушки из глины. Чаще всего они лепили птиц, зверей, домашнюю утварь. Как мальчики, так и девочки умели подражать поведению различных домашних и диких животных. Очень часто дети играли во взрослых. Они устраивали «свадьбы» и т. д.

Бытовало много подвижных игр. Большой популярностью, особенно у мальчиков, пользовались игры в прятки, в жмурки,

игры в альчики, в камешки, в «волки — овцы», в «разбойники», в «войну», в мяч, «прятание шапки» и др. Все эти игры были довольно разнообразными, причем каждая со своими определенными комбинациями и правилами.

С детства ребенок слышал от старших сказки, загадки, пословицы и поговорки. Значительное место в развлечениях детей занимали разнообразные считалки, заклички, заговоры, которые имели песенные формы. Вот заговор, исполняемый детьми при поимке паука:

«Я гъаргъалаг, гъаргъалаг,
Нисра увлла тувурза
Яв гьванна хялар дуфна,
Удучlв, удучlв, гъаргъалаг!»

«Эй паук, паук,
Хлеб с сыром дам,
К твоей крыше гости пришли,
Выходи, выходи, паук!»

Среди детей бытовали разнообразные дразнилки, обращенные друг к другу. В них дети высмеивали различные недостатки своих сверстников. Эти дразнилки чаще исполнялись группой ребят и адресовались детям из другого квартала, тухума. Почти все дразнилки были рассчитаны на сообразительность, быстрое реагирование, подвижность, чуткость. Было много и других словесных игр — скороговорки, загадки в форме стиха. Все эти игры, развлечения развивали у детей любознательность, учили мыслить, развивали в них эстетические чувства, чувство юмора, воли, уверенности (З. Н. Магомедов).

Заключая все изложенное, можно сказать следующее. Табасаранцам, как и многим другим народам, были известны различные праздники и развлечения, которые происходили в разное время года (праздник весны, праздник черешни, винограда, день пахоты, сенокоса и т. д.). Эти праздники в исследуемое время заключали в себе, в первую очередь, основу того, что Ф. Энгельс называл «культурными формами общения»[75]. Многие из видов развлечений на этих праздниках имели важную задачу физического воспитания, часть из них удовлетворяла эстетические потребности народа. Часть обрядов на этих праздниках, несомненно, имела целью обеспечить богатый урожай, плодородие земли, благополучие семьи.

В силу исторически сложившихся условий табасаранцы, как и многие народы, сохранили в своих праздниках и обрядах (эбелцен и др.) редчайшие архаизмы, отразившие домусульманские представления народа.

Приведенные нами формы развлечений и досуга табасаранцев сходны с досугом других народов Дагестана. Досуг был не только пассивным, но и активным. Во время отдыха люди пели, танцевали, рассказывали сказки и другие поучительные истории, рукодельничали. Особо следует выделить здесь общение взрослых с детьми, которое имеет большое воспитательное значение. Очень важную роль играл отдых всей семьи, когда дети, подростки, мо-

лодежь были все время в контакте со взрослыми, что чрезвычайно существенно для полноценного воспитания подрастающего поколения.

ГЛАВА VI. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Культура и народное образование

Распространение письменности в Дагестане вообще, в Табасаране в частности, связано с проникновением ислама. Материалы свидетельствуют о том, что арабская грамота стала внедряться в Табасаране в X—XI вв. На территории Табасарана учеными выявлено значительное число памятников—арабских надписей куфическим письмом, относящихся к XI—XV вв. В основном это надписи—эпитафии, строительные надписи «и сопровождающие их благопожелательные записи»[1]. Строительные надписи зафиксировали время возведения оборонительных сооружений, общественных и культовых зданий, жилых домов, мостов и т. д. Они сохранили имена мастеров, писцов, заказчиков[2]. Но наиболее многочисленную группу среди памятников эпиграфики составляют надписи-эпитафии, т. е. надписи на надгробных сооружениях[3].

Л. И. Лавров писал, что «обилие эпиграфических памятников на Северном Кавказе, особенно в Дагестане (где их создавали на протяжении тысячи лет), требует пересмотра ходячего представления, будто народы Северного Кавказа до недавнего времени были бесписьменными. Правда, письменность эта была не на родных языках, но и широкое пользование латынью в средневековой Европе само по себе не означало отсутствия у европейских народов письменности»[4].

Оригинальное творчество табасаранцев проявлялось и в жанре хроник, в которых зафиксированы важные исторические события в Табасаране. «Так, например, в начале XIX в. была переписана в табасаранском селении Куштиль Рамазаном сыном Курбана такая хроника, охватывающая события в Южном Дагестане, в частности в Табасаране в XIV—XVII вв. Хроника доведена до начала XIX в.»[5]

В XIV—XVII вв. получила распространение переписка книг, сопровождавшаяся составлением различного рода толкований к текстам, перевод восточных авторов на тюркский и родной языки. Так, в 1331 г. (732 г. хиджре) Мухаммед ал-Курихи из Табасарана переписал словарь арабского языка Абу-л-Хусейна ар-Рази[6]. В сел. Юхари-Ярак Хивского района найден толковый словарь арабского языка, переписанный в начале XVI в.[7] К концу XVI—началу XVII в. относятся многие книги с различного рода толкованиями к текстам. Таковы многочисленные записи Кавхи Раджаба из сел. Ругудж Табасаранского района, содержащие сведения по географии, математике, астрономии, риторике[8].

В культурной жизни Табасарана большую роль сыграл Гасан из Зюрдяга. Им переведен на тюркский язык «Гюлистан» Саади[9]. Его сыну Гаджимагомеду Зюрдягскому «принадлежит большая касыда (1638), которую можно отнести к числу ранних тюркоязычных памятников дагестанской литературы»[10]. В 1708 г. он переписал книги по астрономии, математике и другим наукам. В 1814 г. в селении Кюряг арабистами—Шахбаном, Магомедом и другими была написана книга о мусульманской религии[11].

В XVIII в. широко переписывались книги по астрономии, математике, логике и другим наукам. Постепенно для многих переписка стала ремеслом и имела свои центры и прославленных мастеров. Ахмед-ибн-Молла-Мустафа переписал наряду с другими книгами «Логику» Молла-Рамазана[12].

Таким образом ,если в отношении XV—XVI вв. мы имеем лишь «отрывочные сведения о попытках местных людей создать письменность (коротенькие тексты, а иногда лишь отдельные слова, написанные на дагестанских языках арабскими буквами), то в отношении XVIII—начале XIX в. имеются убедительные свидетельства пользования этой письменностью в определенных, правда, очень ограниченных, кругах представителей местных привилегированных сословий»[13],—пишет профессор Г. Ш. Каймаразов о Дагестане. Сказанное целиком можно отнести и к табасаранцам. В целом арабо-дагестанские взаимосвязи без сомнения имели немало положительных сторон в распространении знаний, грамотности.

До нас дошли имена крупных представителей культуры Табасарана. Это Молла-Гасан Гасанов (XVII в.), Молла-Юсуф, получившие образование в Сирии, Гаджи-Магомед Эфенди из Марага в Египте, Гази-Магомед из Ерси, Молла-Касум, Гьаджи-Панах из Марага[14]. Сюда же можно отнести и Зейнулабида из Зюрдяга. Он также получил образование в культурных центрах Ближнего Востока, а арабист Молла-Юсуф впоследствии преподавал в медресе в сел. Цухдиг[15].

В Ширване и в культурных центрах Ближнего Востока получили образование и Абдула Рамазан Оглы, Муса Исмаил Оглы из Ерси. У некоторых из них была своя библиотека из арабских книг, среди них немало и светского содержания. В библиотеках арабистов табасаранских сел. Ханаг, Гуми и др. встречались книги по алгебре, геометрии, астрономии, медицине и др.[16] Во многих частных библиотеках сел. Кюряг, Халаг, Цухдиг, Дарваг, Хурик, Гурик и других хранятся рукописи, содержащие сведения по истории, экономике, культуре, астрономии, географии, алгебре, медицине, философии, естествознанию и другим отраслям знаний, которые изучались в дореволюционном Дагестане[17].

Таким образом, грамотные люди этого времени не ограничивались изучением богословской литературы. Ими переписывались арабские грамматики и словари, географическая, астрономическая, математическая и другая литература. В связи с этим интересно высказывание академика И. Ю. Крачковского, который отмечал энциклопедичность дагестанской литературы на арабском

языке и считал, что дагестанские ученые того времени владели всей полнотой общеарабского наследия своего времени. «В равной степени,—писал он,—их интересовали и науки грамматические, а при широком энциклопедическом охвате большинства ученых нередко можно встретить среди их произведений и трактаты по математике, особенно нужные для решения вопросов наследственного права, или по астрономии—для вычисления точного времени молитв и постов»[18]. Материалы свидетельствуют, что книжность, экспортируемая с Востока, была не только религиозной. Из 820 названий книг, имевшихся в «Доме книги» Магомед-Мирзы Мавраева в г. Темир-Хан-Шуре Дагестанской области в 1914 г., выписанных из Каира, Стамбула, Казани и других мусульманских городов, тематически 43 названия были по логике, 38—математическим наукам и астрономии, 78—прозе и поэзии, 93—арабскому языку, 38—риторике, правилам дискуссии и словари, 24—медицине, 5—геральогии, 97—турецкому и 8—персидскому языкам[19]. Эти цифры еще раз свидетельствуют, что «нельзя согласиться с нередко встречающимся в литературе мнением, будто столь упорное и повсеместное рвение горцев к арабскому образованию объясняется лишь особой религиозной фанатичностью населения Дагестана», —пишет чл.-корр. АН СССР Г. Г. Гамзатов. «Объявляя арабский язык языком религии и всю литературу на нем—духовной религиозной литературой, отдельные исследователи забывают,—пишет он далее, —что на этом языке тысячелетия существуют замечательные произведения непреходящей ценности, продолжающие по сей день оставаться сокровищами мировой культуры... В стремлении овладеть арабским языком проявлялась духовная потребность горцев в знаниях.

Нельзя забывать, что через арабский язык в Дагестан проникала не одна религиозная схоластика, но и арабская словесность, произведения положительной научной мысли и литературы Востока; через арабские источники горцы знакомились с греческой, индийской, древнеперсидской и нередко с западноевропейской классической литературой и философией»[20].

Одним из знаменательных явлений истории культуры народов Дагестана, в том числе Табасарана, является создание письменности на арабской графической основе (аджамской письменности), которой в Дагестане пользовались на протяжении многих десятилетий, вплоть до 1928 г., когда был введен новый латинизированный алфавит. Говоря о значении этой письменности для народов Дагестана, Г. Г. Гамзатов пишет, что «сам по себе этот факт представляет собой явление, историческое значение которого невозможно ни игнорировать, ни недооценивать»[21].

Обнаруженные табасаранские письменные источники интересны своим многоязычным бытованием (арабский, тюркский, табасаранский, лезгинский языки)[22]. С присоединением Дагестана к России был предпринят ряд мер, способствовавших развитию культуры народов Дагестана. В городах и селах, находившихся под управлением русской администрации, возникают первые оча-

ги культуры. Первым учебным заведением, открытым правительством в Дагестане, было Дербентское городское училище на 35 мест, основанное в 1837 г.[23] В конце 40-х гг. в Дербенте открывается второе учебное заведение—школа для мусульман на 60 воспитанников (по уставу Тифлисских училищ). «...Из прибывших в Дербент учеников 3 были из Табасарана»[24]. В 60-х гг. открылись вакансии для детей «почетных горских семей» Дагестана в учебных заведениях за пределами области. Так, в 1866 г. были открыты вакансии в Ставропольской гимназии, а в 1868 г. в Бакинском реальном училище; из 15 горских вакансий в Бакинском реальном училище 9 заняли выходцы из Кайтаго-Табасаранского округа[25]. «С 1866 по 1890 г. отправлено всего горцев из горской школы, прогимназии и реального училища 124 человека: из Кайтаго-Табасаранского округа—7»[26]. 25 января 1855 г. была открыта школа в Темир-Хан-Шуре. В школу наряду с другими дагестанцами, поступило 3 табасаранца[27].

Тем не менее, состояние школьного образования в области оставалось далеко не удовлетворительным. Светская школа не могла завоевать в дореволюционном Дагестане прочные позиции. Основная масса населения по-прежнему оставалась неграмотной. Примечетские школы (мектебы и медресе) оставались единственными очагами распространения грамотности среди местного населения вплоть до установления в Дагестане Советской власти. Грамотность, по данным первой всеобщей переписи 1897 г., лишь немногим превышала 9%[28].

Большая роль в распространении просветительских идей в Табасаране принадлежит табасаранским ученым-поэтам. Наибольший интерес из них для нас представляет Зияутдин Курихи (родился в 1846 г.). Он обучался восточным наукам и знал в совершенстве арабский, тюркский, лезгинский, даргинский языки. В начале XX в. (умер в 1932 г.) З. Курихи был известен не только в Табасаране, но и во всем Дагестане. В 1906 г. он открывает в своем селе школу. Одним из воспитанников его был и известный табасаранский писатель и ученый Темирхан Шалбузов, который впоследствии стал одним из создателей табасаранской письменности и литературы.

Большой вклад в распространение просветительских идей в Табасаране внесли и такие табасаранские ученые-поэты, как Имам Чулатский, Сулейман Аркитский.

Определенное значение для развития табасаранской культуры имела научная и практическая деятельность известного русского лингвиста барона П. К. Услара, который написал специальное исследование о табасаранском языке.

Фольклор

В культуре и быту табасаранцев видное место занимает фольклор. Формирование жанров фольклора началось в глубокой древности. Такие жанры фольклора, как сказки, обрядовые и внеобрядовые песни, пословицы и поговорки, загадки, детский фольклор,

исторические сказания и предания, притчи достаточно полно представлены и у табасаранцев.

Наши материалы свидетельствуют, что сказки, легенды, притчи, пословицы, поговорки, загадки, причитания, исторические сказания, детский фольклор бытуют в народе лишь на родном языке, а внеобрядовая лирика, «за исключением песен на темы социальной жизни народа, календарно-аграрный цикл песен, свадебная поэзия, дастаны бытуют на табасаранском, а также на азербайджанском и лезгинском языках»[29]. Кроме того, в табасаранской народной поэзии зафиксированы «такие четверостишия, которые занимают промежуточное положение, они составляют синтетическую форму бенда на основе лексического материала табасаранского, лезгинского и азербайджанского языков»[30]. Этому, несомненно, способствовали длительные историко-культурные связи, территориальная близость табасаранцев с лезгинами и азербайджанцами.

В устно-поэтическом творчестве табасаранцев одно из центральных мест занимает обрядовая поэзия—наиболее древняя форма народного творчества. Она включает в себя «календарно-обрядовую» и «семейно-обрядовую» поэзию. Последняя, в свою очередь, включает в себя свадебную и похоронную поэзию. Сюда же можно отнести колыбельные песни. Все эти разделы обрядовой поэзии получили освещение в соответствующих разделах исследования (гл. IV, V).

Следующим популярным жанром табасаранского фольклора является внеобрядовая лирика (иногда этот жанр называют песнями бытового цикла)[31]. Табасаранские внеобрядовые песни, в свою очередь, можно подразделить на любовные, на темы о социальной жизни народа, семейно-бытовые, шуточные и сатирические[32].

Ценнейшую часть фольклора табасаранцев составляют исторические песни, легенды, предания, сказания, сказки, пословицы и поговорки, загадки.

Значительный интерес из жанров фольклора представляют сказания и легенды. Существует много легенд, связанных с борьбой табасаранцев против иноземных завоевателей. В качестве примера можно привести самое популярное в Табасаране историческое сказание «О семи братьях и сестре». В основу сказания легло историческое событие времен нашествия на Дагестан Надир-Шаха.

Существует несколько вариантов сказания. Впервые оно было записано учеником Бакинского реального училища Джемал-Эддином Доногуевым. В дальнейшем сказание было опубликовано П. К. Усларом в 1899 г.[33] Первый вариант сказания, записанный Доногуевым о том, что «в Кайтаго-Табасаранском округе недалеко от г. Дербента, близ с. Хучни, на берегу р. Рубас-чай, возвышается небольшая гора, на которой красуются и поныне остатки старинной крепости, так называемой «крепости семи братьев» (едди кардаш каласы). Про эту крепость сохранилось следующее предание. Крепость эта состояла прежде из громадной башни в семь этажей. По народному преданию, в ней жили семь братьев-нартов с кра-

сивой сестрой. Красота сестры нартов была неописуема, она имела золотые косы такой длины, что привязывала к ним кувшин и доставала из реки воду. Братья и сестра жили в дружбе и согласии: она занималась домашними работами, а братья—охотой и грабежом соседних ханов. Соседи, выведенные из терпения грабежами нартов, объявили им войну и двинули против братьев многочисленное войско под начальством одного из своих ханов. Сестра нартов, увидев предводителя неприятельского войска, влюбилась в него. Она хотела, чтобы братья были побеждены, и решилась погубить их. Когда враги осадили крепость, то сестра разрядила ружья и пистолеты братьев и налила соленой воды в ножны кинжалов и шашек.

Братья сделали вылазку, с криком бросились на врагов и дали залп из ружей и пистолетов, но , к их удивлению, выстрелы не причинили врагам никакого вреда: они схватились за шашки и кинжалы, но не могли их вынуть, потому что от соленой воды они заржавели, братья были окружены врагами, и шесть из них погибли, только младший спасся бегством в крепость. Он узнал про измену своей сестры и, привязав ее косы к седлу своего коня, убил перед глазами неприятеля, но сам после того пропал без вести. И теперь перед крепостью, на огромном камне, виднеются, говорят, отпечатки копыт коня. Кроме того, около крепости находятся два громадных камня с выбитыми на них отверстиями: в эти отверстия каждый прохожий клал одну пулю и один заряд пороху. Это служило как бы пошлиной с каждого прохожего. То место, где похоронена сестра нартов, слывет проклятым, и каждый прохожий считает своим долгом бросить на ее могилу камень, так что здесь образовалась небольшая горка камней».

По преданию, рассказанному мне информаторами из разных сел, одна пуля и один заряд пороху, который каждый прохожий клал в эти отверстия, предназначались оставшемуся в живых и пропавшему без вести седьмому брату. Говорят, что он по ночам с диким криком являлся туда и, забрав порох и пулю, исчезал.

Другая версия этой легенды, записанной П. К. Усларом, рассказывает о следующем: «В Табасаране недалеко от Кайтага в долине р. Рубаздинар (р. Рубас) вблизи аула Улдуз находится ныне опустелое место, на котором видно много кладбищ и развалин аулов. Это место называется Гунна. Здесь некогда жило богатое и могучее семейство, которому было вверено охранение знаменитейшей табасаранской святыни—мечи (кинжала?) Абу-Муслима, первого арабского завоевателя Дагестана и первого установителя в нем исламизма. Меч до сих пор хранится вблизи Чвурдафа, на урочище Турил йшив (место меча). Рассказывают, что он становился видимым только тогда, когда его брал в руки правдивый человек, но при этом каждому из смотревших представлялся в особенном виде. Последними представителями фамилии, в продолжение многих веков охранявшими священный меч, были семь братьев, богатых и сильных, и одна сестра, девица.

Братья переселились из Улдуза в Хунчи и оттуда, пользуясь

недоступностью положения, делали тяжкие поборы со всех проезжающих. Жители, однако, не смели открыто напасть на братьев, но вступили в тайные переговоры с сестрой, которая желала выйти замуж за сына старшины Ругуджа, на что братья не соглашались. Сестра, по наущению жителей, испортила соленой водой оружейные стволы у братьев; тогда жители напали на них и убили шестерых, а седьмой, тяжело раненный, отнесен был в Ругудж. Находясь на смертном одре, он сделал призыв народу—отомстить за него сестре. Жители пяти селений приняли его сторону. Сестра заперлась в Кызкала (девичья башня), которою овладели ополчившиеся, и девушка была умерщвлена. Чтобы наградить мстителей, умирающий всем пяти селениям завещал богатые дары:

1) с. Ханаг—пашенное место—Гуннарин хутIел (пашня гуннов);
2) с. ТIивак (Дювек)—Гуннарин рягъяр (мельницы гуннов);
3) с. Хили (Хали Кент)—Гуннарин Куран (Коран гуннов);
4) с. Урглиг—пашенное место—Гуннарин хутIил;
5) с. Ляхля—медный котел—Гуннарин йигъач (котел гуннов)»[34].

По преданию, записанному нами в разных селениях Табасарана, крепость у «ворот» Хучни защищают семь братьев. Сестра их по имени Назханум сменяет братьев на посту в краткие моменты передышек между боями. Иранское войско во главе с военачальником Казим-Пашой несколько раз безуспешно атакует крепость. Тогда Казим-Паша прибегает к хитрости. Через посредницу-старуху он признается Назханум в своей любви к ней. По подсказке старухи-посредницы Назханум заливает стволы ружей и ножны кинжалов и сабель братьев рассолом. Во время очередной атаки братья вынуждены были оставить крепость врагам. Они тяжело переживают предательство сестры и убивают ее (сбрасывают с обрыва). В других вариантах, узнав о том, что она обманута Казим-Пашой, Назханум покончила с собой.

По рассказу информатора Аскера Алимурадова (с. Вартатиль), крепость у «ворот» Хучни построили семь братьев. У них была красавица сестра. Она заплетала свои длинные волосы в 40 кос и все они были золотые. Для строительства крепости воду брали из реки, которая протекала у подножия крепости. Для этого девушка привязывала к косам кувшин и доставала из реки воду. В свободное от войн время братья занимались охотой. Однажды на крепость напали враги, но безуспешно. Тогда они прибегают к хитрости. Через посредницу-старуху они обещают девушке столько золота, сколько весит она сама. После того, как враги расправились со всеми братьями, они спустили вниз сестру, расплавили обещанное золото и влили ей в рот со словами: «предавшая братьев, предашь и нас». Там же внизу у подножия крепости бросили ее тело и забросали камнями. С тех пор, все, кто проходит мимо этого холмика, кидает на него камень. Говорят, что там вырос целый курган.

По материалам М. Г. Юсуфова, враги также сами расправляются с ней[35].

По преданию, записанному М. Р. Гасановым, семь братьев-нартов и красавица сестра в Хучнинскую крепость перешли из с. Урсиг. «Основание сел. Урсиг приписывается Селиму. Он был богатым хозяином, имел табуны лошадей, много разного другого богатства. Он сам, как рассказывают, был охотником. Во время возникшей ссоры между Селимом и братьями (т. е. сыновьями. —А.Б.) последние вместе с сестрой перешли в Хучнинскую крепость»[36]. Далее легенда повторяется.

Нами записаны несколько исторических сказок.

В одной сказке речь идет о «народном герое» Джуьгьей. У него было 7 сыновей и семь невесток. Во время сенокоса жители семи соседних сел напали на его сыновей и захватили сенокосные участки. Джуьгьей решил отомстить своим врагам. Для этого он попросил у иранского шаха войско, пообещав ему за это золото. Получив войско, он разграбил и убил жителей семи сел. После боя иранский шах потребовал от Джуьгьей обещанное золото. Жена Джуьгьей посоветовала мужу предложить иранскому шаху обменять на золото разграбленное иранским войском добро. Но добра оказалось больше обещанного золота и поэтому иранцам пришлось уйти без него.

Рассказывают, что Яхул-хан бросил Нагар Шагьбану (известному абреку) вызов, сказав, что у него, хана, Нагар Шагьбан не сможет своровать ничего. Для охраны своих 40 отборных лошадей он завел 40 собак. Ночью Нагар Шагьбан пробрался к табуну, придушил собак и увел всех лошадей. Наутро Яхул-хан потребовал, чтобы Нагар Шагьбана привели к нему. Последний взял с собой саван, пригнал 40 лошадей и явился к хану. На вопрос хана, почему он пришел с саваном, Нагар Шагьбан ответил, что в случае, если хан его убьет, он хочет, чтобы его завернули в саван, купленный на честные деньги. Хан отпустил его. Говорят, что могила Нагар Шагьбана находится в сел. Вертиль.

Широко распространена во всем Табасаране и сказка-легенда о Базузайхане. В этой легенде говорится о притеснениях Базузайхана, чинимых жителям разных аулов.

Широкое распространение в Табасаране получили и местные легенды о первых поселенцах той или иной местности, о разбойниках, прославленных в той или иной части Табасарана.

Значительное место в жизни табасаранцев занимали древнеарабские легенды о трагической любви юноши-поэта «Лейли и Меджнун» (литературный памятник средневековой литературы народов Азии), азербайджанский дастан, популярный среди народов Закавказья и Ближнего Востока «Ашиг-Гариб», героический эпос народов Ближнего Востока и Средней Азии «Кер-Оглы». (В основе сюжета—подвиги богатыря, борца за народное счастье и справедливость Кер-Оглы); легенды с религиозными сюжетами «Юсуф и Зелиха» (Зелиха—жена египетского вельможи Путифара, влюбившаяся в Юсуфа, но отвергнутая им); легенда о Якубе (библейский Иаков, отец Юсуфа (Иосиф) из Ханаана, который ослеп от горя в разлуке с сыном)[37] и др.

Некоторое распространение получили в Табасаране близкие к волшебным сказкам фантастические сказки-легенды на различные религиозные темы. Большинство их носит моралистический характер в духе народной идеологии (бог дал, бог взял). Например, в сказке-легенде, рассказанной нам информатором из сел. Вартатиль А. Алимурадовым (1913 г. р.), повествуется, что давным-давно в одном прекрасном городе жил посланник бога (пайхаммар) Аюб. У него было две жены—одна молодая, другая постарше. Старшую жену звали Зулейха. Однажды Аюб заболел тяжелой неизлечимой болезнью. На его теле завелись черви, которые поедали все кроме костей. Горожане испугались, что они могут заразиться этой болезнью и выгнали Аюба из города. Перед тем, как покинуть город, Аюб отпустил к родителям свою молодую жену, а Зулейха вместе с Аюбом переселилась в другой город. Вскоре их выгнали и из этого города. Аюб был настолько плох, что Зулейха несла его на спине как маленького ребенка. На этот раз Зулейха с мужем поселяются в лесу. Построив себе шалаш, стали они жить в лесу. Но вскоре их увидел пастух и рассказал о болезни Аюба людям. Люди, испугавшись, что их скот может заразиться этой болезнью, выгнали их из своего леса. Тогда Зулейха перенесла своего мужа в другой лес, куда не ступала нога человека. Она опять построила шалаш и стали они жить в этом шалаше длинные дни и ночи. Каждое утро Зулейха отправлялась в соседние села просить милостыню. Так они жили некоторое время. Однажды, проходя мимо одного дома, Зулейха увидела женщину, которая пекла хлеб в тандыре. Она подумала о том, как было бы хорошо накормить Аюба свежеиспеченным хлебом, и не удержалась, подошла к женщине и попросила у нее 2 чурека. Женщина согласилась, но взамен попросила у нее 2 золотые косички. Зулейха отрезала 2 косички и отдала женщине. Получив 2 чурека, она вернулась к мужу. Но до нее к Аюбу пришел иблис (дьявол). Иблис сказал Аюбу, что он хочет что-то очень нехорошее сообщить ему о его жене, но прежде Аюб должен дать слово, что он нанесет ей 40 ударов палкой. Аюб дал слово и поклялся. Тогда иблис рассказал, что в таком-то селе Зулейха занималась непристойными делами и за это ей в награду дали два чурека. Аюб не поверил иблису и попросил жену, чтобы она сама рассказала, как было дело. Когда Зулейха рассказала Аюбу правду, тот, чтобы не нарушить клятву, решил нанести Зулейхе 40 ударов, но только не палкой, а соломинкой, чтобы не было больно.

Но вернемся к Аюбу. С каждым днем ему становилось все хуже и хуже. На теле Аюба почти не осталось мяса и черви падали на землю. Тогда Аюб брал их с земли и обратно сажал на свое тело. При этом он говорил им: «Аллах дал вам мое тело кушать, кушайте». Когда на теле не осталось мяса, черви перешли к его языку. Тогда Аюб обратился к аллаху со словами: «Зикир апIуз мелз гъит, фикир апIуз йикI». (О, аллах! Молиться о тебе оставь язык, думать о тебе сердце».) И бог наградил его за покорность, жену за верность мужу и вернул им молодость.

Известны табасаранцам и другие волшебные сказки. Они почти ничем не отличаются от сказок других народов Дагестана. В сюжетах и образах таких сказок часто встречаются мотивы о совместной жизни человека и животного, о превращении человека в животное, в растение и т. д. Есть сказки, где отважный молодой красавец-юноша одолевает 9-головую змею, которая стоит у источника. В некоторых волшебных сказках рисуется особый фантастический мир, находящийся где-то в другом мире над землей и под землей—«ургур завар — ургур жилар» (под семью ярусами под землей и над землей).

Наибольшее распространение имеют бытовые сказки, сказки о животных.

Среди табасаранцев бытовали в прошлом и реалистические сказки и просто бытовые рассказы об истории тех или иных людей, о приключавшихся с ними различных случаях. В одном таком рассказе повествуется о том, что как-то житель селения Дарваг полез в сад Бийбала-бега за яблоками. Его поймали и привели к бегу для определения меры наказания. Бег поинтересовался, из какого он села. И как только узнал, что он из Дарвага, стал его просить, чтобы тот послал в его адрес проклятие (дарвагцы славились особыми способностями ругаться, проклинать). Дарвагец долго отказывался, а потом сказал: «Чермалейим—голуму салым бал габына, ордан чыхарыб салым дары чувалына. Не гадар дары дани йапышыб мэним элима, о гадар балагь килсин Бийбала бейин башына». (Опускаю руку в сосуд с медом, оттуда вынимаю руку и опускаю в мешок с просом, сколько проса прилипнет на мою руку, пусть столько несчастий падут на голову Бийбала-бега».) Говорят, что бег развеселился и велел отпустить дарвагца.

В другом рассказе повествуется о бекской жене. Рассказывают, что в доме Бийбала-бега было принято по утрам в дом доставлять свежие фрукты из сада. Однажды в плетеной корзине принесли тутовник. Бике-бажи (жена бега) села у корзины, оглянувшись по сторонам, убедившись, что ее никто не видит, стала с аппетитом есть тутовник горстями. В это время у бега во дворе шло строительство. Шагурт (подмастерье) стоял высоко на строящейся стене и наблюдал за Бике-бажи. После обеда всем подали тутовник. Бике-бажи брала по одной ягоде, рассматривала ее со всех сторон, отрывала хвостик и ела. Смотрел на нее шагурт, не выдержал и говорит: «Бике-бачы, бэс туту белэ ийейерлар?» «Бэли, а бес неча?» Шакурд: «Сиз сагьар ийаен кими, овучла». («Бике-бажи, разве тутовник так надо есть?» Бике-бажи: «а как?» Шагурт: «Так, как вы ели утром, горстями!»).

Пословицы и поговорки —«Абйирин гафар» («отцовские слова»). Тематика пословиц и поговорок самая разнообразная. Вот некоторые из них: «У съевшего козу огонь на шее»; «Рывший чужому яму, сам в нее упадет»; «Не коли иголкой, тебя ударят ножом»; «Едущий на чужой лошади среди грязи слезет»; «Один грязный ягненок все стадо запачкает»; «Кто много говорит—много знает; кто мало говорит—много может»[38].

Или: «Подающий надежды птенчик и в яйце поет»; «Если соседи хорошие, то и слепая девушка замуж выйдет»; «От хорошего слова и камень добреет»[39]. Или: «Громкие слова для головы беда, а тонкий хлеб—для живота»; «Лежавший лев сголоду умер, а погулявший, говорят, разжирел»; «Хотя седло надето, с осла лошадь не получится»; «На завтра работу не откладывай, а откладывай пшеницу»; «Будь тяжелым на слово, легким на дело»[40] и т. д.

Ряд пословиц, поговорок бичуют недостатки в людях, высмеивают трусость, жадность, тунеядство и другие человеческие пороки.

Широко бытуют в народе и загадки («Дургъунагъ»—досл.— постижение знаний, истины).

«Вероятно, в древности,— пишет М. Г. Юсуфов,— загадки табасаранцев входили в культовый обряд. Информаторы сообщают, что загадки, как правило, задавались в определенное время года и после окончания полевых работ, к народным праздникам»[41].

Исследователь М. М. Гасанов разделил загадки по тематическому составу на шесть групп: 1) о природе, о явлениях природы; 2) о людях; 3) о труде, труженике; 4) о домашнем быте: 5) о животных; 6) о науке, знаниях, культуре.

Самую многочисленную группу составляют загадки о предметах материальной культуры: орудиях и продуктах труда, жилищах, пище, одежде. Много загадок у табасаранцев посвящены явлениям природы, небесным светилам. Вот некоторые из них: «На одном чабане тысячи овец» (луна и звезды); «Под гору входит, а с горы выходит» (ковер во время тканья); «Днем князья, вечером рабы» (постель); «Все чинит, а сама голая бывает» (иголка); «Четыре друга всегда смотрят друг на друга и не надоедают» (стены) и др.

Итак, из всего выше сказанного можно сделать вывод, что дореволюционный фольклор табасаранцев включает в себя обрядовую и необрядовую поэзию, исторические песни, легенды, предания, сказания, сказки, пословицы и поговорки, загадки. Историческая близость с азербайджанцами и лезгинами обусловила развитие табасаранского дореволюционного фольклора на разных языках одновременно. Поэтому весьма распространенным в народе является разноязычный поэтический фольклор. Особенно это заметно в песенном творчестве.

В конце XIX—начале XX в. в табасаранском фольклоре происходят изменения. В недрах национального фольклора зарождается индивидуальное творчество. В этот период из среды безымянных певцов выделяются наиболее одаренные певцы. Сплавом фольклорных мотивов и индивидуального творчества стала ашугская поэзия—поэзия певцов-импровизаторов, которая «представляет переходную стадию в развитии литературной поэзии вообще»[42]. В XIX—XX вв. появляется целый ряд табасаранских ашугов—Гамид из Межгюля, Раджаб из Ляхля, Ильяс из Куштиля, Нигерханум из с. Гериг, которые стали популяризаторами дастанов и традиций ашугской поэзии. Сплавом фольклорных мотивов и ин-

дивидуального творчества были первые сборники А. Джафарова, А. Ханмагомедова, Т. Шалбузова, которые стали основоположниками табасаранской литературы.

Народная медицина и лечебная магия

Медицинские знания в Дагестане, как и в других регионах страны, развивались как часть «традиционно-бытовой культуры»[43]. Отсутствие медицинских учреждений, низкий уровень материальной жизни, культурная отсталость приводили к тому, что охрана здоровья и забота о нем было непременным условием для каждого члена семьи. Поэтому в каждом доме лечением домочадцев занимались мать, бабушка и другие старшие члены семьи. Чаще всего домашними «врачами» в семье выступали женщины. В своей лечебной практике наряду с приемами магии от «сглаза», «порчи» и т. д. они применяли и некоторые рациональные методы народной медицины. Кроме домашних «врачей», в каждом селе имелись и «профессиональные» лекари, которые были известны не только в своем селе, но и далеко за его пределами. Свои медицинские познания, практические навыки врачевания они перенимали от таких же самоучек-лекарей. Часто врачевание передавалось как наследственное занятие от родителей к детям, и в таких семьях, естественно, складывались семейные традиции искусства лечения тех или иных заболеваний.

В середине XIX в. большой известностью пользовался табасаранец Уста-Халил. В газете «Кавказ» о нем писали, что «некоторые из пациентов его заставляют удивляться искусству и смелости, с которыми делались операции. Уста-Халил враг ампутаций и никогда не отнимает членов»[44]. Не менее известны были костоправы из сел. Вертиль Гаджикерим Гаджиомаров; из сел. ЧIере Захра Саидалиева (она же и повивальная бабка); из сел. Атрик—Гюльмагомед и др.

Сельскими «врачами» (их называли «джарахи») в Табасаране выступали как женщины, так и мужчины. Последние чаще были костоправы и хирурги. Такие «врачи» обычно не устанавливали плату за лечение больного. Родственники больного при положительном исходе дела могли только одарить его каким-либо подарком.

В то же время в Табасаране существовал и такой порядок, по которому, если кто-либо ранил человека, то обязан был пригласить джараха, который лечил раненого, находясь на довольствии виновного. Если раненый выздоравливал, джарах определял «стоимость раны». Назначенная сумма делилась на три части, из которых две части получал раненый и одну часть—джарах[45].

В своей лечебной практике табасаранские народные лекари применяли различные формы лечебного воздействия: лечение растениями, лечение продуктами питания, различные прижигания, кровопускание, водо- и грязелечение, лечебные средства животного происхождения, массаж и др. Лекарственные препараты из арсенала народной медицины применялись при различных заболеваниях: при болях в суставах, при простуде, при болях в

желудке и печени, при потере аппетита, при сильном сухом или с мокротой кашле, при бессоннице, угрожающих родах, при холере, малярии, различных опухолях, язвах, при переломах и вывихах, при незаживающих ранах, при ожогах разной степени и т. д. Каждый рецепт предназначался для определенного случая.

Несмотря на то, что в основе традиционной медицины народов Дагестана лежали общие принципы и методы лечения, изготовления лекарств, в конкретных селах, у конкретного лекаря были и свои рецепты, методы для изготовления и применения лекарств.

Значительное место в ряду табасаранских лекарств занимали лечебные растения. Это объясняется прежде всего тем, что природа Табасарана богата разнообразными растениями. Часть этих растений издревле использовалась народными лекарями в лечебных целях.

Собирательство лекарственных трав для лечебных целей было связано с определенными сезонами года. Чаще же в середине лета, когда, по народным представлениям, растительность достигает полного расцвета, происходил сбор целебных трав, цветов, которыми женщины запасались на всю зиму. Некоторые лекарственные растения собирали ранней весной, когда на деревьях начинали набухать почки. Табасаранцы верили, что именно в эти два сезона года растения приобретают особые чудодейственные свойства.

Сбором растений занималась не только определенная группа людей. Сбор некоторых лекарственных и съедобных трав носил характер народных сезонных празднеств. Так, ранней весной, после завершения трудоемких весенних работ, в конце мая—начале июня табасаранские девушки, женщины, мужчины, юноши и дети отправлялись в горы для сбора лекарственных и съедобных растений. После веселья и общей трапезы под руководством старших молодежь, дети приступали к сбору необходимых трав. (См.: «Общественные праздники и развлечения» в гл.: «Общественный быт табасаранцев в XIX—начале XX века».)

При сборе траву старались не топтать, а осторожно разгребали руками или ножом. Некоторые растения вырывали руками, а растения, у которых хотели сохранить корень, выковыривали ножом или специальной маленькой железной лопаточкой. Этому же старшие учили и детей. Обработка корня растения заключалась в промывке, очистке или соскабливании, а затем сушке, а обработка листьев и цветов растения—в сушке. Сушку обязательно производили в тени (часть растений на солнце) в хорошо проветриваемом помещении.

Травы и корни, заготовленные на зиму, хранили в специальных чистых мешочках, подвешенных на стропилах хозяйственной комнаты или открытой веранды. О каждом из них хозяйка знала все (название, дозировку, способ употребления). Иногда в состав какого-либо лекарства входило 5—10 видов растений. Из них приготовляли отвары, как для приема во внутрь, так и наружные. Некоторые растения использовали в свежем виде.

Лекарства чаще каждая семья готовила для себя по своему рецепту или же по рецепту сельского лекаря. В особых случаях табасаранцы пользовались лекарствами, приготовленными лекарями-специалистами.

Особыми лечебными свойствами всеми табасаранцами наделялся подорожник—«табран укI» («цIиврих», «таварих кIажу», «табарай кIаж», «таблин укI»—диалектные варианты). Подорожник использовали в свежем, сушеном и вареном виде. В народной медицине разных сел подорожник применяли как ранозаживляющее средство, для лечения гнойных ран, для вскрытия фурункулов. Для этого лист подорожника смачивали слюной и прикладывали на больное место. Сок свежего подорожника повсеместно применяли при гастритах. Для лечения гастритов применяли травы «шарукIар», «шюшяр». Из этих же трав в смеси с простоквашей готовили «афрар» (пироги). Тинитцы для этой же цели использовали отвар сушеного подорожника.

Вертильцы применяли подорожник от зубной боли. Для этого засушенные листья подорожника сжигали и больной вдыхал этот дым.

При расстройстве желудка и кишечника применяли вареный (в течение 10—15 минут) «лишвар» или «учIвру цIабар»—конский щавель. Для этих же целей из «лишвар» с простоквашей готовили «афрар». Заготавливали «лишвар» впрок. Его можно сушить как в тени, так и под солнцем.

Листья «шваршвлар» (бузина) применялись как противовоспалительное средство. Их использовали только в свежем (зеленом) виде. При появлении у человека озноба, из этих же листьев делали специальное одеяло, в которое укутывали больного и держали до тех пор, пока он вспотеет.

Все табасаранские народные лекари использовали «варжи» (крапиву) как противоревматическое средство при болях в костях и суставах. Для этого они проваривали крапиву и полученную массу прикладывали на больное место. Одновременно больному давали есть вареную крапиву. Народный лекарь из сел. Хучни Рагимова предлагает вареную крапиву без других приправ для лечения сахарного диабета. Крапиву заготавливают впрок.

При болях в суставах, костях использовали и зеленые листья «хамсар» («хамсун кIаж»)—ежевики. Для этого их также проваривали и полученную массу прикладывали на больное место. «Хамсун кIаж» впрок не заготавливали, их использовали только в свежем виде.

Народным лекарям хорошо известно целебное действие «фарф дагрин» (водорослей). В смеси с шелухой пшеницы «фарф дагрин» использовали для вскрытия фурункулов и при маститах.

Для этих же целей использовали вареную «хючначи» («хъюнтIриж»)—в смеси с золой[46]. Семена «хючнари» применяли от зубной боли. Для этого на горящие угли подсыпали горсть семян и вдыхали дым, стараясь направить дым в сторону больного зуба. Для лечения и вскрытия фурункулов народные лекари из сел.

ЧIере предлагали смесь вареной на молоке «кучIкучI» (просвирняк—мальву) с семью разными травами.

При хронических гастритах и различных кожных заболеваниях (при зуде, аллергических высыпаниях) табасаранцы использовали внутреннюю часть коры «швум заз» (барбарисового дерева). Для этого в период набухания почек с «швум заз» снимали верхнюю кожицу, а желтую кору под ним срезали и варили. Полученный отвар давали больному пить и одновременно делали примочки.

Отвар айвовых листьев давали пить при болях в желудке, в животе, при высоком кровяном давлении.

Страдающему от геморроя аркитцы прописывали пить смесь из меда и засушенных и измельченных до порошкообразного состояния веток кизилового дерева «чимил».

Особыми лечебными свойствами наделялась чага (наросты на деревьях). Так, например, сок, полученный при варке нароста кизилового дерева «кьуьтруьч чимлун», табасаранцы использовали для лечения геморроя. Жительница сел. Тинит Назлуханум Саидова предлагает использовать наросты на дубовых деревьях — «мехъуьн кIас»—для лечения грибковых заболеваний. Для этого нарост срезается и прикладывается к местам, пораженным грибком. С этой же целью используют и его отвар. Этот же отвар использовали и для лечения экземы. Советские ученые также доказали, что наросты на березах (чага) приносят некоторую пользу при лечениях опухолей. «В 1955 г. березовый гриб был разрешен для применения. Выпущен и специальный препарат из него—бефунгин, включенный в государственную фармакопею»[47].

Интересны рекомендации информаторов, связанные с лечением различных опухолей. Особенно выделяются среди них листья сосны «урмих». Для применения листья отваривали и полученную кашицу прикладывали на больное место (на 30—40 мин.). Во избежание удушья нельзя было кашицу прикладывать близко к дыхательным органам.

Народные врачеватели из сел. ЧIере умели исцелять от различных кожных заболеваний (лишай, чесотка). С этой целью здесь применяли сок цветка «цIаржах» (цветок желтого цвета) в свежем виде (впрок не заготавливали), для чего чистым тампоном наносили сок цветка на больное место. Для этих же целей (особенно для лечения чесотки) использовали отвар коры черной шелковицы (тутового дерева—«кIару хартин гал»), который также наносили чистым тампоном на пораженную кожу.

Все жители Табасарана при различных простудных заболеваниях использовали дубовые листья («мяхъюн кIажар»). Для этого листья отваривали и в теплом виде прикладывали на тело. С этой же целью использовали и семена скошенной травы «укIан архь». Для лечебных целей семена варили и вдыхали горячий пар. При общем недомогании, если наблюдалась сильная простуда, принимали общую горячую ванну с «укIан архь».

Все табасаранские народные лекари рекомендовали полынь—

«кьуркьлин кьал» как противолихорадочное, желчегонное, мочегонное и глистогонное средство. Чтобы избавиться от глистов, полынь настаивали на воде в течение трех дней. Три дня больной старался не есть ничего или же значительно ограничить себя в еде. Затем готовили на воде пшеничную кашу, заливали настойкой полыни, посыпали сахаром и ели.

Народные лекари из сел. Вертиль в качестве кровоостанавливающего средства применяли сок «цIаблих укIу»—трилистника, из сел. Атрик—сок клевера «шибув цIавлин» (обычно сок капали на кровоточащую рану).

В лекарственной флоре Табасарана найдены растения и для лечения различных сердечных заболеваний. Особенно выделяется среди них растение, которое называется «мизротIо» (растение на длинном стебле с разветвленными листьями с белым оттенком). Оно растет высоко в горах. Обычно применяли настойку. Готовили ее из свежего и сушеного растения. Заготавливали «мизротIо» в июне. С этой же целью использовали и «беневша» (фиалку). При сердечно-сосудистых заболеваниях, при болях печени, гастритах применяли растение «шиш яра» (разновидность мяты), при болезнях печени —настойку цветка «докIл» (вид ромашки), при болезни сердца и печени —«черин цкар» (чайное растение или чабрец), а отвар зверобоя «къархикку» применяли при болезни почек и печени, а также при гастритах.

В народной медицине разных сел для лечения стоматита применяли растение «ахсир бичан» (зеленая трава с белыми пятнами). В лечебных целях этой травой в течение недели обрабатывали полость рта. Жительница сел. Хучни Рагимова для лечения стоматита рекомендует полоскать рот отваром «довшан къулагъ».

В некоторых селениях отвар шиповника использовали как мочегонное средство.

При болях в брюшной полости рекомендовали жевать листья молодого орешника, а при зубной боли в дупло клали семена растения «халбенг».

В лечебной практике табасаранцев значительную роль играло лечение продуктами питания. Из продуктов питания, обладающих целебными свойствами, прежде всего следует отметить мед—«йиччв». В частности, для лечения экземы у детей использовали мед в смеси со сливочным маслом и копотью. Этой же смесью лечили и другие кожные заболевания у детей.

Жители сел. Межгюль при болях в сердце применяли мед в смеси с черной редькой. Народные лекари многих сел мед в чистом виде применяли при сердечно-сосудистых заболеваниях. Мед применяли при лечении различных новообразований, для чего его натревали и прикладывали к больным местам.

Жители селения Вертиль для лечения сердца применяли мед, смешанный со старым топленым маслом.

По мнению многих народных лекарей, «мед не только сам по себе обладает определенными лечебными свойствами, но и улучшает усвоение лекарств, способствует сохранению свойств смешан-

ных с ним растительных компонентов и непосредственно облегчает страдания (мед смазывает боль)»[48].

Многие традиционные блюда из плодовых культур или их компоненты также обладали хорошими лечебными свойствами. Так, например, грецкие орехи являются обязательными компонентами многих блюд табасаранцев.

Среди лекарственных средств большое место занимали молочные продукты, особенно кислое молоко, айран и творог. Это понятно, если учесть, что все молочные белки и жиры относятся к числу легкоусвояемых. Широко используется табасаранцами как прекрасный напиток, утоляющий жажду, кислое молоко. Кислое молоко, разбавленное наполовину с холодной водой, восстанавливает микрофлору кишечника и является прекрасным стимулятором его работы. Повсеместно сыворотку использовали от ревматизма. Для этого подогретую сыворотку прикладывали к месту, где ноет. Молодые девушки подогретой сывороткой полоскали головы, чтобы волосы хорошо росли. Кислое молоко с толченым чесноком рекомендовали при отравлениях.

При сильной головной боли («мазала») надевали на голову вареную теплую тыкву, завязывали и держали до тех пор, пока тыква остынет.

Хорошо известно табасаранцам целебное действие конопляного масла при ожогах. Вареный или пропеченный лук прикладывали для вскрытия нарыва.

Для лечения кровоточащих ран, зудящих волдырей рекомендовали в расплавленный в топленом масле воск обмакнуть чистую тряпочку и приложить к больному месту. С этой же целью растопленный курдюк в горячем виде закапывали на больное место.

Для избавления от экземы табасаранцы использовали толченый чеснок. С этой целью массу прикладывали на больное место и оставляли на некоторое время. Процедуру повторяли несколько дней. При экземе многие врачеватели предлагали класть на больное место собственные экскременты.

Для лечения ангины межгюльцы полоскали горло настоем черного перца. Для этих же целей больному давали есть лук, сваренный в молоке.

Как противовоспалительное средство пили теплое молоко с козьим жиром — «цIигьран хюл». Этим же жиром при общем недомогании производили массаж.

При зубной боли рекомендовали класть в дупло соль и чеснок. Ожоги лечили соком сырой картошки.

При систематических запорах табасаранцы рекомендовали «гьирцIу жихрар» — порошок молотых сушеных груш и ячменя.

Пшеничную крупу с золой использовали как высасывающее гной средство. Обычно в течение суток гной прорывался.

Жители селения Вертиль для лечения чесотки и экземы рекомендовали смесь свежего коровьего масла с порохом. Этой смесью густо смазывали пораженные места.

В народной медицине разных сел мозг зайца применяли как мочегонное средство.

В лечебной практике табасаранцев значительную роль играли прижигания и кровопускания. Лечение прижиганием было широко распространено почти по всему Табасарану. Народный лекарь Рагимова из Хучни всякие нарывы, язвы предлагает лечить именно прижиганием. Так, например, на соответствующее место лекарь накладывает раскаленную старинную медную монету. Делается это до тех пор, пока выйдет весь гной.

В сел. Вертиль для прижигания различных прыщей прикладывали любой раскаленный серебряный предмет. В целом в зависимости от характера заболевания прижигание производилось в соответствующих местах и соответствующими предметами. Так, например, при различных новообразованиях в ротовой полости народный лекарь Рагимова прикладывает на больное место разогретую на плите печень. Места, покрытые белыми волдырями, лекари предлагают прижигать серебряной монетой, а если волдыри черные, прижигание производят медной монетой. Все новообразования черного цвета прижигали по два-три раза раскаленным гвоздем. После прижигания больное место лекарь смазывает своей слюной на голодный желудок.

Кроме того, при различных сильных простудных заболеваниях накаливали серп докрасна и острием серпа наносили легкие удары по больному месту. Очень часто после этого на теле от ожогов оставались шрамы.

Лечение кровопусканием также требовало от лекаря большого искусства, исключительной чуткости пальцев, знания расположения наиболее активных точек, откуда следовало выпустить кровь. Так, например, лекари из сел. Тинит при постоянной и сильной головной боли острым ножом или бритвой наносили на лобную часть головы небольшие ранки и выпускали кровь.

При потере речи (гьинахь), если такая немота наступила внезапно, измеряли расстояние от кончика носа до теменной части указательным и большим пальцами любой руки и из точки, куда упирается кончик указательного пальца, выпускали кровь до тех пор, пока выходила черная кровь. С этой же целью ко лбу больного прикладывали нагретый точильный камень. Затем к этому же месту прикладывали смесь из яйца и козлиного волоса и укладывали больного на несколько часов.

В лечебной практике табасаранцев широко применялось водолечение. Так, например, чIеринцы (с. ЧIере) при ревматизме больного водили к роднику «микIл шид». Здесь же недалеко от селения имеется соленая вода, которую применяли вовнутрь при сердечно-сосудистых заболеваниях.

Недалеко от селения Ерси также имеется родник. Воду из этого родника использовали для лечения радикулита.

В народе применяли различные средства для лечения от укусов змей, пчел и других насекомых. Так, например, при укусе пче-

лы к больному месту прикладывали железный предмет, при укусе змеи — серебро. Народные лекари из сел. ЧIере к укусам пчел прикладывали золотую или серебряную монету.

Табасаранская фармакология знала рецепты для лечения и некоторых других болезней. Так, например, народные лекари из сел. Джули для излечения больных глаз предлагали серебряной монетой провести несколько раз по внутренней стороне век, приподняв верхнее веко.

Среди народных лекарей широко было распространено лечение пиявками — «зелуь» (зили). Особенно часто прибегали к ним и при головных болях, при болях в ногах, при кровоточащих трещинах на губах и т. д.

Для лечения геморроя табасаранцы рекомендовали смесь древесной золы с нефтью приложить на больное место.

Кровоостанавливающее действие при наружных кровоточащих ранах смазывали: зола от овечьей шерсти—«марчмех хьай», препарат от оленьего рога (рог растирали в порошок, полученный порошок сжигали, а золу посыпали на рану). У некоторых народов препараты из пантов оленей использовали как тонизирующее лекарство.

При сильной головной боли табасаранские лекари рекомендовали пропарить землю, взятую из муравейника, и вдыхать ее пар.

При бронхите рекомендовали опустить в горячую воду раскаленный камень и дышать ее паром.

При сильной лихорадке около больного как бы нечаянно разбивали глиняный сосуд. Считалось, что страх благотворно влияет на больного.

Народные лекари из сел. ЧIере (Захра Саидалиева, ее дочь Шавумбиги) при носовом кровотечении рекомендовали вдыхать дым горящей змеиной шкуры — «битIран хал».

В Табасаране было немало опытных костоправов. Наиболее известные из них, как мы уже говорили выше, Гаджикерим Гаджиомаров из сел. Вертиль, Рагимова из сел. Хучни, Гюльмагомед из сел. Атрик и др. В своей лечебной практике они пользовались разными методами. Так, например, народные лекари из сел. Дюбек при вывихах на место вывиха накладывали тугую повязку из овечьей шерсти, пропитанной уксусом. При легких вывихах ограничивались повязкой, смоченной в соленой воде. Рагимова из сел. Хучни предлагает проварить корни растения «къизил къаш» в масле в течение 10—15 минут, затем на больное место наложить тугую повязку, пропитанную этой массой. Процедуру повторяют несколько раз. Корни «къизил къаш» заготавливают и впрок.

Аркитские народные лекари после выпрямления кости на место перелома накладывали повязку, пропитанную теплым топленым маслом, после этого наносили смесь из яичных белков, козлиного волоса и молока, сверху обсыпали мукой для схватывания и прикладывали на это место тонкие дощечки, которые туго привязывались на место перелома.

Народные лекари умели лечить некоторые незаживающие ра-

ны и новообразования. Так, например, для лечения язвы в полости рта с сильной припухлостью рекомендовали растереть дождевого червя, полученную массу сильно разогреть в топленом масле и в горячем виде несколько раз прикладывать на больное место.

Для вскрытия нарыва почти все лекари рекомендовали проколоть гнойный мешочек иголкой, в которую вдета черная нитка. После прокола иголку убирали, а нитку оставляли. До тех пор, пока не выйдет весь гной, нитку двигали то в одну то в другую сторону.

В бытовой практике табасаранцев, наряду с рациональными методами лечения, сложившимися на положительном опыте, применялись и некоторые магические приемы. Болезни могут возникнуть, считали табасаранцы, не только под воздействием внешних сил природы, условий жизни, но и под влиянием враждебных сил —«дурного глаза», «сглаза» и т. д. Поэтому, когда народные средства не помогали, табасаранцы обращались к знахарям, гадалкам, муллам. Их способы лечения были основаны на различных магических приемах. О некоторых из них мы уже говорили в разделе «Семейный быт» (Обряды и обычаи, связанные с рождением ребенка).

Некоторые методы лечения больных у табасаранцев связаны с верой в сверхъестественные свойства разного рода животных и птиц. Жители всех сел верили в целебные свойства шкур некоторых домашних животных. Так, например, при продолжительных болях желудка к больному месту прикладывали желудок свежезарезанного крупного или мелкого рогатого скота — «гъижкьиъ ип1уб». Только что снятой с домашнего животного горячей шкурой окутывали больного воспалением легких. Больной лежал в шкуре, пока она не высохнет. К такой же процедуре прибегали и при ушибах.

Страдающему мочезадержанием предлагали пить взболтанный в воде порошок от костей сокола и ногтей человека со сдвоенными пальцами.

Голубиная кровь обладала, по сведениям информаторов, противовоспалительным свойством.

Очень часто, чтобы избавиться от болезней, табасаранцы обращались к мулле, который выписывал из Корана соответствующую суру. Бумажку с этой сурой вшивали в тряпочку и делали амулет —«птик». Амулет носили на шее или же вшивали его в одежду. Кроме того, в случае болезни на клочке бумаги писалась молитва-заклинание, затем эту бумажку опускали в чашку с водой, а воду давали пить больному.

Иррациональные методы лечения, основанные на религиозных суевериях, часто имели тяжелые последствия и нередко приводили к трагическому исходу. Но информаторы рассказывают, что бывали случаи, когда мулла, знахарь излечивали больных. Возможно, что здесь срабатывала психотерапия. Это те случаи, когда мулла или знахарь «дарят людям надежду».

Итак, на протяжении многих веков люди знали немало средств, которыми лечили различные болезни. Эмпирически человек убеждался в ценности многих из этих способов при лечении ряда болезней, вызываемых различными причинами. Сравнительно высокого уровня достигла хирургия. Но вряд ли нужно говорить о том, что одними этими средствами и с помощью отдельных народных лекарей-врачевателей невозможно было вести борьбу с такими заболеваниями, как оспа, корь, туберкулез, различными доброкачественными и злокачественными опухолями и т. д., которые ежегодно уносили сотни и тысячи жизней. Тяжелые условия жизни, полное отсутствие квалифицированной медицинской помощи приводили к широкому распространению среди населения различных инфекционных и других болезней.

Несколько улучшилось здравоохранение после присоединения Дагестана к России. К 1900 г. в округах области было 9 врачей, «при каждом из которых находились 2 фельдшера и 3 оспопрививателя. ...В среднем по области в 1913 г. одна больничная койка приходилась на 2282 человека, а в сельской местности — на 5,8 тыс. человек. Один врач приходился по области на 18,4 тыс., один фельдшер — более чем на 7 тыс. человек»[49].

В начале XX в. отдельные медицинские пункты появились и в Табасаране. Но их было так мало, что ни в коей мере не могли удовлетворить нужды всех больных. На весь Кайтаго-Табасаранский округ в 1904 г. был один старший фельдшер и один врач «для бесплатной медицинской помощи сельскому населению и для судебно-медицинских целей». В 1905 г. в Хиве открылся еще фельдшерский пункт[50]. На весь округ была одна лечебница, «где имелись 6 штатных больничных кроватей»[51]. Такое положение здравоохранения, наряду с другим факторами, послужило причиной высокой смертности среди населения, особенно среди детей.

Религиозные верования

Хотя в исследуемое время (XIX—нач. XX в.) господствующей религиозной системой у табасаранцев был ислам, среди них долго сохранялись в той или иной мере остатки древних домусульманских религиозных верований, условно именуемые исследователями «народной религией»[52]. Однако древние домусульманские религиозные верования не сохранились в неизменном виде. Как и у других народов, у табасаранцев они деформировались под влиянием, с одной стороны, ислама (частью они вошли в состав их мусульманских воззрений), с другой — переплелись с новыми воззрениями, проникавшими вместе с новыми этническими элементами, приносившими с собой свои традиции[53]. В предыдущих главах освещены некоторые пережитки ранних форм религии табасаранцев (в свадебной и похоронной обрядности, в родильных обрядах, домусульманские элементы в общественных праздниках и обрядах). Здесь же мы попытаемся охарактеризовать лишь те из них, которые не освещены нами выше. Наибольший интерес из них пред-

ставляет демонология табасаранцев и различные магические средства борьбы со злыми силами.

Состав пандемониума у народов Дагестана более или менее однороден. Почти у всех у них бытуют представления о джинах, шайтанах, пари, албасты (ал, албаслы, албаб) и т. д. Эти персонажи занимали основное место и в демонологических представлениях табасаранцев. Разные по названию духи, по народным поверьям, имели разные черты, образы и функции. К настоящему времени некоторые персонажи в демонологическом комплексе табасаранцев утратили прежнюю четкость, частично забыты различия между отдельными категориями духов (джин, шайтан), частично со временем народ придавал им значение других персонажей.

В женском образе олицетворялся табасаранцами злой дух «ал». В настоящее время у народа ясного представления о внешнем облике ал уже не сохранилось. Ал большинству табасаранцев представляется в образе маленькой женщины с распущенными длинными волосами и петушиным лицом. Встречаются представления об ал в виде голой женщины с длинными распущенными волосами, которые полностью закрывали ей лицо. Несомненно, табасаранский ал это то же существо, что и «ал паб» (лез.), «албаслы къатын» (кум.), «алг», «албасты», известное у многих народов Передней и Средней Азии. По представлениям этих народов ал паб, албаслы къатын, алг, албасты особенно опасна для роженицы и ребенка.

Судя по рассказам табасаранцев, ал опасна для роженицы только при родах и первые три дня после них. По поверьям, ал завладевает внутренностями (печень, легкие, почки) роженицы и несет их к воде. Если она успевает ополоснуть их, роженица погибает. Подобные поверья были известны и другим народам[55].

Чтобы предохранить роженицу от влияния ал, табасаранцы тщательно охраняли ее. Прежде всего, чтобы ал к роженице не явилась, закрывали дымоход. Кроме того, с момента наступления схваток и в течение 3 суток после родов в комнате роженицы должен был быть мужчина. Им мог быть муж роженицы или даже маленький мальчик. По поверьям, ал боялась мужчин. При тяжелых родах, чтобы ал не смогла навредить роженице (вынуть ее внутренности), в течение некоторого времени держали язык роженицы. Говорили, что внутренности роженицы ал выдергивает вместе с языком. Если же роженицу не сумели предостеречь и у нее роды проходили тяжело (особенно, если она потеряла сознание), говорили, что ал уже завладела внутренностями роженицы. В данном случае роженицу быстро укладывали на палас и вместе с ней в сопровождении жителей всего села (мужчин, женщин, детей) обходили все источники села. При этом, чтобы запугать ал и не подпустить ее к источнику, мужчины играли на барабане, стреляли, то и дело вынимали из ножен кинжалы и размахивали ими.

Интересно отметить, что гибель роженицы, по представлениям народа, зависела от того, успеет или нет толпа с роженицей подой-

ти к источнику до того, пока ал погрузит внутренности роженицы в воду. Подобные поверья были известны и другим народам (таджикам, белуджам, чеченцам и т. д.)[56]. По мнению исследователей, «эта черта может указывать на генетическую связь албасты с водяным духом: только добравшись до воды, демон попадает в свою стихию, в которой он всемогущ и может окончательно завладеть теми, чьи внутренности похитил»[57].

Встречаются, однако, у табасаранцев представления о том, что ал можно победить в единоборстве. В этой связи нельзя не остановиться на одном интересном поверье, записанном нами в сел. Сыртыч. Информаторы рассказывают фантастический случай с ал, якобы происшедший с одним их односельчанином. «Во время родов муж одной роженицы стоял у дверей и охранял жену от ал. Когда она появилась, он кинулся на нее с кинжалом. Ал убежала в сарай на первый этаж дома. Муж роженицы побежал за ней и увидел перед собой голую женщину с распущенными волосами, распущенные волосы закрывали ей лицо, и поэтому он не мог разглядеть ее. Для защиты себя и своей жены он должен был или схватить демона за волосы и оторвать хотя бы один волос, или же отрубить ей один палец. Он вырвал несколько волосков. Тогда ал обратилась к нему со словами: «ты победил меня, отныне я не буду вредить тебе, твоей жене и твоим потомкам».

Не менее популярным был другой персонаж табасаранского пандемониума — джин. Особенность джинов — это способность принимать образы хорошо знакомых людей, разных животных, птиц, словом живых существ. Некоторые информаторы уверяют, что видели джина: он похож на человека, но лишь очень малых размеров. По поверьям, джины ходят целыми стаями и они бывают везде, даже под ногами. Постоянными местами обитания джинов считались заброшенные, полуразрушенные здания, грязные скотные дворы и сараи. Имелось поверье, что джины активизируют свою деятельность ночью. Поэтому старались не проходить ночью мимо таких мест, чтобы не наступить или как-нибудь не задеть джина. По рассказам человек, побеспокоивший джина (наступивший на него, коснувшийся его), причинял ему вред, от которого заболевал не только сам человек (он надолго иногда лишался якобы рассудка), но и джин. В этом случае говорили, что его ударил джин, его придавил джин. Считалось, что человек не выздоровеет до тех пор, пока не выздоровеет джин. Неоднократно приходилось слышать от информаторов, что по этой же причине нельзя ночью вылить на улицу воду после мытья головы. Имелось поверье, что, если этой водой задеть джина, то человек, который помыл голову, лишится рассудка. По этой же причине не выбрасывали ночью горячую золу, не выливали кипяток, воду, в которой купали ребенка, и т. д.

В Табасаране ходило множество разных легенд о том вреде, который могут причинить и причиняли джины, если их побеспокоить. Информаторы из сел. Сыртыч рассказывают: «Один житель нашего села пошел ночью в лес искать бычка. Он долго блуж-

дал по лесу и наконец увидел на лужайке темное пятно. Решив, что это бычок, он подошел к нему близко и ударил его палкой. Вместо бычка на том месте оказался джин. После этого человек тяжело заболел. Ударив джина, он искалечил себя». Подобных историй, якобы случившихся с разными людьми множество.

По поверьям, джины вели такой же образ жизни, как и люди. Много разных легенд об этом. Большинство из них о свадьбах, совершаемых джинами. Одна легенда рассказывает о том, что житель сел. Дюбек, которого звали Рамазан, как-то поздно ночью возвращался в село. Неподалеку от села его окружил свадебный поезд джинов. Они заставляли его танцевать. Тут же джины подарили ему пистолет. Танцевал Рамазан до тех пор, пока не упал без сознания. Когда он пришел в себя, он был совершенно больной.

По рассказу информаторов из сел. Атрик Хивского района, их односельчанина Мирзали однажды джины вывели со свадьбы, и он очнулся возле речки в 3-х км от села. Очнувшись, он увидел перед собой лошадей на двух ногах, которые его звали с собой. Он отказался. В это время его увидели люди и увели с собой.

Следует отметить, что в большинстве легенд джины заманивают людей на свои свадьбы, которые якобы они устраивали в труднодоступных местах. Принимая образ людей, они заманивали их, угощали, танцевали около них и заставляли их танцевать, а затем исчезали. Очень часто, очнувшись, человек видит, что он на краю пропасти. Вместо свадебных яств возле него комки земли, камни, овечий и коровий навоз. Весьма любопытно представление табасаранцев, что человек находится среди джинов до тех пор, пока он не догадается произнести «бисмиллах». Лишь только после произнесения этого слова, считают они, джины исчезают. Этот наглядный пример смешения признаков и функций домусульманских верований с исламом.

Следует отметить, что представление о джинах характерно своей двойственностью: джины могут и вредить людям и благожелательно к ним относиться. Поэтому табасаранцы делят их на две категории: положительные и отрицательные. Подобные поверья отмечены и у других народов Дагестана. Положительные джины выступают в образе мусульманских джинов, отрицательных табасаранцы называют шайтанами. Это является, на наш взгляд, следствием «смешения разных образов демонологии». Арабское (к тому же книжное) происхождение названия «шайтан» позволяет предполагать здесь влияние лексики мусульманского духовенства, заместившего образ народной демонологии шайтаном ислама»[58], — пишет О. А. Сухарева.

По поверьям, было распространено представление о том, что шайтаны во сне могли вступить в специфические отношения сексуального характера с избранными ими людьми. В таких случаях табасаранцы говорили, что их ввели в заблуждение отрицательные джины-шайтаны и наутро совершали обряд купания. Известны табасаранцам и эротические сновидения с джинами. Ви-

новником таких снов также считали шайтана. Распространено было поверье, что те люди, с которыми джины вступили в интимные отношения, впоследствии заболевали.

Как было сказано выше, понятие о шайтанах у табасаранцев смешалось с поверьями о джинах. Информаторы не могут указать на различия между шайтанами и джинами. Единственное различие между ними, по мнению информаторов, это то, что джины бывают положительные и отрицательные, а шайтаны только отрицательные.

Согласно табасаранским поверьям, шайтан всегда вводит людей в заблуждение, мешает им принимать правильное решение, издевается над ними, подсмеивается, подшучивает, может сбить человека с пути, завести куда-нибудь в глубь леса, на кладбище, в старые разрушенные строения, приносит им зло. По поверьям, шайтаны очень маленькие существа. Их почти не видно. Ходят они пятками вперед. Шайтан мог также оборачиваться животным.

В табасаранском пандемониуме имеется еще один отрицательный персонаж «рух». По представлениям табасаранцев рух очень сильное антропоморфное существо наподобие здорового крепкого мужчины с длинной бородой. Рух обычно являлся к человеку ночью (обычно в полночь) во время самого крепкого сна и наваливался на него, не давая ему шевельнуться и дышать.

В женском образе олицетворялся табасаранцами еще один персонаж табасаранского пандемониума — Гьюри (облегчение, свобода от арабск.) — Пери. Это таинственное «общество» прекрасных непорочных существ в образе красивых молодых девушек, имеющих крылья и живущих высоко в небесах и в раю. Они пополняют свое число из среды девушек, умерших в расцвете лет (15—16 лет) до вступления в брак. Где-то высоко в небесах существует и царство Гьюри-Пери во главе с царицей-красавицей из их числа. Гьюри-Пери представлялись не враждебными человеку духами. Основное их занятие — организованный совместный отдых и красивое времяпрепровождение. Среди них есть и молодые юноши, умершие до женитьбы. Всегда Гьюри-Пери выбирают себе в супруги именно этих юношей, с которыми обязательно встречаются в раю. В отличие от людей Гьюри-Пери никогда не стареют.

У табасаранцев значительное место в религиозных представлениях занимали и духи-помощники. Рассказывают поверье, когда тот или иной человек наутро обнаруживал, что работа, которую он оставлял незавершенной, наутро оказывалась сделанной до конца. К сожалению, подробности этого поверья выяснить не удалось. В сознании информаторов представление о духе-помощнике потеряло четкость.

В табасаранском пандемониуме имеется еще один персонаж — «аждагьа» (чудовище). Но образ аждагьа появляется лишь в сказочном фольклоре.

Довольно смутно в сознании табасаранцев сохранилась вера в божество покровителей. Главными из них являлись покровитель земледелия, охотников, лесное божество[59]. Эти образы уходят кор-

нями в древние домусульманские верования народа и связаны с обожествлением духов. Позже народ придал им значение пророков. Юнус-пейгъамбар — хозяин всех рек и морей (с. Вартатиль)[60]; Хизри-пейгъамбар — хозяин земли. Он же придавал людям физическую силу. Так, если перед человеком была тяжелая ноша и он не мог ее поднять, он обращался к Хизри-пейгъамбар со словами: «Я Хизри-пейгъамбар, уву узус кюмек йихь» («О Хизри-пророк, ты мне помоги»). Распространено было поверье о том, что божество—покровитель воды находится в рыбе. Об этом сложена даже песня:

Дерья гирагъи батан
Узу дерьяя батан
Балыгъын гъарнинда ятан,
Юнус-пейгъамбар гьаны?

Привлекают внимание представления и обряды, связанные с явлениями природы и растительным миром. Мир, вселенную табасаранцы называют термином «дунья». Представления о мире, связанные с этим термином, проникли сюда, видимо, из арабской мифологии. По представлениям табасаранцев, вселенная состоит из 14 ярусов—«ургур завар», «ургур жилар» (7 небес, 7 подземелий). Существовало проклятие: «Ургур йишвари учIвриву» («Провались сквозь 7 ярусов в землю»). Говорили, что над землей, кроме бога и его ангелов (малайиков), никто не живет, а под землей живут люди. По их представлениям, в каждом ярусе живет один народ, который не похож на другой. На земле живут, говорили они, люди и пророки. Пророки по необходимости поднимались к аллаху в небеса. Возможно, как и другие народы, некогда табасаранцы считали небо высшим божеством. В исследуемое время, по представлениям, верховным богом был «Аллагь».

Сохранились и следы почитания земли, неба. Землей и небом клялись, проклинали: «Руг гьярам шири узуз» («Пусть для меня земля станет осквернённой»), «Завар жилар гъалум шири узуз» («Пусть я буду проклят небом и землей»). Табасаранцы боялись чем-либо осквернить землю. Земле придавались сакральные, очистительные свойства[61].

Почитались у табасаранцев и солнце и луна, к которым до сих пор сохранилось особое почтительное отношение. Наши материалы свидетельствуют, что культ солнца у них значительно сильнее лунного. Реликты существующего некогда культа солнца прослеживаются в сюжетах табасаранского орнамента (на одежде молодых девушек, невест). Солярная символика представлена в резьбе по камню (стены домов), в резьбе по дереву, в свадебных хлебцах «гузани» и т. п. Сохранились намеки на всеочищающую способность солнца. Это выражается, на наш взгляд, в обычае вывешивать на третий день вещи покойного во дворе. Солнцем клялись: «Ригъдин гьякьниинди» («клянусь солнцем»), приветствовали восход солнца.

Табасаранцы почитали и луну. Так, во время затмения луны, чтобы освободить ее, они стреляли из ружей, били в медную посуду.

Сохранились у табасаранцев и следы почитания сил и явлений природы. «Священными» считались деревья, пещеры, родники, камни. Сохранились, в частности, следы почитания камней. Предполагалось, что за соответствующее приношение «священные» камни «исцеляли» больных, «посылали» детей бездетным, «сохраняли» урожай от засухи, «охраняли» людей от других болезней и несчастий (См.: гл. «Семейный и общественный быт»; «Хозяйство»).

Известны табасаранцам «священные» камни у сел. Вичрик, Имшнигь и др. Почти всегда у этих камней устраивали общественные трапезы, которые сопровождались своеобразными угощениями жителей сел, где находились «священные» камни. Перед едой и после нее религиозные женщины читали молитву.

Среди пожилой части населения было сильно распространено почитание «священных» деревьев, родников и места погребения того или иного «святого». Эти «священные» места табасаранцы называют «пIир». Каждый человек, проходя мимо пIира, должен был обязательно помолиться, отдохнуть возле него и завязать на ветке «священного» дерева лоскуток. Известны в Табасаране джарахские «священные» деревья — «джарагъ пIирар», которые служили местом поклонения жителей нескольких сел. Все «священные» деревья считались неприкосновенными.

Поклонение деревьям в Дагестане зафиксировано и в письменных источниках. Армянский летописец (X в.) М. Каганкатваци сообщает любопытные сведения, относящиеся к VII—VIII вв. о священных рощах и деревьях гуннов, обитавших по Кавказскому берегу Каспийского моря. «Тех, которые по незнанию брали от того дерева или падения ветви или сучья для своих нужд, оно наказывало страшными муками, бешенством, даже смертью и истребляло дом и род их»[62]. Поклонение деревьям и жертвоприношение им, по представлениям табасаранцев, избавляло их от сильных дождей, засухи, грома и других бедствий.

Среди населения было широко распространено почитание «священных» родников (Об этом см. гл.: Семейный быт). Особой известностью пользовались «святые» родники «Аман-пир»[63], «Пир булагъ» (с. Аркит) или же его называли «АхьтIарин шар» (аркитская вода). На пирах по различным поводам устраивали общественные трапезы, жертвоприношения — резали барана, быка.

Некоторые табасаранские святилища посещали не только табасаранцы, но и жители других округов и областей. Так, например, на святилище, расположенное у с. Хустиль «Дюрхъ» (пещера), приезжали из Азербайджана. На паломничество табасаранцы ходили и на святилище у сел. Чурдаф Табасаранского района[64]. Табасаранцы отправлялись и на гору Шалбуз-Даг, так как это святилище пользовалось большим почетом и далеко за пределами Самурского округа[65].

Имелись в Табасаране и «святилища», подобные храмам. Так, около сел. ВертIил (нынешний Хивский район) есть мечеть на местности чIехтIил, куда собирались жители из 12 аулов (УртIил, Гарик, Кувиг, Ляхля, Джули, Ургъа, Кулик, Фурдаг, Ярагъ, Атрик, Хурсатиль, ВертIил) на праздничную молитву. Это место было языческим святилищем, затем по традиции стало центром мусульманской религии. Около этого святилища располагались фруктовые насаждения, а также земельные владения. Впоследствии земля и другие объекты собственности древних святилищ стали вакуфными.

Чрезвычайно распространено было почитание могил «святых».

В предыдущих главах мы подробно останавливались на сакральной силе огня, проявлявшейся в самых разнообразных комплексах пережиточных верований. Особым почитанием у табасаранцев пользовался огонь семейного очага. Огонь символизировал домашний очаг, основу хозяйства, благополучие, символ семьи[66]. Возможно, по этой причине было принято в ночь «эбелцен» (21 марта) охранять в домах огонь до утра. Дать возможность выкрасть огонь означало лишиться благополучия, дома. По той же причине после наступления темноты не давали огня вообще. Нельзя было огонь гасить, особенно водой, нельзя было плевать в огонь. Очаг и все, что с ним связано (огонь, золу), считали семейной святыней. Существовал обычай переходить в новый дом с зажженной лампой. Зажженную лампу из старого в новый дом должна была переносить старшая хозяйка дома.

О широком бытовании культа огня говорит и обилие разных проклятий, связанных с огнем. Так, например, табасаранцы говорят: «яв хула цIай апIру кас гъудрузри яв» («чтобы в твоем доме некому было разжечь огонь»), «цIи ебри вуз» («пусть тебя сожжет огонь»); «къуъркьлуьк цIа купIху йигрум-цвук цIа кабхъривук» («чтобы тебя молния ударила»); «цIихь гьахриву» («чтобы тебя огонь ударил») и др.

Среди табасаранцев сохранилось почитание животных, птиц. Повсеместно распространен был обычай развешивания на заборах дворов лошадиных черепов. В данном случае череп лошади служил оберегом, охраняющим от сглаза дом, скот, посевы и т. д. Жертвоприношения животных также являются свидетельством наличия их культа в религии местного населения (обычай вкушения тела бога — тотема в более древние времена). Он прослеживается и в запрете убивать некоторых птиц, в частности голубей, ласточек, сорок, сов. О вороне говорили, что он приносит недобрую весть. Голубь и ласточка, по поверьям табасаранцев, священные птицы. Сова и голубь по причине того, что они издают звуки, похожие на молитву, а ласточка прилетает из Каабы — мусульманские святыни. Ласточка и сорока, по представлениям народа, приносят только добрую весть. Сова, считали табасаранцы, ночью молится богу.

В табасаранских пережиточных верованиях ласточка занимает особое место. В преданиях ласточка—спаситель святого Шейха.

Мы записали легенду, в которой одного святого Шейха преследовала змея. Святой Шейх уже выбился из последних сил, и змея вот-вот должна была настигнуть его. За всем этим наблюдала ласточка и думала, как помочь Шейху. Ласточка специально заманила Шейха на пахоту, зная о том, что на неровной почве змея не может быстро двигаться. Святой Шейх был спасен, а змея подпрыгнула вверх и ухватилась за хвост ласточки. Ласточка сумела вырваться, но в зубах змеи остался пучок перьев от ее хвоста. Говорят, поэтому у ласточки хвост ножницами. С тех пор ласточка окружена почитанием, пожалуй, не меньшим, чем святой. Если ласточка случайно залетит в дом, ее надо смазать маслом и отпустить, потому что она приносит людям только добро, говорили табасаранцы. Считали, что из-за того, что ласточка верит в человека, свои гнезда строит в его жилище.

Табасаранцам свойственна вера в загробную жизнь. По их представлениям, умершие на том свете живут так же, как и на земле. Но, в отличие от земных, они со временем не стареют, не умирают, а «живут» вечно. Кроме того, на «том свете» все люди обходятся без еды. Судя по табасаранским легендам, жизнь на земле никогда не прекращается, хотя «конец света», по их представлениям, должен наступить. В отношении наступления «конца света» они говорили так: «когда наступит «конец света», то вся земля станет чистой равниной. Тогда из земли как ростки в оголенном виде будут появляться покойники. По велению аллаха души каждого вернутся к ним, и они оживут». Таким образом, с наступлением «конца света» произойдет как бы обновление жизни на земле и жизнь будет продолжаться.

Много говорится в информациях о различных заклинаниях, заговорах. Особенно широко были распространены различные приемы заклинания вора. Общепринятым средством заклинания вора было посещение джума-мечети в г. Дербенте и раздача там «садакъа» (милостыня). По просьбе пострадавшего мулла делал «турбет» (накликал на вора болезнь). Вор якобы высыхал, а перед смертью признавался в своей вине. Для заклинания вора тинитцы также посещали джума-мечеть в Дербенте. По их рассказам, в мечети имеется «хючанлик» («охотничья нога»—кость, напоминающая олений рог). Пострадавший должен был взять из этого рога кусочек и сжечь его. Полагали, что после этого вора ударит паралич и он умрет.

Ряд мер применяли для того, чтобы приворожить (любовная магия). Так, например, аркитцы с этой целью обращались к мулле, тот выписывал соответствующую суру, которую зашивали в чистый лоскуток треугольничком «птик» (амулет) и носили. Или же птик опускали в сосуд с водой, потом, осторожно вынув его, воду незаметно давали той стороне, которую хотели приворожить. То же самое делали и для обратного воздействия. Но слова в данном случае должны были быть другие. Носили амулеты и чтобы предохранить себя от влияния злых сил, «сглаза»[67].

Анализ собранного материала показал, что в пласте домусульманских верований табасаранцев присутствуют в пережиточном виде все компоненты, слагающие первобытную религию. Кроме того, по сравнению с некоторыми другими народами Дагестана у табасаранцев прослеживается большая определенность в представлениях об отдельных демонических образах.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Как видно из вышеизложенного, небольшая народность создала интересную самобытную материальную и духовную культуру. В наши дни она выдвинула из своей среды видных деятелей науки и культуры (около 10 докторов наук и более 20 кандидатов наук). Далеко за пределами Дагестана известны имена ученых-табасаранцев — заведующего кафедрой ДГУ А. Г. Юсуфова, профессоров Б. Ханмагомедова, С. Хан-Магомедова из сел. Кондик, доктора физико-математических наук зав. кафедрой Даг. мединститута М. Ризаханова; профессора М. Р. Гасанова, доктора экономических наук заведующего отделом экономики Дагестанского научного центра РАН, заместителя председателя Совета Министров РД З. К. Юзбекова (члена двух научных советов РАН: по проблемам региональной экономики и развитию производственных отношений в условиях качественных преобразований социалистического общества, член советской секции международной ассоциации по региональной экономике. Член коллегии Госплана и трех Советов и комиссий Совета Министров РД). В настоящее время есть семьи, включающие в свой состав 2—3 ученых. Это братья Загир Загиров и Вели Загиров (Хивский район) профессора. В семье Гисамутдина Юсуфова из сел. Гурик Табасаранского района сыновья Абдулмалик Гисамутдинович Юсуфов— доктор биологических наук, профессор, заведующий кафедрой физиологии растений и дарвинизма ДГУ; Магомед Гисамутдинович Юсуфов — кандидат филологических наук (проректор ДГУ по ОЗО) и внучка Мадина Абдулмаликовна Юсуфова (дочь Абдулмалика) — кандидат биологических наук (единственная женщина кандидат наук табасаранка).

Не менее знаменателен и пример семьи Раджаба Сеферовича Гасанова из сел. Хурик Табасаранского района. Сам Раджаб Сеферович в 1930 г. закончил двухгодичные курсы в г. Дербенте. Работал учителем, директором школы. Награжден орденом Трудового Красного знамени, Почетными грамотами Дагцика, Президиума Верховного Совета ДАССР, шестью медалями. Воспитал 11 детей. Среди них один сын доктор исторических наук, профессор Магомед Раджабович Гасанов, другой Исмаил Раджабович окончил ДГУ им. В. И. Ленина и работает директором Дагучпедгиза, третий—Абдулталиб Раджабович окончил Дагсельхоз-

институт, четвертый — сельскохозяйственный техникум, пятый — Дагестанский политехнический институт и т. д.

В Дагестане хорошо известны имена табасаранских поэтов и писателей А. Джафарова, Б. Митарова, М. Шамхалова, А. Везирова, Т. Шалбузова, М. Митарова, Б. Раджабова, и др. Авторами первых учебников были Т. Шалбузов, Г.-А. Гаджиев.

Заслуживает быть отмеченым такое явление, как стойкое бытование табасаранского языка. В настоящее время значительно расширяются общественные функции его. На нем ведется преподавание в школах, издаются две районные газеты, литературно-художественный и общественно-политический журналы — «Женщина Дагестана», «Литературный Табасаран», детский журнал «Соколенок», публикуются книги и брошюры в двух издательствах республики. Уже пятый год в Дагестанском государственном университете на филологическом факультете функционирует русско-табасаранское отделение, а в Дербентском педагогическом училище студенты-табасаранцы изучают табасаранский язык. На табасаранском языке ведутся передачи по республиканскому радио. Вместе с тем растет число лиц, свободно владеющих русским языком.

В бытовом слое культуры табасаранцев — обрядах, праздниках, традициях, поведенческих нормах — сохраняются традиции почитания старших по возрасту, особенно стариков — носителей опыта и народной мудрости: распространены разнообразные атрибуты приветствий, которым учили детей с самого детства, гостеприимство (одна из лучших традиций табасаранцев, которая в новых условиях проявила удивительную стойкость), взаимопомощь.

Сегодня трудно найти село, где жители не смотрят кино, не слушают радио, не читают художественную литературу. В то же время катастрофически сокращается число талантливых сказителей, знатоков традиционного фольклора. Все меньше внимания уделяется изучению и усвоению молодежью, детьми эстетической ценности фольклорных произведений — обрядовой поэзии, исторических песен, легенд, преданий, сказок, пословиц, поговорок, загадок, детского фольклора, детских игр и др. Все реже и реже отмечаются такие любимые народом в прошлом народные праздники, как «эбелцен» (праздник весны), черешни, сенокоса и др. Ведь эти народные праздники имели большое воспитательное значение.

Собирая материал, мы столкнулись и с таким явлением, когда молодежь, дети из-за особенностей современного уклада жизни и ориентаций больше заняты своими проблемами и не всегда находят возможность посидеть со стариками, послушать их рассказы. Ведь распространенные в прошлом посиделки взрослых и детей вечерами имели большое воспитательное значение. Они вносили не только некоторое разнообразие в семейную жизнь, но и были своеобразным источником распространения знаний. На таких посиделках взрослые рассказывали сказки, легенды, исто-

рии, использовали в беседах пословицы и поговорки, загадки. Сегодня все это, в том числе детские игры и забавы мы записываем по воспоминаниям старшего поколения. Мы не решаемся однозначно определить причины этих и других явлений, но задуматься над этим призываем.

Особую озабоченность вызывает и то обстоятельство, что на наших глазах разрушаются многие памятники материальной культуры (мечети, минареты, сторожевые и боевые башни). Они требуют к себе более бережного отношения, чем теперь. Ибо это все наша история.

Не должны быть преданы забвению замечательное искусство ашугов, художественной обработки дерева (орнаментальная резьба), камня, гончарное производство.

И еще. Нам кажется, что табасаранцы должны иметь свою республиканскую газету. Время требует этого.

Назрела необходимость подумать о журнале на табасаранском языке. За последние годы значительно увеличилось население, возросло число профессиональных писателей и поэтов табасаранцев, а «Литературный Табасаран» выходит всего один раз в год. Ясно видно, что при такой периодичности журнала и писатели и читатели остаются неудовлетворенными.

Электронная библиотека Института истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение.

1. За годы Советской власти произошло переселение части жителей горных табасаранских сел в Дербентский р-он, а также в предгорную зону Табасаранского р-на. Из их числа в пос. Мамедкала, Даг. Огни, сел. Сыртыч образовались отдельные табасаранские кварталы. Часть переселенцев проживает в пос. Геджух Дербентского р-она.

2. См.: **Гюль К. К., Власова С. В., Кисин И. М., Тертеров А. А.** Физическая география Дагестанской АССР. Махачкала, 1959; **Чиликина Л. Н., Шифферс Е. В.** Карта растительности ДАССР. М.-Л., 1962; **Гюль К. К.** Физическая география Даг. АССР. Под ред. акад. **М. А. Кашкай.** Махачкала, 1959; **Викторов А. Ф., Гиммельрейх В. А., Львов П. Л., Микулич И. Н., Эльдаров М. М.** Дагестанская АССР. Махачкала, 1958; **Гиммельрейх В. А.** География Дагестанской АССР. Махачкала, 1967; **Гюль К. К.** и др. Реки Дагестанской АССР. Махачкала, 1961; **Гюль К. К.** Природа Дагестана. Очерки. Махачкала, Дагкнигоиздат, 1959 и др.

3. **Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.** Очерки истории южного Дагестана. Махачкала, 1964. С. 24.

4. История Егише Вардапета. Тифлис, 1853, С. 157, 333.

5. Армянская география VII в. в пер. К. П. Патканова. СПб., 1877. С. 37, 60.

6. Очерки истории Дагестана. Т. I. Махачкала, 1957. С. 38.

7. **Ал-Истахрий.** Книга путей и царств. СМОМПК. Вып. 29. Тифлис, 1901. С. 16—17.

8. **Масуди.** Луга золота и рудники драгоценных камней. СМОМПК. Вып. 38. Тифлис, 1808. С. 43; Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане.//Материалы для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 29. С. 11, 15, 16—17; Вып. 31, 32. С, 37, 39, 41.

9. **Ибн-ал-Факих.** Книга о странах. Перевод с арабского П. К. Жузе. Баку, 1927. С. 11.

10. **Баладзори.** Книга завоевания стран. Текст и перев. с араб. П. К. Жузе. Баку, 1927. С. 19.

11. Йакут. См.: СМОМПК. Вып. 29. С. 17.

12. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. Публикация О. Г. Большакова и А. Л. Монгайт. М., 1971.

13. См.: **Ал-Мукаддасий.** Лучшее из делений для познаний климатов. СМОМПК. Вып. 38. Тифлис, 1908; Ибн-Русте. Книга драгоценных камней. СМОМПК. Вып. 37. Тифлис, 1903; Ибн-Хаукал. Книга путей. СМОМПК. Вып. 37. Тифлис, 1903.

14. Дербенд-наме (пер. М.-С. Саидова, А. Р. Шихсаидова).//Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала, 1980.

15. **Минорский В. Ф.** История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 125—126.

16. Завещание Андуника-Нуцала. См.: **Хашаев Х. М.** Общественный строй Дагестана в XIX веке. М., 1961. С. 135.

17. **Эвлия Челеби.** Книга путешествия. Вып. 2. М., 1979.

18. **Бакиханов Аббас Кули.** Гюлистан-Ирам. Баку, 1926.

19. **Алкадари Хасан.** Асари Дагестан (Пер. и коммент. Али Гасанова). Махачкала, 1929.

20. **Шихсаидов А. Р.** Новые данные по средневековой истории Дагестана. УЗ ИИЯЛ. Т. IX. Махачкала, 1961. С. 137—155.

21. **Лавров Л. И.** Эпиграфические памятники Северного Кавказа X—XVII вв. Ч. 1. М., 1966; Он же. Эпиграфические памятники Северного Кавказа XVIII—XX вв. Т. 11. М., 1968.

22. **Шихсаидов А. Р.** Надписи рассказывают. Махачкала, 1969; Он же. Эпиграфические памятники Дагестана. М., 1984.

23. **Гербер И. Г.** Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728. В кн.: История, география и этнография Дагестана. XVIII—XIX вв. (Далее — ИГ и ЭД). М., 1958. С. 104.

24. **Симонович Ф. Ф.** Описание Южного Дагестана. 1796. ИГ и ЭД. С. 138—143; 152—154; Он же. Описание Табасарана. Указ. соч. С. 197—199.

25. **Колоколов П. В.** Описание Табасарана. 1831. Там же. С. 313—314.

26. **Тихонов Д., Симонович Ф., Серебров А.** Описание Табасарана. 1796 г. ЦГВИА. Ф. ВУА. д. 18474. лл. 118, 120.

27. **Бутков П. Г.** Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Т. I—II. СПб., 1869.

28. **Дубровин Н. Ф.** История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I—IV. СПб., 1871—1888.

29. **Потто В. А.** Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1—III. СПб., 1886.

30. **Броневский С.** Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Т. II. М., 1823.

31. **Берже А.** Краткий обзор горских племен на Кавказе. Тифлис, 1858; Он же. Прикаспийский край. Кавказский календарь на 1857 г. Тифлис, 1856.

32. **Березин И.** Путешествие по Дагестану и Закавказью. Ч. II. Казань. 1850. С. 83.; «Кавказ». 1846. № 17.

33. **Березин И.** Путешествие . . . Изд. 1. Казань, 1849. С. 182.

34. Материалы по истории Дагестана и Чечни (пер. пол. XIX в.). Махачкала, 1940.

35. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-х — 50-х гг. XIX в., Махачкала, 1959: Сборник документов. Составители: Г. Гаджиев и Х. Х. Рамазанов. Махачкала, 1959.

36. **Ковалевский М. М.** Закон и обычай на Кавказе. Т. I — II. М., 1890.

37. **Дирр А.** Экскурсия по Дагестану. В Табасаранском округе. Тифлис, 1905; Он же. Грамматический очерк табасаранского языка //СМОМПК. Вып. 35. Тифлис, 1905; Он же. Неизданный труд барона Услара о табасаранском языке.//Известия Кавказского отдела Русского географического общества. Т. 21. Тифлис, 1912.

38. **Чурсин Г. Ф.** Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913; Он же. Амулеты и талисманы кавказских народов //СМОМПК. Вып. 46. Махачкала, 1929.

39. **Услар П. К.** Этнография Кавказа. Языкознание. VII. Табасаранский язык. Тбилиси, 1979.

40. **Юшков С. В.** К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане. Уч. записки Свердловского пединститута. Т. I. Свердловск, 1938.

41. **Тамай А.** Материалы к вопросу о феодализме в истории Дагестана.//«Революционный Восток». 1935, № 5.

42. Очерки истории Дагестана. Т. I.; Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. и др.

43. **Гасанов М. Р.** Сельскохозяйственный календарь табасаранцев.//Вопросы истории Дагестана. Т. I. Махачкала, 1975. С. 210—212; Он же. Некоторые вопросы раннесредневековой истории Табасарана //Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1975; Он же. Из истории Табасарана XVIII—нач XIX вв. Махачкала, 1978; Он же. Социально-экономическое развитие табасаранского аула (История аулов Хучни, Джаррах, Ерси). Рук. Ф. ИИЯЛ. Ф. 3, оп. 1, д. 156; Он же. Социально-экономическое и политическое развитие аулов кадийства Табасаранского. Ф. 3, оп. 1, д. 188; Он же. Социально-экономическое развитие табасаранского аула (аулы майсумства Табасаранского). Ф. 3, оп. 1, д. 209; Он же. История аулов Табасарана (Хурик, Джули, Цанак). Ф. 3, оп. 1, д. 138.

44. **Ихилов М. М.** Табасараны. //Народы Дагестана. М., 1955. С. 179—191; Он же. «Табасаранцы». //Народы Кавказа. М., 1960. С. 520—528,: Он же. Семья и быт табасаранцев в конце XIX — начале XX вв. //Уч. зап. ИИЯЛ Даг. фил. АН СССР. Т. IX. Махачкала, 1961. С. 216—236; Он же. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967.

45. **Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.** Указ. соч.

46. **Хан-Магомедов С. О.** Очерки по синтаксису табасаранского языка. Махачкала, 1970.

47. **Талибов Б. Б.** Сравнительная фонетика лезгинских языков. М., 1980.

48. **Магометов А. А.** Табасаранский язык. Тбилиси, 1965.

49. **Алексеев М. Е.** Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. М., 1985.

50. **Бокарев Е. А.** Краткие сведения о языках Дагестана. Махачкала, 1949; Он же. Дагестанские языки//Младописьменные языки народов СССР. М., 1959; Он же. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961; Он же. Сравнительно-историческая фонетика кавказских языков. М., 1981.

51. **Жирков Л. И.** Табасаранский язык. М.-Л., 1948.

52. **Любимова Г. Н., Хан-Магомедов С. О.** Народная архитектура Южного Дагестана. М., 1956; Хан-Магомедов С. О. Художественные памятники VI — начала XX века. М., 1979; Он же. Дербент. Горная стена. Аулы Табасарана. М., Изд-во «Искусство», 1979 и др. Здесь же уместно привести работу Кильчевской Э. В., Иванова А. С. Художественные промыслы Дагестана. М., 1959.

53. **Панек Л. Б.** Табасаранцы. Рук. Ф. ИИЯЛ. ф. 5. оп. 1. д. 37; **Гамзатов** Г. Г. Табасаранцы. Рук. Ф. ИИЯЛ. Ф. 5. оп. 1, д. 302-а и др.

54. ЦГА ДАССР. Ф. 150, оп. 1. д. 4 «б». лл. 1—30, 35—38, 50—51; Там же. д. 1. л. 1—38; Там же. д. 3.

55. Проект положения о поземельном устройстве государственных поселян Дагестанской области, находящихся в крепостной зависимости к бекам,

пояснительная записка к нему и журнал Совета главноначальствующего гражданской частью на Кавказе по обсуждению записки комиссии для окончания сословно-поземельного вопроса в частях Кавказского края. ЦГА ДАССР. ф. 2. оп. 3, д. 139 «а»; Там же. ф. 90. оп. 2, д. 28 и др.

56. Адаты Южно-Дагестанских обществ. Кайтаго-Табасаранский округ. Северный Табасаран. ССКГ. Вып. VIII. 1875. С. 20—32; Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Тифлис, 1899. С. 543—560; Памятники обычного права Дагестана XVIII—XIX вв. Составление, предисловие и примечания Х.-М. Хашаева. М., 1965,: Из истории права народов Дагестана. Составитель С. Омаров. Махачкала, 1968.

57. См.: **Булатова А. Г.** Гончарное производство табасаранцев во второй пол. XIX— нач. XX в. //Хозяйство народов Дагестана в XIX — XX вв. Махачкала, 1979; Гасанов М. М. Дагестанские пословицы, поговорки и загадки. Махачкала, 1971; Курбанов М. М. Табасаранская народная поэзия. Афтореф. дисс. на соискание уч. степ. канд. филол. наук. Махачкала, 1977; Он же. Поэтическое наследие дореволюционного Табасарана. Махачкала, 1986; Юсуфов М. Г., Магомедов З. Н. Проблема зарождения табасаранской национальной литературы. Тезисы. I конференция молодых ученых Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала, 1978. С. 45; Магомедов З. Н. Новое об ашугах Табасарана. Тезисы. Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1976—1977 гг. Махачкала, 1978. С. 76—78; Он же. Об общих чертах в похоронной поэзии табасаранцев и дагестанских азербайджанцев. Тезисы. Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978—1979 гг. Махачкала, 1980. С. 97—98; Юсуфов М. Г. Табасаранская советская литература. Махачкала, 1986 г. и др.

58. **Алимова Б. М.** Наряжение фруктового «деревца» в похоронном обряде табасаранцев (XIX—нач. XX в.). Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1982—1983 гг. Махачкала, 1984. С. 22—23; Она же. Этнические традиции в современной свадебной обрядности табасаранцев. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Семья у народов СССР в условиях развитого социалистического общества». Махачкала, 1985. С. 27—29; Она же. Брак и свадебные обычаи у табасаранцев в XIX—нач. XX вв.//Брак и свадебные обряды у народов Дагестана. Махачкала, 1986; Она же. Некоторые представления табасаранцев о народном календаре. //Календарь и календарные обряды народов Дагестана. Махачкала, 1987; Она же. Некоторые праздники и обряды табасаранцев (XIX—нач. XX в.) //Общественный быт народов Дагестана. Махачкала, 1987.

59. **Магомедов Р. М.** Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — начале XIX в. Махачкала, 1957.; Он же. История Дагестана. Махачкала, 1961; Хашаев Х.-М. О. Общественный строй Дагестана в XIX в.; Гаджиева С. Ш. Семья и семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1967; Она же. Одежда народов Дагестана. М., 1981; Она же. Семья и брак у народов Дагестана в XIX— начале XX в. М., 1985; Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965; Османов Г. Г. О социальном строе Дагестана в конце XVIII—нач. XIX в. //Уч. зап. ИИЯЛ Т. VII. Махачкала, 1959. С. 133—167; Он же. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М., 1966 и др.; Каймаразов Г. Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971.

ГЛАВА I.

1. **Дирр. А. М.** Современные названия кавказских племен. //СМОМПК. Вып. 40. 1909. от. III. С. 17.

2. **Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.** Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1969. С. 97; Гасанов М. Р. Некоторые вопросы исторической географии Табасарана (рукопись статьи).

3. История, география и этнография Дагестана. XVIII—XIX вв. М., 1958. С. 104 (Далее — ИГЭД).

4. ИГЭД. С. 314.

5. ЦГА ДАССР. ф. 150. оп. 1. д. 3; Тревер К. В. Очерки истории и культуры Кавказской Албании IV в. до н. э.—VII в. н. э. М.-Л., 1959; Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 90, 125.; Ал-Масуди. Луга золота и рудники драгоценных камней //СМОМПК. Тифлис, 1908. Вып. XXXVIII. С. 42—43.; История Дагестана. Т. 1. М., 1967. С. 122.

6. **Магомедов Р. М.** История Дагестана. Махачкала, 1968. С. 74.; См.: Очерки истории Дагестана. Т. I. Махачкала, 1957. С. 6; Магомедов Р. М. Проблема происхождения дагестанских народов в дореволюционной историографии//Уч. зап. ДГУ. Т. VI. Махачкала, 1961. С. 56; Гаджиев А. Г. Этническая антропология Дагестана (автореферат). М., 1963; Алексеев В. Некоторые вопросы происхождения народов Дагестана в свете антропологии Северного Кавказа//Уч. зап. ИИЯЛ, Даг. ФАН. СССР. Т. XIII. Махачкала, 1964; Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории Южного Дагестана. С. 13—18; Мейланова У. А. О генетическом единстве дагестанских языков. Тезисы доклада на научной сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков Северного Кавказа. Махачкала, 1965. С. 43; Ихилов М. М. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967. С. 27—67; Гасанов М. Р. К вопросу о происхождении табасаранцев. Газ. «Табасарандин нурар». Август, 1991 г. №№ 98—107.

7. **Ихилов М. М.** Табасараны//Народы Дагестана. М., 1955. С. 179.

8. **Баладзори.** Книга завоеваний стран. Текст и перев. с араб. П. К. Жузе. Баку, 1927; Якуби. История. Текст и переводы. Перевод с арабского проф. П. К. Жузе. Баку, 1927. С. 16.

9. **Якуби.** Указ. соч., С. 8—9. Об этом же см.: Генко А. Н. Арабский язык и кавказоведение. Тр. Ин-та востоковедения. Вып. XXXVI. М.-Л., 1941. С. 85—87; Тарихи Дербенд-наме (пер. Алиханова-Аварского). Тифлис, 1898. С. 78—79, 118.

10. **Симонович Ф. Ф.** Описание Табасарана. 1796 г. См.: ИГЭД. С. 197.

11. **Баладзори.** Указ. соч. С. 7.

12. Там же. С. 19.

13. **Минорский В. Ф.** История Ширвана и Дербенда. С. 203.

14. **Генко А. Н.** Указ. соч. С. 85.

15. **Бакиханов А.-К.-А.** Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С. 13.

16. Там же. С. 172.

17. **Волкова Н. Г.** Арабы на Кавказе. Ж. Советская этнография. 1983. № 2. С. 51.

18. **Дирр А. М.** Грамматический очерк табасаранского языка //СМОМПК. Вып. XXXV. От. III. Тифлис, 1905. С. 1.

19. Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом и финансовом отношениях. Ч. IV. СПб., 1836. С. 194.

20. Л. Б-ов. Очерк Кайтаго-Табасаранского округа. Газ. Кавказ. 1867. № 7, 8.

21. **Лавров Л. И.** Некоторые итоги Дагестанской экспедиции 1950—1952 гг. //Кр. сообщ. Института этнографии АН СССР. В. XIX. М., 1953. С. 4.

22. **Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.** Указ. соч., С. 24.

23. **Баладзори.** Указ. соч. С. 7.

24. Якут.//СМОМПК. Вып. 29. С. 26.

25. См.: //СМОМПК. Вып. 38. 1908. С. 42—43.

26. Очерки истории Дагестана. Т. 1. С. 38.

27. Там же. С. 38.; Шихсаидов А. Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.). Махачкала, 1969. С. 58—59.

28. Очерки истории Дагестана. Т. 1. С. 38.

29. Полевой материал автора. 1982 г.

30. Джаррах — бывший центр майсумства Табасаранского. В последней четверти XVIII в. майсумы из аула Хучни переселились в Джаррах.

31. Очерки истории Дагестана. Т. 1. С. 51.

32. См.: Тарихи. Дербенд-наме. С. 105, 107.

33. **Якуби.** Указ. соч. С. 6.

34. **Минорский В. Ф.** Указ. соч. С. 49.

35. **Магомедов Р. М.** История Дагестана. С. 84.

36. **Генко А. Н.** Указ. соч. С. 103.

37. **Бартольд В. В.** Культура мусульманства. Соч., Т. VI. М., 1966. С. 160.

38. Дурча-Диржъа — союз сельских обществ, который включал в себя сс. Хив, Лака, Кондик, Хоредж, Арчуг, Цудук, Чувек. См.: Шихсаидов А. Р. Новые данные по средневековой истории Дагестана //Уч. зап. ИИЯЛ. Т. IX. Махачкала, 1961. С. 147.

39. История Дагестана. Т. 1. 1967. С. 204.

40. **Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.** Указ. соч. С. 53.

41. **Бакиханов А.-К.-А.** Указ. соч. С. 20.

42. Завещание Гандуника (Андоника). Перевод с араб. М. С. Саидова. Рук. ф. ИИЯЛ. Даг. ФАН СССР. Ф. 1. оп. 1. д. 218. л. 9.

43. **Искендер Мюнши.** л. 7. (со ссылкой на стр. 14—16). Цит. по книге Рамазанова Х. Х., Шихсаидова А. Р. Указ. соч. С. 109.

44. **Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.** Указ. соч. С. 96.

45. **Белокуров С. А.** Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 1. 1578—1613 гг. М., 1889. С. 293.

46. **Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.** Указ. соч. С. 53.

47. ЦГА ДАССР. Ф. 150. оп. 1. д. 4. л. 15. Цит. по Указ. раб.: Х. Х. Рамазанова и А. Р. Шихсаидова.

48. ИГЭД. С. 197.

49. Там же. С. 153.

50. Там же.

51. Краткое историческое описание Северной и Южной части Дагестанской Персии, составленное майором Серебровым в 1876 г. ЦГВИА. ф. ВУА. ВУА. д. № 16., л. 1.

52. **Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.** Указ. соч. С. 96.

53. ИГЭД. С. 154.

54. **Берже А. П.** Прикаспийский край. Кавказский календарь на 1857 г. Тифлис, 1856. С. 369—372.

55. ИГЭД. С. 154.

56. Там же.

57. **Козубский Е. И.** Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура, 1895. С. 314—322.

58. Там же. С. 356—362.

59. **Веселовский Н. И.** Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 11. СПб. 1892. С. 27.

60. **Гасанов М. Р.** Из истории Табасарана (XVIII — нач. XIX вв.). Махачкала, 1978. С. 86—95.

61. **Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.** Указ. соч. С. 229.

62. Рук. ф. ИИЯЛ. ф. 1. д. 1230, л. 28.

63. ЦГА ДАССР. ф. 150. оп. 1. д. 4. л. 15.

64. ИГЭД. С. 153.

65. Там же. С. 104.

66. Там же.

67. **Э. Челеби.** Книга путешествия. Вып. 2. М., 1979. С. 117—118.

68. ЦГА ДАССР. ф. 150. оп. 1. д. 1. л. 2.

69. Там же. д. 4 «б». л. 1.

70. Ятаги — места для пастьбы овец и крупного рогатого скота в зимнее время. См.: ЦГА ДАССР. ф. 150. оп. 1. д. 1. л. 5.

71. **Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.** Указ. соч. С. 150.

72. **Гасанов М. Р.** Указ. соч. С. 33—34.

73. ЦГА ДАССР. ф. 150. оп. 1. д. 4 «б». лл. 1, 89.

74. ИГЭД. С. 104.

75. Там же. С. 153.

76. Там же.

77. ЦГА ДАССР. ф. 150. оп. 1. д. 4 «б». л. 89.

78. ИГЭД. С. 151.

79. **Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.** Указ. соч. С. 151.

80. ЦГА ДАССР. ф. 150. оп. 1. д. 4 «б». л. 1.

81. **Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.** Указ. соч. С. 151.

82. ЦГА ДАССР. ф. 150. оп. 1. д. 4 «б». л. 10.

83. Там же. ф. 90. оп. 2. д. 1. л. 2.

84. Там же. ф. 150. оп. 1. д. 6 «б». л. 102.

85. Там же. д. 4 «б». л. 10.

86. Там же. д. 7 «а». л. 14.

87. Там же. д. 1. л. 15.

88. Там же. ф. 90. оп. 2. д. 19. л. 8.

89. Там же. оп. 1. д. 4 «б». л. 37.

90. Там же. д. 1. л. 3.

91. Там же. д. 4 «б». л. 17.

92. Там же. д. 4 «б». л. 3.

93. Из истории права народов Дагестана. Составитель А. С. Омаров. Махачкала, 1968. С. 157—158.

94. ЦГА ДАССР. ф. 150. оп. 1. д. 1. л. 2.

95. Там же. л. 3.

96. Там же.
97. Там же.
98. Там же. д. 4 «б». л. 3.
99. ИГЭД. С. 170.
100. Там же. С. 199.
101. **Броневский С.** Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Т. П. М., 1823. С. 347.
102. ИГЭД. С. 316.
103. Там же.
104. ЦГА ДАССР. ф. 150. оп. 1. д. 1. л. 1—2.
105. Там же. д. 4 «б». л. 13.
106. Там же. д. 1. л. 24.
107. Там же. д. 4 «б». л. 13.
108. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX в., Махачкала. 1959. С. 21.
109. ЦГА ДАССР. ф. 150. оп. 1. д. 4. л. 13.
110. **Березин И.** Путешествие по Дагестану и Закавказью, ч. II. Казань. 1850. С. 80.
111. ЦГА ДАССР. ф. 150. оп. 1. д. 1. л. 5.
112. **Ковалевский М. М.** Закон и обычай на Кавказе. Т. П. М., 1890. С. 161.
113. «Кавказ». 1867. № 15.
114. ЦГА ДАССР. ф. 150. оп. 19. д. 4 «б». л. 36.
115. Там же. оп. 1. д. 3. л. 12—20.
116. Там же. д. 1. лл. 2—3.
117. Там же.
118. ИГЭД. С. 104.
119. **Рамазанова Х. Х., Шихсаидов А. Р.** Указ. соч. С. 153; **Гасанов М. Р.** Указ. соч. С. 37—38; Материалы ЦГА ДАССР.
120. Там же.
121. Там же.
122. ЦГА ДАССР. ф. 150. оп. 1. д. 4 «б». лл. 1, 89.
123. Там же.
124. Там же. д. 3. лл. 12—20.
125. **Неверовский А. А.** Краткий взгляд на северный и средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб., 1847. С. 26.
126. ЦГА ДАССР. ф. 150. оп. 1. д. 7 «а». л. 14.
127. Там же. ф. 90. оп. 2. д. 21. л. 2.
128. Там же. ф. 150. оп. 1. д. 4 «б». л. 3.
129. Там же. д. 1. л. 4.
130. **Магомедов Р. М.** Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII— нач. XIX вв. Махачкала, 1957. С. 214.
131. ЦГА ДАССР. ф. 2. оп. 5. д. 31. л. 132.
132. Там же. л. 132.
133. Там же. ф. 150. оп. 1. д. 1. л. 23.
134. Там же. д. 7 «а». лл. 101—103.
135. ЦГА ДАССР. ф. 126. оп. 2. д. 72 «б». лл. 3—4.
136. Там же. ф. 150. оп. 1. д. 1. л. 2.
137. Там же. лл. 18—19.
138. Там же. л. 23.

139. ЦГА ДАССР. ф. 150. оп. 1. д. 1. л. 23.
140. Там же.
141. Там же. д. 1. л. 23.
142. Записки о сословно-поземельном строе в Северной и Южной Табасарани. ЦГА ДАССР. ф. 150. оп. 1. д. 1. лл. 4—5.
143. Там же. д. 2. л. 4.
144. Там же. д. 4 «б». л. 4.
145. Там же.
146. **Ковалевский М. М.** Закон и обычай на Кавказе. Т. 1. М., 1890. С. 226.
147. **Гасанов М. Р.** Социально-экономическое и политическое развитие аулов кадийства Табасаранского. Рук. ф. ИИЯЛ. ф. 3. оп. 1. д. 188. л. 89.
148. ЦГА ДАССР. ф. 90. оп. 2. д. 21. л. 1.
149. Там же. ф. 126. оп. 2. д. 72 «Г». л. 1.
150. Там же. оп. 2. д. 72 «б». лл. 4, 6.
151. **Гасанов М. Р.** Указ. соч., л. 44.
152. «Красный Архив». 1936. № 6. С. 104—105.
153. ЦГА ДАССР. ф. 150. оп. 1. д. 18. л. 1—3.
154. «Красный Архив». С. 116.
155. ПСЗ. 3-е Собрание. Т. XXXIII. отд. 1. № 39734.
156. **Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.** Указ. соч. С. 252.
157. Очерки истории Дагестана. Т. 1. С. 356.
158. Там же.
159. «10 лет социалистического строительства Дагестанской АССР». Махачкала, 1931. С. 75.
160. **Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.** Указ. соч. С. 145; Гасанов М. Р. Из истории Табасарана XVIII — нач. XIX вв. С. 24.
161. ЦГА ДАССР. ф. 150. оп. 1. д. 17. л. 25. Цит. по кн.: Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Указ. соч. С. 145.
162. Там же. С. 104.
163. ЦГА ДАССР. ф. 150. оп. 1. д. 1. л. 7.
164. ЦГА ДАССР. ф. 2. оп. 3. д. 139 «а». л. 9.
165. Там же. ф. 150. оп. 1. д. 4. «б». л. 3.
166. Там же. л. 15—16.
167. Адаты Южно-Дагестанских обществ. Кайтаго-Табасаранский округ. Сев. Табасаран//ССКГ. Вып. 8. Тифлис, 1875. С. 31.
168. Там же. С. 20, 21, 30 и др.
169. Там же. С. 31.
170. ЦГА ДАССР. ф. 150. оп. 1. д. 1. л. 6.
171. **Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.** Указ. соч. С. 147.
172. ЦГА ДАССР. ф. 150. оп. 1. д. 4 «б». лл. 91, 96, 99.
173. Там же. д. 1. л. 37.
174. Там же. д. 1. л. 15.
175. Там же. л. 8.
176. ЦГА ДАССР. ф. 150. оп. 1. д. 18. л. 9.
177. **Гасанов М. Р.** Указ. соч. С. 27—28.
178. Там же.
179. Очерки истории Дагестана. Т. 1. С. 356—358.
180. **Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.** Указ. соч. С. 243.
181. Очерки истории Дагестана. Т. 1. С. 359.

182. **Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.** Указ. соч. С. 205.
183. Очерки истории Дагестана. С. 242.
184. **Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.** Указ. соч. С. 205.

ГЛАВА II.

1. История Дагестана. Т. 1. М., 1967. С. 46, 71.; Давудов О. М., Салихов Б. М. Раскопки ганзирского городища. Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978—1979 гг. Тезисы докладов. Махачкала, 1980. С. 12—13.
2. **Генко А. Н.** Арабский язык и кавказоведение. Тр. Ин-та востоковедения. В. XXXVI. М.-Л., 1941. С. 103—104.
3. Дербенд-наме. Тифлис, 1898. С. 105, 107.
4. **Баладзори.** Книга завоевания стран. Текст и перев. с араб. П. К. Жузе. Баку, 1927. С. 19.
5. История Дагестана. Т. 1. С. 138.
6. **Симонович Ф. Ф.** Описание Табасарана. 1796.//История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. М. 1958. С. 199. (Далее — ИГЭД).
7. **Ковалевский М. К., Бларамберг И. Ф.** Описание Дагестана. 1831. ИГЭД. С 311.
8. **Хашаев Х.-М.** Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. М., 1965. С. 49.
9. **Колоколов П. Ф** Описание Табасарана. 1831 г. //ИГЭД. С. 314.
10. Там же.
11. **Гербер И. Г.** Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г.//ИГЭД. С. 104.
12. ЦГА ДАССР. ф. 21. оп. 1. д. 32. л. 56.
13. ИГЭД. С. 128.
14. **Ихилов М. М.** Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967. С. 133.
15. Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 году. С.-Петербург, 1913. С. 15.
16. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 106.
17. **Снесарев Г. П.** Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 229.
18. **Броневский С.** Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. П. М., 1823. С. 348.
19. ЦГА ДАССР. ф. 21. оп. 1. д. 18. л. 81.
20. Там же.
21. По сведениям информаторов в дажи ставили только ячмень. Остальные зерновые сразу же свозили в село и ставили марквар.
22. ЦГИА Гр. ССР. ф. 241. оп. 3. д. 109. л. 1. Цит. по кн.: Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1969. С. 192.
23. **Зубов П.** Картина Кавказского края. Ч. Ш. СПб., 1835. С. 183.
24. См.: В кн.: Сумбат-Заде А. С. Сельское хозяйство Азербайджана в XIX в. Баку, 1958. С. 281.
25. **Генко А. Н.** Указ. соч., С. 103.
26. ЦГВИА. ф. ВУА. д. 18503. л. 5.
27. ИГЭД. С. 153.

instituteofhistory.ru

28. «Кавказский календарь» на 1893 год. Тифлис, 1892. С. 150.
29. Дагестанский сборник. Вып. II. Темир-Хан-Шура, 1904. С. 71.
30. ИГЭД. С. 154.
31. Там же. С. 311.
32. **Неверовский А.** Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб., 1847. С. 40.
33. ЦГА ДАССР. ф. 21. колл. 4. д. 102. л. 155. Цит по кн.: Хашаев Х.-М. О. Занятия населения Дагестана в XIX веке. Махачкала, 1959. С. 44.
34. Дагестанский сборник. С. 57.
35. Там же. С. 113.
36. ИГЭД. С. 152—154.
37. **Хашаев Х.-М.** Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 88.
38. **Хашаев Х.-М.** Указ. соч., С. 198.
39. Там же.
40. ЦГА ДАССР. ф. 21. оп. 1. д. 18. л. 171.
41. Там же. л. 205.
42. **Колоколов П. Ф.** Указ. соч. С. 314.
43. Там же. С. 313.
44. ЦГА ДАССР. ф. 21. оп. 1. д. 18. л. 205.
45. **Хашаев Х.-М. О.** Занятия населения... С. 49.
46. **Колоколов П. Ф.** Указ. соч. С. 314; Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Изд. 2. Казань, 1850. Ч. II. С. 76: Симонович Ф. Ф. Указ. соч. С. 154.
47. ЦГА ДАССР. Ф. 21. оп. 1. д. П. л. 95.
48. **Любимова Г. Н., Хан-Магомедов С. О.** Народная архитектура Южного Дагестана. М., 1956. С. 66.
49. **Козубский Е. И.** Памятная книжка и адрес. Календарь Дагестанской области на 1901 г. Темир-Хан-Шура, 1901. С. 78.
50. ЦГА ДАССР. ф. 150. оп. 1. д. 4 «б». л. 90.
51. **Березин И.** Путешествие по Дагестану и Закавказью. С. 76.
52. **Марггграф О. В.** Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882. С. 80; Пиралов А. С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. Т. 1. Баку. 1914; Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура. М.-Л., 1949. С. 31, 32; Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин XIX—нач. XX вв. М., 1978. С. 66; Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961; **Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.** Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 42 и др.
53. Рук. Ф. ИИЯЛ. Ф. 1. оп. 1. д. 317.
54. **Кильчевская Э. В., Иванов А. С.** Художественные промыслы Дагестана. М., 1959. С. 78.
55. Там же.
56. **Марггграф О. В.** Указ. соч, С. 24—26.
57. АКАК. Т. VII. Тифлис, 1878. С. 518.
58. АКАК. Т. VIII. Тифлис, 1881. С. 99.
59. **Березин И.** Указ. соч. С. 75.
60. **Львов П. Л.** Леса Дагестана. Махачкала, 1964.
61. ИГЭД. С. 142.
62. История Дагестана. Т. П. М., 1968. С. 404.

63. **Башкиров А.** Резьба по камню и дереву в Дагестане.//Художественная культура Советского Востока. М.-Л., 1931. С. 112.

64. История Дагестана. Т. П. С. 404—405.

65. **Кильчевская Э. В., Иванов А. С.** Указ. соч. С. 14.

66. **Башкиров А.** Указ. соч. С. 113.

67. **Любимова Г. Н., Хан-Магомедов С. О.** Указ. соч. С. 38—39.

68. **Дебиров П. М.** Резьба по камню в Дагестане. М., 1967. С. 24.

69. **Хан-Магомедов С. О.** Художественные памятники VI — начала XX веков. М., 1979. С. 244.

70. История Дагестана. Т. П. С. 404.; **Дебиров П. М.** Указ. соч., С. 42. 45.

71. «Труды первого съезда деятелей по кустарной промышленности Кавказа в г. Тифлисе». Тифлис, 1902. С. 24.

72. **Давудов О. М., Салихов Б. М.** Указ. соч.

73. **Хашаев Х.-М.** Занятия населения. . . . С. 80.

74. ЦГА ДАССР. Ф. 150. оп. 1. д. 4 «б». л. 90—91.

75. **Берже А.** Прикаспийский край. Кавказский календарь на 1857 г. Тифлис, 1856. С. 331.

76. **Сумбат-заде А. С.** Указ. соч. С. 281.

77. В агульские и даргинские аулы в основном уходили ремесленники-строители.

78. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50-х г. XIX в. Махачкала, 1959. С. 266.

79. **Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.** Указ. соч. С. 91.

80. **Олеарий А.** «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно». СПб, 1906. С. 463.

81. АКАК. Т. VI. Ч. П. Тифлис. 1875. С. 859.

82. **Колоколов П. Ф.** Указ. соч. С. 316.

83. **Симонович Ф. Ф.** Указ. соч. С. 198.

84. **Колоколов П. Ф.** Указ. соч. С. 317.

85. **Симонович Ф. Ф.** Указ. соч. С. 139.

86. **Колоколов П. Ф.** Указ. соч. С. 316.

87. Обозрение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. Ч. IV. СПб., 1836. С. 185.

88. **Колоколов П. Ф.** Указ. соч. С. 316.

89. **Берже А.** Указ. соч. СС. 344, 346.

90. См.: Булатова А. Г. О некоторых семейных и общесельских обрядах народов горного Дагестана в XIX—нач. XX вв., связанных с весенне-летним календарным циклом//Семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1980; Гаджиев Г. А. Календарный год лезгин//Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований ИИЯЛ в 1980—1981 гг. Махачкала, 1982.

91. **Гасанов М. Р.** Сельскохозяйственный календарь табасаранцев //Вопросы истории Дагестана (Досоветский период). Махачкала, 1974. Т. 1. С. 210—211.

92. Ухин — мера времени в 12 дней. См.: Алимова Б. М. Некоторые представления табасаранцев о народном календаре. //Календарь и календарные обряды народов Дагестана. Махачкала, 1987. С. 19. «Число 12 в календарном счете всегда наводит на мысль о распределении по всем двенадцати месяцам». См.: Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 390; «...число двенадцать, которое было определяющим у древних земледельцев, было популяр-

но в прошлом и среди осетин... Во время новогодних гаданий погоду (по месяцам) на будущий год определяли по погоде первых двенадцати дней нового года (1 января — январь, 2 января — февраль и т. д.). В первые двенадцать дней Нового года осетины в прошлом производили заклинания на весь будущий год». См.: Чибиров Л. А. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвали, 1976. С. 26.

93. **Рыбаков Б. А.** Календарь древних славян //Наука и человечество. М., 1962. С. 95—105.

94. **Рыбаков Б. А.** Язычество древних славян. С. 326.

95. **Гасанов М. Р.** Социально-экономическое развитие Табасаранского аула (Аулы майсумства Табасаранского). Рук. ф. ИИЯЛ. Ф. 3. оп. 1. д. 209. С. 98.

96. **Османов М. О.** Хозяйство (даргинцев) //Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Указ. соч. С. 54.

97. **Гаджиева С. Ш., Трофимова А. Г., Шихсаидов А. Р.** Старинный земледельческий календарь народов Дагестана. М., 1964. С. 2.

98. **Джавадова Э. Ю., Джавадов Г. Д.** Народный земледельческий календарь азербайджанцев //Всесоюзн. сессия по итогам полевых этногр. исследований 1980—1981 гг., посвящ. 60-летию образования СССР. Нальчик, 1982. С. 165.

99. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Зимние праздники. М., 1973. СС. 27, 62, 95, 207. Чибиров Л. А. Народный земледельческий календарь осетин. Автореферат дисс. на соискание уч. ст. докт. ист. наук. Тбилиси, 1977. С. 26.

100. **Гаджиева С. Ш., Трофимова А. Г., Шихсаидов А. Р.** Указ. соч. С. 7. Османов М. О. Указ. соч. С. 54.

101. **Ахмедов Ш. М., Булатова А. Г., Исламмагомедов А. И.** Агулы. Махачкала, 1975. С. 48.

102. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 163—165.

103. **Штернберг Л. Я.** Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936. С. 506.

104. **Гаджиев Г. А.** Указ. соч. С. 16.

105. **Чибиров Л. А.** Указ. соч. С. 24; Шаманов И. М. Народный календарь карачаевцев //СЭ. 1971. № 5. С. 111. и др.

106. **Чурсин Г. Ф.** Праздник выхода плуга у народов Дагестана. Тифлис, 1927.

107. **Гасанов М. Р.** Указ. соч. С. 210.

108. **Никольская З. А.** Религиозные представления и земледельческие обряды аварцев //Вопросы истории, религии и атеизма//. Вып. 7. М., 1960. С. 324.

109. **Курбанов М. М.** Табасаранская народная поэзия.—Авт. дисс. канд. фил. наук.— Махачкала, 1976. С. 10.

110. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Летне-осенние праздники. М., 1978. С. 73.

111. **Инал-Ипа Ш. Д.** Абхазы (Историко-этнографические очерки). Сухуми, 1985. С. 55.

112. Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Исторические корни. . . . С. 75.

113. Там же. С. 135.

114. **Чурсин Г. Ф.** Магия в борьбе с засухой у кавказских народов. Бюл-

летень Кавказского историко-археологического Института. Тифлис, 1930. № 6. С. 17.

115. В части селений куклу делали из граблей, в других — из вил, в третьих — из большой деревянной ложки. Для этого поперек ложки прибивали палочку, чтобы придать ей форму человеческой фигуры, обвязывали ее ниточками и одевали в женскую одежду. На головном уборе куклы участницы обряда вышивали четыре звезды и под ними записывали имена четырех пророков — Джабраил, Израил, Исрафиль, Микаил. На плечи куклы подвешивали маленькие пустые хурджины. Смысл заключался в том, что оно (чучело), обращаясь к богу, говорит: «Я иду на работу, прекрати дождь». Но здесь, на наш взгляд, есть и другой смысл: «Закрома пустые и брать с собой уже нечего, если не прекратится дождь, все погибнет».

116. **Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.** Указ. соч. С. 134—135.

117. **Мадаева З. А.** Обряды вызывания дождя и солнца у вайнахов в XIX—начале XX вв. //СЭ. 1988. № 4. С. 93—94.

ГЛАВА III.

1. **Гаджиева С. Ш.** Народное жилище каякентских кумыков //СЭ. 1953. № 3; Она же. Материальная культура кумыков XIX—XX вв. Махачкала, 1960; Она же. Кумыки. М., 1961. С. 198; Калоев Б. А. Поселения и жилища агулов //КСИЭ. Вып. 23, 1955; Агаширинова С. С. Очерки материальной культуры лезгин в конце XIX —нач. XX веков //УЗ ИИЯЛ. Вып. 4. 1958; Она же. Материальная культура лезгин XIX—начало XX вв. М., 1978; Османов М. З. О жилище цудахарцев в XIX—XX вв.//УЗ ИИЯЛ. Т. 9. Махачкала, 1961; Он же. Поселение даргинцев в XIX—XX вв.//УЗ ИИЯЛ. Т. 10. Махачкала, 1962; Он же. Поселения и жилища. //Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967; Исламмагомедова А. И. Поселения аварцев в XIX—нач. XX вв.//УЗ ИИЯЛ. Т. 12. Махачкала, 1964; Он же. Поселения и жилища аварцев в XIX — нач. XX вв. //Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967; Он же. Поселения и жилища цахуров в XIX —XX вв. //Дагестанский этнографический сборник. Вып. 1. Махачкала, 1974. С. 71; Сергеева Г. А. Арчинцы. М., 1967; Булатова А. Г. Лакцы. Махачкала, 1971 и др.

2. **Ахмедов Ш. М., Булатова А. Г., Исламмагомедов А. И.** Агулы. Махачкала, 1975. С. 67.

3. Характер расселения табасаранских сел различается по зонам. В горной части Табасарана (Верхний Табасаран) селения расположены на крутых и безводных склонах гор, на склонах ущелий. В Нижнем (Южном) Табасаране селения занимают более пологие склоны и сравнительно ровные участки, долины рек. Поселения в Верхнем Табасаране в силу особенностей рельефа отличались более скученной застройкой, чем в Нижнем, хотя принципы выбора места для поселения в Верхнем и Нижнем Табасаране одинаковы.

4. **Симонович Ф. Ф.** Описание Табасарана. История, география и этнография Дагестана. XVIII—XIX вв. (далее ИГЭД). 1958. С. 197, 198.

5. **Зубов П.** Картина Кавказского края. Ч. 3. СПб, 1835. С. 258—259.

6. **Козубский Е. И.** Дагестанский сборник. Вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902. С. 160—161.

7. См.: **Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.** Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. С. 63.

8. **Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.** Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 79.

9. Там же. С. 78.

10. **Атаев Д. М., Гаджиев М. Г., Погребова М.** Отчет о работе 2 горного отряда ДАЭ в 1959. С. 5; Котович В. Г., Шейхов И. Б. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет //УЗ ИИЯЛ. Т. 8. Махачкала, 1960. С. 336—337; Котович В. М. Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. РФ ИИЯЛ. д. 2630; Котович В. Г. Чохская стоянка — первый памятник каменного века в горном Дагестане//УЗ ИИЯЛ. Т. III. Махачкала, 1975; Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г. Указ. соч. С. 76. Материальная культура аварцев. С. 98 и др.

11. **Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.** Указ. соч. С. 83; Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин XIX —нач. XX вв. С. 106.

12. Одной из ведущих отраслей хозяйства табасаранцев было скотоводство. В связи с этим летом и зимой часть населения со своим скотом уходила на зимние и летние пастбища, где имелись жилые и хозяйственные постройки. Но это были лишь сезонные поселения хозяйственного назначения, где люди жили только в период сезонных работ.

13. **Комаров А.** Списки населенных мест Дагестанской области. //Сборник статистических сведений о Кавказе. Тифлис, 1869. С. 95—99.

14. **Ибрагимов Р. А.** Динамика численности и расселения народов Дагестана 1870—1970 гг. Этнодемографическое и этностатистическое исследование (Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук.). М., 1979. Архив ИЭ АН СССР. Приложение, таблицы XVII, XVIII, XIX и XX.

15. См.: **Ахмедов Ш. М., Булатова А. Г., Исламмагомедов А. И.** Указ. соч. С. 67.

16. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья (Дагестанская область). Т. 1. Вып. 4. Тифлис, 1890. С. 8.

17. **Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.** Указ. соч. С. 64—65; Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Булатова А. Г. Материальная культура даргинцев. С. 225 и др.

18. Русско-дагестанские отношения в XVII— первой четверти XVIII в. Документы и материалы. Махачкала, 1958. С. 253.

19. **Гасанов М. Р.** История аулов Табасарана. Махачкала, 1966. Рук. Ф. ИИЯЛ. Ф. 3. оп. 1. д. 138.

20. **Байерн Ф.** О древних сооружениях на Кавказе. ССК. Т. 1. Тифлис, 1871. С. 300.

21. **Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.** Указ. соч., С. 114.

22. **Хан-Магомедов С. О.** Дербент. Горная стена. Аулы Табасарана. М., Изд-во «Искусство», 1979. С. 238.

23. **Хан-Магомедов С. О.** Народная архитектура Южного Дагестана. М., 1956. С. 66.

24. Дома с лоджией хорошо описаны Г. Н. Любимовой и С. О. Хан-Магомедовым. См.: Указ. соч. С. 20.

25. **Ковалевский М.** Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1. С. 38.

26. **Кобычев В. П.** Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX —XX вв. М., 1982. С. 130.

27. **Малия Е. М., Акаба Л. Х.** Одежда и жилище абхазов. Тбилиси, Мецниереба, 1982. С. 137.

28. **Гаджиева С. Ш., Гольдштейн А. Ф.** Жилища дагестанских теркеменцев XIX—нач. XX веков. ДЭС. 1. 1974. С. 53.

instituteofhistory.ru

29. Народы Передней Азии. М., 1957. С. 252.

30. **Малия Е. М., Акаба Л. Х.** Указ. соч. С. 174.

31. См.: Торнау. Воспоминания Кавказского офицера. РВ. Т. 53. 1864. № 9, 10; Асанов Ю. Н. Поселения, жилища и хозяйственные постройки балкарцев. Нальчик, 1976.

32. **Любимова Г. Н., Хан-Магомедов С. О.** Указ. соч. С. 16.

33. **Хан-Магомедов С. О.** Дербент. Горная страна. Аулы Табасарана. С. 238.

34. **Любимова Г. Н., Хан-Магомедов С. О.** Указ. соч. С. 38—39.

35. **Хан-Магомедов С. О.** Дербент. . . . С. 239.

36. **Любимова Г. Н., Хан-Магомедов С. О.** Указ. соч. С. 66.

37. **Гаджиева С. Ш.** Одежда народов Дагестана. М., 1981. С. 44.

38. Там же. С. 61.

39. Там же. С. 68.

40. Там же. С. 75.

41. Там же.

42. Там же.

43. Там же. С. 93.

44. **Агларов М. А.** Пища //Материальная культура аварцев. С. 274; Османов М. О. Хозяйство //Материальная культура даргинцев. С. 19; Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин XIX — начала XX вв. С. 257 и др.

45. **Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н.** Бытовая культура Грузии XIX — XX веков: традиции и нновации. М., 1982. С. 86.

46. **Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.** Указ. соч. С. 264; Материальная культура аварцев. С. 268; Гаджиева С. Ш. Кумыки. С. 242; Ахмедов Ш. М., Булатова А. Г., Исламмагомедова А. И. Указ. соч. С. 170; Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 252.

47. **Давудов О. М., Салихов Б. М.** Раскопки ганзирского городища //Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане с 1978—1979 гг. Тезисы докладов. Махачкала, 1980. С. 12.

48. На «марцIар» сверху ставилась тонкая каменная плита — «шав». Теперь железный. С таким приспособлением «марцIар» называют «укIияр».

49. Крупа из полбы была непременным компонентом большинства блюд.

50. **Агаширинова С. С.** Материальная культура лезгин XIX — начала XX вв. С. 262.

51. Названия всех трав на русском языке нам установить не удалось.

ГЛАВА IV.

1. **Маркс К.** Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество». Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. IX. М., 1941. С. 37.

2. **Козлова К. И.** Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978. С. 188.

3. **Гаджиева С. Ш.** Семья и брак у народов Дагестана в XIX — начале XX вв. М., 1985. С. 29.

4. Там же.

5. Там же, с. 26.

6. «Наиболее интенсивный процесс дробления большой семьи начался в IX — XIV вв. и был тесно связан с другим не менее важным социальным явлением — распадом родственных (тухумных) и образованием крупных террито-

риальных поселений». См.: Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 26.

7. Там же.

8. В исследуемое время главой семьи была мать.

9. **Бромлей Ю. В., Кашуба М. С.** Брак и семья у народов Югославии. М., 1982. С. 100.

10. Свод статистических данных, извлеченных из посемейных списков населения Закавказья (Дагестанская область). Т. 1. Вып. 4. Тифлис, 1890. С. 8.

11. Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893.

12. **Гаджиева С. Ш.** Указ. соч. С. 33—34.

13. Там же. С. 33.

14. **Смирнова Я. С.** Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983. С. 24.

15. Адаты Южно-Дагестанских обществ. Сборник сведений о Кавказских горцах. Тифлис, 1875. С. 22.

16. Адаты . . . . С. 32.

17. Там же.

18. **Смирнова Я. С.** Указ. соч. С. 29.

19. Свод статистических данных о населении Закавказского . . . . . (Северо-Табасаранского наибства).

20. **Гаджиева С. Ш.** Указ. соч. С. 125.

21. Там же. С. 127—128.

22. Из истории права народов Дагестана. Сост. Омаров А. С. Махачкала, 1968. С. 154—155.

23. ЦГА ДАССР. Ф. 150. оп. 1. д. 1. л. 3.

24. Там же.

25. ЦГА ДАССР. ф. 150. оп. 1. д. 4 «б». л. 3.

26. **Смирнова Я. С.** Указ. соч. С. 86.

27. См.: Гаджиева С. Ш. Указ. соч.

28. Адаты Южно-дагестанских обществ. Северный Табасаран. С. 32.

29. Там же. С. 31.

30. Там же.

31. Адаты Южно-дагестанских . . . С. 24.

32. ССКГ. Вып. 8. Тифлис, 1875. С. 31.

33. Там же. С. 15, 32.

34. См.: Басаева К. Д. Семья и брак у бурят. Вторая половина XIX —начало XX века. Изд-во «Наука». Сибирское отделение. Новосибирск, 1980. С. 128.

35. ССКГ. Вып. 8. С. 32.

36. **Курбанов М.** Поэтическое наследие дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1986. С. 33.

37. **Алимова Б. М.** Брак и свадебные обычаи в прошлом и настоящем. Махачкала, 1989. С. 33.

38. **Ихилов М. М.** Семья и быт табасаранцев в конце XIX — начале XX в. //Уч. зап. ИИЯЛ. Даг. фил. АН СССР. Т. IX. Махачкала, 1961. С. 226.

39. См.: Алимова Б. М. Указ .соч. С. 46; Булатова А. Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX—нач. XX вв. Л., 1988. С. 63.

40. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 165.

41. В оформлении свадебных хлебов существует мотив кругов, символи-

зирующий культ солнца. На наш взгляд, это говорит о некогда развитом культе солнца у табасаранцев. Об этом же свидетельствуют узоры на маленьких свадебных хлебцах гузани, которые приносила в дом жениха в большом количестве невеста.

42. **Курбанов М.** Указ соч. С. 34.

43. **Симаков Г. Н.** Общественные функции киргизских народных развлечений в конце XIX — начале XX вв. Л., 1984. С. 92.

44. **Гаджиев Г. А.** Доисламские верования лезгин (по материалам Самурской долины). Автореферат диссертации на соискание уч. степ. канд. наук. М., 1977. С. 16.

45. Календарные обычаи и обряды. . . . С. 164.

46. **Гаджиев Г. А.** Указ .соч. С. 16.

47. См.: Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. С 163.

48. Этот традиционный момент нами больше нигде не зафиксирован.

49. ССКГ. Вып. 8. С. 32

50. **Алимова Б. М.** Обряды и обычаи, связанные с рождением ребенка у кайтагских кумыков (конец XIX — нач. XX вв.). См.: //Быт сельского населения Дагестана XIX — нач. XX вв. Махачкала, 1981.

51. **Алимова Б. М.** Указ. соч С. 61; Гаджиев Г. А. Указ. соч. С. 11 и др.

52. ЦГА ДАССР. ф. 21. оп. 1. д. 18. л. 156.

53. Там же. С. 159.

54. История Дагестана. Т. II. М., 1968. С. 354.

55. **Алимова Б. М.** Указ. соч. С. 64.

56. Символика яйца как символика жизни, как предмета, дающего жизнь, как символика возрождения жизни хорошо известна. См.: Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978. С. 149.

57. **Литвинский Б. А.** О древности одного среднеазиатского обычая.//КСИЭ. М., 1958. № 30. С. 31—33.

58. **Басаева К. Д.** Указ. соч. С. 72—73.

59. **Алимова Б. М.** Указ. соч. С. 65.

60. **Чурсин Г. Ф.** Этнографический очерк «Авары». Родильные обычаи. Рукопись. 1928 г. РФ. ИИЯЛ. ф. 5. оп. 1. С. 32.

61. **Устинова М. Я.** Семейные обряды латышского городского населения в XX в. М., 1980. С. 57.

62. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. С. 138.

63. Уьтюг — детская рубашка из разноцветных лоскутков типа туники с разрезами по бокам.

64. Зерно клали, чтоб ребенок вырос здоровым и расплодился (размножился), как зерна (имитативная магия. См.: Басаева К. Д. Указ. соч. С. 78—79.

65. **Алимова Б. М.** Указ. соч. С. 59—60.

66. **Алимова Б. М.** Указ. соч. С. 70.

67. В селе специально держали такую шкуру.

68. **Ковалевский М.** Закон и обычай на Кавказе. Т. 1. М., 1890. С. 31.

69. **Гаджиева С. Ш.** Кумыки. М., 1961. С. 281.

70. См.: Устинова М. Я. Указ. соч.

71. **Ковалевский М.** Указ. соч. С. 189.

72. См.: Гаджиева С. Ш., Аджиев А. М. Похоронный обряд и причитания

кумыков //Семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1981. С. 51; К вопросу об отражении общественного строя в погребальных обрядах первобытных народов. СЭ. 1954. № 3.

73. Зерно бросали, чтобы в доме продолжали рождаться дети. Исследователи считают, что по своим генетическим истокам этот ритуал мог иметь другое значение, например, его сближают с комплексом «очистительных» обрядов. См.: Календарные обычаи и обряды. . . . С. 76.

74. Зола использовалась как средство очищения. «Вера в очистительную силу огня перешла на его производные — угли, дым, головни, золу». Указ. соч. С. 125.

75. **Чурсин Г. Ф.** Этнографический очерк «Авары».

76. Когда резали скотину для поминок, для этой цели от передней ляжки отрезали тонкий кусок мяса.

77. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. С. 133.

78. **Любимова Г. Н., Хан-Магомедов С. О.** Народная архитектура Южного Дагестана. М., 1956. С. 92.

79. В Южном Табасаране на джума обычно приходили близкая родня и те, кто не успел выразить соболезнование в предыдущие дни. Женщины приносили с собой что-нибудь из продуктов (зерно, муку, хлеб и т. д.)

80. См.: Алимова Б. М. Наряжение фруктового «деревца» в похоронном обряде табасаранцев (XIX— нач. XX вв) //Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований института ИЯЛ в 1982—1983 гг. Махачкала, 1984.

81. **Туголуков В. А.** Следопыты верхом на оленях. М., Наука, 1969. С. 178.

82. **Бромлей Ю. В., Кашуба М. С.** Указ. соч. С. 208.

83. Деревцо имело два наименования: 1. «Балин жигьисар китIину ахруклюр» (ветка, на которой висят подарки юноши). 2. «Шуран жигьисар китIну никъарихъ ахру клюр» (ветка, на которой висят подарки невесты).

84. АИЭ. Материалы Северо-Кавказского отряда. 1969. п. к. л. 79; Материалы Северо-Осетинского отряда. 1976. п. к. л. 28. п. дн. № 2. Л. 16, 17.

85. **Велецкая Н. Н.** Указ. соч. С. 149—150.

86. **Рыбаков Б. А.** Язычество древних славян. М., 1981. С. 36.

ГЛАВА V.

1. Памятники обычного права Дагестана. XVII—XIX вв. М., 1965. С. 49.

2. **Колоколов П. Ф.** Описание Табасарана. 1831 г. История, география и этнография Дагестана. XVIII—XIX вв. (Далее — ИГЭД). М., 1958. С. 315.

3. **Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.** Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. С. 157.

4. ЦГИА Груз. ССР. Ф. 416. оп. 4. д. 17. л. 4. Цит. по кн.: Гасанов М. Р. Из истории Табасарана (XVIII—нач. XIX вв.). Махачкала, 1978. С. 65.

5. **Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.** Указ. соч. С. 161.

6. Памятники обычного права Дагестана. . . . С. 48.

7. **Ковалевский М.** Закон и обычай на Кавказе. Т. 1. М., 1890. С. 160.

8. ЦГА ДАССР. ф. 150. оп. 1. д. 4 «б». лл. 15, 88, 91.

9. **Гасанов М. Р.** Указ. соч. С. 66.

10. **Колоколов П. Ф.** Указ. соч., С. 316.

11. Памятники. . . . . С. 48.

Электронная библиотека Института истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

12. Там же. С. 47—49.
13. Там же. С. 49.
14. ЦГА ДАССР. Ф. 150. оп. 1. д. 4 «б». лл. 15, 88, 91.
15. История Дагестана. Т. 1. М., 1967. С. 243
16. ЦГА ДАССР. Ф. 150. оп. 1. д. 4 «б». лл. 15, 88, 91.
17. Памятники. . . . . С. 48—49.
18. ЦГА ДАССР. Ф. 150. оп. 1. д. 1. л. 27.
19. Памятники. . . . . С. 49.
20. **Ковалевский М.** Указ. соч. С. 160.
21. Там же. С. 60.
22. Памятники. . . . . С. 49.
23. Там же.
24. **Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.** Указ. соч. С. 162.
25. **Гаджиева С. Ш.** Семья и брак у народов Дагестана в XIX — начале XX века. М., 1985. С. 135.
26. **Хашаев Х. М.** Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 221.
27. ЦГА ДАССР. ф. 150. оп. 1. д. 4 «б». л. 37, 38.
28. **Ковалевский М.** Указ. соч. С. 157.
29. ЦГА ДАССР. ф. 150. оп. 1. д. 4 «б». лл. 37, 38.
30. **Гаджиева С. Ш.** Кумыки. М., 1961. С. 66.
31. **Алиев А. И., Никольская З. А.** Даргинцы.//Народы Дагестана. М., 1955. С. 73.
32. **Егорова В. П.** Из народных традиций Дагестана. Вопросы истории и этнографии Дагестана //Сборник научных сообщений исторического факультета Дагестанского государственного университета. В. II. Махачкала, 1970. С. 84; Лугуев С. А. Гостеприимство и куначество у лакцев/вторая пол. XIX—нач. XX в. //Семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1980. С. 69.
33. **Гаджиева С. Ш.** Указ. соч. С. 291.
34. Там же.
35. **Ихилов М. М.** Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967. С. 202.
36. Адаты Южно-Дагестанских обществ. Кайтаго-Табасаранский округ. Северный Табасаран //ССКГ. Вып. VIII. Тифлис. 1875. С. 29.
37. **Лугуев С. А.** Указ. соч. С. 67.
38. **Омаров А.** Как живут лаки. Сборник сведений о Кавказских горцах. Вып. III. Тифлис, 1870. С. 1.
39. С 1-го января 1861 по 1-е января 1867 года в Кайтаго-Табасаранском округе было совершено 140 убийств. Из них кровомщение в 14 случаях, в том числе в 1861 году 3; в 1862—3; 1864—1; 1865—2; в 1867—3 убийства. См.: Комаров А. В. Адаты и судопроизводство по ним. Сборник сведений о Кавказских горцах. Вып. 1. Тифлис, 1868. С. 39, 66.
40. Адаты Южно-Дагестанских обществ. С. 226.
41. **Комаров А. В.** Указ. соч. С. 23.
42. Там же.
43. **Лугуев С. А.** О кровной мести у лакцев во второй половине XIX —нач. XX вв. //Семейный быт народов Дагестана. Махачкала, 1980. С. 78.
44. **Комаров А. В.** Указ. соч. С. 27.
45. Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. Адаты Кайтаго-Табасаранского округа. Тифлис, 1899. С. 544.

46. Там же.

47. Адаты Дагестанской области. . . . . С. 544.

48. **Омаров А. С.** Система композиции в обычном праве Дагестана //Уч. зап. ИИЯЛ. Даг. ФАН СССР. Вып. XVI. Махачкала, 1966. С. 258.

49. **Гаджиева С. Ш.** Кумыки. С. 286; Калоев Б. А. Осетины. М., 1967; Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983. С. 96.

50. **Комаров А. В.** Указ. соч. С. 32.

51. Там же.

52. Там же. С. 48—49.

53. **Гаджиева С. Ш.** Указ. соч. С. 286.

54. Адаты Южно-Дагестанских обществ. . . . . С. 20.

55. Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. С. 544.

56. См.: Магомедов З. Н. Дагестанско-азербайджанские фольклорные связи. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. кан. фил. наук. Баку, 1984. С. 5.

57. Поскольку в различных селах (южных, северных) наблюдаются некоторые расхождения в праздновании эбелцен, ряд характеристик не распространяется на всех табасаранцев в целом, и поэтому в скобках мы оговорим село, где была зафиксирована вариация обряда или его отдельные циклы.

58. **Гасанов М. Р.** Сельскохозяйственный календарь табасаранцев //Вопросы истории Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1974. С. 210.

59. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 163, 164, 166.

60. **Гаджиев Г. А.** Лезгинский праздник Яран Сувар в прошлом и настоящем. //Современные культурно-бытовые процессы в Дагестане. Махачкала, 1984. С. 51; Он же. Культ природы и обряды, связанные с производственно-хозяйственной деятельностью лезгин в прошлом //Хозяйство, материальная культура и быт народов Дагестана в XIX—XX вв. Махачкала, 1977. С. 123.

61. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические . . . . . С. 124.

62. Там же. С. 119, 124, 125.

63. Там же. С. 122.

64. **Курбанов М. М.** Табасаранская народная поэзия.—Дисс. канд. фил. наук. Махачкала, 1976. С. 18.

65. **Чибиров Л. А.** Народный земледельческий календарь осетин. Автореферат дисс. на соискание уч. ст. док. ист. наук. Тбилиси, 1977. С. 16—17.

66. Там же

67. **Снесарев Г. П.** Реликты домусульманских верований у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 15.

68. Календарные обычаи обряды. . . . . С. 170.

69. Там же. С. 85, 109, 110.

70. Там же. С. 73.

71. **Чибиров Л. А.** Указ. соч. С. 16.

72. Там же.

73. У кайтагских кумыков это же кушанье называется «семене».

74. **Пропп В. Я.** Русские аграрные праздники. Л., 1963. С. 74.

75. **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч., 2-е изд. Т. 18. С. 216.

ГЛАВА VI.

1. **Шихсаидов А. Р.** Эпиграфические памятники Дагестана. М., 1984. С. 318.

instituteofhistory.ru

2. Там же.
3. Там же. С. 317.
4. **Лавров Л. И.** Эпиграфические памятники Сев. Кавказа XVIII—XX вв. Т. II. М., 1968. С. 23.
5. **Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.** Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964.
6. **Мугумаев М. Г., Нурмагомедов М. Г., Омаров Х. А., Саидов М.-С., Шихсаидов А. Р.** Новые восточные рукописи из районов Дагестана. //Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1973—1975 гг. (Тезисы докладов). Махачкала, 1976. С. 41.
7. **Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р.** Указ. соч. С. 126.
8. **Юсуфов М. Г.** Табасаранская советская литература. Махачкала, 1986. С. 22.
9. Там же. С. 23.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же.
13. **Каймаразов Г. Ш.** Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971. С. 27.
14. **Алкадари Г.** Асари Дагестан. Махачкала, 1929. С. 156.
15. **Юсуфов М. Г.** Указ. соч. С. 22.
16. Газ. «Кавказ». № 15.
17. **Юсуфов М. Г.** Указ. соч. С. 23.
18. **Крачковский И. Ю.** Избранные сочинения. Т. VI. М.-Л., 1960. С. 575.
19. **Исаев А.** О формировании и развитии письменности народов Дагестана //Социологический сборник. Вып. 1. Махачкала, Дагкнигоиздат. 1970. С. 175—176.
20. **Гамзатов Г. Г.** Гамзат Цадаса. Жизнь и творчество. Махачкала, 1983. С. 51—52.
21. **Гамзатов Г. Г.** Указ. соч. С. 53.
22. **Юсуфов М. Г.** Письменные литературные традиции табасаранцев и просветительские идеи в литературе конца XIX—нач. XX веков. Рук. ф. ИИЯЛ. ф. 3. оп. 5. д. 507. Л. 24.
23. История Дагестана. Т. II. М., 1968. С. 337—338.
24. **Селимханов А. К.** Из истории просвещения в Дагестане в XIX веке//Уч. зап. Дагестанского пед. ин-та. Вып. 1. Махачкала, 1957. С. 152.
25. **Козубский Е. К.** К истории народного образования в Дагестанской области в первое десятилетие//Даг. сбор. Вып. 1. Темир-Хан-Шура, 1902. С. 170.
26. Там же. С. 194.
27. **Селимханов А. К.** Указ. соч. С. 152—153.
28. История Дагестана. Т. II. С. 340.
29. **Курбанов М. М.** Табасаранская народная поэзия. Автореф. дисс. на соискание уч. степ. канд. фил. наук. Махачкала, 1977. С. 21.
30. Там же.
31. Русское народное поэтическое творчество. М., 1969. С. 300.
32. См.: Курбанов М. М. Указ. соч. С. 13; Он же. Лирика народа — зеркало души. //Советский Дагестан. 1975. № 3; Он же. Поэтическое наследие дореволюционного Табасарана. Махачкала, 1986; Поэзия народов Дагестана. Махачкала, 1954; Песни народов Дагестана. Л., 1970 и др.
33. СМОМПК. Вып. XXVI. Тифлис, 1899. С. 19—20.
34. Там же.

35. **Юсуфов М. Г.** Указ. соч., ф. 3, оп. 5, д. 476, л. 60.

36. **Гасанов М. Р.** История аулов Табасарана (Хурик, Джули, Цанак). Рук. ф ИИЯЛ. Ф. 3. оп. 1. д. 138. л. 67.

37. См.: Амир Хосров Пехлеви. Избранные газели. М., 1975. С. 270.

38. Очерки Кайтаго-Табасаранского округа. Газ. «Кавказ». 1867. № 7.

39. **Назаревич А.** Отобранные по крупицам. Махачкала, 1958. С. 62, 64, 116, 122.

40. См.: Гаджиев Г. Табасаранские пословицы. Махачкала, 1970; Гасанов М. М. Табасаранские пословицы, поговорки, загадки. Махачкала, 1978.

41. **Юсуфов М. Г.** Указ. соч. С. 13.

42. **Далгат У.** Фольклор и литература нардов Дагестана. М., 1962. С. 84.

43. **Бромлей Ю. В., Воронов А. А.** Народная медицина как предмет этнографических исследований.//Советская этнография. № 5. 1976. С. 4.

44. Цит. по кн.: Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки. . . . С. 273.

45. Адаты Южно-Дагестанских обществ. ССКГ. Вып. VIII. Тифлис, 1875. С. 23.

46. ХъюнтIриж — мелкие плоды, как виноградные гроздья. Растут на старых грушевых деревьях. Зимой их используют для вскармливания скота.

47. **Чиков П. С., Павлов М. И.** Наука и лекарственные растения. М., 1981. С. 36.

48. **Джанелидзе М. Б., Анели Д. Н.** Народная медицина в Очамчирском районе. См.: кн. Феномен долгожительства. М., 1982. С. 90.

49. История Дагестана. Т. II. С. 351.

50. ЦГА ДАССР. Ф. 21. оп. 1. д. 18. Л. 156.

51. Там же. Л. 159.

52. **Снесарев Г. П.** Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 25.

53. См.: Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1981. С. 321—322; Снесарев Г. П. Указ. соч.; Булатова А. Г. Лакцы. Махачкала, 1971. С. 189; Сухарева О. А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков. //Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1976. С. 6; Там же. Гафферберг Э. Г. Пережитки религиозных представлений у Белуджей. С. 224; Гаджиев Г. А. Доисламские верования лезгин (по материалам Самурской долины). Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. истор. наук. М., 1977. С. 1 и др.

54. См.: Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 325; Гаджиев Г. А. Указ. соч. С. 11; Снесарев Г. П. Указ. соч. С. 32; Гафферберг Э. Г. Указ. соч. С. 229 и др.

55. **Сухарева О. А.** Указ. соч. С. 33.

56. **Грен А.** Сказки и легенды чеченцев в русском пересказе //Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1897. отд. 3. С. 18; Розенфельд А. З. О пережитках древних верований у припамирских народов //СЭ. 1959. № 4. С. 60.

57. **Сухарева О. А.** Указ. соч. С. 33.

58. Там же. С. 31.

59. **Дирр А. М.** Божества охоты и охотничий язык у кавказцев. СМОМПК. Вып. 44. отд. 4. С. 1—16.

60. Черинцы хозяином морей и рек называют Ильяс-пейгъамбара, а Сыртычцы — Юнус-пейгъамбара.

61. **Фрэзер Дж.** Золотая ветвь. В. 1. М., 1928. С. 162— 166.

62. Каганкатваци. М. История Агван. СПб., 1861. С. 201.

63. «Аман пир» (сел. Дюбек) — «Святой» родник, над которым растет «святое» дерево. Это место связывают с именем святого, голову которому отрубили неверные, догнав его недалеко от этого места. Отрубленная голова скатилась к этому месту со склона небольшого холмика. Там, где голова остановилась, его похоронили. Позже, якобы, здесь выросло дерево и забил родник.

64. **Марковин В. И.** В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965. С. 103—104.

65. **Пастухов А. В.** Поездка по высочайшим селениям Кавказа и восхождение на вершину горы Шах-Даг. Тифлис, 1894. КОИРГО.

66. **Гаджиева С. Ш.** Указ. соч. С. 322; Гаджиев Г. А. Указ. соч. С. 8.; Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 124.

67. Об этом см.: Гл.: Семейный быт табасаранцев. Там же и способы предохранения от враждебных сил и серия обрядов, имеющих целью их «лечения».

СПИСОК ИНФОРМАТОРОВ

Абдулазизов Абдулфатах, 1908 г. р., с. Каш-Кент

Абдурагимов Седриддин, 1910 г. р., с. Аркит.

Абдуллаев Мирза, 1926 г. р., с. Атрик

Агабаев Зулкъайда, 1900 г. р., с. Куштиль

Агабаев Абдурахман, 1925 г. р., с. Ляхля

Агасиев Шамсутдин, 1902, г. р., с. Аркит

Агашева Селимат, 1910 г. р., с. Аркит

Алимурадов Аскер, 1913 г. р., с. Варс. Вартатиль

Аликулиева Тамун, 1930 г. р., с. Хоредж

Алимурадов Булкадар, 1917 г. р., с. Дюбек

Алескеров Нурадин, 1900 г. р., с. Межгюль

Алигаева Айханум, 1923 г. р., с. Хурик

Алибеков Алибег, 1908 г. р., с. Аркит

Алиева Сефияханум, 1909 г. р., пос. Геджух

Алиев Шихсабек, 1905 г. р., с. Сертиль

Алиев Алимурад, 1905 г. р., с. Ханаг

Аскеров Абдулбари, 1927 г. р., с. Хоредж

Асланов Минатулла, 1890 г. р., с. Аркит

Асланова Айнаханум, 1908 г. р., с. Джули

Акадырова Фатимат, 1912 г. р., с. Хоредж

Арасханов Карахан, 1914 г. р., с. Кондик

Ахмедов Абдуллах, 1904 г. р., с. Атрик

Ахмедов Сейфулла, 1906 г. р., с. Арак

Ахмедханов Магомед, 1906 г. р., с. Дюбек

Ахмедханов Нажмутдин, 1908 г. р., с. Дюбек

Ахмедова Лейли, 1907 г. р., с. Атрик

Ашурбегов Тагир, 1910 г. р., с. Зильдик

Багдаев Балакерим, 1902 г. р., с. Межгюль

Байрамов Багаутдин, 1932 г. р., с. Сертиль

Беглерова Муслимат, 1908 г. р., п. Геджух

Габибов Гарун, 1910 г. р., с. Лака

instituteofhistory.ru

Габибов Къади, 1930 г. р., с. Кушгиль
Гаджиев Касум, 1928 г. р., с. Хурик
Гаджиев Абдулмеджид, 1924 г. р., с. Хурик
Гаджиибрагимов Мурад, 1925 г. р., с. Вертиль
Гьаджибеков Исмаил, 1909 г. р., п. Геджух
Гьаджимурадова Тойханум, 1907 г. р., с. Аркит
Гаджиева Гюльселем, 1911 г. р., с. Ханаг
Гаджиризаев Меджид, 1916 г. р., с. Зильдик
Гасанбеков Риза, 1885 г. р., с. Кондик
Ибрагимов Феразулла, 1914 г. р., с. Арак
Исаев Гасан, 1903 г. р., с. Кондик
Исмаилов Аслан, 1872 г. р., с. Атрик
Исмаилова Сарай, 1882 г. р., с. Атрик
Исмаилов Джамисаб, 1922 г. р., с. Ляхля
Исмаилова Каяханум, 1910 г. р., с. Ханаг
Казиев Рамазан, 1922 г. р., с. Юхари-Ярак
Караханов Махмуд, 1918 г. р., с. Юхари-Ярак
Курбанов Шихкерим, 1910 г. р., с. Хоредж
Курбанов Али, 1911 г. р., с. Лака
Магарамова Зильфи, 1919 г. р., с. Варта
Мамедова Шимшит, 1904 г. р., с. Цудук
Магомедалиева Перизат, 1922 г. р., с. Вертиль
Магомедалиев Магомед, 1916 г. р., с. Вертиль
Магомедов Мирза, 1920 г. р., с. Хурик
Магомедова Сафият, 1920 г. р., с. Ашага-Ярык
Магомедова Иминат, 1906 г. р., г. Огни
Магомедова Хатун, 1866 г. р., с. Кужник
Магомедова Серминаз, 1911 г. р., с. Кужник
Магомедов Магомед, 1904 г. р., с. Джули
Магомедбеков Шандбек, 1904 г. р., с. Межгюль
Магомедханова Халумага, 1906 г. р., с. Кондик
Махмудов Юсуф, 1913 г. р., с. Джули
Махмудова Гюллю, 1900 г. р., с. Гельхен
Мукаилов Айдемир, 1921 г. р., с. Чере
Мирзаев Гамид, 1936 г. р., с. Хустиль
Мирзабегов Курбан, 1913 г. р., с. Джульжаг
Мирзаев Мирза, 1921 г. р., с. Джули
Мустафаева Джамиля, 1900 г. р., с. Межгюль
Мурадханова Баджигиз, 1902 г. р., с. Чувек
Мурадханов Курбан, 1900 г. р., с. Чере
Махмудов Магомед, 1904 г. р., с. Атрик
Насиров Джамал, 1909 г. р., с. Дарваг
Наврузов Сандали, 1907 г. р., с. Лака
Наврузбекова Бичах, 1883 г. р., с. Хив
Нурмагомедова Секина, 1913 г. р., с. Кушгиль
Нурметова Шемия, 1912 г. р., с. Хив
Нурметов Шихахмед, 1910 г. р., с. Хив
Омаров Исак, 1888 г. р., с. Джули
Рашидова Муминат, 1902 г. р., с. Кужник
Рамазанов Касум, 1927 г. р., с. Курсатиль
Рамазанов Курбан, 1905 г. р., с. Ляхля
Рамазанова Шикер, 1892 г. р., с. Сертиль

Рамазанов Курбан, 1897 г. р., с. Куштиль
Рамазанов Агабала, 1907 г. р., с. Лака
Раджабов Несюр, 1898 г. р., с. Аркит
Рамазанов Мугитдин, 1916 г. р., с. Дюбек
Раджабов Демирбек, 1893 г. р., с. Сертиль
Рагимова с. Хучни
Рагимханов Казиахмед, 1901 г. р., с. Межгюль
Рустамов Ахмед, 1908 г. р., с. Сыртич
Саидова Назлуханум, 1910 г. р., с. Тинит
Салихов Мустафа, 1882 г. р., с. Чувек
Умалатова Марият, 1919 г. р., с. Ханаг
Уруджев Кельбигусей, 1901 г. р., с. Тинит
Фарзалиев Гаджиали, 1914 г. р., с. Хоредж
Ханмагомедова Бажихалум, 1883 г. р., с. Зильдик
Ходжаев Джабраил 1908 г. р., с. Гемейди
Хизриева Зумрият, 1912 г. р., г. Огни
Шабанов Али, 1905 г. р., с. Кондик
Шахсенова Кисрен, 1882 г. р., с. Ляхля
Шахмурадов Гьажиибрагим, 1908 г. р., с. Лака
Шихкеримов Шихали, 1811 г. р., с. Ляхля
Шихлеров Шихмагомед, 1896 г. р., с. Тинит
Эльдерханов Велихан, 1909 г. р., с. Хоредж
Юсуфов Даниял, 1917 г. р., с. Ляхля
Юсуфова Суна, 1902 г. р., с. Ляхля
Юсуфов Гисамутдин, 1910 г. р., с. Гурик
Ягибеков Хаирбек, 1891 г. р., с. Чере

Электронная библиотека Института истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского НЦ РАН

instituteofhistory.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 3
Введение 8
ГЛАВА I. Краткий очерк истории и социальных отношений табасаранцев в XIX—начале XX века 15
ГЛАВА II. Хозяйство 37
Земледелие 39
Садоводство и виноградарство 45
Огородничество 47
Скотоводство 48
Домашние промыслы и отходничество 56
Транспорт и торговля 63
Народный календарь и аграрные культы 67
ГЛАВА III. Материальная культура 80
Поселения 80
Жилище 87
Народная одежда 99
Пища 110
Обрядовая и ритуальная пища 121
ГЛАВА IV. Семья и семейный быт табасаранцев в XIX —начале XX века 123
Большая (неразделенная) и малая семья 123
Брак и свадебные обряды 139
Обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка 155
Похоронно-поминальные обычаи и обряды 167
ГЛАВА V. Общественный быт табасаранцев в XIX —начале XX века 179
Обычай взаимопомощи 185
Гостеприимство и куначество 187
Кровная месть 191
Общественные праздники и развлечения табасаранцев 196
ГЛАВА VI. Духовная культура 204
Культура и народное образование 204
Фольклор 207
Народная медицина и лечебная магия 215
Религиозные верования 224
Вместо заключения 234
Примечания 237

Барият Магомедовна Алимова

ТАБАСАРАНЦЫ
XIX—НАЧАЛО XX В.

Редактор **С. М. Темирханова**
Художник **М. В. Левченко**
Худож. редактор **Э. В. Лубьянов**
Технич. редактор **В. П. Гаджиева**
Корректоры **М. В. Жукова, И. Бакина**

ИБ 2608

Сдано в набор 14.02.92. Подписано в печать 01.09.92. Формат 60x90$^{1}/_{16}$. Бумага форз. № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 16,5 + вкл. 3,75. Уч.-изд. л. 22,96. Тираж 2500. Заказ 482. Цена договорная.

Дагестанское книжное издательство
Государственного комитета
Республики Дагестан по делам
дательств, полиграфии и книжной
торговли
7025, Махачкала, ул. Пушкина, 6.

Типография им. С. М. Кирова
Государственного комитета
Республики Дагестан по делам
издательств, полиграфии и книжной
торговли
367025, Махачкала, ул. Маркова, 51.

instituteofhistory.ru